

K562

ЧИТ.ЗАЛ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Ю. Ю. МОРГУНОВ

ДРЕВО-ЗЕМЛЯНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ ЮЖНОЙ РУСИ X-XIII ВЕКОВ

В библиотеку ИА РАН от автора

МОСКВА НАУКА 2009

УДК 902/904
ББК 63.4(2)
М79

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 08-01-16010д*

Ответственный редактор Н.В. ЛОПАТИН

Рецензенты:

кандидат исторических наук В.Ю. КОВАЛЬ,
доктор исторических наук Вл.В. СЕДОВ

На первой странице переплета:

прорись миниатюры Лицевого летописного свода (XVI в.),
изображающей строительство крепостных стен Твери в 1387 г.

На четвертой странице переплета:

“стена Адриана” – укрепление, построенное Римской империей во II в.
и отгородившее Северную Англию от римских владений.

Моргунов Ю.Ю.

Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков / Ю.Ю. Моргунов ; [отв. ред. Н.В. Лопатин] ; Ин-т археологии РАН. – М. : Наука, 2009. – 303 с. – ISBN 978-5-02-036751-7 (в пер.).

В основе монографии лежит изучение археологических остатков защитных сооружений лесостепного древнерусского Юга. Их анализ показал, что в подавляющем большинстве земляные валы являются руинами периодически обновлявшихся крепостных стен. В работе также рассмотрены конструкции въездных сооружений, разнотипных башен, приспособлений для крепостного водоснабжения. Изучение планировочной структуры древних крепостей позволило обнаружить обширный фортификационный пласт, оставленный выходцами из степей, переселенными в приграничье в целях защиты русских пределов от набегов кочевников.

Для археологов, историков, музейных работников и краеведов.

Темплан 2009-1-231

ISBN 978-5-02-036751-7

© Институт археологии РАН, 2009

© Моргунов Ю.Ю., 2009

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство "Наука", 2009

Введение

Руины древних укреплений привлекают внимание ученых почти два столетия. Это не случайно: пассивные участники оборонительной тактики – защитные преграды – служили для того, чтобы сохранить ее активную составляющую – людские ресурсы. Укрепления возводились в соответствии с использованием традиционных строительных навыков; в дальнейшем с возникшей необходимостью они могли быть усовершенствованы. Для нас очевидно, что памятники оборонительного строительства отражают уровень развития государства, его территориальную структуру и специфику внешнего окружения.

Историческая наука накопила много фактического материала о конструкции древо-земляных укреплений X–XIII вв., почерпнутого из летописных источников и полученного археологическим путем. Но и спустя полвека верны слова известного исследователя о том, что историю русской фортификации еще только предстоит создать: в идеальном воплощении она должна реконструировать развитие типов и элементов защитных сооружений, объяснять их назначение, а также причины их появления и исчезновения (*Раннопорт*, 1956. С. 6). Эти актуальные вопросы до сих пор остаются в стадии изучения. Мы не всегда можем качественно оценивать разнотипные защитные устройства, поскольку убедительные представления об их первоначальном виде пока не сложились. Из-за этого, привычно оставляя за скобками функциональную идентификацию древних руин, исследователи порой оперируют такими обезличенными понятиями, как "высокий вал" или "глубокий ров". Такой уровень компетентности не намного глубже опыта половецкого воинства, в 1149 г. принявшего укрытое за высокой оградой монастырское село за желанный своим богатством город (*Древнерусские патерики*, 1999. С. 11, 12).

Среди факторов, объективно тормозящих развитие науки, наиболее общими остаются недостаточная и неравномерная изученность археологических памятников и ускоряющийся процесс их разграбления и уничтожения. Поэтому отсутствие современных обобщающих работ по истории и периодизации оборонительного строительства естественно. Тем не менее в литературе периодически появляются любопытные наблюдения, которые со временем могут выстроиться в достаточно выраженные звенья новых теоретических представлений. Это означает, что полностью интерес к данной тематике не пропал. И важно не растерять крупницы накопленных предшественниками наработок, разбросанных в десятках порой недоступных изданий, сконцентрировать их и сделать надлежащие выводы. Думается, что сумма этих знаний со временем

ляжет в основу прочной базы для написания истории русской фортификации, поэтому сложность этой тематики не должна пугать будущего исследователя.

Данное исследование первоначально задумывалось как обобщение сведений об устройстве оборонительных сооружений. Но по мере сбора и обработки материалов обнаружились необъяснимые пробелы и разночтения в их интерпретациях, тормозящие изучение этой проблематики, что и заставило развернуть исследование в направлении ключевых вопросов "крепостной" тематики.

При этом не потеряло актуальности определение древнего облика защитных преград: в литературе земляные валы до сих пор считаются важнейшим и намеренно возводившимся типом крепостной защиты. А это противоречит синхронному европейскому опыту и показаниям летописных источников, современники которых считали бревенчатые стены единственной защитой от нападений. Значительная доля работы отведена изучению бревенчатых внутривальных конструкций: их лучше сохранившиеся остатки также показывают, что валы всего лишь руины крепостных стен. Рассмотрены въездные сооружения, разнотипные башни, приспособления для крепостного водоснабжения, а также пути появления на Руси укреплений, нехарактерных для ее градостроительства.

Таким образом, целью работы является стремление получить в недрах конструктивных и планировочных особенностей несколько более понятное представление о сложении общерусской фортификационной модели, основанной на местной технологической основе и практическом усвоении лучших образцов привнесенного строительного опыта. Сложностью этой задачи объясняется разноплановость структуры и тематических горизонтов работы – похоже, это единственно возможный композиционный ключ, применимый для избранной проблематики.

Методика исследования традиционна: это максимально полное привлечение археологических сведений о лучше сохранившихся и подробно изученных остатках защитных устройств. Каждый тематический пласт сопровождается литературными и авторскими истолкованиями назначения объекта и его развития в заданном хронологическом диапазоне (в данном случае такое отступление от историографических канонов себя оправдывает). А затем итоги изысканий по каждой подтеме сопоставляются с предельно полными сведениями наиболее ранних и лучше изученных летописных источников.

Специфика подобных исследований состоит в том, что систематизированное изложение постепенно накапливающихся знаний неизбежно заставляет по-новому взглянуть на старые интерпретации, а на основе этого симбиоза возникают более ясные толкования ранее не вполне понятных фактов. Эти выводы не окончательны: они обнажают новые проблемы и задачи, требующие собственных трактовок. Этот процесс имеет циклический характер, поэтому предлагаемое исследование лишь очередная ступень в осмыслении путей развития оборонительного строительства.

Территориально в работе рассмотрены археологические памятники, расположенные в лесостепной полосе между верховьями Сана и Днестра на

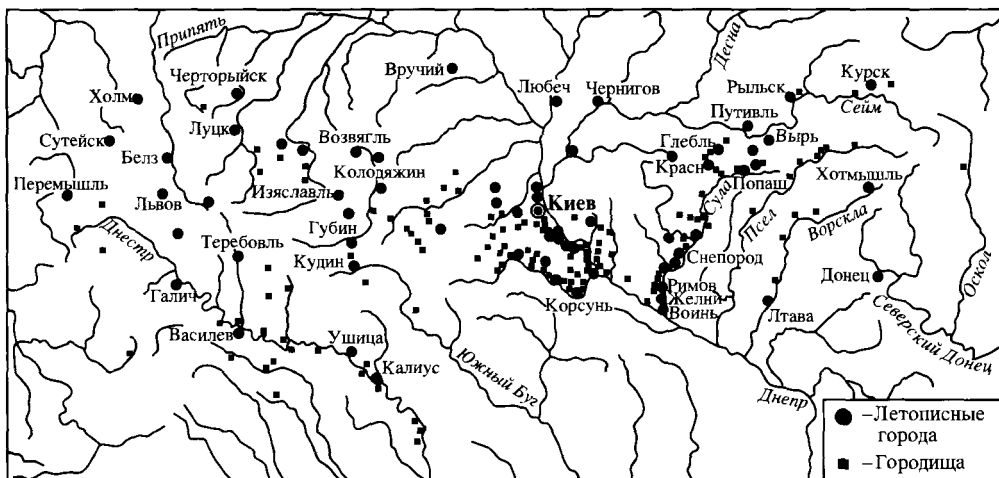

Рис. 1. Упомянутые в тексте южнорусские укрепления

западе и Осколом на востоке (рис. 1). За нижнюю границу исследуемого региона приняты степные рубежи Руси, а его северная кромка ограничена условной линией, следующей от Черторыйска через Овруч и Любеч на Курск (в отдельных случаях привлекались и лучше сохранившиеся материалы более удаленных укреплений). Всего к анализу было привлечено более двухсот городищ древнерусского Юга, независимо от его деления на земли-княжения (рис. 2). Такой подход позволяет подчеркнуть значимую роль региона в формировании общерусской фортификации: этот материал позволяет сравнить оборонительное строительство X–XIII вв. с защитными формами славянских укреплений предгосударственного периода. В этом же насыщенном и хорошо изученном районе формировались и совершенствовались устойчивые внешние рубежи, апробировались и приспособлялись к местным условиям иноземные достижения военного градостроительства. А в киевском территориальном ядре, где новейшие защитные технологии осваивались при непосредственном участии византийских мастеров, со временем кристаллизовались реальные черты общерусского военно-инженерного искусства.

Хронологический диапазон исследования ограничен концом X – серединой XIII в. Первая половина этого интервала с ее резкими изменениями в типах и конструкциях укреплений позволяет наметить пути сложения крепостного комплекса, а вторая отличается появлением оригинальных локальных типов крепостей, характерных только для Южной Руси. Материалы более ранних, "племенных", городищ использованы менее подробно: они привлекались для распознавания архаичных пластов в генезисе защитных элементов.

Пользуясь случаем, хочется искренне поблагодарить коллег, взявших на себя труд ознакомиться с моей работой на разных стадиях ее готовности: им я обязан множеством ценных замечаний и рядом мудрых советов. И в наиболь-

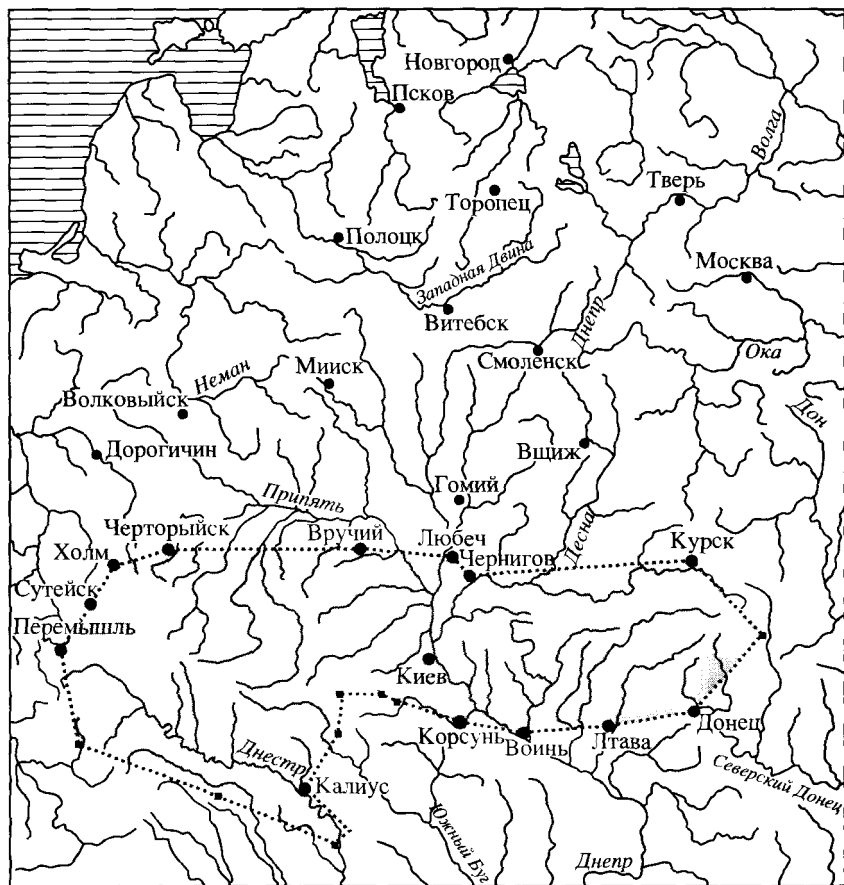

Рис. 2. Пределы исследуемой территории Древней Руси

шей степени моя признательность связывается с именами сотрудников Института археологии РАН – Л.В. Алексеева, Л.А. Беляева, В.А. Бурова, В.Ю. Ковалева, И.Л. Кызласова, А.Е. Леонтьева, М.Д. Полубояриновой, Вл.В. Седова и А.В. Чернецова. Работу также заметно обогатили тонкие наблюдения и уточнения А.Н. Кирпичникова, одного из крупнейших знатоков русских крепостных древностей. Мною с благодарностью были восприняты и вдумчивые рекомендации члена-корреспондента НАН Украины А.П. Моци, наделенного глубоким знанием использованного в работе южнорусского материала.

История изучения древних укреплений и оценка источников

Изучению древних укрепленных поселений посвящена обширная литература. Ее основным направлениям посвящены аналитические обзоры, раскрывшие важнейшие этапы археологического изучения древнерусских городов (*Раннопорт*, 1956. С. 9–19; *Воронин*, *Раннопорт*, 1963; *Куза*, 1978. С. 10–19; 1985. С. 7–28). На практике с появлением новых фактов возникает необходимость их сравнения с мнением и выводами предшественников. Поэтому представляется полезным освежить память важнейшими историографическими вехами, более плотно увязанными с изучаемой тематикой.

Многие десятилетия лучшим источником сведений о бревенчатых укреплениях являлось исследование военного инженера-фортификатора Ф. Ласковского (1858). Этот, пожалуй, первый серьезный опыт реконструкции оборонительных сооружений по письменным источникам и сохранившимся преградам XVI–XVIII вв. до сих пор не утратил своей ценности. Не менее часто нам приходится обращаться и к монографии М. Красовского (1916), изучившего эту проблематику с точки зрения архитектора и этнографа. Раннюю исследовательскую ветвь изучения относительно позднего крепостного строительства увенчала обширная статья М.А. Фриде (1924), содержащая глубокий анализ конструктивных особенностей оборонительных сооружений. Эта работа, основанная на показаниях письменных источников, сыграла большую роль: даже современные исследователи порой забывают, что речь в ней шла об укреплениях эпохи огнестрельного оружия, и пытаются примерять поздние фортификационные реалии к домонгольским древностям.

Начало археологического изучения древних укреплений положил Д.Я. Сомов (1873). Он показал, что городища являются руинами древних "городов" (1873). И к середине XX столетия сложился обширный фонд разнородных сведений о конструкции и планировке домонгольских укреплений. Особое внимание ученых привлекали внутривальные бревенчатые устройства, назначение которых долго оставалось не вполне понятным.

Первые итоги изучения археологических остатков защитных сооружений были подведены А.Л. Монгайтом, считавшим, что внутривальные конструкции служили каркасами для укрепления насыпей и являлись основаниями наземных стен (*Монгайт*, 1947. С. 33–37). Несмотря на небольшой объем, эта работа выгодно отличается от исследований В.Й. Довженка (1947) и Н.Н. Воронина (1951), сохранивших существенное влияние работы М.А. Фриде. На дальнейшее развитие этого направления существенно повлияла публикация В.К. Гонча-

рова материалов Райковецкого городища, исследованного Ф.Н. Молчановским в предвоенные годы (*Гончаров*, 1950). Раскопки этого памятника дали настолько исключительный по объему и содержанию материал, что к нему и сейчас обращаются множество специалистов.

В этот период Б.А. Рыбаковым закладывалась основа нового направления – изучение порубежных городов-крепостей и защитных линий, без которого наши представления о южнорусском пограничье остались бы неполными. Он направил "городищенскую" археологию в русло комплексного исследования древней фортификации (*Рыбаков*, 1951; 1953; 1960; 1964; 1965; 1966; 1985). Ученый ввел в научный оборот сведения об остатках крепостных стен, разнородных башен и воротных устройств. При этом некоторые объекты оказались столь уникальными, что и поныне не находят точных аналогий среди материалов иных раскопок. С большим сожалением приходится констатировать, что отчетные материалы раскопок Б.А. Рыбакова неполны, коллекции находок остаются недоступными, а публикации крайне лаконичны. Поэтому некоторые выводы исследователя воспринимаются с известной долей осторожности. В частности это относится к въездному комплексу городища летописного Любеча, в составе которого, видимо, элементы домонгольских древностей смешались с позднесредневековыми.

В 1950-е годы П.А. Раппопортом была разработана методика частичной прорезки земляных валов, позволяющая на стадии разведок дифференцировать культурные напластования по признакам возведения укреплений. Он показал и возможности датировки наслоений по типологическим различиям гончарной керамики, а также раскрыл глубокие планировочные отличия разновременных укреплений (*Pannonopt*, 1951; 1952а; 1952б; 1953; 1954; 1954а; 1955). Итоги его многолетнего изучения укреплений X–XV вв. были опубликованы в трех томах его фундаментальных исследований, два из которых (*Pannonopt*, 1956, 1967) были посвящены южнорусским древностям. В них была показана история изучения крепостного зодчества, раскрыты конструктивные особенности укреплений и заложена прочная основа хронологической периодизации остатков оборонительных преград. И в каждом пункте археологические наблюдения последовательно сверялись исследователем с летописной информацией. В конечном итоге топографическое положение и планировка укреплений стали самостоятельным и надежным источником изучения оборонительного зодчества. Эти обобщающие исследования по праву стали новым этапом осмысления археологических материалов.

Труды П.А. Раппопорта во многом определили увеличение интереса к изучению крепостной тематики. До сих пор актуален проведенный А.А. Ратичем анализ крепостных сооружений юго-запада Руси (*Ратич*, 1964). С.А. Плетневой были намечены перспективы сравнительного изучения общерусской и степной фортификации (*Плетнева*, 1964; *Плетнева, Макарова*, 1965). Городища Прикарпатья плодотворно изучались Б.А. Тимощуком (1955; 1967; 1971; 1975; 1982), и хотя не все интерпретации и выводы ученого были восприняты в литературе однозначно, его подробные описания памятников и исчерпывающе подобранный иллюстративный материал до сих пор служат уникальным источником для изучения укреплений.

В 1960-е годы сформировались научные интересы известного украинского исследователя М.П. Кучеры. Он много внимания уделял анализу внутривальных конструкций (1969; 1972), первым начал планомерные полевые исследования "змиевых" валов, оказавшихся руинами протяженных линий древо-земляных стен (19766; 1987; 1987а; 1988). Вклад ученого в изучение древнерусской фортификации трудно переоценить: он был первым исследователем и публикатором остатков многих десятков укреплений. В 1986 г. он подвел основанные на новейшем материале итоги изучения городищ территории Украины. Его работа оказалась более основательной, нежели опубликованная годом ранее статья А.В. Кузы на аналогичную тему (Куза, 1985а).

В посмертно изданном фундаментальном исследовании М.П. Кучера с приущей ему тщательностью изучил домонгольские защитные конструкции и характер крепостной застройки. Менее удачными представляются его типологические наработки. Вопреки замыслу, они не углубили построений П.А. Раппопорта. Новая схема М.П. Кучеры получилась более дробной, но не столь же убедительной (Кучера, 1999. С. 7–114). Это объясняется тем, что основой монографии стала непоследовательно разграниченная сумма памятников VIII–X и XI–XIII вв., при анализе которых не учитывалось наличие предшествующих культурных напластований. В отдельных случаях за древнерусские принимались укрепления иных исторических эпох, известные по полевым отчетам или публикациям. Во многом эти огрехи объясняются тем, что автор, видимо, не успел закончить редактирование монографии.

В 1972–1973 гг. А.В. Кузой исследовался напольный вал Большого Горнальского городища (1981), что привело к пересмотру устаревших представлений о конструкции северянских крепостных стен. Параллельно началось и разведочное изучение городищ Посулья, сопровождавшееся обильной шурфровкой, частичными разрезами валов и топосъемкой памятников (Моргунов, 1996. С. 28–158). Но такая методика стала исключением. Чаще разведки исчерпывались визуальным осмотром городищ и сборами подъемного материала. Десятилетием позже Ю.Ю. Моргуновым были начаты раскопки остатков летописного города Снепорода, где особое внимание уделялось изучению устройства вала и въезда (Моргунов, 1988а; 1990а, 1996. С. 10–27).

В Карпатских наскальных укреплениях бревенчатые конструкции закрепляли в специально вырубленных в камне пазах, что предоставило Н.Ф. Рожко уникальную возможность реконструировать деревянные элементы оборонительных сооружений (Рожко, 1990; 1993; 1996; 1997). Исследования оборонительных сооружений проводились в Курской области (Енуков, Енукова, 1993; Енуков, 1998; Зорин, 2003). Интересные наблюдения сопутствовали раскопкам валов, рвов и въезда городища Сампсониев Остров на р. Суле (Моргунов, 2003. С. 45–66). Значительным своеобразием отличались и защитные устройства Черновского городища на Буковине (Возний, 1996; 1997). Большой сравнительный материал об укреплениях Волжской Болгарии содержится в работах Г.Н. Белорыбкина (1985), И.Л. Измайлова (1985) и А.М. Губайдуллина (2002; 2006).

Пожалуй, этим исчерпывается перечень работ, в которых изучению оборонительных сооружений отводилось особое место. Следует подчеркнуть, что данное исследование содержит несколько на первый взгляд малосвязанных между собой тематических разделов. У каждой из таких ветвей есть собственный, и порой весьма длинный историографический шлейф, анализ которого более уместен не в этой части монографии, а в русле изучения конкретного вопроса. Это позволит на практических примерах и, следовательно, более полно оценить накопившиеся по каждому вопросу ценные наработки множества не названных здесь исследователей.

Однако нельзя не упомянуть о том, что существенную для данной тематики информацию содержат обобщающие монографии и публикации отдельных памятников. Так, древностям Киева и его ближайших окрестностей посвящено несколько сборников статей, среди которых видное место занимает коллективная монография "Новое в археологии Киева", 1981. Сведения о защитных устройствах содержатся также в работах С.А. Высоцкого (*Высоцкий*, 1979), С.Р. Килиевич (1982), Ю.Н. Малеева (1984; 1987), И.И. Мовчана (1989; 1993), Е.А. Линевой (1984), М.А. Сагайдака (1984) и других авторов. Для изучения памятников Поросья и прилегающего к нему течения Днепра много сделали Н.В. Блажевич (1991), Б.А. Звиздецкий и О.В. Серов (*Звіздецький, Серов*, 1988), Л.И. Иванченко (*Іванченко*, 1988), Р.С. Орлов с коллегами (*Орлов и др.*, 1985) и В.А. Харламов (1991).

В 80–90-е годы XX столетия в литературе проявилось тяготение к обобщениям, сводящим воедино научные достижения предшествующих лет. Не исключено, что это связано с заметным сокращением полевых изысканий. Археологические материалы Поросья обобщались М.П. Кучерой и Л.И. Иванченко (*Кучера, Іванченко*, 1987; 1998), а в монографии О.В. Сухобокова (1992) многие страницы отведены анализу укреплений VIII–XIII вв. В 1981 г. А.В. Куза завершил работу над сводом всех древнерусских городищ (1996). Несмотря на характерный для подобных изданий недостаток иллюстраций, информативность и полнота охвата этой работы для своего времени уникальна. Исключительным явлением стал выход в свет свода прибрежных поселений Каневского водохранилища. В нем собраны материалы 281 археологического объекта (*Петрашешенко, Козюба*, 1999). Авторам удалось систематизировать, иллюстрировать и подробно картографировать разновременные сведения, порой затерянные в архивах и малоизвестных изданиях. Очевидно, это эталонный археологический обзор значительного исторического региона, не имеющий близких аналогий.

Много фактических сведений о городищах содержится в региональных сводах, таких как "Археологічні пам'ятки Прикарпаття і Волині ранньослов'янського і давньоруського періодів", 1982 и "Археология Прикарпаття, Волини и Закарпаття", 1990. Более подробные сведения можно извлечь из книги "Древнерусские поселения Среднего Поднепровья: Археологическая карта", 1984. Значительной вехой в систематизации накопившихся знаний о южно-русских укреплениях стал третий том коллективной монографии "Археология Украинской ССР", 1986. В частности, в ней на современном научном уровне были осмыслены итоги многолетнего изучения известных летописных городов.

Существенную информационную роль сыграло и возобновление ежегодника "Археологічні відкриття в Україні", где появились небольшие обобщающие статьи и публикации архивных материалов. В 1997 г. А.Б. Супруненко начал выпуск "Археологической летописи Левобережной Украины". Кроме обзоров археологических изысканий, в ней встречаются теоретические и концептуальные статьи. По содержанию и качеству это лучшее региональное научное издание.

Основным источником настоящего исследования послужили сведения об остатках оборонительных элементов более чем двухсот укреплений IX–XIII вв., большей частью расположенных на территории современной Украины. Эта выборка сложилась в результате изучения практически всех материалов древнерусских городищ лесостепной зоны. Естественно, что при таком объеме подготовительной работы автор не мог уделить должного внимания архивной полевой документации и в основном ограничился опубликованными сведениями.

По информативности и степени изученности привлеченные материалы делятся на три группы. Так, для анализа внутривальных конструкций пригодны лишь надежно датированные объекты с удовлетворительной сохранностью древесных остатков (первая группа). Они ценны своей немногочисленностью, поэтому рассматриваются наиболее подробно и максимально иллюстрированы. Во вторую группу вошли остатки многослойных укрепленных поселений, отдельные защитные элементы которых датированы древнерусским временем. Авторские датировки материалов третьей группы памятников сложились на основании шурфовки или сборов подъемного материала. Такие городища удобны для оценки применимости отдельных видов преград в конкретном хронологическом интервале.

Все эти памятники картографированы на рисунках 2–5, а общие сведения о них приведены в Приложении 1, снабженном единой с картами нумерацией памятников. За пределами вводных карт и Приложения оставлены показанные в отдельном разделе отрезки "змиевых" валов и городища, лишь иллюстрирующие степень насыщенности и особенности территориального размещения укреплений, непосредственно связанных с данной темой. В работу не включены и поверхностно изученные городища. Думается, что подобное сужение информационной базы методически оправдывается надежностью хорошо исследованных памятников, точнее отражающих применение защитных сооружений в изучаемую эпоху.

В западной части изучаемого региона значительная часть городищ подвергалась стационарным раскопкам, поэтому домонгольские сооружения идентифицируются удовлетворительно (рис. 3). Но на крайнем западе региона возможны датировочные коррективы, связанные с позднесредневековым строительством. Наименее информативны городища верховий Тетерева, часто датированные лишь скудными сборами подъемного материала.

Последнее наблюдение применимо и к междуречью Здвижа – Днепра – Роси (рис. 4). Стационарно здесь изучались городища с насыщенными отложениями, а об иных укреплениях приходится судить по подъемному материалу. С известными памятниками плохо увязано множество случайных находок, сведениями о которых пестрит краеведческая и специальная литература, а результаты многочисленных разведочных изысканий не систематизированы, как это было

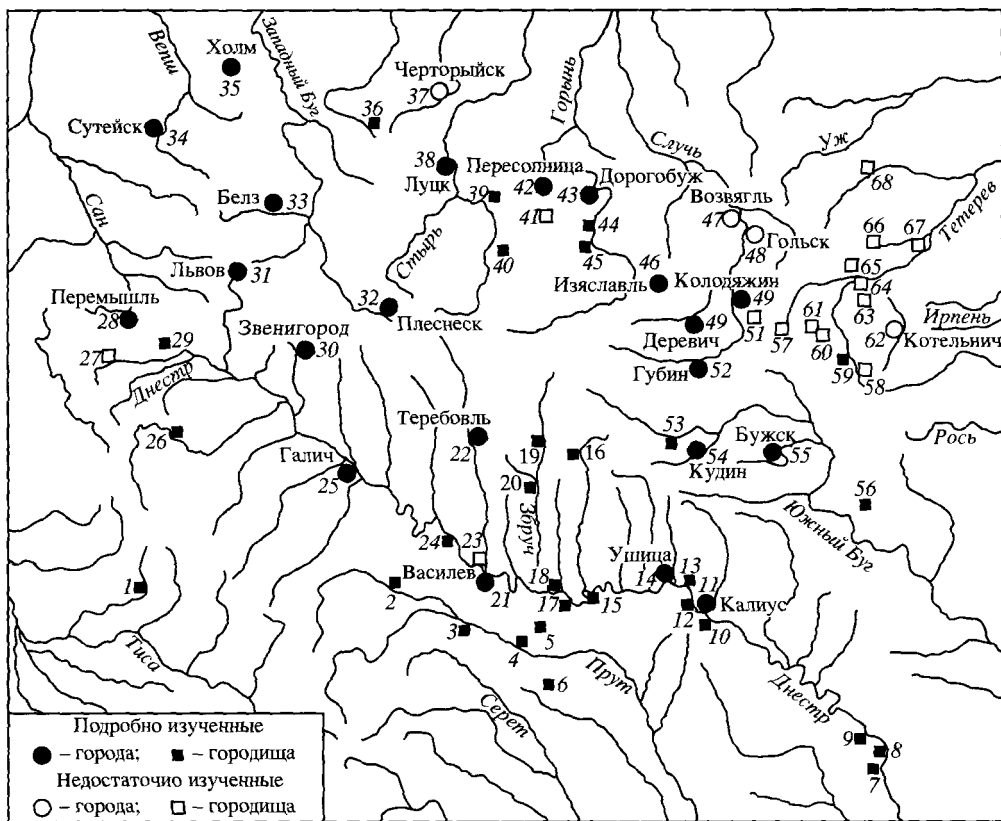

Рис. 3. Памятники западной части южнорусской зоны (лет. – летописный)

1 – Билки; 2 – Олешков; 3 – Ревное 1; 4 – Черновка; 5 – Ленковцы; 6 – Червона Диброва; 7 – Екимауцы; 8 – Алчедар; 9 – Матеуцы-Кордон; 10 – Ломачинцы; 11 – лет. Калиус; 12 – Галица; 13 – Хребтиев; 14 – лет. Ушица; 15 – Малиновцы; 16 – Великий Карабчеев; 17 – Дарабаны-Шовб; 18 – Великая Слободка; 19 – Звенигород на р. Збруч; 20 – Мушкатовка; 21 – лет. Василев; 22 – лет. Тереволь; 23 – Устье на р. Серет; 24 – Городница; 25 – лет. Галич; 26 – Тустань; 27 – Городиско; 28 – лет. Перемышль; 29 – Судова Вишня; 30 – лет. Звенигород; 31 – лет. Львов; 32 – лет. Плеснек; 33 – лет. Белз; 34 – лет. Сутейск; 35 – лет. Холм; 36 – Затурыци; 37 – лет. Черторыйск; 38 – лет. Луцк; 39 – Белев; 40 – Листвин; 41 – Посников; 42 – лет. Пересопница; 43 – лет. Дорогобуж; 44 – Кураж; 45 – Глубочок; 46 – лет. Изяславль; 47 – лет. Возвягль; 48 – лет. Гольск; 49 – лет. Колодзяжин; 50 – лет. Деревич; 51 – Станция Разино; 52 – лет. Губин; 53 – Тележинцы; 54 – лет. Кудин; 55 – лет. Бужск; 56 – Червоне; 57 – Довбыши; 58 – Жежелев; 59 – Райки; 60 – Великие Коровинцы 1; 61 – Великие Коровинцы 2; 62 – лет. Котельнич; 63 – Городище на р. Коленке; 64 – Заречаня; 65 – Житомир (Соколова Гора); 66 – Городище на р. Свинолуже; 67 – Бельковцы; 68 – Корчевка

сделано в Каневском микрорегионе. Поэтому нередко одно городище индексируется по именам соседних сел.

На левобережье Днепра столь же неравномерно исследовано междуречье Днепра и Сулы. Раскопками охвачены единичные городища, а прочие изучены поверхностно, хотя более информативны материалы посульских городищ (рис. 5).

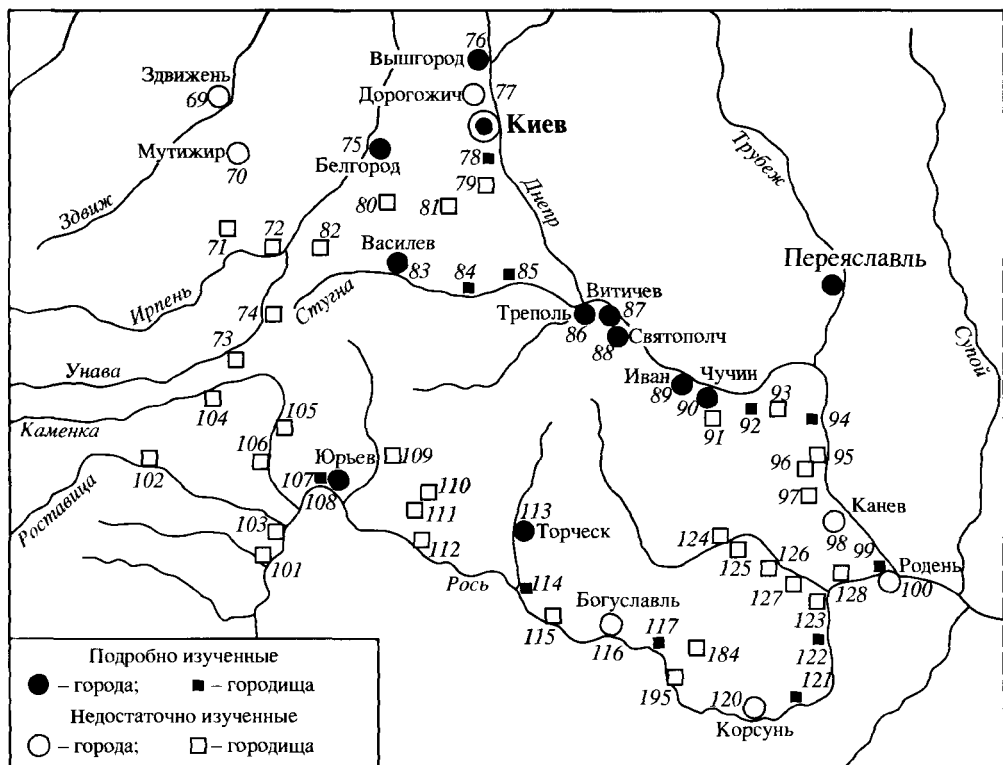

Рис. 4. Памятники движско-поросской части правобережья Дняпра (лет. – летописный)

69 – лет. Здвижень; 70 – лет. Мутижир; 71 – Бышев; 72 – Черногородка; 73 – Великая Снепинка; 74 – Потесевка; 75 – лет. Белгород; 76 – лет. Вышгород; 77 – лет. Дорогожич; 78 – Китаево; 79 – Пирогово; 80 – Будаевка; 81 – Вита Почтовая; 82 – Плесецкое; 83 – лет. Василев; 84 – Зарчье; 85 – Старые Безрадици; 86 – лет. Треполь; 87 – лет. Витичев; 88 – лет. Святополч; 89 – лет. Иван; 90 – лет. Чучин; 91 – Ульяники; 92 – Ходоров; 93 – Малый Букрин; 94 – Григоровка 1; 95 – Бучак 1 (Гора Туз); 96 – Бучак 2 (Городок, Григоровка); 97 – Тростянец (Гришенцы); 98 – Канев 2 (гора Московка); 99 – Пекари 1 (Княжая Гора); 100 – лет. Родень (Пекари 2); 101 – Малая Сквирка; 102 – Буки; 103 – Белоцерковское; 104 – Трилесье; 105 – Мазепинцы; 106 – Великополовецкое; 107 – Белая Церковь 1 (Палиева Гора); 108 – лет. Юрьев (Белая Церковь 2, Замок); 109 – Песчаное; 110 – Чепилиевка 1; 111 – Чепилиевка 2; 112 – Сухолесье; 113 – лет. Торческ; 114 – Бушево; 115 – Саварка; 116 – лет. Богуславль; 117 – Половецкое; 119 – Пешки; 119 – Николаевка; 120 – лет. Корсунь; 121 – Набутов; 122 – Сахновка; 123 – Межирич; 124 – Масловка; 125 – Емчиха; 126 – Пилява; 127 – Полствин; 128 – Кононча

Исключение здесь составляют памятники с полностью уничтоженными остатками укреплений или сильно попорченные селитроварением и поздней застройкой. На восточной границе левобережного региона обширный материал для изучения предоставили раскопки Донца, Хотомышля, Горналя и Холков (рис. 6).

Опорой настоящей работы стали городища поречья Сулы. В процессе их изучения пришлось столкнуться со многими нерешенными вопросами и неоднозначными выводами, в частности с неоправданной идентификацией укреплений

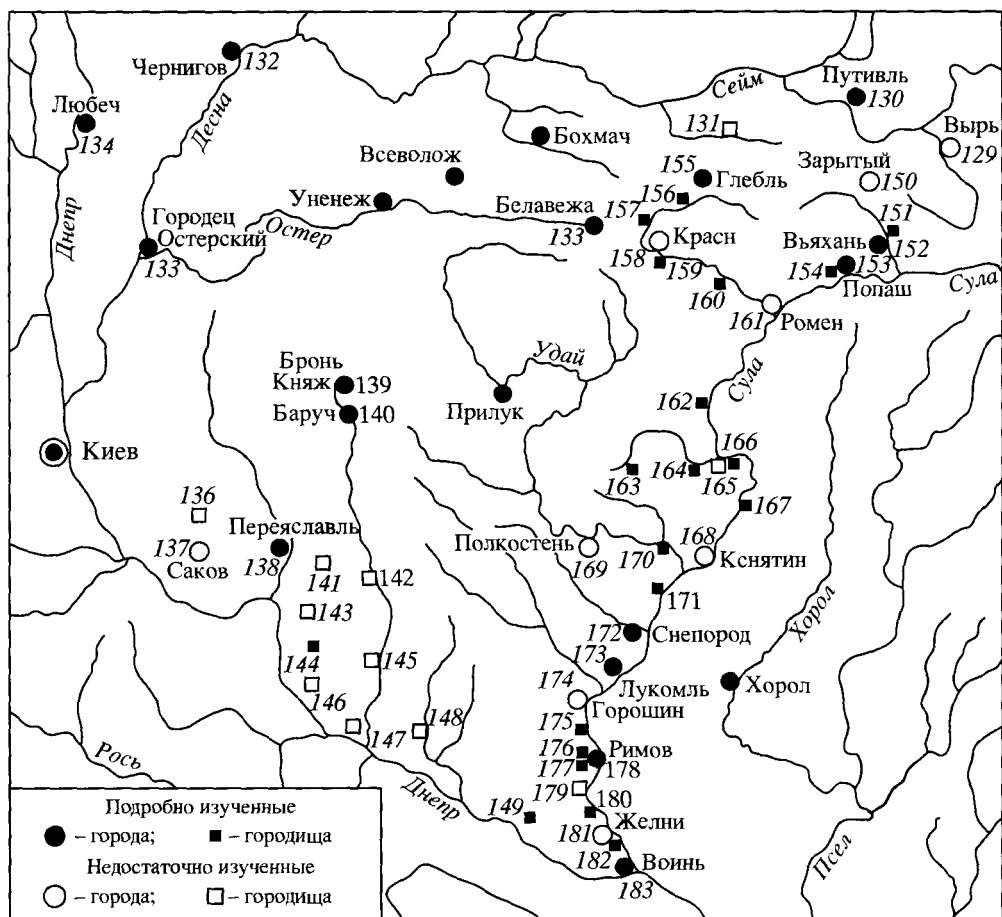

Рис. 5. Памятники междуречья Днепра и Сулы (лет. – летописный)

129 – лет. Вырь; 130 – лет. Путивль; 131 – Кросна; 132 – лет. Чернигов; 133 – лет. Белавежа; 134 – лет. Городец Остерский; 135 – лет. Любеч; 136 – Иванков; 137 – лет. Саков; 138 – лет. Переяславль; 139 – лет. Бронь Княж; 140 – лет. Баруч; 141 – Виненцы; 142 – Ташань; 143 – Цибли; 144 – Городище; 145 – Каленики; 146 – Лепляво; 147 – Бубновская Слободка; 148 – Золотоноша; 149 – Веремеевка (Миклашевский); 150 – лет. Зарытый (Николаевка); 151 – Бабаково; 152 – лет. Вяхань; 153 – лет. Попаш; 154 – Засулье 2 (Мазепина Гора); 155 – лет. Глебль (Шевченково); 156 – Великий Самбор; 157 – Гайворон; 158 – лет. Красн (Красный Колядин); 159 – Грицевка; 160 – Медвежье; 161 – лет. Ромен; 162 – Свиридовка; 163 – Бербеницы; 164 – Безсалы; 165 – Лохвица 2 (Высокие Лазирки); 166 – Гаевщина (Скоробогатки); 167 – Сенча 2 (Сампсониев Остров); 168 – лет. Княтин; 169 – лет. Полкостень; 170 – Хитцы; 171 – Лубны; 172 – лет. Снепород; 173 – лет. Лукомль; 174 – лет. Горошин (Тарасовка); 175 – Чутовка; 176 – Великая Буримка 1 (Мисто); 177 – Великая Буримка 2 (Каминци, Городок); 178 – лет. Римов (Великая Буримка 3); 179 – Ляшовка; 180 – Клещинцы (бывш. Кизивер); 181 – лет. Желни; 182 – Жовнино 3 (Палаянившина); 183 – лет. Воишь

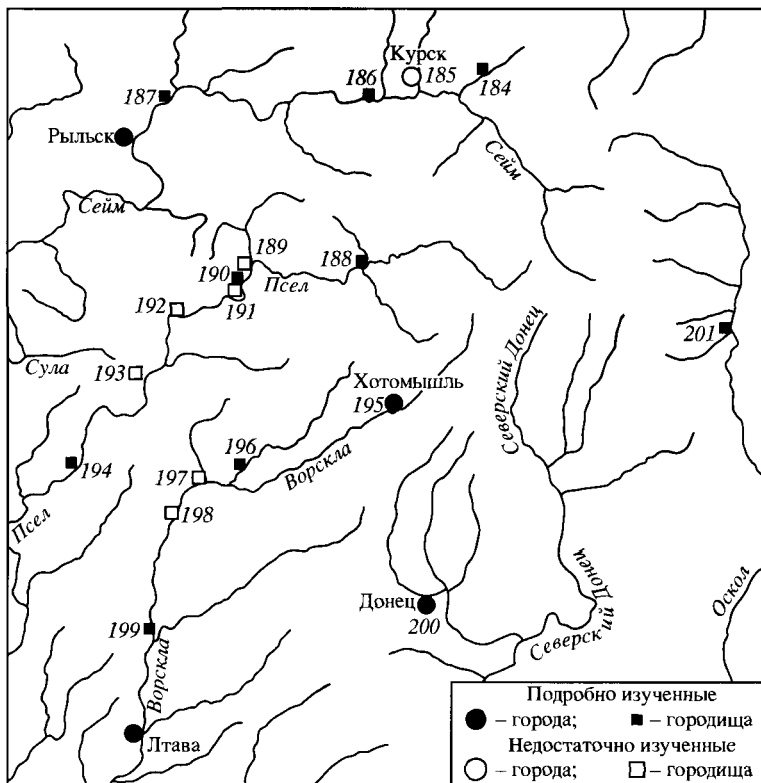

Рис. 6. Памятники восточной части южнорусской зоны (лет. – летописный)

184 – Рать (Беседино); 185 – лет. Курск; 186 – Липино; 187 – Капыстичи; 188 – Гочево 1 (Крутой Курган); 189 – Журиловка; 190 – Горналь (Большое городище); 191 – Горналь (Малое городище); 192 – Зеленый Гай; 193 – Шлилевка; 194 – Каменное; 195 – лет. Хотомышль; 196 – Ницаха; 197 – Заречное 2; 198 – Журавное 2; 199 – Опошня; 200 – лет. Донец; 201 – Холки

мохи огнестрельного оружия с древнерусскими. Отчасти это понятно, так как с описания поздних защитных сооружений и началось изучение крепостного зодчества, хотя при углубленном анализе между ними раскрывается множество коренных различий. При этом меня обеспокоили мнения некоторых коллег о том, что после фундаментальных трудов П.А. Раппопорта проблематика древних защитных сооружений оказалась во многом исчерпанной или заметно устаревшей.

Может быть, именно благодаря таким высказываниям в своих разведочных изысканиях я проверял путь, проторенный этим исследователем. Во время работы, на памятниках снимались инструментальные планы всех укреплений*, каждый объект, невзирая на качество культурных напластований, неоднократно

*К сожалению, издательские требования того времени заставляли переводить результаты инструментальной съемки городищ в берг-штриховые рисунки. Считалось, что подобная форма подачи рельефа местности более доходчива для изучения и более безопасна для сохранения государственных секретов.

шурфовался, производились разрезы внутренних склонов земляных валов, позволяющие точнее датировать возведение защитных преград. Надеюсь, что мне удалось несколько усовершенствовать полевую методику: точно зафиксированные датирующие фрагменты керамики находили свое место на профилях разрезов. Инструментально фиксировались и обильные сборы датирующих категорий подъемного материала: их наложение на планы поселений раскрывало характер и особенности расширения внешних пределов расселения.

В итоге разрезы с лучше сохранившимися древесными остатками показали, что городищенские валы не могли заменить вертикальных крепостных укрытий. Нередко абрисы городищ не соответствовали планировочной структуре древнерусских форпостов. Для выяснения причин таких расхождений посульская источниковая база оказалась недостаточной, и это заставило значительно расширить круг изучаемых памятников. Надеюсь, что объем собранных археологических данных достаточно представительен, чтобы дать более точную оценку южнорусского оборонительного строительства.

Летописные материалы давно служат источником решения множества проблем военной истории, но прежде их привлекали выборочно: считалось, что они информативно неполны, а их терминология неоднозначна и далека от позже устоявшихся образцов. Но, как показал блестящий опыт П.А. Раппопорта, складывающиеся по археологическим данным закономерности обычно соответствуют сведениям, извлеченным из письменных источников (*Раппопорт, 1956. С. 114, 116, 118, 119*).

Положительную роль играет и то обстоятельство, что летописные своды формировались в неодинаковых географических и политических условиях. Поэтому для нас важен их информативный фон, переданный через свидетелей, далеких от владения специальными военными знаниями. Отсюда сравнение летописных упоминаний о защитных преградах разных уголков Руси несет не региональную, а скорее всеобщую окраску. Поэтому я отказался от источниковедческого анализа каждого летописного примера, так как суммирование разных информативных вариантов отражает более полную картину повседневных представлений современников о качествах защитного комплекса.

Наибольшее значение для изучения этой тематики имеют Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская Первая летописи старшего и младшего изводов. Они являются наиболее ранними как по хронологическому охвату событий, так и по времени их создания. И здесь полнота использования летописной терминологии каждый раз сверялась с исчерпывающим справочником А. Поппэ (1962). А сведения менее изученных летописных памятников привлекались и учитывались только в исключительных примерах, имеющих казусный или альтернативный оттенок.

Следует оговориться, что для большинства привлеченных примеров специфика работы разрешает сохранить летописные даты событий, – они не являются ключевыми, но позволяют читателю быстрее отыскать указанную в тексте летописную информацию. Остается добавить, что основные письменные источники использовались в новейшем репринтном воспроизведении классических выпусков 1–3 томов Полного собрания русских летописей.

Типы укреплений и их защитных элементов

Любое исследование содержит ряд сложившихся научных понятий и профессиональных терминов, в данном случае связанных с изучением военной инженерной истории. Поэтому представляется нелишним во вводной части работы разъяснить значение встречающихся ниже понятий и явлений.

Остатки древних укреплений можно разделить на два типа – линейные и крепостные. Их различают по длине и конфигурации валов, которые принято считать основным защитным элементом древних оборонительных сооружений.

Линейные укрепления, служившие для защитного ограждения обширных территориальных образований, в домонгольской Руси строили по ее южным границам. Их археологические следы представлены растянувшимися на сотни километров грядообразными насыпями, поэтому в литературе их нередко именуют и "протяженными" укреплениями. Этим подчеркивается то обстоятельство, что вплоть до начала применения огнестрельного оружия защитные преграды прямолинейной планировки не возводили. Остатки южнорусских протяженных сооружений имеют высоту от 0,2 до 3–4 м и ширину в подошве 4–15 м. Их сопровождал основной ров, расположенный с наружной, "боевой", стороны. Он указывает направление, откуда исходила военная опасность. Порой неглубокие рвы прослеживаются и с тыльной стороны насыпей. Подобные протяженные насыпи со рвами именуются "змиевыми" валами – по аналогии с легендарной плужной бороздой, которой былинный богатырь и запряженный им Змий когда-то якобы огораживали внешние пределы оседлых земель. Отсюда произошло народное название этих валов, прочно закрепившееся в научной литературе. Любопытно, что одно из аналогичных укреплений эпохи Первого Болгарского царства, растянувшееся на 300 км, называется Большая Новакова Борозда (Козлов, 1995. С. 82).

Более известным вариантом протяженных укреплений являлись засеки – сплошные ленты завалов из подрубленных деревьев, затруднявших проникновение в лесные массивы.

Крепостные укрепления. Руины сооружений крепостного (городского) типа, укрепленных поселений, принципиально отличаются неизмеримо меньшей длиной вальных отрезков. Они имеют порой весьма сложную планировочную структуру и ограничивают ярко выраженную замкнутую конфигурацию защищаемой территории (площадки городища), почвенный горизонт которой в

различной степени насыщен следями человеческой жизнедеятельности (культурный слой).

Остатки крепостных сооружений принято именовать городищами. Корни этого термина восходят к летописной лексике: в письменных источниках "город" это существующий укрепленный (огороженный) населенный пункт или крепость, а "городище" – разрушенный (ПСРЛ. Т. 2. С. 839). Поэтому взятый из бытового оборота термин прочно прижился в научной литературе как эквивалент понятий "развалины" или "следы" укрепленных поселений*. Городища отличаются от "открытых", незащищенных поселений (археологических селищ) наличием внешних атрибутов, отчетливо различимых на местности. Это эскарпы, рвы, валы, въездные проемы – следы защитных элементов крепостного комплекса.

Простейший способ укрепления недостаточно крутых береговых склонов принято называть эскарпированием. По сути это имитация естественных обрывов высотой от 3–4 до 10 м, созданных более или менее отвесной подрезкой. Таким образом почти вертикальный искусственный подъем становился труднопреодолимым препятствием для нападающих. У подножия обрыва оставляли полосу горизонтального террасовидного уступа – ступени. Ширина этих полос обычно не превышает 3–4 м, хотя известны и более значительные сооружения. Кроме городищенских мысов, облик почти 100-километрового многоступенчатого эскарпа имеет и отрезок змиева вала на правом берегу нижней Сулы.

Сочетание вала со рвом является основным внешним признаком остатков укрепленных поселений, поэтому земляные рвы принято считать неотъемлемой частью единого и взаимосвязанного комплекса искусственных защитных сооружений древнего города или крепости. Эти грунтовые выемки опоясывали валы с обращенной к противнику внешней стороны. На мысовых укреплениях рвы размещались с напольной стороны укреплений, а на равнинных или останцовых они опоясывали весь защитный периметр (Моргунов, 2002). В техническом смысле создание крепостного рва было неизбежно, поскольку из него получали грунт, необходимый для возведения насыпных (или засыпных) древо-земляных укреплений. В оборонительном плане ров не позволял противнику установить вплотную к городским стенам осадную технику или штурмовые лестницы. Кроме того, внутренний склон достаточно глубокого рва значительно увеличивал собой протяженность внешнего склона вала и, таким образом, существенно дополнял защитное противопехотное значение всего оборонительного комплекса.

Современное состояние рвов во многом зависит от их сохранности, на которую сильно влияет характер хозяйственного использования окружающей местности, ее грунтовые характеристики и особенности протекания локальных эрозийных процессов, порой превращавших рвы в глубокие овраги. Естественное

* В том или ином контексте этой работы к термину "городище" придется обращаться почти на каждой странице. Поэтому ниже за его синонимы будут условно приниматься имеющие более узкое значение термины "оборонительное сооружение или устройство", "укрепление", а также "крепость" и даже "форпост". Это избавит текст от однообразных повторов и, вероятно, не будет большой ошибкой, поскольку вопросы типологии и интерпретации укрепленных поселений я стараюсь не затрагивать.

заплывание рвов окружающим их грунтом не позволяет визуально определить реальные параметры сооружений в древности, но отдельные наблюдения, сделанные на основании массового материала, видимо, отражают определенные закономерности их практического использования. Так, на большинстве городищ поречья Сулы глубина современных рвов мало дифференцирована и обычно колеблется в пределах от 0,5 до 1,5 м при обычной ширине 6–10 м (на памятниках летописных городов глубина рвов редко превышает двухметровую отметку). Схожие показатели типичны для большинства городищ Южной Руси.

Современная форма поперечного сечения этих углублений обычно имеет вид сильно уплощенного перевернутого треугольника или в различной степени прогнутой ко дну линзы. На этом фоне встречаются исключения: на городище летописного города Полкостеня и в Чутовке дневная поверхность рвов имеет трапецевидное поперечное сечение с широким плоским дном. Глубина обеих выемок составляет 2 м при ширине по верхнему обрезу от 15 до 22–26 м, причем более широк ров скромного по размерам Чутовского городища (*Моргунов*, 1996. С. 107, 85).

В литературе порой встречаются суждения о крепостных рвах, непременно заполненных водой (*Боровский, Мовчан*, 1998. С. 85). Массовыми примерами этот факт не подтвержден – вероятно, это не было самоцелью. В процессе раскопок за следы намеренного обводнения исследователи принимают донные отложения, связанные с концентрацией атмосферной влаги на дне рвов, вырытых в более плотной подстилающей породе. Изучение топографической обстановки городищ показывает, что возможность обводнения рвов зависела от высоты размещения укрепления над уровнем пойменных или подпочвенных вод.

Этому в какой-то мере противоречит свидетельство исландской саги о приготовлениях викинга Эймунда к обороне Киева от печенегов (вероятно, имелось в виду их последнее нападение в 1017 г.). Там упоминалось о создании рвов вокруг города и заполнении их водой (*Джаксон*, 1994. С. 111). Несомненно, оборона города нуждалась в глубоких рвах с напольной стороны мыса Старокиевской горы. Поэтому защитные меры Эймунда по углублению рвов реальны, так как к 1017 г. "город Владимира" существовал достаточно долго, во рвах неизбежно скопились грунтовые заплывы и мусор.

В современном виде напольные рвы большинства мысовых городищ размыты по краям. Они расширяются и выклиниваются в береговые склоны. Это не исключает, что в древности края рвов могли замыкать останцовыми перемычками-плотинами, обращавшими выемки в подобие резервуаров, и при наличии плотных подстилающих пород в них могло скапливаться значительное количество атмосферной влаги. Поэтому принципиальные сомнения вызывает вероятность намеренного заполнения киевских рвов водой. Даже при наличии перемычек-запруд киевляне не располагали необходимым количеством колодезной воды для наполнения рвов глубиной до 5–10 м и постоянного пополнения этих гигантских объемов в условиях естественного испарения и просачивания влаги. На невероятность такой ситуации указывают обстоятельства осады печенегами Киева в 968 г., когда "изнемогаху людье гладомъ и водою" (ПСРЛ. Т. 1. С. 65).

Как известно, фактическая основа столь сложных литературных источников, какими являлись саги, часто весьма противоречива. Наряду с действительными фактами, пропущенными через призму устных преданий, эта основа дополнялась множеством традиционных шаблонов и мифологических элементов, поэтому относиться к ней следует осторожно. Для саг особо типичны легендарные штампы, повествующие о "военных хитростях" викингов (Джаксон, 1994. С. 166, 167; *Глазырина и др.*, 2003. С. 518–521). Думается, и в данном случае мы имеем дело с примером художественного приукрашивания реального сюжета. Столь же сказочно выглядит и распоряжение Эймунда о маскировке киевских ровов для устройства своеобразной земляной западни. Маловероятно, что после многочисленных нападений на русские города степняки не знали о существовании близ стен глубоких ровов.

Древо-земляные валы являются важнейшим и хорошо распознаваемым на местности элементом крепостных и протяженных укреплений. От эскарпов и ровов они отличаются конструктивной сложностью и многообразием форм их применения. Ниже они нередко будут сопровождаться эпитетами "городские" и "крепостные", но в данной работе эти понятия лишь подчеркивают их отличие от остатков протяженных преград.

Считается, что средняя высота валов 4–5 м при ширине основания 10–12 м (Кучера, 1986. С. 378). Эти сведения не вполне точно соответствуют действительности (так часто получается при желании усреднить исходные данные), поскольку на самом деле параметры этих сооружений колеблются в более значительных пределах. Реальная картина искажается и существованием относительно небольшого количества особо значительных сооружений. Это 12-метровые киевские валы "города Ярослава", 10-метровые – Галича и Вышгорода, а также насыпи высотой 8–9 м Торопца, Владимира и некоторых других (Куза, 1985а. С. 169; *Свешников*, 1990. С. 98; *Раппопорт*, 1961. С. 112, 122, 131). Кроме того, к некоторым из этих цифр следует относиться с определенной осторожностью: порой они соответствуют высоте насыпей не от уровня площадки, а от дна рва, а прежде под их высотой нередко понимали диагональную протяженность насыпи от подошвы до гребня.

Между тем статистика размеров городищ показывает, что величина почти 60% площадок всех известных памятников не превышает половины гектара (Куза, 1985. С. 40) – это наиболее распространенный вид домонгольских укреплений. Исходя из практики очевидно, что высота их валов значительно меньше вышеуказанных: она колеблется в пределах от 0,5 до 1,5–2,0 м, что соответствует степени административной и оборонительной значимости небольших укрепленных поселений (*Моргунов*, 1986. С. 113; 1990. С. 100–104). Размеры дошедших до нас валов напрямую зависят от длительности и интенсивности эксплуатации защитных устройств. Отсюда понятно, почему особой величиной отличаются валы просуществовавших столетия крупных летописных городов.

Исследователями давно подмечена асимметрия поперечного сечения оборонительных валов. Наружный уходящий в ров боевой откос и сейчас заметно круче внутреннего, тылового. По мнению П.А. Раппопорта, наилучшими за-

щитными качествами обладали остатки крепостей, на которых крутизна наружных склонов валов достигала 40–45° (*Раннопорт*, 1956. С. 107–109). Однако не исключено, что различия в крутизне склонов зависели как от конструктивных особенностей защитных сооружений, так и от плотности использованных грунтов, по-разному подвергавшихся естественному оплыванию.

Нередко на значительных участках валы имели почти неизменное поперечное сечение. Происхождение стандартных насыпей Б.А. Рыбаков объяснял найденными им в Любече остатками деревянных шаблонов-трапеций. Отсюда следовало, что шаблоны устанавливались на трассе проектируемых укреплений через каждые 10 сажень для точной выверки заданного абриса глиняной сердцевины возводимой преграды (*Рыбаков*, 1964. С. 22).

Валы, размещенные на краях рвов или мысовых склонов, таили опасность подвижки и оплывания подстилающих грунтов, а в итоге – и преждевременное разрушение защитного устройства. Во избежание этого укрепления возводили с отступом от склона или рва: образовавшаяся таким образом горизонтальная ступенька в фортификации именуется бермой. Она обнаруживается в процессе раскопок валов и часто прослеживается на дневной поверхности. Ширина бермы зависела от мощности крепостных сооружений. На небольших городищах она не превышает полуметра, но нередко достигала двух-четырех метров. В литературе имеются сведения о визуально различимых двойных бермах Галича, Вышгорода и Переяславля (*Раннопорт*, 1961. С. 132).

Остатки *въездных сооружений* имеют вид разрывов в валах или хорошо выраженных пониженных седловин. В одних случаях к ним поднимаются огибающие склоны пологие пандусы дорог, в других напротив въездов прослеживаются значительные расширения рвов и ведущие через них узкие грунтовые перемычки. Остатками *башнеобразных сооружений* принято считать кургановидные всхолмления, порой встречающиеся на валах или на площадках городищ. А следы известных в лесостепи *колодцев* имеют вид обширных воронок округлой в формы.

Общие представления о плановой структуре и закономерностях размещения укрепленных поселений в литературе сформировались на рубеже XIX–XX вв. За центральной и лучше защищенной частью древних городов закрепились летописные названия "детинец" или "кремль". Значительные центры дополнялись подчиненными укреплениями "посада" или "окольного города", который по площади значительно превосходил детинец. Детинец, посад и сопровождавшие их незащищенные селища представляли собой единый хозяйственно-поселенческий организм, составные части которого различались характером заселения и степенью защищенности.

Согласно первоначальным представлениям о типологии городищ, сначала их делили на болотные и нагорные; затем стали различать мысовые и равнинные сооружения простой или усложненной планировки. На этом фоне наиболее пригодной для изучения закономерностей развития фортификации до сих пор остается типологическая схема, предложенная П.А. Раппопортом. Он делил все сооружения на три важнейших типа: мысовые укрепления, подчиненные релье-

фу местности; крепости правильной геометрической формы, не зависевшие от особенностей окружающей местности; укрепленные поселения сложного мысового типа (*Рапппорт*, 1956. С. 22–66). Ступенчатая гибкость этой типологии определяется существованием внутри каждого из типов более мелких классификационных градаций. В современной археологической литературе известны и примеры настолько подробной типологии городищ, что за мельчайшими различиями их устройства теряется возможность для более или менее широких обобщений.

С глубокой древности население устраивало свою жизнь под защитой благоприятных особенностей окружающей местности, требующих для обеспечения безопасности минимальных затрат. Поэтому, кроме редко встречающихся естественных останцов, для массового создания убежищ наиболее подходили высокие береговые мысы. Они с трех сторон были защищены крутыми склонами к оврагам и поймам рек, а ответственными участками крепостной обороны являлись лишь основания мысов (напольные перешейки). Поэтому неудивительно, что на мысовых городищах наиболее высоки напольные валы, а на оставшейся части периметра насыпи отличаются меньшими размерами или вовсе отсутствуют. Существенным отличием древнерусских мысовых сооружений, будь то небольшое городище или поселенческий комплекс типа "детинец + укрепленный посад", является ограждение каждой части крепости одной линией валов и рвов.

Возведение крепостей мысового типа решало проблему защищенности территорий лишь частично. За пределами фортификационных возможностей оставались равнины со слабо выраженной овражно-балочной сетью, а также обширные низменные области, изобилующие болотами и малыми реками. Кроме того, на большинстве удобных мысов располагались городища предшествующих эпох: сформированные их валами пределы древних укреплений сковывали развитие древнерусских оборонительных возможностей и допускали расширение поселений лишь в заранее заданном направлении. Но с углублением феодализации после раздела южнорусских земель по завещанию Ярослава и в связи с резкой активизацией половецкой экспансии второй половины XI в. закрепление равнинных регионов стало особо актуальным.

Это стало реальностью с внедрением крепостей второго типа, округлых в плане очертаний. Одним из важнейших преимуществ таких укреплений является их слабая связь с рельефом окружающей местности или ее полное отсутствие, благодаря чему крепости можно было размещать в любой требующей защиты точке равнины или пологого косогора. Это было особенно актуально как в период массового освоения дробившейся государственной территории и сложения внутренних и внешних границ, так и для защиты от врагов. Однорядная концентрическая линия укреплений имела минимально возможный периметр, что обеспечивало экономичность строительства и позволяло оптимально распределять силы защитников в процессе осады. Новая плановая структура закрепила преобладание искусственных преград над естественными.

Древнейшие укрепления этого типа встречаются в лесной зоне, они плохо исследованы: их датируют от раннего железного века до эпохи переселения

народов. Позже, после значительного культурно-хронологического перерыва, схожие сооружения распространились в западославянских землях, а в X в. появились и на западных окраинах Руси. Их дальнейшее распространение в литературе связывается с именем Владимира Мономаха. Во второй половине XI в. такие сооружения стали возводить в Среднем Поднепровье, где зоной их наиболее активного строительства являлась принадлежавшая князю Переяславская земля. На прилегающей к Переяславлю низменной равнине круглые и полукруглые городища составляют 76,9% от всех укреплений. А в пограничном Посулье, где они заполняли пустоты в линии мысовых укреплений, их количество приближается к 62,2% (Моргунов, 1986. С. 110, 119).

Не исключено, что полукруглые в плане укрепления представляли собой первый этап намеренного отрыва крепостных сооружений от защитных свойств окружающей местности. В современном состоянии значительная часть их периметра опирается на естественные береговые склоны, где следы искусственных преград визуально не прослеживаются. Возможно, что это результат более или менее древних эрозионных процессов (есть и такие примеры), но массовость полукруглых сооружений скорее указывает на итоги сознательного строительного решения. Так, полукруглое городище летописного Колодяжина в некоторой степени связано со слабо выраженным береговым мысом, но следы вала прослеживаются со всех сторон. Это стремление к устройству круговой обороны указывает на то, что мысовое размещение крепости и опора восточной стороны на прямолинейный склон не имели решающего защитного значения (Юра, 1962. С. 120).

Вариантом подобных сооружений являются так называемые круглые болотные укрепления. Они создавались на поверхности низких надпойменных мысов или останцов и соединялись с коренным берегом узкими и часто весьма протяженными перешейками. В безморозную пору года эти защитные формы были практически недостижимы для нападающих. Размеры таких городищ нередко равновелики рельефным аномалиям, но столь же часты исключения из этого правила: в этом усматривают один из примеров проявления стандартизации укреплений по величине защищаемого стенами жилого пространства (Моргунов, 1990. С. 98, 99). Предположение о существовании древнерусских "градостроительных стандартов" уже высказывалось в литературе (Лебедев, 1995. С. 94, 95).

Примером может служить болотное городище Великий Самбор. Размер его площадки равняется 0,35 га (близкие цифры типичны для множества укрепленных поселений сельского типа). После осушения болота обнаружилось, что в древности уходящий в него мыс был более обширен и позволял построить здесь крупный форпост. Но определяющую роль, видимо, сыграли иные погрешности: ров был вырыт в сухом грунте, а затем "лишнюю" часть мыса горизонтально срезали до уровня окружающих топей.

В ином плане любопытен пример летописного города Выханя. Он размещался близ южной оконечности окруженного болотами обширного надпойменного всхолмления, полностью занятого синхронным открытым поселением.

В камеральных условиях я экспериментально перемещал чертеж городища по генплану всхолмления: удалось добиться такой гипотетической ситуации, чтобы края заболоченной поймы могли защищать около половины периметра крепостных стен. Это представлялось логичным: защитные свойства рва не могли сравниться со столь значительной преградой, как заболоченная низина. Но стены все же воздвигли в 50–60 м от края надпоймы.

Наблюдения показывают, что и во множестве иных примеров древние строители нарочито отодвигали оборонительные сооружения от вроде бы удобных переломов естественного рельефа – краев надпойменных террас или крутых береговых склонов, на первый взгляд, теряя в обороноспособности крепостей. Поэтому в подобных случаях нельзя исключать влияние вновь сложившихся традиций, когда достаточно глубоко укоренившиеся новации начинают диктовать строителям свои устоявшиеся условия, обратившиеся в незыблемые правила.

Сложно-мысовые городища отличаются тем, что внешняя линия валов охватывала значительную территорию, включавшую обширную часть плато и несколько соседних мысов, порой снабженных индивидуальными укреплениями. Большинство таких сооружений отождествляется с крупными летописными центрами, окруженными более мощными стенами и несколькими проездами. Но при всей грандиозности этой защиты каждая часть обведена единственной линией валов и рвов. Это еще раз подчеркивает, что однорядность планировочной структуры является характерной чертой для общерусского оборонительного строительства.

Вместе с тем в Южной Руси в качестве исключения встречаются и городища с многорядными линиями напольных валов, а также окруженные многорядно-концентрическими линиями насыпей. Они нетипичны для общерусской фортификации и будут рассмотрены в специальном разделе.

Из массы городищ в отдельный тип иногда выделяют и остатки защитных сооружений низкой оборонительной значимости. Они имеют либо крайне незначительные, либо весьма обширные размеры, но в любом случае слабо укреплены и не содержат выраженного культурного слоя. Они недостаточно изучены, и порой их отождествляют с временными укреплениями и сельскими убежищами: летописная терминология указывает на существование широкого ассортимента подобных сооружений.

Устройство важнейших защитных атрибутов

В литературе постепенно складываются эмпирические представления об иерархии защитных элементов. За самые простейшие среди них принимают эскарпы как наименее трудоемкие при некотором улучшении защитных свойств естественного рельефа. Рвы в этом ряду представляют собой следующий, более высокий уровень развития защитного строительства – конструктивно несложные искусственные укрепления, не встречавшиеся в естественных условиях. Вершину абстрактного графика оборонительной значимости защитных элементов традиционно занимают валы как остатки наиболее заметных преград, позволяющие идентифицировать древние укрепления. По другую сторону воображаемого графика наблюдается спад, представленный въездными и башнеобразными сооружениями. Конструктивно они нередко более сложны, нежели валы, но их остатки встречаются реже, менее заметны, а также значительно хуже изучены. Следуя этой не вполне убедительной традиции, начнем изучение защитных элементов от простейших к более сложным.

Эскарпы

Эскарпы различной степени сохранности полностью или частично опоясывают склоны городищ ниже уровня площадок и параллельны им. На укреплениях мысового типа они обычно вписываются в края напольных рвов. Кроме уступов с горизонтальной поверхностью, известны и ступени с неглубокими ровиками, выкопанными вдоль их внутренней стороны, прилегающей к вертикали. В других примерах на внешнем краю ступеней хорошо различимы гряды невысоких валоподобных всхолмлений.

В трудах по древнерусской фортификации этому оборонительному элементу не уделялось достаточного внимания; эскарпы плохо изучены и археологическими методами. Общие представления о закономерностях преимущественного использования этого защитного элемента в древнерусскую эпоху (в ее широком понимании) были введены в литературу П.А. Раппопортом. Эскарпы оценивались им как характерный атрибут фортификации VIII–X вв., но в конце X или начале XI в. эта строительная традиция прервалась (*Раппопорт*, 1955. С. 21; *Куча*, 1985а. С. 168; *Кучера*, 1999. С. 57). Архаичность этого способа защиты объяснялась тем, что подрезка склонов редко усложнялась дополнительными защитными надстройками.

Между тем подрезка защищаемых от противника склонов – это фортификационный прием, известный с глубокой древности. Примеры этого многочисленны среди памятников левобережья Днепра. Среди неплохо изученных и содержащих напластования различных эпох городищ Посулья мысовые склоны подрезались на укрепленных поселениях с находками скифского, роменского и древнерусского времени (Свиридовка и Лукомье). На аналогичном городище летописного Попаша (Засулье) обильно представлены скифские и древнерусские материалы, а в Хитцах роменский слой второй половины X – начала XI в. отделен от общерусских слоев XII–XIII вв. обширной хронологической лакуной. По течению р. Псел на гочевском Крутом Кургане, на Малом городище Горналя и в Куриловке эскарпы можно с равным успехом отождествить с фортификацией раннего железного века, роменской культурой летописных северян или древнерусской культурой XII–XIII вв. А на таком же образом защищенных Шпилевке и Журавном 2 на р. Ворскле имеются только напластования XII–XIII вв. и роменской культуры.

Эти наблюдения уточняются материалами Среднего и Верхнего Посеймья, где 21 укрепленное поселение с эскарпами и древнерусским культурным слоем содержали напластования раннего железного века и роменской культуры (Кашкин, 1998; 2000). Из 33-х эскарпированных городищ сопредельной лесной зоны Среднего Подесенья 94 % укреплений содержали напластования днепро-двинской (VII в. до н.э. – III в. н.э.), юхновской (VIII–VII вв. до н.э. – II в. н.э.) и роменской культур (Кашкин, 1993). Но этот защитный элемент ни разу не встречен на укрепленных поселениях с находками исключительно XI–XIII вв.

В целом эскарпы широко применялись в фортификации скифского культурного круга (Моруженко, 1975. С. 135, 141; 1985. С. 161, 171). Их создание практиковалось при устройстве крепостей на лесостепных окраинах Хазарии в VIII–X вв. (Плетнева, 1964. С. 29; Афанасьев, 1987. С. 103–105). Подрезка береговых склонов была обычной и для оборонительного строительства Волжской Болгарии (Губайдуллин, 2002. С. 34 и др.).

В интересующую нас эпоху левобережные эскарпы действительно наиболее характерны для городищ роменской культуры древних северян, где они являлись почти обязательным атрибутом. Нередко это объясняется тесными контактами северян с населением хазарских окраин (Григорьев, 2000. С. 75, 76). Но это обстоятельство, видимо, не было определяющим, поскольку близкая картина прослеживается и на материалах массовых исследований синхронных правобережных городищ. Здесь в VIII–X вв. эскарпирование пологих склонов было характерно для памятников громадной территории, простиравшейся от среднего Днепра до Буковины (Тимошук, 1982. С. 44, 123, 156, 178, 187; Кучера, 1999. С. 49, 54).

На городищах этого времени встречаются следы закрепления грунта вертикальных или несколько наклонных плоскостей эскарпов. На приднестровских городищах (Галич, Ревное, Большой Карабчеев), на раннем укреплении Старокиевской горы это делалось при помощи наклонных частоколов. Такие же

крепи известны и на Днепровском Левобережье: в Курске, Капыстичах, Рати и на Большом Горнальском городище частоколы устраивали из расколотых вдоль бревен, а в Горбове и на Монастырище для такой цели использовались обкладки из горизонтально уложенных бревен. Эти облицовки могли играть роль дополнительного кольца внешних преград (Тимощук, 1982. С. 44; Килиевич, 1982. С. 141; Куза, 1981. С. 37; Енуков, Енукова, 1993. С. 48; Енуков, 1998. С. 86, 89; 2005. С. 70–82; Григорьев, 2000. С. 61, 62, 72; Зорин, 2003. С. 374, 375; Комар, Сухобоков, 2004. С. 161–164).

Со временем остатки бревенчатых сооружений стали обнаруживать внутри небольших валов, размещенных поверх внешних краев ступенек эскарпов. Конструкция последних не всегда отчетлива, но на разных памятниках она неодинакова. На буковинских городищах IX–X вв. (Галич, Ревно) на краю ступенек зафиксированы следы частоколов, на памятниках XI–XIII вв. эти преграды были срубными (Плетнева, Макарова, 1965. С. 56; Блажевич, 1976. С. 18; Иванченко, 1990. С. 136).

Позже эскарпы вновь появляются на подпрямоугольных в плане укреплениях эпохи огнестрельного оружия, которые, кроме напластований XIV–XVII в., содержат и артефакты XII–XIII вв. (Кашкин, 2000. С. 94, № 820: с. Городище в Посеймье). Подобное явление неоднократно наблюдалось А.В. Никитиным на позднесредневековых крепостях (1955. С. 160, 173, 203): очевидно, изменение оборонительной тактики в эту эпоху привело к возрождению традиции создания эскарпов.

Подобные, казалось бы, устоявшиеся суждения об эскарпах в современной археологической литературе порой используются в ином контексте. Так, В.П. Коваленко принял эскарпы за один из типобразующих признаков фортификации летописных городов, хотя их многослойные культурные отложения содержали и материалы раннего железного века. Отсюда последовал вывод о применении таких подрезок в Черниговской земле с VIII по XIII в., и их особой популярности в оборонительном строительстве XI–XIII вв. (Коваленко, 1988. С. 7). И это не лучшим образом сказалось на четкости типологических работ. В свою очередь А.П. Моця в публикации материалов городища VIII–XIII вв. Зеленый Гай счел возможным априорно датировать подрезку пологих склонов открытого поселения древнерусским временем (Моця, Халиков, 1997. С. 113).

Как мы видим, на многослойных памятниках увязка эскарпов с крепостным строительством конкретного исторического периода представляет определенные трудности. При этом произвольное толкование повторного использования остатков защитных преград, в массе создававшихся значительно раньше, может привести к очевидным ошибкам. Впрочем, указанные неточности в определенной мере являются симптоматичными: общепринятая датировка применения эскарпов имеет существенные исключения. Они найдут свое логическое объяснение в главе, посвященной нетипичной для русской фортификации планировочной структуре крепостных элементов.

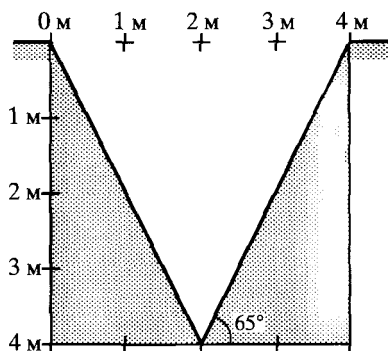
В летописных источниках, повествующих о домонгольских событиях, сведений о рвах немного. Впервые городской ров упоминается в Повести временных лет (977 г.) как "гребля" (гробля): он был обустроен ведущим к воротам мостом (ПСРЛ. Т. 1. С. 74, 75). Таким же образом поименован ров в Новгородской Первой летописи под 1215 г. (С. 54, 253). Наряду с этим в летописях "греблями" назывались и валообразные насыпи – "гребни" (*Раннопорт*, 1956. С. 114, 115; *Поптэ*, 1962. С. 12; *СлРЯ*, 1977. Вып. 4. С. 127). Создается впечатление, что незначительное количество упоминаний рвов в летописных источниках, а также путаница в связанной с ними терминологии могут указывать на их несущественную защитную роль в составе крепостного комплекса домонгольского времени.

Размеры и особенности рвов в древности. По ширине, несмотря на заплывание грунтом, современные рвы близки к размерам древних выемок. Это позволяет визуально определить, что на разных участках параметры рва одного и того же памятника существенно различались по признаку неодинаковой оборонительной нагрузки. На городище Сампсониев Остров обращенные к селищу тыловые отрезки рвов имеют ширину не более 6–7 м. В то же время на стороне, обращенной к защищаемому крепостью броду, они расширены до 10–12 м (*Моргунов*, 2003. С. 19). На городище летописного Вяханя напротив пересекающей селище древней дороги ров также расширен почти в полтора раза.

А вот представления относительно древней глубины рвов в литературе сложились не сразу. В пору увлечения раскопками крупнейших городищ сначала сформировалось мнение об очень большой древней глубине рвов. На киевском детинце, например, местами она исчисляла более чем 10 м (*Стефанович*, 1935. С. 189, 190), в Колодяжине и Суздале достигала 9 м, на детинце Новгорода – 12–14 м, а в Райках, Вышгороде, Деревиче и других городищах – "всего" 5–6 м (*Раннопорт*, 1956. С. 113; 1961. С. 113, 114). Позже оказалось, что глубина выемок на одном и том же памятнике не была одинаковой: на киевском детинце она колебалась между 5,5 и 10,5 м (*Боровський, Мовчан*, 1998. С. 89), а один из рвов, засыпанных в конце X в., по отношению к уровню материка был углублен только до 3 м (*Каргер*, 1940. С. 62–65; *Кулиевич*, 1982. С. 27; *Козюба*, 2004. С. 141). Насколько усреднение этой величины условно, можно судить по изменению мнения одного из крупнейших исследователей южнорусской фортификации: в 1986 г. за среднюю глубину рвов он принял цифры 2–4 м, а позже склонялся к значению 3,0–5,5 м (*Кучера*, 1986. С. 378; 1999. С. 84).

Думается, что эти показатели нельзя усреднять. К примеру, глубина одного из древнейших рвов Чернигова насчитывала 2,5 м (*Черненко, Казаков*, 2004. С. 63). Грунтовая выемка крупнейшей посульской крепости-гавани Воишь не превышала 3 м (*Довженок и др.*, 1966. С. 26), чем она была сопоставима со рвом менее значимой летописной крепости Снепород. На этом фоне большинство известных городищ представлено остатками небольших укреплений со рвами, едва достигающими глубины 1,5 м.

Рис. 7. Схема разреза "рва" на Старокиевской горе

В литературе встречаются и не вполне адекватные сведения о рвах. Вряд ли существенной преградой была раскопанная в Киеве выемка шириной по верху 2,1 м и глубиной всего 1 м (Мовчан и др., 2002. С. 190). В другом примере древнейший ров на Старокиевской горе имел якобы одинаковую глубину и ширину – по 4 м (Кулиевич, 1982. С. 140). Геометрическая схема подобной выемки выражается обращенным книзу треугольником с крутизной склонов, достигающей 65° (рис. 7). Столь крутой наклон стенок рва реален для скальных подстилающих пород, но в условиях суглинков такие стенки быстро осыпаются и выемка мелеет. На практике наиболее устойчивыми к естественному оплыванию считаются суглинистые рвы с наклоном скатов от 30 до 45° . По мере превышения этих показателей (в зависимости от плотности грунтов) склоны нуждаются в искусственном закреплении.

По мере накопления опыта изменялись и представления о *поперечном сечении* рвов. Сначала считалось, что преобладали симметрично-треугольные выемки с округленным дном (Раннопорт, 1956. С. 113; 1961. С. 113; Куза, 1985а. С. 169). Известны попытки их хронологического дифференцирования на остроугольные и округленные, где за рвами со скругленным дном признавалось более раннее бытование и меньшее фортификационное совершенство. Со временем стали известны и памятники с трапециевидным (корытообразным) сечением (Раннопорт, 1967. С. 133). Они имеют более крутые внутренние склоны с более пологими наружными откосами. К настоящему времени признано паритетное сосуществование треугольных и трапециевидных в сечении рвов (Кучера, 1986. С. 378; 1999. С. 84).

Это подтвердили и раскопки построенного около середины XII в. небольшого укрепления Сампсониев Остров. На примыкавшей к реке западной стороне укрепления ров имел трапециевидный профиль, а на северной стороне, прилегавшей к открытому поселению, абрис материка имел форму плавной дуги (рис. 8). В то же время ров, прилегающий к охраняемому крепостью древнему броду, и сейчас имеет подтреугольное поперечное сечение с необычайно крутыми для песчанистого грунта склонами, а его глубина доходит до 3 м (это ушко не исследовался – там и в самое жаркое лето стоит вода).

Порой склоны рвов покрывали *облицовками* из камня или дерева. Эта практика восходит к глубокой древности: еще в X в. арабские инженеры обращали рвы в единое целое с крепостными стенами при помощи облицовки их внутренних склонов камнем (Лев Диакон, 1988. С. 31).

Древнерусские примеры менее масштабны. В Райках вблизи въезда плоскими камнями обложили оба склона napольного рва, а на менее опасных участках каменная вымостка шириной 3,0–3,2 м обрамляла только внутренний склон;

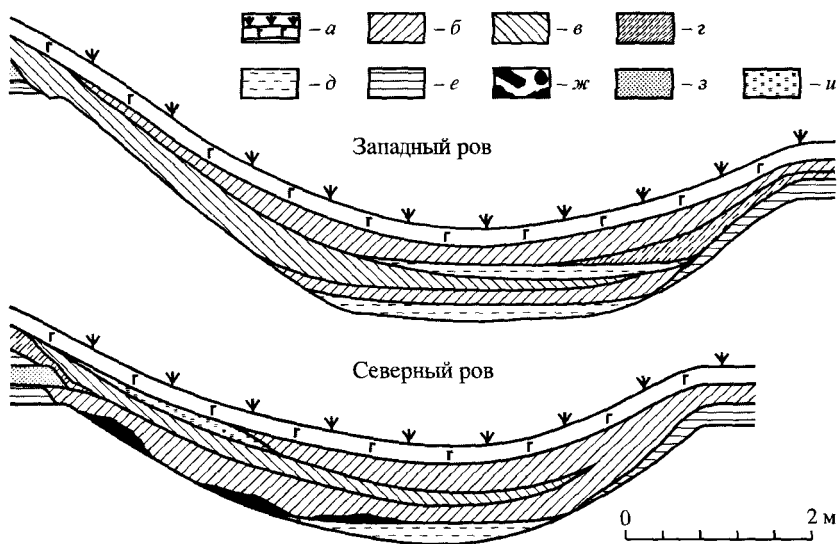

Рис. 8. Разрез ровов на городище Сампсониев Остров

Условные обозначения: а – дерновый слой; б – черноземовидная супесь; в – черноземовидная супесь с примесью суглинка и строительного мусора; г – сулещаное заполнение клетки; д – слоистые осадочные отложения; е – грунтовые забутовки и затеки с преобладанием светлого суглинка; ж – углистые прослойки; з – грунтовые субструкции с преобладанием переотложенного культурного слоя; и – прослойка строительного мусора с включением прокаленного суглинка

схожие обкладки были обнаружены в Галиче (Гончаров, 1950. С. 26). Бревенчатое закрепление внутренней стороны рва зафиксировано на городище Горбово в Подесенье, на Донецком городище и в Титчихе на Дону (Сухобоков, 1975. С. 35; Григорьев, 2000. С. 69). В посольских Клещинцах заключенный между двумя валами внутренний ров имел прямоугольное сечение благодаря обрамлявшим его бревенчатым укреплениям (Кучера, 1999. С. 84). Разреженным частоколом закреплялись внутренние склоны рва в Сутейске (Wartolowska, 1958. Tabl. I).

Усиление защитных свойств ровов нередко осуществлялось при помощи устроенных на дне или на внутренних склонах *частоколов*, наклоненных в сторону "поля" (Раппопорт, 1967. С. 134; Куза, 1985а. С. 169; Аулих, 1990. С. 121; Сухобоков, 1992. С. 159; Шинаков, 1995. С. 161; Возний, 1997. С. 136; Григорьев, 2000. С. 69). Но, пожалуй, наиболее необычным способом обустройства рва является сооружение конца X в., обнаруженное в 1908 г. в одной из траншей на Старокиевской горе. Оно представляет собой основание крепостной стены крюковой конструкции, возведенное поверх ступеньки, вырытой на внутреннем склоне рва (Козюба, 2004. С. 141–143). Рис. 9.

Согласно наблюдениям *за изменениями защитной роли ровов* принято считать, что в VIII–X вв. рвам придавалось большее оборонительное значение, чем валам, а со второй половины X в. началось неуклонное увеличение оборонительной роли валов (Раппопорт, 1955. С. 21; 1956. С. 68).

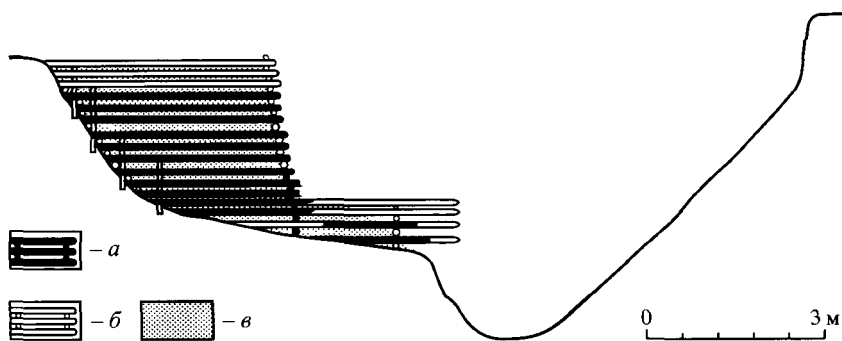

Рис. 9. Разрез отрезка рва со следами древо-земляной стены на Старокиевской горе. Исследования 1908 г. (по В.К. Козюбе)

Условные обозначения: *а* – зафиксированные остатки ярусов; *б* – реконструированные ярусы; *в* – грунтовая засыпка

Ранняя стадия этого процесса отражена античными письменными источниками: позднеримский военный теоретик Вегеций, труды которого были популярны и в XII–XIII вв., мощность укреплений оценивал суммарной вертикальной высотой вала и рва (*Вегеций*, 1940. С. 242). Эта фортификационная традиция, подчеркивавшая оборонительную значимость рвов, оказалась чрезвычайно живучей: полевой лагерь византийской армии VII–XII вв. стал обозначаться термином, произошедшим от латинского слова "ров". Поэтому и сам процесс устройства такого лагеря назывался образным оборотом "выкопать ров" (*Феофилакт Симокатта*, 1957. С. 55, 105; *Феофан*, 1980. С. 52; *Стратегика императора Никифора*, 1908. С. 39). Очевидно, в таком же плане следует понимать и свидетельство Ибн Русте, в начале X в. писавшего о том, что в прежние времена хазары окапывались против воинственных соседей рвами (*Хвольсон*, 1869. С. 27).

Для преодоления такой преграды нападающим порой приходилось прилагать значительные усилия. Современник Цезаря военный инженер Витрувий рекомендовал осаждающим строить "черепahi" особого типа, предназначенные для засыпки крепостных рвов (*Витрувий*, 1936. С. 322–325). К скорейшей засыпке рвов камнями в разное время стремились и печенеги, и крестоносцы (*Насильевский*, 1908. С. 21; *Комнина*, 1965. С. 295).

При наблюдении за изменениями защитной роли рвов большой интерес вызывает разрез отрезка выемки, исследованной в 1909 г. Д.В. Милеевым на Старокиевской горе. Очевидно, этот участок рва был засыпан при сооружении Десятинной церкви; вероятно, он создавался до начала массового оборонительного строительства эпохи Владимира Святославича. Чертеж профиля рва дан по последним публикациям (*Каргер*, 1958. С. 101; *Кулиевич*, 1982. С. 27), к сожалению, не отразившим расшифровку условных обозначений, поэтому о многих строительных деталях приходится судить предположительно. Расчеты параметров сооружения даются в соответствии с масштабом чертежей (рис. 10).

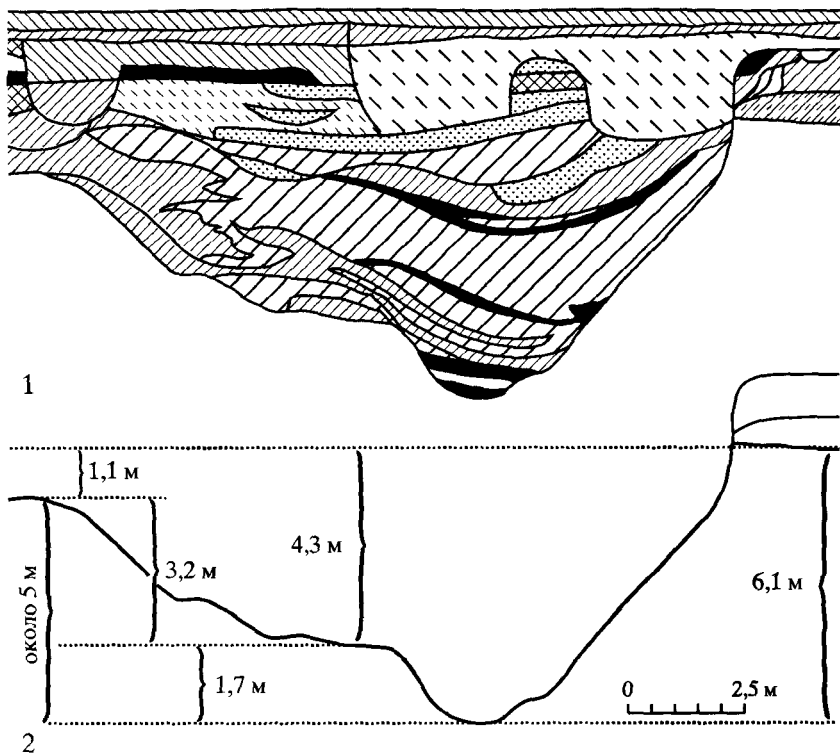

Рис. 10. Разрез отрезка древнейшего рва на Старокиевской горе. Раскопки Д.В. Милеева 1909 г. (по М.К. Каргеру и С.Р. Килиевич)

1 – профиль разреза; 2 – схема глубинных замеров сооружения

На трех разновременных уровнях заполнения рва прослеживаются прослойки пожарищ различной интенсивности. Поверх внутреннего края рва, отступя на ширину метровой бермы, сохранились остатки сгоревшей защитной стены. После разрушения укреплений дневная поверхность подверглась тщательному нивелированию для создания Десятинной церкви.

По верхнему обрезу ширина котлована достигает 15,7 м: его правый, внутренний, край выше левого на 1,1 м, поэтому и значения глубин рва приводятся с соответствующими расхождениями. Дно рва неровное: на внешнем более пологом склоне имеется ярко выраженная ступенька; она находится на глубине 4,3 м от уровня возведения насыпных укреплений и 3,2 м от напольного края рва. Ближе к внутреннему, более крутому, склону плоскость ступеньки углублена еще на 1,7 м; таким образом, наиболее глубокая точка рва ниже его внутреннего края на 6,1 м, а внешнего – на 5,0 м.

Переломы уровня материка, резкие перепады и крутые изгибы отдельных прослоек, а также слои пожарищ позволяют гипотетически реконструировать основные этапы эксплуатации рва (рис. 11). Достаточно очевидны следы верхней кромки

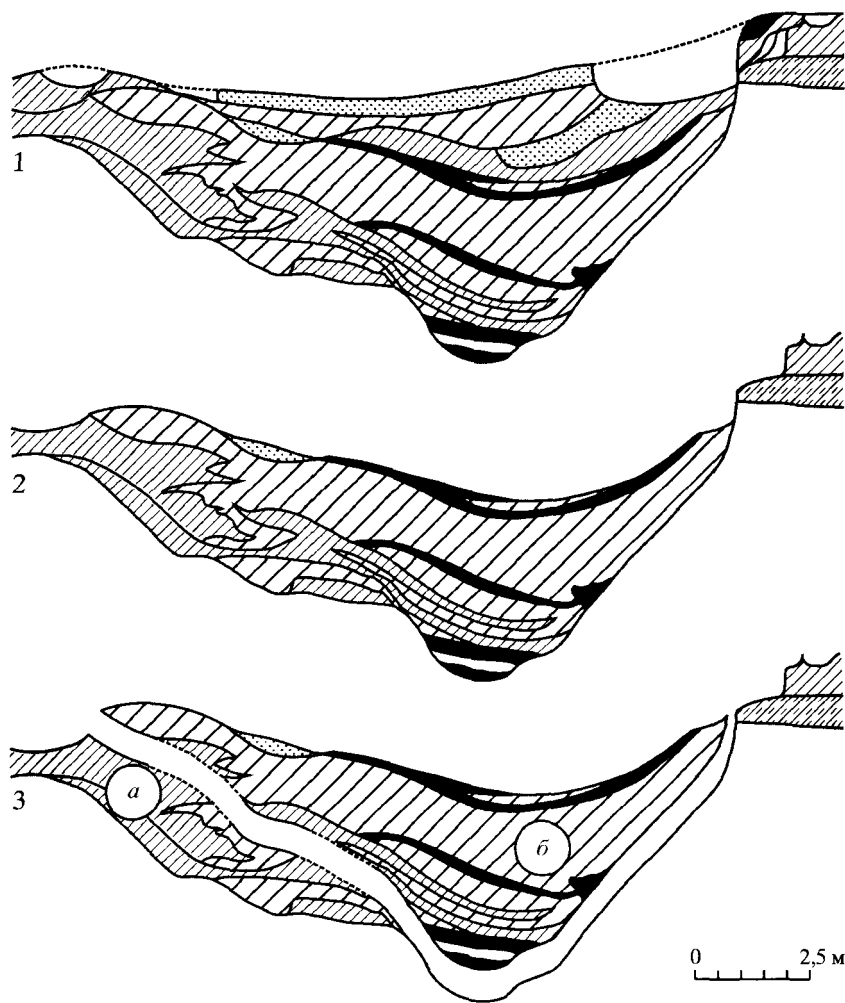

Рис. 11. Гипотетическое реконструирование основных этапов эксплуатации старокиевского рва

1 – уровень верхней кромки предварительного засыпания сооружения; 2 – уровень пожара, уничтожившего оборонительные сооружения ранней крепости; 3 – ранние этапы формирования рва: *а* – группа прослоек, связанных с затеком первоначального рва, имевшего корытообразное поперечное сечение; *б* – группа прослоек, связанных с затеком вторичного более глубокого рва, имевшего подтреугольное сечение

предварительной засыпки, проведенной перед нивелированием строительной площадки. Прогнутая к дну верхняя углистая линза, видимо, фиксирует следы обширного пожара, уничтожившего оборонительные сооружения ранней крепости.

С большей уверенностью читаются ранние этапы эксплуатации защитной шемки. Судя по наличию ступени, первоначальный ров имел корытообразное

сечение. На это же указывает резкий перепад уровня сложившихся поверх ступени придонных прослоек: справа они были явно срезаны прослойками, фиксирующими заполнение нового, более позднего котлована. Этот новый котлован отличался от прежнего подтреугольным поперечным сечением. Таким образом общая глубина рва была увеличена еще на 1,7 м. Предложенная интерпретация стратиграфии показывает, что в X в. ров углубляли, увеличивая его защитную эффективность, но позже заплывы вычищались менее последовательно.

Следует напомнить, что заполнение рвов исследовалось редко, а обнаруженные в них находки изучались вне стратиграфии заполнения. Поэтому традиционно рвы принимали за единовременно созданные объекты. На городище летописного Снепорода удалось стратифицировать разрез рва и с допустимой точностью датировать большинство слоев его постепенного запывания. Полученная картина позволяет уточнить характер защитного использования рва на протяжении второй половины XI – середины XIII в.

На уровне дневной поверхности ширина рва составляет 12,5 м. В поперечном сечении в этом месте он представляет собой слабую и почти симметрично вогнутую выемку глубиной около 0,7 м (рис. 12, А). Под дерном прослеживается черноземовидная линза поздних затеков, состоящая из культурного слоя селища, смешанного со сползшими вниз субструкциями вала (ее ширина около 8 м, максимальная толщина – 0,7 м). Ниже линзы поздних запывов размещается древнее заполнение рва, верхней кромкой фиксирующее его состояние на середину XIII в., когда укрепления начали разрушаться под влиянием ветровой и дождевой эрозии. Общий абрис поперечного сечения грунтовой выемки напоминает очертания ложа вышеописанного киевского рва: он также сочетает ступеньку и резкое углубление.

Запывшие углубление затеки не стратифицируются, поэтому сверху ров ограничен пунктирной линией. Для его идентификации важны артефакты, затекие в котлован вместе с окружающим грунтом, – керамика, уплощенные шиферные пряслица с широкими отверстиями и сильно сточенные ножи с толстыми спинками и "ступеньками" на переходе к черенку. Здесь встречены обломки позднероменских лепных сосудов в сопровождении хорошо обожженных манжетовидных венчиков тонкостенных гончарных сосудов, вылепленных из плотного теста с включением мелкофракционного речного песка. Они типичны для завершающей фазы роменской культуры и открытого поселения эпохи Владимира Святославича. Обнаружены и обломки сосудов середины XI в. Все эти находки могли затечь в ров после выпадения в культурный слой догородищенского открытого поселения. Таким образом, нижняя линза – это остатки раннего рва второй половины XI в., куда постепенно сползал культурный слой предшествующего времени. Поперечное сечение рва имело плавно скругленный подтреугольный абрис; глубина выемки от уровня первоначальной бермы составляла 3,2 м, а ширина по верхнему обрезу могла быть равной 9–10 м. Рис. 12, Б, 1.

Размещение материковой ступеньки указывает на первую реконструкцию укреплений: дно первоначального рва от запывов не вычищали, а новый ров

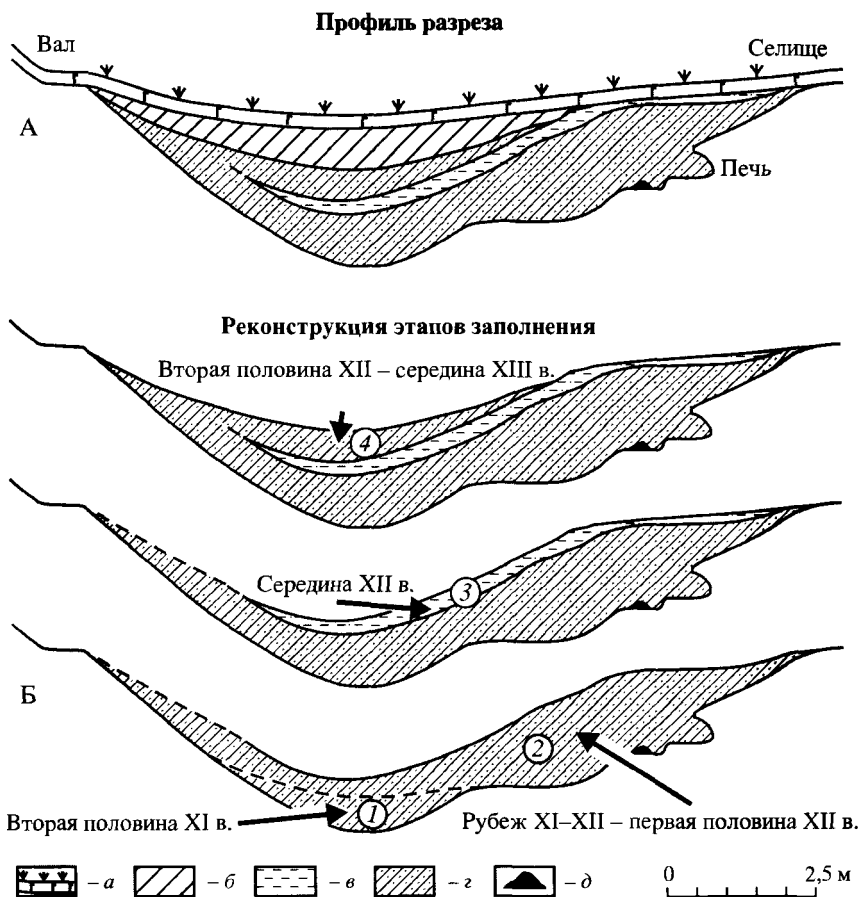

Рис. 12. Ров городища летописного Снепорода

Условные обозначения: а – дерновый слой; б – поздние затеки; в – переотложенный материковый суглинок; г – древние заполнения котлована; д – угли; 1 – остатки заполнения первоначального рва; 2 – расширение ложа рва при первой реконструкции укреплений; 3 – материковые слои перемещения грунта с территории селища; 4 – заполнение рва середины XIII в.

он расширен и приобрел трапециевидное поперечное сечение. Его ширина по верхнему обрезу достигла 12,5 м, по дну – 5,5 м. Рис. 12, Б, 2. Обмеление рва на 0,8 м не ухудшило защитных качеств укрепления: в плотной россыпи развалин первоначальных укреплений сформировали новую берму, поднятую на 0,6 м выше прежней. Время реконструкции укрепления указывает залегание непосредственно над пунктирной линией керамики из заплывшего туда культурного слоя второй половины XI в. Таким образом, это строительство можно отнести к концу XI столетия, к пику половецких нападений на пограничные русские земли.

Несколько позже на внешнем склоне рва в материковом суглинке была вырыта внутренняя емкость древнерусской полусферической печи. Ниже ее на

специальную горизонтальную площадку было выметено ее содержимое – кучки обгоревших древесных прутьев. Подобные печи в иных примерах сопровождались следами древней обрядности, связанной с культом земледелия и почитанием огня (Русанова, 1993. С. 56–59). Судя по затекшей до этого уровня керамике, создание печи может относиться к первой половине XII в., к спокойному периоду в жизни приграничных земель, наступившему после разгромов половецких сил Владимиром Мономахом.

Около середины XII в. нижний массив заполнения оказался перекрытым тонким языком переотложенного материкового суглинка, нижний абрис которого маркировал факт следующей реконструкции. Поперечное сечение рва вновь получило плавный подтреугольный абрис: его ширина сузилась до 8,5–9,0 м, а глубина от первоначальной бермы уменьшилась до 2,0 м. Толщина материкового языка над внешним склоном рва достигала 0,35 м, над дном она не превышала 0,25 м, а ближе к валу прослойка выклинивалась, возможно, в связи с подчисткой склона рва, сохранявшей его должную крутизну. Очевидно, это следы транспортировки грунта с селища для забутовки деревянных срубов обновлявшихся крепостных стен (рис. 12, Б, 3).

Образование верхней линзы заплыва, соотносящейся с последним периодом существования крепости, относится ко второй половине XII – середине XIII в. Рис. 12, Б, 4. За это время над дном сооружения наслоилось около 0,6 м отложений и глубина принявшей пологие очертания выемки от уровня ранней бермы сократилась до 1,4 м. Фактически такой ров не мог служить значимым препятствием для осаждавшего крепость противника (Моргунов, 2002).

Таким образом, наблюдение П.А. Раппопорта сводится к мысли об уменьшении защитной роли рвов в XI–XIII вв., и вполне справедливо. Полевой опыт показал, что первоначально грунтовые выемки служили своеобразными карьерами для получения материкового сырья, необходимого для возведения укреплений. Но излишнее углубление делало подъем грунта наверх слишком трудоемким. Отсюда происходит практика **расширения рвов за счет их некоторого обмеления**. Известны примеры, когда в процессе реконструкции защитного комплекса внутренние склоны рвов намеренно засыпались, а их внешние пределы сильно раздвигались, т.е. рвы как бы отодвигались наружу с целью сохранения полезной площади укреплений (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 99–101). На обязательном расширении рвов в напольную сторону, придававшем им трапециевидное сечение, настаивал М.П. Кучера (1999. С. 84), но, похоже, это не является аксиомой: порой грунт перемещали и с территории селища. А позже городни стали засыпать культурным слоем с территории площадки. Подобные приемы использовались не только на множестве известных нам посульских городищ, но и в других регионах (Раппопорт, 1956. С. 71; Коваленко, 1999. С. 37, 39).

В древнерусских письменных источниках отсутствуют примеры массового применения стенобитных орудий или штурмовых башен. Отсюда в литературе оценку защитного качества рвов принято связывать только с глубиной – их внутренние склоны увеличивали протяженность неудобного восхождения про-

инника на валы. Если не брать в расчет значительные и долго существовавшие домонгольские города (порой их рвы становились оврагами), окажется, что 60% рядовых городищ имеют размеры до полугектара (Куза, 1985. С. 40). А рвы таких памятников не превышают глубины 1,5 м, что не позволяет считать их достойным препятствием для атакующей пехоты. В таком случае защитной мерой не является и расширение рвов.

В этом контексте нельзя забывать о постоянном увеличении защитной роли крепостных стен: каждой реконструкции укреплений соответствовал не только перенос бермы на более высокую абсолютную отметку, но и увеличение их высоты. На Снепороде высота их валообразного развала достигает 4 м. За неполные 200 лет существования этой крепости за счет пяти реконструкций (или ремонтов) мощность искусственных укреплений увеличивалась значительно, а глубина рва за этот период уменьшилась всего на 1,8 м (Моргунов, 1996. С. 26).

Как самостоятельные защитные преграды рвы использовались редко. Они иногда встречаются на однослойных городищах дьяковской и мощинской культур (Краснов, 1992. С. 52, № 181; С. 52, № 185 и др.; Патрик, 1992. С. 33, № 77 и др.). В днепро-донском междуречье известны примеры защиты рвами скифских укреплений (Моруженко, 1985. С. 170), иногда сходно использовались рвы северо-кавказскими аланами (Чеченов, 1969. С. 51, № 137, 138, 139; С. 58, № 170 и т.д.). Подобные примеры известны и в средневековой Болгарии (Шопов, 1982. С. 140).

На правом берегу Днепра одним из таких примеров служит Китаевское городище в Киеве. Судя по материалам проведенных здесь раскопок, одно из центральных мысовых селищ площадью 2 га было защищено рвом треугольного сечения, глубина которого составляла 4 м, а ширина – 5 м. Это поселение существовало с конца VIII – начала IX в. В конце X в. ранний защитный ров был засыпан в связи с постройкой новых укреплений, созданных с применением срубных стен (Мовчан, 1989. С. 145).

Другой случай представлен посульским городищем Палянивщина близ леонинского города Желни, где исследовалось надпойменное поселение размером 240 × 106 м. Судя по коллекции находок, культурный слой городища имел слабую насыщенность (Гончаров, 1956; Довженок, 1957). Поселение существовало с рубежа X–XI вв., а в конце XII в. оно было укреплено трапециевидным в сечении рвом шириной более 4,5 м и глубиной более 2,0 м (Кілієвич, 1965). Для Южной Руси XII в. подобное сооружение представляется крайне архаичным: в это время было принято возводить крепости неизмеримо более сложной конструкции, окруженные мощными стенами и широкими рвами. Столь низкий уровень защищенности не соответствует и значительной площади городища. Поэтому в свое время я интерпретировал Палянивщину как остатки не имевшего постоянной заселенности общинного укрепления-убежища построенного сельскими жителями без привлечения специалистов по фортификации (Моргунов, 1990. С. 99).

В последние годы одним из участников раскопок в литературу введено иное толкование этого памятника. В отличие от отчетных и опубликованных сведе-

ний новая интерпретация основана на личном свидетельстве очевидца о якобы интенсивной заселенности укрепления и наличии на нем остатков вала. Такой взгляд снимает вопрос об уникальности Палянивищины и ставит ее в один ряд с такими сооружениями, как крепость-гавань Воинь (*Кучера*, 1999. С. 174).

В приведенных примерах некоторое недоумение вызывает отсутствие привычных городищенских валов. Впрочем, этот парадокс может быть объясним на примере салтовских укреплений, где в последние годы удалось проследить до сих пор не уничтоженные временем, хозяйственной эксплуатацией и эрозией следы грунтовых выбросов из рвов (*Афанасьев*, 1987. С. 103). Схожая ситуация прослеживается и на материалах росписей Засечной черты 1638 г., где нередко встречается уточнение, что при создании рва вынутая земля бросалась на "русскую" сторону (*Никитин*, 1955. С. 138, 140). В действительности беспорядочно разбросанный грунт под влиянием ветров и атмосферных осадков склонен к достаточно быстрому размыванию, поэтому там в настоящее время не фиксируется никаких валов.

В древности такие "безвальные" рвы могли дополняться легкими наземными защитными конструкциями. К примеру, оборона окольного города известного Ленковецкого городища, кроме хорошо заметных на современной поверхности рвов, осуществлялась и устройством частоколов на их тыльных краях, от которых на современной дневной поверхности не осталось следов (*Тимошук*, 1982. С. 68–70).

Валы и их внутренние конструкции

В литературе валы считаются основным элементом долговременной защиты, поэтому они до сих пор вызывают пристальный интерес исследователей и не стихающую полемику об их конструкции, первоначальном виде и оборонительных качествах. Тем не менее на многие из этих вопросов исчерпывающих ответов пока не дано. Это объясняет, почему изучению валов отведена значительная часть этой работы.

Следы присутствия дерева в валах в виде скоплений тлена, золы или угля достаточно обычны, но выразительные остатки бревенчатых конструкций, к сожалению, встречаются крайне редко. И до недавнего времени значительная часть городищенских валов рассматривалась как исключительно земляные насыпи. Впервые это мнение было высказано П.А. Раппопортом. По его мнению, встречающиеся в составе насыпей незначительные следы строительной деятельности не имели отношения к внутривальным устройствам. Так, он считал бескаркасные насыпи неотъемлемыми атрибутами болоховских городищ (*Раппопорт*, 1955а. С. 58; 1956. С. 69, 70; 1961. С. 99–104; 1967. С. 114). Этот вывод был сделан на основе обширных наблюдений, полученных в процессе прогрессивной для того времени методики производства частичных вальных разрезов. И, несмотря на несогласие отдельных ученых (*Кучера*, 1969. С. 180, 189), это мнение утвердилось в литературе на много лет (*Куза*, 1985а. С. 169).

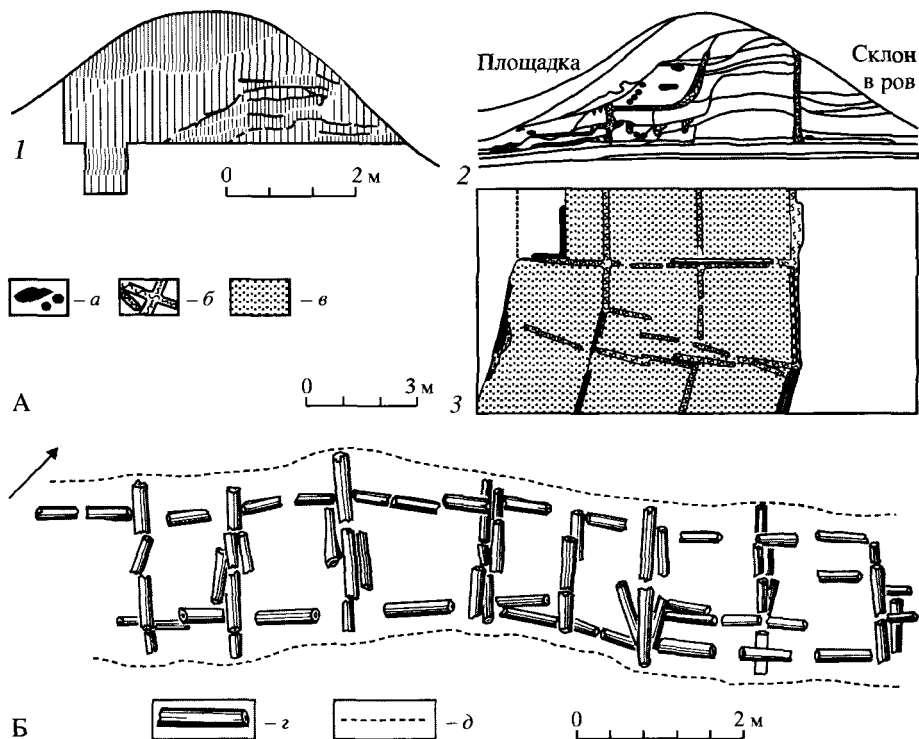

Рис. 13. Срубные конструкции валообразных насыпей

А – Снепород: 1 – профиль разреза П.А. Раппопорта; 2, 3 – профиль разреза и горизонтальный срез на уровне четвертого строительного периода, по Ю.Ю. Моргунову; Б – с. Вязивки на Суле

Условные обозначения: а – следы деревянных бревен; б – границы распространения древесного тлена; в – угли; г – древесный тлен; д – забутовка срубов

По мере расширения стационарных исследований почти на всех исследованных П.А. Раппопортом городищах в бескаркасных валах стали обнаруживаться очевидные остатки бревенчатых укреплений (подробнее см.: Кучера, 1986. С. 379, 381). Они были изучены в Минске (Загоруйский, 1982. С. 155–161), в Святополче (Плетнева, Макарова, 1965. С. 56–58; Петрашенко, Козюба, 1999. С. 32) и Снепороде (Моргунов, 1996. С. 21, 24). Рис. 13. Не оказались исключением и укрепления болоховских памятников – Губина и Городища на р. Згарь (им будет уделено внимание ниже).

Вероятно, одной из причин заблуждения П.А. Раппопорта стали его неглубокие разрезы валов, не достигавшие нижних пластов с остатками дерева. Так, на Снепороде исследователь вскрыл периферийный отрезок укреплений, в то время как в напольной, "боевой", части позже были изучены хорошо сохранившиеся многослойные следы сгоревших бревенчатых укреплений. Множественность таких наблюдений позже заставила М.П. Кучеру изменить свое отношение к бескаркасным валам, хотя он и признал правоту П.А. Раппопорта применительно к

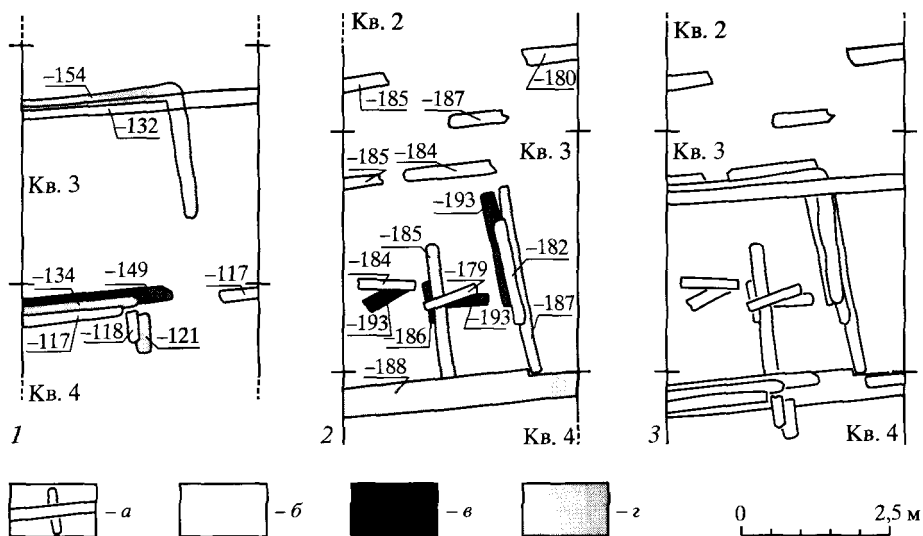

Рис. 14. Старая Рязань. Остатки внутривального дерева в раскопе 24

1 – следы бревен в интервале от –117 до –154 см; 2 – остатки дерева в интервале от –179 до –193 см; 3 – сводный план конструкции

Условные обозначения: а – полосы древесного тлена и фрагменты обугленных бревен. Для позиций 1 и 2: а – остатки бревенчатых конструкций; б – вышележащее дерево; в – нижележащее дерево; г – фрагменты дерева, занимающие промежуточное положение

"догосударственным" укреплениям и внешним валам болоховских городищ (Кучера, 1999. С. 61, 76).

Третьей причиной "отсутствия" внутривальных конструкций часто является недостаточно scrupulous проведение раскопок. Это наблюдение иллюстрируется разрезом песчанистого змиева вала у с. Вязивок на Суле, в насыпи которого прослеживался лишь древесный тлен. Поэтому раскопки производились горизонтальными зачистками с индивидуальной фиксацией на миллиметровой кальке каждого его фрагмента размером более 5×2 см. При наложении полевых чертежей фрагменты сложились в 12-метровую цепочку бревенчатых срубов, достигавших высоты 0,5 м (Моргунов, 1996. С. 132, 133). Рис. 13, Б. Аналогичная методика принесла искомые плоды при вскрытии вала Северного городища Старой Рязани, который, по мнению А.Л. Монгайта, был насыпан исключительно из стерильной желтой глины (Монгайт, 1955. С. 38; Моргунов. Отчет 1995 г. Рис. 7, 9, 10). Рис. 14.

И все же извечная археологическая проблема сохранности древесных остатков не всегда позволяет адекватно оценить конструкции укреплений. В этом плане интересный опыт был получен в процессе раскопок городища Сампониинев Остров, вал которого состоял из проницаемых атмосферной влагой легких песчанистых грунтов. В северо-восточном, периферийном, секторе вала стратифицировались лишь внешние контуры насыпи. Одиночный разрез этого участ-

Рис. 15. Сохранность деревянных конструкций вала на городище Сампсониев Остров

Условные обозначения: а – стратиграфические пределы вала; б – уголь, обгоревшее дерево; в – гумусированный песок с древесным тленом

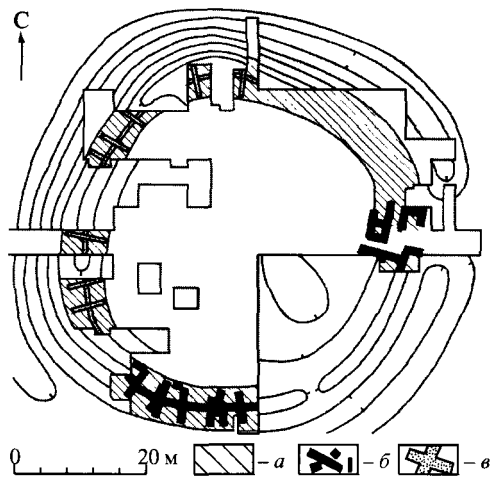
ка стал бы объективным примером бескаркасного вала; он подтвердил бы и правоту М.П. Кучеры, допускавшего создание примитивных преград на второстепенных участках обороны. Не подвергалась воздействию огня и обращенная к реке северо-западная часть вала, но там неровные полосы древесного тлена сложились в чередования цепочки бревенчатых срубов.

И только раскопки затронутого огнем кожного участка выявили остатки трижды обновлявшихся бревенчатых защитных сооружений. Столь же сложным оказалось и устройство сгоревшего воротного проезда (Моргунов, 2003. С. 54–56; 62–65). Рис. 15.

Таким образом, гипотеза о существовании исключительно земляных валов не вполне убедительна. Может быть, поэтому валы с разнообразными внутренними бревенчатыми конструкциями часто именуется древо-земляными. Большинство исследователей согласно с мнением А.Л. Монгайта, что внутривальные устройства это каркасы, необходимые для закрепления насыпей и поддержания заданной крутизны их склонов. Поэтому валы могли служить фундаментом стен, поднимавшихся над гребнями валов (Довженко, 1950. С. 53; Ратнопорт, 1956. С. 72, 107, 122; Куза, 1985а. С. 169; Кучера, 1999. С. 70).

Остатки бревен обычно прослеживаются в виде прослоек угля или золы в истлевшем состоянии или в виде оттисков в плотном грунте. Сохранность древесины во многом зависит от глубины ее залегания и окружающего грунта: проницаемость в почву кислорода и атмосферных осадков увеличивает скорость гниения дерева, а наилучшей сохранностью отличаются обгоревшие бревна. Известны случаи обнаружения локальных массивов обожженного дерева в плотном глинистом основании валов, следовательно, обугливание древесины происходило и в результате долговременных химических процессов без доступа кислорода (Афанасьев, 1987. С. 91).

Обычно внутривальные конструкции возводили из дубовых бревен толщиной 20–30 см. Об исключительной пригодности дуба для крепостного строительства писал еще Витрувий, отмечая плотную структуру этой древесины, лучше выдерживающую контакт с влажным грунтом (Витрувий, 1936. С. 70). Кроме того, дуб менее подвержен воздействию огня, а это качество было существенным для обороноспособности надземных укреплений. С этим согласуется наблюдение ал-Гарнати (XII в.), что в Болгаре жилье строилось из сосны, а за

шитные стены возводились из дуба (Путешествие... Ал-Гарнати..., 1971. С. 30). Из дуба же в начале XIII в. были построены укрепления города волго-камских болгар Ошеля (ПСРЛ. Т. 10. С. 83), а в XIV в. – стены Пскова (Псковские летописи, 1955. С. 29, 105).

Преимущества древесины дуба хорошо прослежены в составе укреплений конца X в. в Белгороде: там хорошо сохранились дубовые конструкции, а отдельные бревна иных древесных пород полностью истлели (*Раппопорт*, 1956. С. 80). В основном дуб использовался и при постройке пограничных крепостей Посулья: судя по любезным определениям А.И. Семенова, единственным исключением из этого правила оказались тополевые срубы укреплений летописного Попаша. Редким примером являются и остатки березовых бревен из вала XI в. в Вышгороде (*Довженок*, 1949. С. 46).

Внутривальные сооружения имели различную конструкцию.

Столбовые устройства делятся на частокольные и каркасно-столбовые. Частоколы, плотно вкопанные или забитые в землю ряды вертикальных столбов, благодаря экономичности и несложности натурного воплощения, известны с глубокой древности. В позднеримское время об их широком применении писал *Вегетий*, а позже – советник византийского полководца Велисария *Прокопий Кесарийский* (*Вегетий*, 1940. С. 242, 264, 281; *Прокопий*, 1939. С. 244). Остатки различных вариантов столбовых конструкций в составе древо-земляных валов в лесостепи нередки, они встречаются на памятниках начиная со скифского времени (*Моруженко*, 1985. С. 169).

Наиболее простым типом столбовой конструкции являлся однорядный частокол. Археологически от него прослеживается линия округлых материковых ямок или канавообразная выемка, куда устанавливали бревна и плотно закрепляли утрамбованным грунтом (рис. 16, 1). На буковинском городище XII–XIII вв. Дарабаны-Щовб столбы располагались в плотном шахматном порядке, благодаря чему бревна взаимно перекрывали щели между стояками (*Тимошук*, 1971. С. 187–190). Рис. 16, 2. Внутривальный однорядный частокол не мог служить каркасом, способным закрепить оплывающую насыпь: это или остатки примитивной первоначальной стены, или часть не полностью прослеженного более сложного сооружения.

Другой конструктивный тип представлен двумя параллельными рядами частоколов с внутренней грунтовой засыпкой (рис. 16, 4). В валах скифского времени между двумя такими панцирями были прослежены поперечные стяжки для придания всей конструкции наибольшей прочности (*Моруженко*, 1975. С. 138, 143). Стяжки препятствовали разрушению сооружения в процессе трамбовки земляной засыпки. Это прямая аналогия античной фортификационной традиции, согласно которой, кроме каменных стен применялись и бревенчатые с засыпкой из земли или щебня (*Буйских*, 1991. С. 92, 93).

Такие каркасы на Левобережье встречены в Ницахе, Путивле, Опошне и Каменном (*Сухобоков*, 1984. С. 120; 1992. С. 134–137, 155; *Григорьев*, 2000. С. 65)

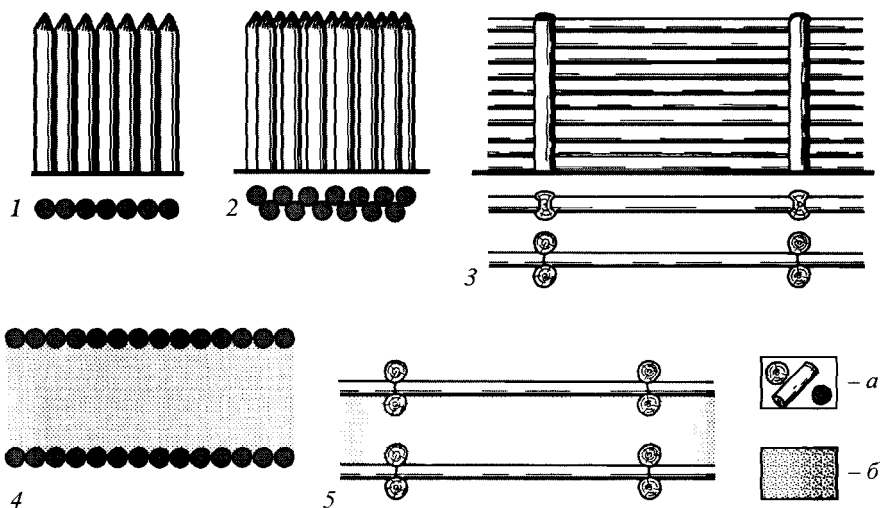

Рис. 16. Столбовые внутривальные конструкции

1 – однорядный частокол; 2 – частокол, устроенный в шахматном порядке; 3 – каркасно-столбовое сооружение; 4 – двухрядный частокол с внутренней забутовкой; 5 – двухрядное каркасно-столбовое сооружение с внутренней забутовкой

Условные обозначения: а – бревна и материковые ямки от вертикальных бревен; б – грунтовой забутовка

В прикарпатском Звенигороде и поднепровском городище Матеуцы-Кордон стояки прореженных двухрядных частоколов были переплетены тонкими ветвями; промежуток между плетнями также засыпался грунтом (Свешников, 1990. С. 110; Федоров, Чеботаренко, 1974. С. 88). Схожие конструкции известны и в фортификации Московского государства (Никитин, 1955. С. 166, 179).

Более сложный тип внутривальных столбовых сооружений, каркасно-столбовой, лучше известен по раскопкам жилых построек. Технической основой таких устройств являлась стена из горизонтально уложенных друг на друга бревен, закрепленных между вертикальными стояками (рис. 16, 3). В одних случаях горизонтальные составляющие упирались в серединные врубки стояков, в других – закреплялись между парами вертикальных столбов. В процессе раскопок от таких стен остаются оттиски нижних горизонтальных бревен и ямки от вертикальной крепи. На востоке изучаемой территории подобные устройства были встречены в нижнем горизонте Донецкого городища, а на западе – в валах укрепления Северной Буковины (Шрамко, 1962. С. 300; Тимощук, 1975. С. 65, 67, 68). Однорядные сооружения могли служить легкой самостоятельной преградой, а двухрядные устройства имели грунтовую засыпку (рис. 16, 5). В Путивльском городище стенка засыпного устройства была частокольной, а внутренняя – каркасно-столбовой (Сухобоков, 1990. С. 69). Имеются и другие примеры, но они хуже стратифицированы.

П.А. Раппопорт писал о применении столбовых каркасов в фортификации XI–XIII вв. Но не все его примеры достаточно убедительны: в валах летописного Торческа встречены остатки столбов и плетни (*Раппопорт*, 1956. С. 106, 119), но в культурном слое содержатся и скифские напластования (*Куза*, 1996. С. 183). Более ранние материалы известны на упомянутой им Княжой Горе (*Мезенцева*, 1986. С. 320), в летописном Галиче и городище Матеуцы-Кордон встречается гетская керамика IV–III вв. до н.э. (*Ратич*, 1964. С. 119; *Федоров, Чеботаренко*, 1974. С. 88), поэтому датировки этих сооружений нуждаются в дальнейшем уточнении.

На левобережье Днепра внутривальные устройства столбовых типов более типичны для раннесеверянских укреплений (*Сухобоков*, 1980. С. 160; *Григорьев*, 2000. С. 64, 65). Аналогичная картина прослеживается и на другой стороне славянского юга, в Буковине, где столбовые устройства встречаются в валах большинства памятников IX–X вв. (*Тимошук*, 1975. С. 65, 67, 72; 1982. С. 44). А в насыпях XI–XIII вв. они встречаются редко: это посадский вал Звенигорода, возможно, вал суздальского детинца эпохи Владимира Мономаха (*Седова*, 1997. С. 56) и в упоминавшихся Дарабанах-Щовб. Не исключено наличие частокола конца XII – начала XIII в. на посаде Остерского Городца (*Козаков*, 1996. С. 92). Но датировка аналогичных сооружений Львова, Пересопницы и Белза, похоже, требует дополнительного стратиграфического изучения (*Багрий*, 1990. С. 117; *Терский-Шеломенцев*, 1990. С. 125; *Петегирич*, 1990. С. 128).

Крюковые устройства не имеют восточнославянских или южнорусских корней. Они широко применялись западными славянами при постройке крепостей IX–XII вв. Особо многочисленны польские и восточногерманские аналогии, а близкое им древнейшее сооружение, о котором подробнее речь пойдет ниже, описано еще Цезарем.

Часть такого сооружения второй половины XI в., сохранившегося во влажном грунте, изучена в Минске. Его основанием являлись длинные бревна, уложенные поперек вала с промежутком 20–30 см (сохранилось девять таких накатов). Поверх каждого через 4 м укладывали перпендикулярные лаги, а пространство между бревнами и накатами засыпали песком. Во избежание раскатывания, нижние стволы с двух сторон крепились к земле кольшками; конструкция достигала метровой высоты, выше древесные остатки не сохранились (*Загорюльский*, 1982. С. 155–156; *Штыхов*, 1986). Рис. 17, 1. Сооружение напоминает стену из взаимосвязанных бревенчатых накатов. Этот тип является однорядной конструкцией.

В Москве промежуточные бревна закреплялись поперечинами с естественными крючьями из обрубленных сучьев, поэтому в отечественной литературе этот конструктивный тип именуется "крюковым". В польской литературе он называется "перекладным" и "гаковым", а в немецкой – "решетчатым" или "ростконструкцией". Срубные сооружения в польской и немецкой литературе именуют "русским типом" (*Гензель*, 1958. С. 81–82; 1959. С. 91).

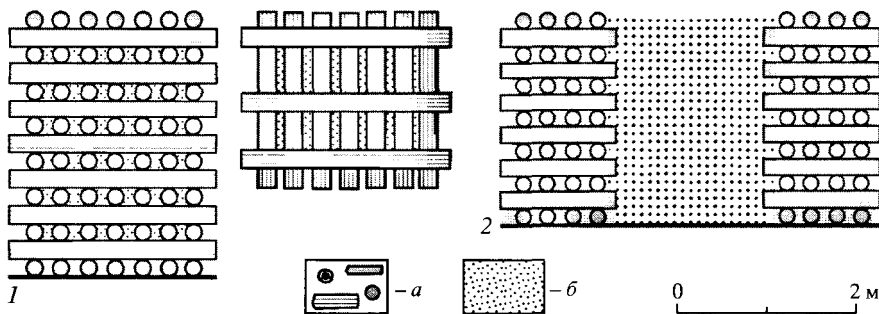

Рис. 17. Первоначальный облик крюковых сооружений

1 – однорядное устройство, вид в разрезе и план; 2 – разрез двухрядной конструкции
 Условные обозначения: а – бревна; б – грунтовая забутовка

Не так давно примеры использования крюковых сооружений в древнерусских укреплениях были единичны – в Новгороде, Твери, московском Кремле, Витебске, поднестровском городище Алчедар и закарпатском городище Билки. Большинство конструкций датируется концом XI – серединой XIII в. К X в. относятся лишь сооружения во рву Старокиевской крепости и в Городце под Лугой (*Раннопорт*, 1961. С. 110–112; *Федоров*, 1964. С. 73; *Ткачев* и др., 1987. С. 81; *Дзембас*, 1993. С. 26; *Кучера*, 1968. С. 194, 195; *Козюба*, 2004). В последние десятилетия ранние остатки таких сооружений выявлены и в основе многих отрезков змиевых валов (рис. 18).

Двухрядные крюковые устройства обнаружены в змиевых валах и синхронных им укреплениях волынского городища Затурцы. Это более сложное и более прочное сооружение, состоящее из двух параллельных краевых кладок, промежуток между которыми плотно заполнялся грунтом (*Кучера*, 1976. С. 214). Рис. 17, 2.

Срубные устройства это цепочки бревенчатых каркасов, закрепленных в венцы рубкой "в обло" с достаточно длинными, до полуметра, выпусками. Внутри прямолинейных участков валов срубы были в плане прямоугольны или подквадратны, а на изгибах валов они принимали вид трапеций, широкое основание которых было обращено наружу. Остатки срубов иногда занимают весь массив насыпи, в других примерах прослеживаются в ее основании или в верхней части.

Самобытность срубного строя внутривальных каркасов, видимо, была обусловлена местными домостроительными навыками использования древесины как наиболее доступного строительного материала. На Русском Севере подобное домостроительство с IX в. соседствовало со срубными укреплениями Рюрикова Городища (*Раннопорт*, 1975. С. 48, 49). В X в. столь же синхронно срубное домостроительство распространилось среди славянского населения обоих берегов лесостепного Днепра, а выполненные в этой технике укрепле-

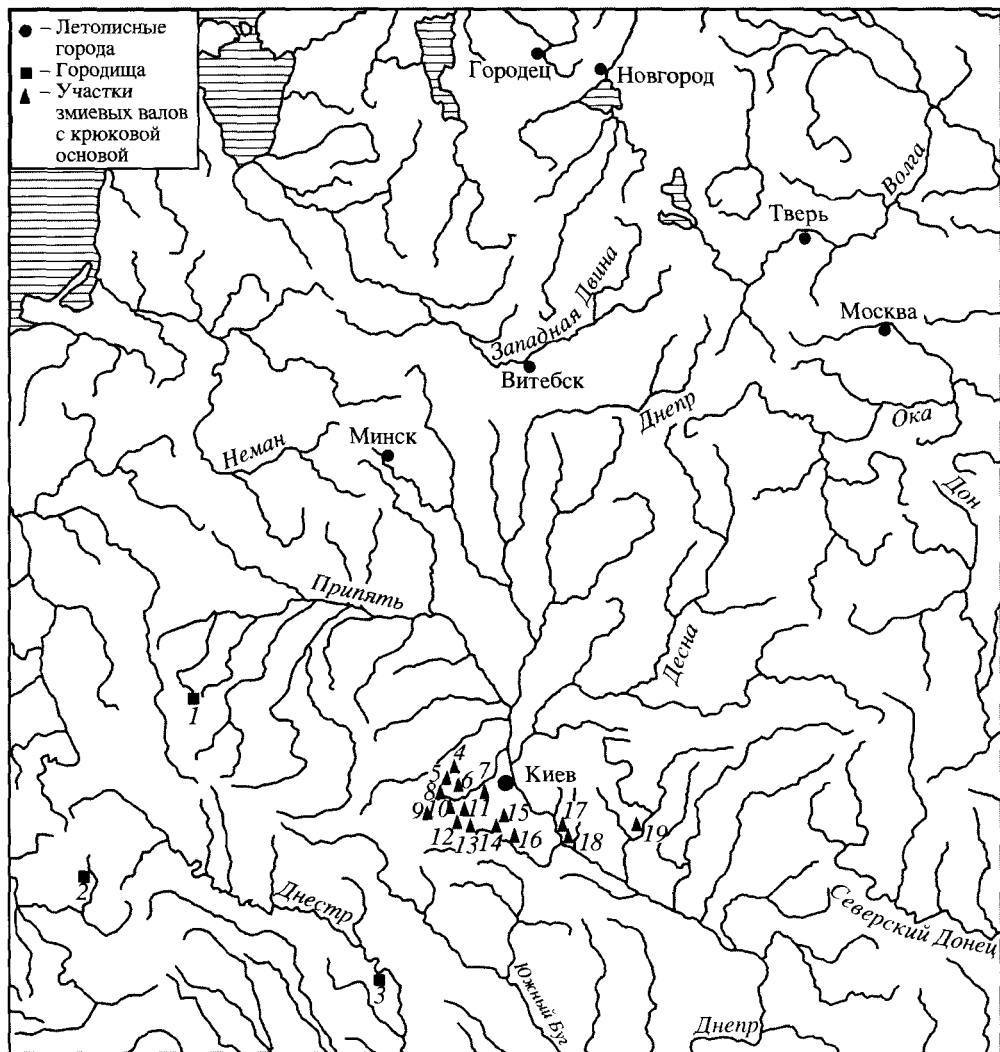

Рис. 18. Применение крюковых конструкций в древнерусской фортификации

1 – Затурцы; 2 – Билки; 3 – Алчедар; 4 – Заваловка; 5 – Фасовочка; 6 – Калиновка; 7 – Заборье; 8 – Великие Лесковцы; 9 – Ходорков; 10 – Сосновка; 11 – Дорогинка; 12 – Плисецкое; 13 – Фурсы; 14 – Томиловка; 15 – Барахты; 16 – Ракитное; 17 – Лепляво; 18 – Бубнов; 19 – Вязивок

ния появились от северных окраин Хазарии до Днестра (Кучера, 1999. С. 83; Раппопорт, 1975. С. 119–121; Смиленко, Юренко, 1990а. С. 269–274; Григорьев, 2000. С. 65, 88).

Всю совокупность внутривальных срубов принято делить на два типа, за которыми в литературе закрепились различные наименования.

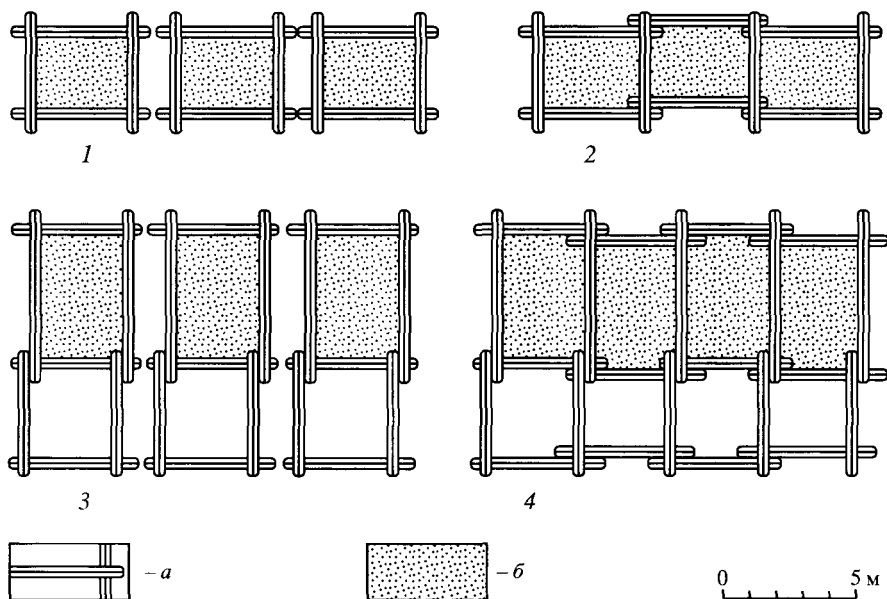

Рис. 19. Схемы срубных конструкций

1 – конструктивно не взаимосвязанные городни; 2 – взаимосвязанные городни; 3 – частично взаимосвязанные городни и клетки; 4 – полностью взаимосвязанные городни и клетки

Условные обозначения: а – бревенчатые срубы; б – забутовка

Городни (городня) – это срубы, плотно забутованные грунтом (рис. 19, 1,2). Летописный источник термином "городня" именовал пролет крепостной стены: "Римовичи же затворишася в городе и возлѣзше на заборолѣ. И тако Божиим соудом летѣста двѣ городници с людми" (ПСРЛ. Т. 2. С. 647, 648; Срезневский, 1893. С. 557). Это название использовалось и в более позднее время (*Даль*, 2000. Т. 1. С. 381). В археологических примерах размеры городней очень различались: и Заречье, например, это 4×4 м (*Рыбаков*, 1965. С. 127), в Белгороде – почти 5×3 м; известны также и совсем небольшие конструкции. В некоторых случаях остатки городней удавалось проследить на значительную высоту: в киевском "городе Ярослава" они поднимались на 5 м, в Райках и Старых Безрадицах – на 2,5 м (*Раннопорт*, 1956. С. 92, 100). Но в подавляющем большинстве за удачу принимают обнаружение хотя бы одного–трех венцов.

Для забутовки городней обычно использовали материковый грунт, полученный при выборке рва. В таких случаях было замечено, что на дне каркасов оказывались темноокрашенные остатки дерна или дерна с догородищенским культурным слоем, а выше находился более чистый грунт (*Раннопорт*, 1956. С. 79). Эта "обратная" стратиграфия проверена на материалах многих памятников. В частности, на Снепороде нижняя часть заполнения первоначальных городней целиком состояла из дерна с погребенной почвой и большим коли-

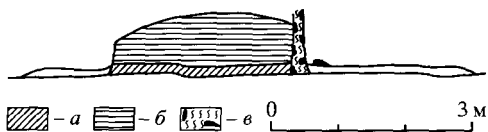

Рис. 20. Заполнение остатков первоначальной городни Снегорода

Условные обозначения: *а* – перемешанный с дерном предшествующий культурный слой; *б* – плотный материковый суглинок; *в* – уголь и древесный тлен

чеством сильно насыщенного находками предшествующего культурного слоя (рис. 20). Более светлые забутовки из материковой глины или суглинков обычно самые плотные. Нередко это объясняют тем, что заполнение подвергалось специальной трамбовке в увлажненном состоянии. В иных почвенных условиях материковая забутовка могла иметь каменистое или песчанистое содержание.

Как упоминалось выше, для более поздних забутовок стал массово применяться культурный слой, счищенный с площадки укрепления. Это имеет большое значение для стратифицирования и датировки многочисленных ремонтов и реконструкций оборонительных сооружений, поскольку вместе с перемешанным культурным слоем в засыпке оказывалось порой много датирующих находок.

Городни размещались цепочками в один или несколько рядов: шесть было прослежено в киевском "городе Ярослава", три содержалось в Переяславле (*Раннопорт*, 1956. С. 92, 82), но чаще встречаются одно- и двухрядные цепочки засыпных срубов. В литературе описан уникальный случай, когда в составе однорядной цепочки городней фиксировалось ритмическое чередование пустых и засыпных срубов (*Рыбаков*, 1965. С. 127, 129).

Для крепостей X–XI вв. характерно отсутствие конструктивной взаимосвязи соседних срубов, их приставляли друг к другу с промежутком, достигавшим 0,8–1,5 м (*Раннопорт*, 1956. С. 98–101) (рис. 19, 1). Но есть и исключения. На погибшем на исходе X в. поднестровском укреплении Ревное 1 они были взаимосвязаны (*Тимошук*, 1982. С. 40); схожий разнорядностью наблюдается и среди разных отрезков синхронных ему змиевых валов. Не исключено, что первичность невязанных срубов отражает традиции домостроительства: недаром ранние городни по размерам были сопоставимы с жилыми постройками.

Приблизительно с конца XI в. соседние срубы начали жестко соединять общей поперечной стенкой и врубленными "внахлестку" продольными бревнами (рис. 19, 2). Так, судя по раскопкам 1935 и 1937 гг., городни Вышгорода XI в. стояли вплотную друг к другу, а раскопки 1952 г. показали, что в XII в. городни оказались взаимосвязанными (*Раннопорт*, 1956. С. 101–103, 144; *Куза*, 1985а. С. 169; *Кучера*, 1987. С. 126; 1999. С. 63). Взаимосвязанные между собой городни, несомненно, создавали более крепкие цепочки, что допускало возможность уменьшения размеров отдельных срубов без потери в прочности и устойчивости. В валах с многорядными срубами известны примеры частичной или полной взаимосвязанности конструкций (рис. 19, 3, 4).

На мысовых укреплениях городнями обычно снабжали напольные валы, т.е. фронтальное и наиболее опасное направление обороны; реже они встре-

чаются и на краях площадок над пологими склонами. Такие устройства придавали укреплениям особую прочность. Снабженные городнями валы обычно отличаются большей мощностью.

Известна гипотеза об использовании городней для укрепления краев береговых склонов от оплывов и оползней (*Кучера*, 1999. С. 71). Для этого перед возведением укреплений готовилась рабочая площадка – широкая краевая полоса в виде горизонтальной ступеньки, углубленной до уровня материковой породы. Такая картина была прослежена на Ходоровском городище. Городни, ограничивавшие ось въезда в Любеч, углублялись в материк на 0,5–0,6 м. В мысовой части Святополча основания городней были углублены на 2 м от современной дневной поверхности. Следы аналогичных строительных мероприятий были изучены на восточном краю городища Заречье, а в летописном Витичеве городни были опущены в специально вырытые для них котлованы глубиной 0,7 м (*Рыбаков*, 1960. С. 31; *Плетнева, Макарова*, 1965. С. 57; *Кучера*, 1966. С. 203–205; 1999. С. 71; ДПСР, 1984. С. 63).

Не исключено, что это лишь попутный итог строительного процесса: выборка рыхлых культурных напластований и почвенного горизонта в первую очередь необходима для создания прочного основания укреплений. На вероятную необходимость в такой подрезке указывает наличие мощных предшествующих отложений. Так, в Святополче прослежен культурный слой эпохи бронзы и скифского времени, в Витичеве обильны напластования VIII–X и рубежа IX–X вв. В Ходорове, кроме материалов эпохи бронзы и зарубинецкой культуры, сохранились следы активной заселенности, датируемой VII–VIII и IX–X вв. (*Петрашенко, Козюба*, 1999. С. 29, 71). На это указывает и пример Снепорода: его въезд размещался на ровной поверхности плато. Тем не менее его городни были на 0,5 м опущены до уровня материка, а оказавшиеся под ними заплывшие котлованы предшествующих ям были тщательно забутованы материком под общий уровень.

Насыпи, содержавшие исключительно городни, не получили широкого распространения. В массе они датируются X–XI вв. (*Кучера*, 1999. С. 63–64).

Под вторым типом внутривальных сооружений в археологической литературе подразумеваются клетки – срубы, которые намеренно оставляли пустотелыми для жилых и хозяйственных нужд. В археологическую литературу это название попало из летописной терминологии, например в Повести временных лет так именовались хозяйственные и жилые помещения (ПСРЛ. Т. 1. С. 59, 130). Такое же название находим и в Ипатьевской летописи: "в то же лѣто бысть боуря велика, якаже не была николи же около Котелничѣ: и розноси хоромы, и товарь, и клѣти, и жито из гоумен" (ПСРЛ. Т. 2. С. 314). Близкое значение термина встречается и в статьях Русской Правды (НПЛ, 2000. С. 491, 492).

Цепочки из одного ряда клеток отмечены на укреплениях мысового типа внутри низких валов, размещенных на краях береговых склонов: это боковые, периферийные участки обороны (*Кучера*, 1999. С.70). Наиболее известным примером является Райковецкое городище, здесь для устройства клеток применялись и березовые бревна (*Гончаров*, 1950. С. 22–29). Сходные конструк-

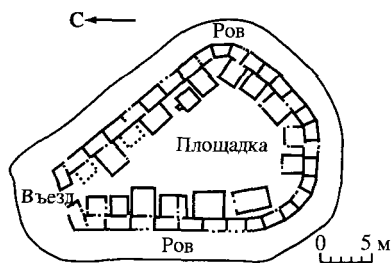

Рис. 21. Полеы клетки Черновского городища (по И.П. Возному)

ции были исследованы в Судовой Вишне (Ра-тич, 1964. С. 125), Ходорове (ДПСР, 1984. С. 70) и на других южных памятниках. При-нято считать, что клетки – это типично южно-русский конструктивный тип внутривальных устройств (Кучера, 2000. С. 99). По мнению М.П. Кучеры, максимальное распространение таких сооружений характерно для памятников конца XI–XII в. (1999. С. 70). Но их строили и позже: к XII–XIII вв. относится небольшая Черновская кре-пость на Буковине, по периметру площадки окруженная кольцом прямоуголь-ных в плане клеток (Возний, 1997. С. 133). Рис. 21.

При всем желании присоединиться к мнению авторитетов, цепочки кле-тей нельзя принимать за остатки внутривальных каркасов. Изначальное предназначение для жилого и хозяйственного использования не позволяло снабжать их грунтовой засыпкой. Поэтому они не могли скреплять вальную насыпь, поддерживать крутизну его склонов или служить фундаментом на-земных стен. Косвенно на это указывает использование в их строительстве древесных пород, не выдерживающих прямого контакта с влажным грунтом. Не случайно руины подобных сооружений выглядят как наименьшие валы, а нередко следы насыпей над клетями, как, например, в Черновке, визуальны и вовсе не распознаются. Очевидно, это особый планировочный способ за-стройки укрепленных поселений мысового типа, гибко приспособленный для оборонительных нужд: в случае осады постройки были защищены крутыми береговыми склонами.

В XI–XIII вв. распространились внутривальные каркасы, состоящие из па-раллельных и конструктивно взаимосвязанных цепочек городней и клеток. Ме-нее известны трехсрубные устройства, в составе которых две внешние парал-лельные цепочки городней составляли основную и наиболее прочную преграду, а внутренняя линия клеток использовалась для жилых или хозяйственных нужд. Не исключено, что количество рядов городней определялось размерами, оборо-нительной значимостью крепостных сооружений или иными, пока не вполне понятными причинами.

Наиболее распространенными были двухсрубные цепочки, состоящие из внешнего кольца городней и внутренних клеток. В таких сооружениях неред-ко прослеживается ритмичное чередование полей и засыпных клеток (рис. 19, 3, 4). Ранние укрепления этого типа представлены вторым строительным пе-риодом укрепления X в. Титчиха на Дону (Москаленко, 1965. С. 131, 132). Но широкое применение такой системы связывается с массовым появлением в Среднем Поднепровье в конце XI в. укреплений округлых в плане очертаний (Моргунов, 1986). Нет нужды перечислять известные примеры таких конструк-ций – их очень много (Кучера, 1999. С. 65–67).

Рассматривая подобное сооружение, на первый взгляд можно допустить, что в составе внутривального комплекса линия городской являлась каркасом насыпи вала или основанием выходящих на поверхность бревенчатых стен. Но в эту схему с трудом вписывается одновременное строительство линии жилых или хозяйственных клеток: вместо закрепления насыпей и поддержания крутизны их склонов клетки неизбежно должны были придавать внутреннему откосу ступенчатый абрис, а этого не наблюдается. Таким образом, это истолкование не вполне убедительно и должно иметь иное объяснение, на котором подробнее остановимся ниже.

Перечень внутривальных конструкций намеренно представлен мной в упрощенном виде. Это позволит глубже ознакомиться с устройствами лучшей, может быть, несколько идеализированной сохранности. Так как на практике нам достаются лишь незначительные остатки, скрывающиеся среди множества слоев земли, сгоревшего или истлевшего дерева, сложную стратиграфию разреза валов часто сравнивают со слоеным пирогом. И разобраться с этими разновременными наслоениями (строительными периодами) порой очень сложно: для этого необходима тщательность фиксации материалов, полученных при вскрытии валов, и кропотливый реконструктивный анализ.

Оборонительные свойства валов и крепостных стен

В вышеприведенном тексте намеренно сохранены некоторые разночтения, касающиеся назначения внутривальных конструкций, поскольку они принадлежат различным исследователям. Неоднозначность современных представлений о древнем облике древо-земляных валов имеет глубокие историографические корни, и это отразилось в современной литературе.

Назначение и защитный потенциал валов

В письменных источниках XVI–XVII вв. встречаются сведения о практике намеренной насыпки валов. В Новое время наряду с мощными насыпями – фундаментами крепостных стен – создавали и легкие валообразные полевые укрепления. Поэтому, сталкиваясь с древнерусскими городищами, историки фортификации легко вписывали намеренное создание валов в рамки привычной практики позднего военного зодчества. А под влиянием исследования М.А. Фриде (1924) эти представления были прямолинейно унаследованы и многими археологами-славистами.

В этом убеждала сложность внутреннего устройства насыпей и продуманное изменение их мощности в зависимости от размещения на различных по значимости участках крепостной обороны. Не последнюю роль сыграли и полевые наблюдения, позволившие утверждать, что на протяжении X–XIII вв. происходило неуклонное увеличение мощности валов (*Pannonorm*, 1956. С. 152, 153). С тех пор древо-земляные валы считаются воплощением основного атрибута оборонительной системы древнерусского города. А это убеждало исследователей в приоритетной значимости валов и увеличивало вероятность намеренной их насыпки как самостоятельной защитной преграды (*Pannonorm*, 1956. С. 66, 72, 115; *Кучера*, 1986. С. 376, 379, 382, 383; 1999. С. 61). Это стало настолько естественным, что даже к валам высотой 1–2 м стали применяться устойчивые обороты "оборонительная насыпь" и "оборонительные линии из валов и рвов" (*Губайдуллин*, 2002. С. 55, 56, 60, 63, 64 и сл.).

На этом фоне забывается, что далеко не все исследователи принимали подобные насыпи за эффективные и самостоятельные элементы крепостной обороны. Согласно альтернативным взглядам, современные валы являются руинами, осыпями разрушенных древо-земляных стен. Порой такие суждения закрадывались в тексты в виде более или менее случайных оборотов, но чаще интуитивные предположения обрастали логической конкретикой.

Так, остатками стен считали связанные стяжками насыпные двухпанцирные каркасы из частоколов, известные на скифских городищах (*Моруженко*, 1975. С. 138, 139; *Ильинская, Тереножкин*, 1983. С. 338). Применительно к салтовским укреплениям Подонья Г.Е. Афанасьевым было показано, что первоначально насыпи являлись стенообразными брустверами с вертикальными бревенчатыми обкладками (1987. С. 103, 104). Руинами стен исследователи расценивали валы роменского городища Опощня (*Россинский*, 1981. С. 105; *Смиленко, Юренко*, 1990. С. 264) и других укреплений летописных северян (*Григорьев*, 2000. С. 64, 65; *Коваленко и др.*, 2004. С. 18, 19). В.В. Седов считал остатками стен Изборского детинца середины X в. насыпные конструкции из двух параллельных частоколов и каркасно-столбовых щитов (2002. С. 197). За следы срубных стен принимали древо-земляные валы летописных городов Василева, Витичева, Ивана и сельского форпоста Сампсониев Остров (*Рыбаков*, 1965. С. 127, 129; *ДПСР*, 1984. С. 66; *Моргунов*, 2003. С. 51, 57–59). Подобные взгляды на древнюю сущность валов были существенно подкреплены Г.В. Борисевичем с точки зрения инженерной технологии (1987. С. 181).

Очевидно, подобная точка зрения имеет право на существование. Поэтому накопившиеся в литературе наблюдения сторонников "стенного" происхождения валов нельзя оставить без внимания хотя бы потому, что грядкообразные руины каменных стен с внутренней забутовкой не принимают за специально выложенные оборонительные препятствия.

В основе альтернативной гипотезы в первую очередь лежали сомнения в защитной значимости невысоких (0,5–1,5 м) валов. Как показано выше, ими обнесено 60% известных ныне древнерусских городищ. Даже с учетом оплывания насыпей под влиянием времени, сомнительно, чтобы подобные укрытия могли служить самостоятельной и достойной преградой для пехоты. Это существенно в связи с особенностями применявшегося в разное время вооружения. Для лежащего ружейного стрелка скромная земляная складка действительно служила надежным укрытием (отсюда логично, что позднее появились окопы с низкими земляными брустверами). Но для воевавших стоя лучников и копейщиков нужен был иной оплот. Новейший исследователь справедливо заметил, что "ограда с невысоким валом и неглубоким рвом не могла служить для защиты от военных набегов, скорее, она препятствовала проникновению диких животных" (*Енуков*, 2005. С. 82). Полтора столетиями раньше военный инженер Ф. Ласковский отмечал, что острожный вал высотой 2,5 м не был существенной преградой для нападающих: к результативным укреплениям он относил крепостные насыпи высотой, в переводе с прямых сажень, от 6 до 15 м (*Ласковский*, 1858. С. 68, 76, 140). Не отводил низким валам самостоятельной защитной роли и М. Красовский, полагавший, что цепочки низких насыпных срубов-брустеров были значительно эффективнее невысоких насыпей (*Красовский*, 1916. С. 93–95).

Очевидна малая эффективность и неэкономичность намеренной насыпки низких валов для устройства стен поверх их гребней. Действительно, выгораживание бревенчатого каркаса, его забутовка и уплотнение из-за ничтожно-го выигрыша в высоте размещения стен выглядят слишком трудоемкими по

сравнению с полученным оборонительным эффектом (*Григорьев*, 2000. С. 64). А наименее целесообразной представляется отсыпка валов по верхним кромкам высоких береговых склонов: функционально эти склоны являются мощным аналогом внешних вальных откосов. Тем не менее такие валы широко известны, значит это следы укреплений иной конструкции и оборонительной значимости. Отсюда же следует, что не отличающиеся большой крутизной и протяженностью внешние вальные откосы не играли той защитной роли, которую им порой приписывают.

Последний вопрос имеет давнюю историю. Исследования подмосковного Звенигорода убедили Б.А. Рыбакова, что регулярно поливаемые водой глинистые склоны могли служить осажденным дополнительной защитой (*Рыбаков*, 1949. С. 131). При изучении достаточно мощных насыпей степень крутизны вальных откосов П.А. Раппопорт связывал с различной военной значимостью крепостей, и этот вывод вошел во многие обобщающие работы (*Раппопорт*, 1956. С. 107–109; *Куза*, 1985а. С. 168, 169; *Кучера*, 1986. С. 379, 380; 1999. С. 70). М.П. Кучера предположил существование практики намеренного присыпания городней земляными откосами, а Б.А. Тимощуком эта гипотеза была возведена на уровень аксиомы (*Кучера*, 1966. С. 180; *Тимощук*, 1982. С. 7, 9, 12, 40, 105 и сл.).

Безусловно, осажденные располагали множеством технических наработок для защиты жизни и имущества. Теоретически неисчерпаемый источник водоснабжения мог позволить в случае осады поливать защитный городской периметр: особо эффективной эта мера могла быть зимой (хотя в письменных источниках больше сведений о недостатке в крепостях питьевой воды). В летний же период при отсутствии гербицидов, кроме полива, требовалась и регулярная прополка зарастающих травами валов. На самом деле специальное присыпание городней не согласуется с оборонительной логикой: вертикальные преграды имеют несопоставимо более высокие защитные качества, чем стены, снабженные диагональю земляной присыпки.

Эта аксиома соответствует летописным сведениям, неоднократно упоминавшим такие осадные устройства, как "приспы" или "приметы", – производное от выражения "приметать, присыпать" (*Срезневский*, 1895. Т. II. С. 1430). Эти присыпавшиеся осаждающими откосы облегчали им восхождение на городские стены: при осаде Владимира татары "внидоша по примету в город чрес стѣну" (ПСРЛ. Т. 1. С. 463, 517; см. также: ПСРЛ. Т. 2. С. 825; *Поппэ*, 1962. С. 62). При осаде Корсуня (под 988 г.: ПСРЛ. Т. 1. С. 109, 116) "приспа" возводилась из "перьсти" (т.е. праха, земли. См.: *Даль*, 2000. Т. 4. С. 102), а позже для этого использовалось дерево, плетни и солома (попутно приметами засыпали и рвы). Такая практика известна с римских времен: у Витрувия это единственно упомянутый им земляной вал с внутренним бревенчатым каркасом (*Витрувий*, 1936. С. 328). Таким образом, приметы являлись прямым аналогом наружных склонов валов, уменьшавших обороноспособность вертикальных стен.

С инженерной точки зрения создание дубовой стены для последующего заваливания ее основания землей не имеет реального смысла: судя по распределению нагрузки, технически срубы не пригодны для скрепления насыпи или

влияния на крутизну ее склонов. На практике при возгорании крепостной стены верхняя часть городни горела интенсивнее и сгорала быстрее: обсыпавшийся сверху грунт погребал нижние венцы стен, создавая иллюзию внутривальных конструкций (Борисевич, 1987. С. 181).

Известны и примеры, когда остатки городней прослеживались только в верхней части вала. Из этого, видимо, следует, что после истлевания "фундамента" стена продолжала опираться на незакрепленную насыпь, подверженную естественному проседанию и деформации, что должно было привести к преждевременному разрушению тяжелого, плотно забутованного глиной защитного сооружения. Это противоречит хотя бы практике современного сельского домостроительства: даже одноэтажный домовый сруб (естественно, лишенный грунтовой засыпки), сложенный поверх нетронутого грунта, оставляют до усадки почв, и только потом переходят к его благоустройству.

Приглядимся к этому гипотетическому варианту. Крепостные стены состояли из забутованных грунтом срубов-городней, а обмазка бревен и перекрытие стен защищали грунтовое заполнение от проникновения влаги. Однажды просохнув, засыпка оставалась сухой и не вызывала гниения каркаса. Отслужившие стеновые венцы были легко заменяемы. Внутривальные же срубы находились в худших условиях: просачивание атмосферной влаги, несомненно, портило "фундамент", хотя этому препятствовала влагостойкость дуба. Заменить погребенные в земле венцы было невозможно, это могло привести к обрушению тяжелых стен. Кажется, что все свидетельствует о несовершенстве древо-земляной фортификации, но такому допущению противоречит ее успешное многовековое развитие. Следовательно, засыпанный насыпью "фундамент" имел иное происхождение.

Таковы наблюдения и умозаключения, внушающие сомнения в целенаправленной насыпке колоссального количества археологически известных валов. К сожалению, эта любопытная гипотеза не оставила заметного следа в литературе, поскольку, во-первых, известен по крайней мере один неоспоримый пример намеренного возведения валов, а во-вторых, для оборонительного зодчества все же характерно стремление вознести укрепления на пригодное для этого возвышение.

Летописные сведения о защитной роли валов и стен

Из-за спорности представлений о первоначальном назначении древо-земляных насыпей требуется уточнить, какое место отводили этим сооружениям их современники. Вновь обратимся к летописным источникам, содержащим достаточно упоминаний о фортификационных реалиях своего времени – они уже не раз служили ключом для решения множества проблем военной истории (Раппопорт, 1956. С. 114, 116, 118, 119). В подавляющем большинстве эти сведения были второстепенными как для информаторов, так и для летописцев, не владевших тонкостями военной инженерии. Поэтому они отражают реальное отношение современников к защитным свойствам укреплений на повседневно-

ном бытовом уровне. Тем не менее раньше летописные сведения привлекались к анализу схожей проблематики выборочно: считалось, что пунктирно разбросанные по страницам источников информационные зерна не сравнимы со специальной литературой по фортификации, а летописная терминология неоднозначна и далека от четко устоявшихся поздних образцов.

В отдельных случаях это справедливо. В Повести временных лет под 980 г. лагерь войск Владимира Святославича описан следующим образом: "Володимерь обрывся на Дорогожичи... и есть ров и до сего дне" (ПСРЛ. Т. 1. С. 76). Здесь употреблены глагол "обрваться" и отглагольное существительное "ров" (от об-ров или об-рыв?), поэтому сейчас трудно понять, идет ли в тексте речь о выемке рва, насыпном вале или об их сочетании. Последнее толкование сходно с археологической оценкой городских руин: известие было записано со слов очевидца, поэтому термином "об-ров" в значении "об-рыть" (Фасмер, 1971. Т. 3. С. 487–488) современник мог обозначить и остатки вала, насыпанного вокруг защищаемого места (по аналогии с обо-йти, обо-зреть, обо-строжить и т.д.). Действительно, на местности валы всегда более заметны. "Обровом" названа и стоянка войск в "Поучении" Владимира Мономаха: "и паки идохом Переяславлю, и стахом во оброве" (ПСРЛ. Т. 1. С. 248; Добродомов, Кучкин, 1979. С. 157; СлРЯ. Вып. 12. С. 155).

Непривычное для нас именование руин древних укреплений применялось и позже. Если сейчас "окопом" именуется траншея с невысоким земляным бруствером, то в актовых документах начала XVII в. можно встретить уточнение о размещении "селища Полукнязевского и кгрунта Полукняжеского в окопе албо в вале Полукнязском" (Стороженко, 1900. С. 25). Но в подавляющем большинстве летописные сюжеты при учете текстовых вариантов все же позволяют определить тип укреплений.

Терминологические словари раскрывают значение слова "вал" через глагольную форму от действия "валить (навалить)" или "насыпать" грунт для создания возвышения. Другим способом летописного именованья валов являются термины "соп" или "приспа". Как в примере "вал = наваливать", эти термины являются прямыми производными от глагола "сыпать", поэтому под ними также понимаются земляные насыпи (Кочин, 1937. С. 281, 334; Фасмер, 1971. Т. 3. С. 336, 717; СлРЯ. Вып. 10. С. 260). Неполным аналогом "вала" является и термин "гребля (гребля)": его истолкование индивидуально и требует осторожности. В одних случаях это насыпи = "гребни" (Поппэ, 1962. С. 12; СлРЯ. Вып. 4. С. 127), только валы могли быть "высокими" (ПСРЛ. Т. 2. С. 756) или "малыми" (ПСРЛ. Т. 1. С. 249; ПСРЛ. Т. 2. С. 825). Насыпью или земляной плотиной считают греблю и современные славяне. В других сюжетах греблями названы крепостные рвы.

Насыпи. Интересующие нас летописные сведения неодинаковы по заложенной в сюжеты смысловой нагрузке. Поэтому для удобства восприятия все упоминания можно условно разделить на "понятийные" группы по характеру восприятия современниками отношения насыпей к военному делу.

В *первую группу* выделено 20 сюжетов, контекст которых раскрывает понимание вала как топографического ориентира, знакомого современникам описываемых событий.

Валы окрестностей Переяславля упомянуты в двух сюжетах. Первый связан с половецким посольством 1095 г. к Владимиру Мономаху, которое "ста межи валома с вои". После убийства в городе хана Итларя "посла Володимеръ Славяту с нѣколюкою дружиною и с торкы межи валы и выкрадше первое Святослава, потом оубиша Кытана и дружину его избиша" (ПСРЛ. Т. 1. С. 227; Т. 2. С. 217, 218). Под 1149 г., описывая борьбу Юрия Долгорукого за Переяславль, информатор Лаврентьевской летописи сообщил, что князь "исполчивъся на зорѣ, поиде от Стрякве мимо городъ и ста межи валома" (ПСРЛ. Т. 1. С. 322). В Ипатьевской летописи сохранилось продолжение этих событий: "...ста же полкы своими об оноу стороноу Трoубеша за звѣринцем оу рощения", в то время как союзники Юрия "такo исполчивше полкы своя, поидоша противу имъ и, прошедше валь, ту стаща..." (ПСРЛ. Т. 2. С. 379, 381).

В этих сюжетах упоминались оплывшие валы древних укреплений, которые охватывали площадь размером 17 × 25 км: они не могли служить защитой для половецкого отряда*. Отсюда понятно, почему ни в одном примере вал не использовался в качестве оплота, а для сражения войска выходили за пределы насыпей.

Ориентирами служили и змиевы валы близ летописного Треполя. В 1093 г. князья "минуше Треполь, проидоша валь. И се половци идяху противу, и стрелци предъ ними. Нашим же, ставшим межи валома, поставиша стяги свои и поидоша стрѣлци из валу. И половци, пришедше к валови, поставиша стяги свои, и налегша первое на Святополка и взломиша полкъ его" (ПСРЛ. Т. 1. С. 220; Т. 2. С. 211). В другом случае (1151 г.) противники Юрия Долгорукого "исполчивше полкы своя, поидоша мимо Василевъ через Стугну и, пришедше к пшлови и не проходяче валу, ту и стаща полкы своими на ночь". Для битвы князья также предпочли вывести войска за пределы насыпи: на следующий день они "проидоша валь на чистое поле и поидоша битися, где же стояше Дюргии" (ПСРЛ. Т. 2. С. 434, 435).

В этих примерах змиевы валы и осыпи скифских укреплений при необходимости могли использоваться хотя бы в качестве естественной защитной складки местности. Но для войск, летописцев или их информаторов эта возможность существенной не являлась.

Еще один вал упомянут при описании боевых действий под Киевом на берегах Сухой Лыбеди в 1146 г.: "приде Изяславъ ко валови, идеже есть Надово очеро оу Шелвова боркоу, и ту ста полкы подлѣ валь съ сыном своимъ Мъстиславомъ" (ПСРЛ. Т. 2. С. 325). Археологически здесь выявлены остатки открытого поселения XI–XII вв. но конфигурация мыса допускает существование укреплений (Мовчан, 1993. С. 127). Под 1151 г. вал упоминался в перечне ориентиров на пути следования войск, двигавшихся за Белгород: оттуда "иде черес боръ к Верневу, и отолѣ иде за валь и ста оу Бъзяницѣ" (ПСРЛ. Т. 2. С. 433).

* сюжет 1095 г. не вполне удачно приведен в "Словаре русского языка XI–XVII вв." (1975. Вып. 2. 12) как пример использования валов в качестве укреплений.

Следующий сюжет относится к 1169 г.: "Мьстиславъ же пришед ста по горѣ от бору, а пѣщи постави по валови" (ПСРЛ. Т. 2. С. 534). Не исключено, здесь использовалось преимущество, которое дает размещение пехоты на возвышенности. Мимо урочища, "идеже зовется валь половечский", следовали войска и в 1223 г. (ПСРЛ. Т. 1. С. 446, 504). Не связывались с нуждами обороны и валы на севере Руси в сюжете 1146 г.: "и поидоша Новоугородоу, и пришедше сташа оу переспы, и оттоуда идоша стрелци из товарь к городоу" (ПСРЛ. Т. 2. С. 331).

Иногда смысловая нагрузка летописного термина раскрывается только при условии знакомства с местной топографией. Так, в сюжете 1149 г. указано, что пешие воины бежали по гребле к городу (ПСРЛ. Т. 1. С. 324; Т. 2. С. 390). Летописный Луцк стоял на всхолмлении первой надпойменной террасы среди многочисленных проток и стариц р. Стырь (Аулик, 1990а. С. 122), поэтому преодолеть низину можно было только по насыпи.

Приведенные упоминания валов связаны с топографическим окружением театра военных действий, и ориентиры способствовали наглядному восприятию известий. Это характерно для общерусского летописания, следившего за ходом боевых столкновений в Южной Руси, порой вносящих существенные политические перемены.

В новгородском летописании первоочередное место отводилось хозяйственной жизни боярской республики. Поэтому здесь шесть "ориентирных" упоминаний насыпей-гребель даны на фоне мирного течения событий. К примеру, в статье 1158 г. уточнялось, что в результате мора "нелзе бѣше дойти до торгу сквозе город, ни по гребле, ни на поле выйти" (НПЛ. С. 30, 217). А под 1181 г. очерчивались пределы обширного пожара, когда сторели "и дворове мнози по гребли [дажь] и до ручья" (НПЛ. С. 226, 227). Таким же образом это описано в статье Комиссионного списка Новгородской Первой летописи под 1181 г.: "и дворове мнози по гребли [дажь] и до ручья". Правда, в более раннем Синодальном списке вместо "гребли" было записано "по берегу", но это не исключает, что данная насыпь могла размещаться на берегу в качестве водозащитной дамбы (НПЛ. С. 37, 226, 227).

Несколько более поздний источник, "Летописец новгородский церквам божиим" (Летописец, 1879), вероятно, близок к раннему летописанию: он содержит пространные варианты кратких сообщений Новгородской Первой летописи. К примеру, если в обеих редакциях Новгородской Первой летописи под 1115 г. записано, что "том же лете заложи Воигость церковь святого Федора Тирона априля в 28" (НПЛ. С. 20, 204), то в Летописце этот текст дополнен развернутым определением места закладки: "среди Щирковы улицы и Розважи, в земляном валу" (Летописец, 1879. С. 188). Обстоятельства места аналогично развернуты и в других случаях: "за болшим земляным валом" (под 1092 г. С. 186); "на Софийской стороне, в болшом земляном валу" (под 1135 г. С. 190) и "на Софийской стороне, в болшем земляном валу, на Яковлеве улице" (под 1172 г. С. 193). Это позволяет привлечь в первую группу еще четыре "ориентирные" записи о валах.

Во *вторую группу* вошло семь сюжетов, где прямо или косвенно улавливается связь валов с защитными сооружениями. Прямое свидетельство исполь-

зования вала как защитной преграды содержится в сюжете Поучения Мономаха об осаде Чернигова в 1094 г., когда Владимир Всеволодович отбивался от нападавших "о малу греблю, и не вдадуче имь [войти] в острогъ" (ПСРЛ. Т. 1. С. 249). Под 1114 г. в Ипатьевской летописи помещено известие о закладке новых каменных укреплений Ладоги "на приспъ" (ПСРЛ. Т. 2. С. 277). Согласно археологическим исследованиям, стена действительно возводилась на руинах (осыпи) предшествующих укреплений, восходящих к концу IX – началу X в. (Кирпичников, 1984. С. 34).

Менее определена взаимосвязь между стенами и валом, известным по описанию осады Козельска в 1238 г.: "татаровъ ж бьющесь, град прияти хотяще, разбившим стѣны града и въздоша на вал. Козляне ж ножи рѣзахуся с ними" (ПСРЛ. Т. 1. С. 522; Т. 2. С. 781). Здесь можно двояко истолковать происхождение вала: применение мощных камнеметных механизмов допускает полное уничтожение стен, когда обнажалось их валообразное основание, подобное ладожской "приспе" (ПСРЛ. Т. 2. С. 277). Но не исключено, что татары взбирались наверх по осыпи разрушенных "пороками" стен.

Очевидно, не случайно гребли-валы часто упоминаются в сюжетах, связанных с уничтожением городских укреплений. Согласно статье Ипатьевской летописи под 1172 г., после захвата коалицией князей Михайлова "городъ пожгоша и гроблю роскопаша" (ПСРЛ. Т. 2. С. 550). Подобным же образом под 1241 г. описано уничтожение городов болоховских князей Даниилом Галицким: "грады их огневи предасть, и гребля ихъ раскопа" (ПСРЛ. Т. 2. С. 792). Примененная здесь терминология почти археологически точна: "грады = ограды" (т.е. бревенчатые стены) сжигались, а "гребли = гребни" (т.е. земляные насыпи) раскапывались. В средневековье снос крепостей противника являлся общепринятым символом завершения войны: выравниванием остатков сожженных укреплений лишней раз подчеркивалась беззащитность и покорность побежденной стороны. Такие акции регулярно практиковали и монголы. В 1261 г. по велению Бурундая князь Василько Романович должен был разрушить ("разметать") волынский город Данилов, но ввиду величины укреплений он надеялся ограничиться только сожжением стен. Поначалу монгольский темник удовлетворился содеянным, но на другой день потребовал завершить акцию и Васильку пришлось "раскопывати город, назнаменуоу образъ побѣды" (ПСРЛ. Т. 2. С. 850).

Нельзя оставить без внимания сообщение помещенного в Новгородской Первой летописи родословца "А се князи русьстии" о Владимире Мономахе, который "поставил град Володимерь Залешьскыи в Суждальскои земле и осыпаето спом" (НПЛ. С. 467). Применительно к событиям домонгольской истории это единственный пример намеренного возведения земляных валов в качестве городского защитного сооружения. В ранних источниках город впервые упомянут под 1154 г. (ПСРЛ. Т. 1. С. 346), но древнейшие культурные напластования Владимира сложились в XI в. (Куза, 1985. С. 60), поэтому теоретически Момах мог содействовать укреплению города.

Между тем на недостаточную информативность родословца обращал внимание еще Н.Н. Воронин, обнаруживший там множество фактических неточ-

ностей и примеров явной путаницы. В частности, в нем неточно датировано строительство владимирских церквей: вероятно, автор или сводчик не располагал исчерпывающими сведениями и "округлил" цифры, что противоречит известиям более надежных источников (*Воронин*, 1961. С. 42). Этот сюжет продублирован Воскресенской летописью и летописью Авраамки, где постройка Владимира помещена, соответственно, под 990 и 988 гг., а приоритет закладки города отдан Владимиру Святославичу (ПСРЛ. Т. 7. С. 313; ПСРЛ. Т. 16. С. 39), который на северо-востоке Руси не бывал. Таким образом, информация о насыпке владимирского вала полного доверия не заслуживает.

Особняком выделяются два домонгольских примера необычной интерпретации термина "вал". Один из них взят из описания осады в 1219 г. города камских болгар Ошеля*: "за ним дво оплота, а межи ними валь сыпан" (ПСРЛ. Т. 10. С. 83). С ним перекликается свидетельство арабского автора X в. ибн Йа'куба, писавшего, что после выбора удобного места, славяне "выкапывают вокруг него ров и выкопанную землю сваливают в вал, укрепивши его досками и сваями, наподобие битой земли, покуда стена не дойдет до желанной высоты" (*Розен*, 1878. С. 48). В этих отрывках под общеславянским термином "вал" понимается грунт, заключенный в деревянный каркас из досок и свай, а вся конструкция представляется как защитная стена. Хотя второй источник переводной, в нем содержится объективная оценка славянской конструкции (арабы огораживали крепости исключительно стенами из камня, обожженного или сырцового кирпича).

Свидетельство иноязычного источника можно было бы не упоминать, если бы не множество сходных трактовок вала, известных по летописным описаниям более поздних русских событий. О насыпке "вала" в стены Твери упомянуто под 1373 г., а в Рогожском летописце под 1361 г. возведение городней также сопровождалось перемещением в него вала-грунта: "и на Великом Новѣграде около города копали ровъ да, валь рубя, засыпали" (ПСРЛ. Т. 11. С. 19; Т. 15. Вып. 1. С. 72). Впоследствии (под 1387 г.) в подобных оборотах термин "вал" сменился более привычной "землей": "того же лѣта у града Тфери около валу рублиша кожухъ и землю насыпаша"** (ПСРЛ. Т. 11. С. 93). Таким же образом отражена постройка стены в никоновской Повести о взятии Казани (под 1553 г.): "острогъ бѣ их рублен городнями и землю насыпанъ" (*Pannonopt*, 1956. С. 123). Приблизительно к тому же времени относится и свидетельство папского легата А. Поссевино, отмечавшего, что некоторые русские крепостные стены возводятся из срубов, забитых землей и песком (*Поссевино*, 1983. С. 44). Эти выдержки из летописных текстов указывают на идентичность описанных позднейшими источниками стен с внутривальными устройствами домонгольского времени.

* Об осаде кратко упомянуто в Лаврентьевской летописи под 1219 г. (ПСРЛ. Т. 1. С. 445), а полная версия рассказа сохранилась в статьях 1219 и 1220 гг. Воскресенской, Никоновской и Тверской летописей (ПСРЛ. Т. 7. С. 174; Т. 10. С. 83; Т. 15. С. 330).

** К этому тексту имеется красноречивая иллюстрация в Лицевом летописном своде XVI в. (второй Остермановский том. Л. 468; *Арциховский*, 1944. С. 72).

Крепостные стены. В поисках свидетельств о реально существовавших защитных преградах на другую сторону символических "весов" древних оборонительных воззрений отложим 36 летописных упоминаний о городских и крепостных стенах, также неодинаковых по смысловой и понятийной нагрузке.

Первая группа содержит семь прямых и наиболее однозначных упоминаний. В Ипатьевской летописи стены "забральные" известны с 955 г. (ПСРЛ. Т. 2. С. 50), а "стѣна градская" в Повести временных лет упомянута под 988 г. (ПСРЛ. Т. 1. С. 109). О киевских стенах начала XI в. известно из саги об Эймунде (Сага об Эймунде, 1978. С. 95), но максимум сведений содержится в описаниях монгольского нашествия. Так, при осаде Киева в 1240 г., когда "пороки" кочевников "выбиша стѣны, возиидоша горожаны на избыть стѣны" и продолжали сопротивление, пока и эти преграды не были разрушены (ПСРЛ. Т. 2. С. 785). Позже Батый подошел к Колодяжину, поставил осадные пороки, но "не може разбити стѣны" (ПСРЛ. Т. 2. С. 786). О том, что стены являлись основным препятствием захвата города, показывает и вышеприведенный сюжет об осаде Козельска (ПСРЛ. Т. 1. С. 522). Косвенно это подтверждается и описанием штурма Владимира, где татары "внидоша по примету в город чрес стѣну" (ПСРЛ. Т. 1. С. 517).

Вторая группа (19 примеров) связана с оценкой конструкции защитных стен и знакомит с приемами их штурма. Из этих примеров ясно, что городские стены состояли из срубов-городниц (в Римове под тяжестью защитников обветшавшей крепости "летѣста двѣ городници с людми"; ПСРЛ. Т. 2. С. 647, 648). По сюжетам 1097 и 1159 и 1281 гг. угадывается и приблизительная высота крепостных стен.

Хорошо известны и заборолы – протянувшаяся поверх стен узкая площадка для средоточия защитников крепости, их передвижения и несения дозорной службы (ПСРЛ. Т. 2. С. 647, 878; Слово..., 1950. С. 27). Поэтому противник в первую очередь стремился сбить их "с города" (ПСРЛ. Т. 2. С. 852). Термин "забрало" обозначал защиту, а "забральник" – защитника (Срезневский, 1893. Т. I. С. 896, 897; Кочин, 1937. С. 117; Раппопорт, 1956. С. 124, 125; Поннэ, 1962. С. 20, 21). Лицевые фасы заборол укрепляли бревенчатыми или дощатыми стенками: в одних случаях это были низкие парапеты – и тогда ливень стрел не позволял защитникам "выникнути из заборол" (ПСРЛ. Т. 2. С. 852). В более высоких брусстерах устраивали бойницы: князь Мстислав "внезапу оударень бысть подь назуху стрѣлою на заборолѣхъ сквозѣ дску скважню" (ПСРЛ. Т. 1. С. 272). Вероятно, простейшие надстройки продолжали вертикальную ось лицевого фаса стен (рис. 22, 2). Не исключено, что ритмично прорубленные скважни-бойницы сообщали парапетам зубчатый абрис, подобный изображенному на металлической пластине из Княжой Горы (Мезенцева, 1968. С. 23) (рис. 22, 1).

Заборолы другого типа упомянуты в Ипатьевской летописи под 1281 г.: нападавшие "начаша побадыватися копыи, и мнози язвени быша на городѣ ово от копии, ово от стрѣл" (ПСРЛ. Т. 2. С. 886). Видимо, раны защитникам наносили сквозь нижние бойницы консольно выдвинутого настила заборол. Схожие бревенчатые надстройки применялись в западноевропейских каменных крепостях XII–XIII вв. (Виолле-ле-Дюк, 2007. С. 132). В Московском государстве

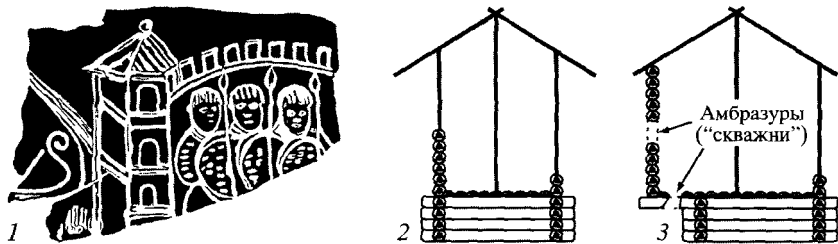

Рис. 22. Элементы крепостных стен

1 – изображение городских укреплений на пластинке с городища Княжая Гора (по Г.Г. Мезенцевой); 2 – заборолы в виде низкого парапета; 3 – заборолы в виде консоли ("обламы")

XVI–XVII вв. выносные заборолы именовались "обламами" (Красовский, 1916. С. 101) (рис. 22, 3).

С заборол защитники металы в противника стрелы и копыя, а также обрушивали орудия невоенного назначения. В трех случаях это были камни: "идоущоу же камению со забралъ, яко дъждю силноу" (ПСРЛ. Т. 2. Под 1229 г.: С. 755; под 1251 г.: С. 819; под 1281 г.: С. 886). Никоновская статья 1159 г. расширяет перечень подручных ударных средств: защитники Киева уверяли князя "можем бо брань творити с ними из града; все бо у нас оружие есть: и камѣнь, и дрѣва, и копыя, и вар" (ПСРЛ. Т. 9-10. С. 218). Под "варом" обычно понимается кипяток: в Любече около стен находили обломки больших медных котлов для разогрева воды (Рыбаков, 1982. С. 427). А "дрѣва" – это, видимо, заранее закрепленные на кровлях стен обрезки бревен: в XVI–XVII вв. они именовались "катками" (Ласковский, 1858. С. 93).

В литературе иногда заборолы толкуются как парапеты для защиты боевой площадки крепостной стены (Губайдуллин, 2006. С. 61). Это объясняет лишь оборонительные функции их внешнего ограждения. На самом деле плач Ярославны, видимо, разносился с площадки путивльских стен, жителям Римова также было удобнее отражать нападение Кончака, стоя на ровной поверхности. В Изборнике Святослава указано: "по забралом ходиши градным", а в 1278 г. пруссы "быша аки мертвъ, стояще на заборолѣ города" (Срезневский, 1893. Т. I. С. 896; Раппопорт, 1956. С. 124).

В процессе осады прочность стен заставляла степняков "лѣствици приставлявати к городу, и тако полѣзоша на городъ" (ПСРЛ. Т. 2. С. 852). В четырех случаях упоминались приметы, упрощавшие восхождение на стены.

Третья группа. Термин "город (град)" в источниках нередко служил синонимом городских стен, чем по сути он и являлся изначально. Соответственно и процесс строительства городов обобщенно передавался устойчивыми оборотами "срубить город" или "(по)ставить город" (но никак не "насыпать"). Таких упоминаний множество, но третью группу ограничим восемью примерами, где термин "город" однозначно синонимичен крепостным стенам. Часть известий этого летописного пласта упомянута выше, где описывалось применение татарами осадных лестниц и практика сбивания "с города" заборол. Кроме того, в 1115 г. вышгородцы "покрили бяху градъ и забрала" (ПСРЛ. Т. 2. С. 281).

В 1240 г., когда татары разрушили внешние киевские укрепления, "гражанъ же создаша пакы друугии градъ около святой Богородицы" (ПСРЛ. Т. 2. С. 785). А в Возвыгле в 1258 г. "гражанъ же видивши ратных мало со княземъ, смѣяхоуся стояще на градъ" (ПСРЛ. Т. 2. С. 839).

Сходно описывались монгольские укрепления, устроенные вокруг осажденного города: "придоша к Соудомирию и обстоупиша и со всѣ сторонѣ, и огородиша и около своим городом, и порокъ поставиша" (ПСРЛ. Т. 2. С. 852). Примером образного определения защитных сооружений является построенный на Калке "городъ в кольях" (НПЛ. С. 63, 266). Более символично термин использован в статье 1149 г.: "сташа новгородьци на острове, а они противу ставше, начаша город чинити в лодьях" (НПЛ. С. 28, 215).

Четвертая группа. Завершить обзор можно двумя примерами, которые показывают, что облик защитных стен вошел в письменные источники как символ мощи и надежности. Это образец летописной метафоры, усиливающей представление о прочности кочевнического окружения, блокировавшего войска Игоря Святославича: "яко стѣнами силнами огорожени бяхоу полкы половѣцскими" (ПСРЛ. Т. 2. С. 644). Под 1169 г. образная символика использована в ином контексте: "берендѣеве же яша князя за поводъ и не даша имъ ѣхати, рекуше: не ѣздите вы напередъ, – вы есте нашъ городъ, а мы поидемъ напередъ" (ПСРЛ. Т. 1. С. 360). Здесь в переносный смысл афористичного оборота вложено представление о тактическом комплексе боевых сил приграничья: легкая федеративная конница всегда служила авангардом менее подвижных, но сильнее сопротивлявшихся удару русских дружин.

Рассмотренные случаи применения "вальной" терминологии, относящиеся к домонгольским событиям, показывают, что в подавляющем большинстве летописцы или их информаторы не усматривали за земляными валами и греблями никакой защитной роли, – в этих сюжетах насыпи использовались исключительно в качестве топографических ориентиров. Неопределенной осталась и защитная оценка валов-гребель в сюжетах, связанных с осадой Козельска и символическим раскапыванием остатков городских укреплений победителями. Это не исключает, что современник наблюдал возведенные на гребнях валов деревянные стены, подобные каменным укреплениям Ладоги. Еще в двух примерах термин "вал" истолкован как перемещенный изо рва засыпной грунт, необходимый для сооружения крепостных стен. Единственное свидетельство о насыпке именно оборонительного вала во Владимире содержится в недостаточно качественном родословце, информация которого вызывает определенные сомнения. Поэтому на 29 приведенных летописных выдержек приходится единственный пример использования вала в оборонительных целях, когда Владимиру Мономаху приходилось в экстремальных условиях защищаться, опираясь "о малу греблю".

Таким образом, в наиболее ранних летописных источниках, повествующих о событиях домонгольского периода, нет достаточно надежных свидетельств о том, что современники расценивали земляные валы в качестве намеренно соз-

даваемых защитных преград. Этому соответствует скудность летописной терминологии, позволявшей описывать облик, конструкцию или степень надежности земляных насыпей.

Этому массиву летописных упоминаний противостоят 36 сюжетов, содержащих неизмеримо более подробную и детализированную информацию о крепостных стенах. Ей соответствует применявшаяся летописцами развитая конструктивно-техническая лексика, обозначающая вертикальные преграды и их элементы. Она убедительно показывает приоритетную значимость и жизненно важный интерес современников к защитным функциям стен. Ничего подобного не наблюдается в источниках по отношению к валам, поэтому вернемся к вопросу о происхождении этого термина.

Лингвистически этимологическое ядро "вала" имеет общеславянский характер: его корневая основа и производные от нее встречаются практически во всех юго-, западно- и восточнославянских языках. Считается, что термин был заимствован славянами из средневенгерского "wal"; его аналогией является древнесаксонское "wal" и англосаксонское "weal". В свою очередь этот лингвистический массив восходит к латинскому "vallum" – защита, изгородь, частокол или насыпь с частоколом, а также собирательному понятию "vallus" – свая, столб, кол (не исключено, что это пример лексического отражения древнейших частокольных стен). Позже в общеславянской и немецкой ("wall") лексике термин обратился в "земляную насыпь". Но в английском языке "wall" сохранил более древнее значение – "стена" (*Бурдон, Михельсон, 1917. С. 106; СРЯ, 1891. Т. I. С. 333; Срезневский, 1893. Т. I. С. 225; Преображенский, 1959. Т. I. С. 63; Дворецкий, Корольков, 1949. С. 910; ЭСРЯ, 1968. Т. I, вып. 3. С. 8; Черных, 1994. С. 132*).

Очевидно, языковые разночтения прообраза "валов" и "стен" весьма древние, коль еще в VIII в. Беде Достопочтенному, автору "Церковной истории народа англов", пришлось вносить ясность в терминологические тонкости, связанные с позабытым к тому времени именованьем типов древней фортификации. Он уточнил, что император Септимий Север в начале III в. отделил в Британии непокоренные земли "не стеной, как считают некоторые, а валом. Ибо стена строится из камня, вал же, которым укрепляется лагерь для отражения вражеской силы, делается из кусков дерна; из этих кусков, вырезанных из земли, возводится нечто вроде стены высоко над землей так, что впереди находится ров, из которого вынули дерн, а выше втыкаются колья из самого крепкого дерева" (*Беда Достопочтенный, 1970. С. 211*).

И поскольку древнему церковному историку пришлось уточнять, что "wall" это все же род стены, то путь контаминации термина "вал = стена" в "вал = насыпь" определился, видимо, задолго до VIII в. А в древнерусских письменных источниках значение термина "вал" настолько удалилось от английских корней, что сложилось и вовсе обезличенное представление о земляных насыпях-ориентирах. Но позже, с появлением огнестрельного оружия, когда нужно было быстро создавать множество невысоких полевых насыпей, вспомнились и общеславянские корни этого термина. Поэтому современные терминологические словари под "валом" понимают "земляную насыпь грядой или гребнем, для

укрепления и защиты места от неприятеля", "насыпь, служащую укреплением" или "вал крепостной, оборонительное сооружение" (*Даль*, 2000. Т. I. С. 162; *СлРЯ*. 1975. Вып. 2. С. 12; *Кочин*, 1937. С. 40).

В источниках порой встречаются примеры иных представлений о сущности валов (к сожалению, их нельзя отнести к наиболее ранним). "Вал разрушенного города" упомянут Гельмольдом в рассказе о событиях 1130–1140-х годов (*Славянская хроника*, 1963. С. 138). В Тверской летописи под 1224 г. описаны остатки города, который был "обрыт под Гремячим колодезем на реце Где, иже и ныне тот соп стоит пуст" (*ПСРЛ*. Т. 15. С. 338). В 1678 г. русский дипломат Н.Г. Спафарий записал, что "в левой стороне осыпь земляная вместо городка" (*СлРЯ*, 1987. Вып. 13. С. 173), а чешский путешественник Б. Таннер обрисовал внешний вид валов как "большие следы разрушенных стен" (*Таннер*, 1891. С. 67). А это напоминает об альтернативной трактовке "защитных" валов как осыпей или руин некогда вертикально вздымавшихся крепостных стен.

Вместе с тем в XI в. киевский "город Ярослава" был обнесен намеренно сооруженным и конструктивно сложным валом, служившим основанием для невысокой древо-земляной стены (*Висоцький*, 1979. С. 34). Не исключено, что это свидетельство появления новой фортификационной традиции намеренного возведения валов. К ней с известными оговорками можно отнести и переводное известие о Владиславе Великом, который в 1227 г. "окружил крепость Устье валом" (*Великая хроника...*, 1987. С. 146). Поэтому неудивительно, что в позднем княжеском летописце появились ретроспективные сведения о намеренной насыпке вала вокруг Владимира Залесского. Впрочем, эти гипотетические построения нуждаются в более глубокой проработке на основе археологических источников.

Конструктивные особенности наземных стен

Однозначные и всесторонние показания летописных источников о приоритетной оборонительной значимости крепостных стен в жизни современников притягивают особое внимание с археологической точки зрения.

Современные воззрения на устройство оборонительных сооружений сложились не сразу, но сейчас в литературе, пожалуй, не осталось сомнений в том, что внутривальные каркасы городищ могут быть использованы для изучения наземных укреплений. Традиционно в первую очередь речь пойдет об идентичности внутривальных и наземных сооружений, где валы играли роль конструктивно сложных фундаментов (*Довженок*, 1950. С. 53; *Раппопорт*, 1956. С. 120–122; *Куза*, 1985. С. 169; *Кучера*, 1999. С. 78).

Доказательством синхронного строительства обеих составляющих крепостного защитного комплекса считается обугленность примыкающих к дневной поверхности внутривальных устройств (*Кучера*, 1969. С. 187). На это указывают следы пожарищ, которые в Заречье одновременно, сверху и до основания, уничтожали внутривальные срубы. А в Старых Безрадицах верхний абрис истлевших бревен повторяет очертания дернового слоя: напротив крутого откоса

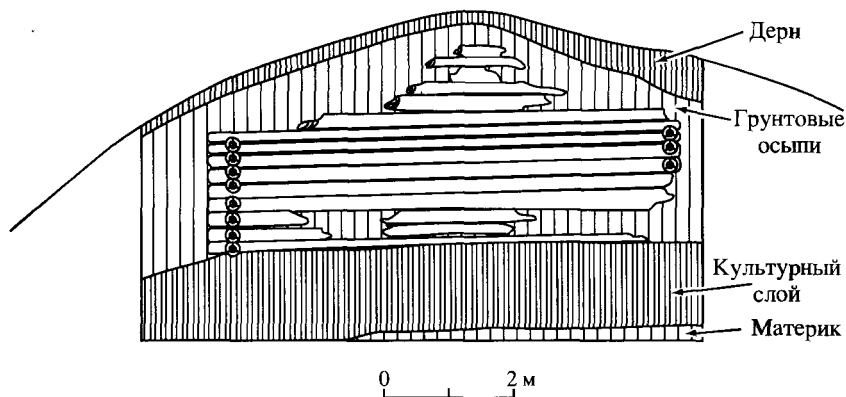

Рис. 23. Разрез вала городища Старые Безрадичи (по П.А. Раппопрту)

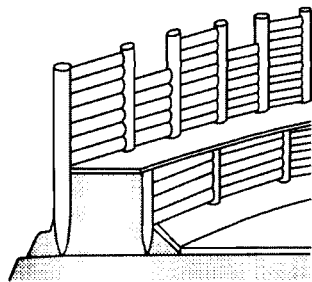
ко рву сруб сохранился на 9 венцов, под склоном к площадке – на 10 венцов, а под гребнем вала прослеживаются бревна пятнадцати венцов (Раппопорт, 1956. С. 100, 120–122; 1967. С. 136; Довженок и др., 1966. С. 33, 34; Кучера, 1999. С. 78, 79). Рис. 23. Таким образом, верхний абрис бревенчатой стены составляет фигуру, подобную сечению дневной поверхности дерна: их разделяет лишь узкая прослойка, где вследствие естественной аэрации и гидратации сохранность древнего дерева невозможна; очевидно, в древности крепостная стена возвышалась над площадкой крепости.

Известны и прямые доказательства существования наземных стен. В Изборске каменная стена IX в. была возведена поверх вала, сложившегося из ранней стены столетием раньше (Седов, 2002. С. 196). В Екимауцах развал надвального бревенчатого укрытия перекрыл скелеты защитников (Федоров, 1953. С. 106, 107). Остатки 28-метрового пролета обвалившейся стены были прослежены и под гребнем вала летописного Воиня (Довженок и др., 1966. С. 33). И, наконец, это уже упоминавшаяся выше бревенчатая стена, возведенная поверх вала "города Ярослава" в Киеве (Высоцкий, 1979. С. 24–37; Высоцкий, 1981. С. 154–173). Подробнее см. Приложение 2.

Непрост был и путь изучения конструкции наземных стен. На ранних памятниках нередко встречаются остатки однорядных частоколов и каркасно-столбовых преград. Возведенные на ровном месте, они при разрушении не оставляли насыпей. Иное дело – двухрядные сооружения этого типа с грунтовой забутовкой: такие бревенчатые конструкции во многом напоминают античные стены из каменных панцирей, промежутки между которыми плотно засыпался землей, щебнем и боем кирпича. Городищенские насыпи со следами частокольных панцирей в лесостепи появились в скифскую эпоху. На городище Липино в Посеймье их основания прослежены как две параллельные канавки полуметровой ширины и глубины (Засурцев, Лисицына, 1968. С. 53).

В Южной Руси стены столбового типа доживают до середины X в. Раскопки вала городища Левенка на р. Вабле в Стародубском ополье позволили

Рис. 24. Реконструкция первоначального вида каркасно-столбовой крепостной стены городища Левенка (по В.П. Коваленко и Е.А. Шинакову)

реконструировать первоначальный вид каркасно-столбовых укреплений (Коваленко, Шинаков, 1997. С. 99). Рис. 24. При перепланировке укреплений дегинца Изборска в середине X в. он был обнесен комбинированной двухпанцирной засыпной преградой, где частокольные стенки чередовались с каркасно-столбовыми (Седов, 2002. С. 197). На городищах VIII–X вв. на территории Молдавии встречается переходный тип укреплений. Подражанием срубным там являлись наземные стены из двух рядов параллельных столбов, вкопанных в землю таким образом, что они образовывали квадратные в плане клетки (Тельнов, 1995. С. 78).

В Перемышле на р. Сан уничтожение двухрядно-частокольных стен связывают с нападением войск Владимира Святославича в 981 г. Потом на их месте были возведены стены из городней (Терский-Шеломенцев, 1990. С. 103). Аналогичную реконструкцию укреплений летописного Теребовля связывают с походом великого князя на хорватов в 993 г. (Тимошук, 1988. С. 341). При сходных обстоятельствах укрепления заменяли срубными около рубежа X–XI вв. в Путивле, Каменном и на юго-западном краю Донецкого городища (Шрамко, 1962. С. 334, 335).

К началу XI в. столбовые преграды дегинцев, похоже, полностью вышли из фортификационного оборота. М.П. Кучера допускал два исключения из этого: 1 – частоколы могли временно использовать в период возобновления срубных стен; 2 – такими стенами могли обстраивать гребни внешних линий валов "болоховских" городищ (1999. С. 81, 82). Несмотря на существование многослойных внутривальных каркасов, применительно к распространившимся в Южной Руси в X в. срубным конструкциям симбиоз валов и стен традиционно рассматривался как единовременно созданное укрепление, и все последующие заключения исходили из этой аксиомы.

Так, П.А. Раппопорт обратил внимание, что обычно сохраняются (и порой доходит до гребней валов) лицевые и боковые стенки внутривальных срубов. Отсюда следовало, что наземные стены могли представлять собой цепочки из трехстенных (П-образных) клеток, открытых к площадке, т.е. пустотелых (Раппопорт, 1956. С. 121, 122; 1967. С. 136). Рис. 25. На новейших материалах ошибочность трехстенной гипотезы была показана М.П. Кучерой (Кучера, 1969. С. 186, 187; 1999. С. 78–80). Он справедливо полагал, что П.А. Раппопорт не учел худшей сохранности краевых венцов: прилегая к площадке, они располагались слишком близко к дневной поверхности. По его мнению, эффективность укреплений зависела не столько от мощности вала, сколько от прочности возведенных на их гребнях стен, а четырехстенные срубы позволяли увеличивать их размеры путем создания двух и более рядов параллельных и взаимосвязанных между собой срубов. Но при этом оба ряда представлялись ученому пустотелыми, т.е. клетями.

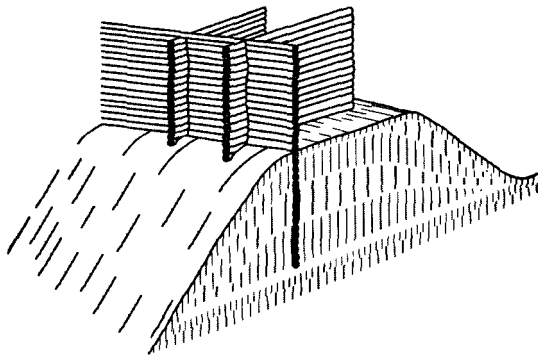

Рис. 25. Облик наземной крепостной стены (по П.А. Раппопорту)

Последнее заключение вызывает некоторые сомнения: пустотелость крепостных стен должна сказываться на их прочности. А этому противоречит устойчивость городских укреплений к ударам монгольских камнеметных устройств: порой нападавшим удавалось сбить с них лишь более

легкие заборолы. Наряду с этим внутривальные аналоги указывают, что городни засыпались грунтом. Только такое решение может придать стенам необходимую прочность и высоту, а эффективность такого конструктивного решения подчеркивается его широким применением вплоть до Нового времени.

Особый тип наземных защитных устройств представлен археологически примерами невысоких стен, состоящих из цепочки клетей. Отсутствие внутренней засыпки не позволяет принять их за внутривальные каркасы, что сказалось и на их современном облике: валы на их месте крайне невысоки, а порой и вовсе визуально не прослеживаются. Большой частью линии стеновых клетей возводились на периферийных участках укреплений, на береговых мысах с крутыми склонами; не исключено, что их строили и поверх гребней валов значительной мощности.

По мнению исследователей, на городищах юго-запада Руси такие клетки являлись "боевыми камерами" с амбразурами для ведения стрелкового боя: в Ломачинцах, Молодии, Недобоевке, Черновке и других памятниках плоские перекрытия клетей сохранили следы каменного замощения, подобно боевому ходу заборол (Тимощук, 1982. С. 82, 101, 114; Возний, 1997. С. 133). Начиная с середины XVI в. схожая система взаимосвязанных полых срубов служила для размещения стрелков и пушек и называлась тарасами. Подобно домонгольским клетям они перекрывались бревенчатым настилом с бруствером и снабжались двухскатной (?) кровлей (Красовский, 1916. С. 98; Фриде, 1924. С. 129–133). П.А. Раппопорту домонгольские аналоги тарас не были известны, поэтому он отрицал вероятность подобных сооружений домонгольского времени (1956. С. 122–124).

На этом фоне часто встречаемые в составе древо-земляных валов двухсрубные конструкции (городня + клеть) могли быть только руинами стен, поскольку, как показано выше, каркасы городней и клетей рубились одновременно.

Наземные стены требовали определенного ухода, ремонтов, замены отдельных венцов, обустривались они и дополнительными аксессуарами, повышавшими их обороноспособность и сохранность. Как было показано выше, многое из этого известно из письменных источников, а дополнительная информация появляется только археологическим путем. Так, в литературе встречаются сведения о противопожарном *обмазывании глиной* наружных фасадов крепостных

стен: порой обмазка встречается пластами толщиной до 20 см (*Рождко*, 1990. С. 190). Возможно, это чаще практиковалось на юго-западе Руси, а на укреплениях Буковины остатки обмазки более свойственны городищам VIII–X вв. (*Тимошук*, 1982. С. 42, 82, 101, 114, 128, 155, 163, 173). Эта строительная традиция была типична и для фортификации Московского государства, а также широко применялась при строительстве польско-литовских пограничных замков (*Ласковский*, 1858. С. 85; *Клепатский*, 1912. С. 130; *Косточкин*, 1962. С. 202, 203). Порой обмазыванию стен древнерусских городов в литературе придается всеобщий характер (*Логвин*, 1987. С. 163). Но в раскопках завалы обгоревшей глины прослеживаются редко.

Порой среди лицевой части руин городищенских стен встречаются скопления тонких белесых известковых прослоек, по составу и внешнему виду несколько отличающихся от солевых разводов. На городище летописного Снепорода и на Сампсониевом Острове осыпи внешних склонов валов включали и компактные линзы, состоящие из множества известковых чешуек, достигавших полусантиметровой толщины.

Это похоже на следы многоразовой побелки, защищавшей дерево от воздействия зажигательных стрел, подгнивания и порчи вредоносными насекомыми. Наряду с положительными сторонами столь доступной и дешевой обработки поверхности древесины имеются и недостатки такого покрытия: оно быстро смывается атмосферными осадками, оставляя в почве малозаметные разводы. Поэтому исследователи обычно не замечали следов известкования стен (*Морлунов*, 2003. С. 59, 60).

О **перекрытии кровлями** крепостных стен в домонгольских источниках сведений не имеется, но такие перекрытия были необходимы не только для защиты воинов от падающих сверху стрел. Избыток атмосферных осадков мог также вывести из строя разбухавшие от влаги тетивы луков. Наличие крыши защищало стеновую забутовку от осадков, предупреждая преждевременное гниение срубов. В каменных крепостях Западной Европы бревенчатые аналоги консольных русских заборол также перекрывались кровлями, защищенными от влаги и огня невыделанными шкурами, известковой или глиняной обмазкой (*Виолле-ле-Дюк*, 2007. С. 132).

Сведения письменных источников и археологические наблюдения позволяют приблизительно оценить и высоту крепостных стен. Но в литературе этот вопрос был обойден вниманием: летописных известий на этот счет немного, а известные указывали на весьма несолидные размеры городских преград. Возможно, на отсутствие интереса повлияло основанное на позднесредневековых источниках мнение М. Красовского, что в комплексе "вал + стена" определяющую защитную роль играла мощность земляного вала. Он не усматривал оборонительного смысла в насыпях, не достигавших высоты косой сажени (2,16 м), но допускал постройку на мощном валу невысоких частокольных или срубных преград (*Красовский*, 1916. С. 93, 96; *Довженок*, 1950. С. 51, 53; *Воронин*, 1951. С. 444, 450–452).

В свою очередь археологические наблюдения показали, что размерному многообразию домонгольских городищ соответствует разноразличная величина валов

и рвов. С этим пришлось считаться после того, как П.А. Раппопорт вывел прямую зависимость между величиной городищ и оборонительной значимостью населенных пунктов, оставивших эти памятники (*Раппопорт*, 1967. С. 186–190). На более широком исследовательском поле эту аксиому подтвердил А.В. Куза (1989. С. 40–70), а на региональном уровне ей соответствовали и пограничные городища Посулья (*Морзунов*, 1990. С. 96–106). В этом структурно-иерархическом ряду, по сравнению со средними и малыми, крупнейшие поселения располагали не в пример более мощной и совершенной оборонительной системой. Поэтому в изучении высоты древних укреплений широкие обобщения вряд ли допустимы.

Обратимся вновь к письменным источникам и сверим их показания с археологическими остатками защитных устройств.

Вегений рекомендовал снабжать армейские лагеря созданными из земли и дерна преградами наименьшей мощности. Их высота, в зависимости от количества врагов и долговременности стоянки, в пересчете с римских футов (0,296 м) была от 0,9 до 1,2 м (*Вегений*, 1940. С. 242). Равновеликое временное константинопольское укрепление VI в. из бревен и досок едва достигало уровня груди ее защитников (*Свод древнейших...*, 1995. С. 129). Археологической аналогией таких укреплений является каменная стенка северянского городища Гаевщина высотой 1,2 м; на скальном городище Тустань минимальные преграды также не превышали 1,3 м (*Рождко*, 1996. С. 141). Из поздних аналогий известна протяженная преграда, в XVI в. возведенная вдоль Оки: "один против другого были набиты два частокола в 4 фута высотой, и это расстояние между ними было заполнено землею, выкопанной за задним частоколом" (*Штаден*, 1925. С. 110).

По сути это был бруствер или парапет, который укрывал от поражения нижнюю половину тела, но позволял вести стрельбу из лука и использовать иное метательное оружие. Такими преградами обстраивались обычные заборолы: выше приводились примеры, когда интенсивная стрельба снаружи не позволяла осажденным выпрямиться во весь рост ("выникнути из заборол"). Оплоты, достигавшие уровня груди, в литературе считают второстепенными, дополнительными (*Ласковский*, 1858. С. 91; *Красовский*, 1916. С. 93, 95). Тем не менее они представляются пригодными и для небольших поселений: сочетание невысокого парапета с неглубоким рвом могло остановить напор в массе неготового к осадным действиям противника и поставить его под удар ручных метательных орудий. Еще эффективнее такое устройство могло служить на краю высокого берегового склона.

Очевидно, вышеприведенные размерные параметры определились в глубокой древности и отражают сложившийся эмпирически удобный для широкого применения стандарт наименьших укреплений. Косвенно на это указывает наблюдение Ф. Ласковского, тщательно изучавшего относительно позднюю фортификацию. В итоге военный инженер за минимально возможную высоту снабженных бруствером крепостных стен принял косую сажень (*Ласковский*, 1858. С. 85). С известной долей условности это означает, что за вычитанием из 2,16 м

средних значений высоты бруствера (0,9–1,2 м) на долю собственно стены остается высотный интервал между 0,96 и 1,26 м. Это очень важный показатель, раскрывающий метрическое воплощение представлений историков фортификации о величине рубившихся поверх валов "низких срубов, заполненных землею".

Другие преграды были сопоставимы или несколько превышали рост человека. Вероятно, подобная крепостная стена упомянута в сюжете Повести временных лет 1097 г. об осаде Луцка: "горожане скочиша с града и почаша съчи воѣ Давыдовы" (ПСРЛ. Т. 1. С. 272; Т. 2. С. 247). Близкими по высоте могли быть и укрепления летописной Ушицы: в ходе ее осады городские "смерди скачуть чересь заборола къ Иванови" (под 1159 г.: ПСРЛ. Т. 2. С. 497). Валы Ушицкого городища ныне возвышаются на высоту до 1,6 м (*Кучера, Горишний, 1983. С. 69*); этим они близки к валам среднестатистических городищ летописных городов Посулья (*Моргунов, 1990*). В более позднее время сопоставимыми укреплениями располагали достаточно крупные центры. В 1373–1374 гг. началась постройка каменных посадских стен Пскова: "поне же была старая стена зделана з дубом мало оузвыш мужа" (Псковские летописи, 1955. С. 29, 105). Аналогичной была и высота построенных в 1537 г. новгородских бревенчатых стен: "и поставили город в человек стоящ в высоту около всее стороны" (*Фриде, 1924. С. 135*).

На археологических материалах Б.А. Рыбаков оценивал древнюю высоту стен подмосковного Звенигорода (рубеж XIV–XV вв.) как несколько превышавших человеческий рост (1949. С. 131). С близкими размерами укреплений согласилась исследовательница донского городища X в. Титчиха А.Н. Москаленко (1965. С. 133); столь же невысокими считал обычные крепостные стены Н.Н. Воронин (1951. С. 451). Судя по величине развала, высота стен летописного Воиня составляла около 2,5 м (*Кучера, 1999. С. 79*), такой же величиной оцениваются и каменные ограждения изборского детинца X в. (*Седов, 2002. С. 198*). Наиболее точно обоснованная археологически высота стен "города Ярослава" достигала 2,24 м.

Стены 3-метровой и большей высоты в бытовом понимании принято ситуационно идентифицировать с применением штурмовых лестниц. Думается, что это представление не вполне адекватно осадной практике: лестницы необходимы для штурма меньших стен и для преодоления крутых склонов рвов и валов. В свое время П.А. Раппопорт на основании известия Ипатьевской летописи под 1281 г. о ранении осажденных копьями сквозь нижние бойницы выносных заборол (ПСРЛ. Т. 2. С. 886) определял высоту этих стен в 3-метровых пределах (*Раппопорт, 1956. С. 126*). В своих вычислениях он руководствовался расположением наконечников копий в погребениях, позволяющих принять за их длину рост погребенных, т.е. 1,8–2,0 м (*Киртичников, 1966-2. С. 9*). О более мощных укреплениях в письменных источниках сведений нет, но отрицать вероятность существования древо-земляных стен значительной высоты, вероятно, было бы неправильно.

Валы как руины крепостных стен по археологическим данным

На основании множества разрезов древо-земляных валов и в соответствии с доминирующими представлениями об их защитной сути в археологической литературе обычно подразумевается, что насыпи создавались одновременно. Реже авторы отмечают вероятность насыпки вала в два или три приема, а прошедшее между этими приемами время обычно считалось непродолжительным. При этом подчас забывается о существовании различных типов валов. В простых насыпях прослеживаются остатки одного бревенчатого устройства (единственного строительного периода), которое по прошествии некоторого времени эксплуатации сгорело или по иным причинам перестало использоваться и затем истлело.

Как показано выше, современники не усматривали за валами защитных свойств, а представление о намеренной отсыпке вальных откосов утратило убедительность. Поэтому воспользуемся наработками альтернативной гипотезы, расценивавшей валы в качестве руин вертикальных стен (исключив постулат о всеобщности ее применения). И, продвигаясь от простого к сложному, для начала рассмотрим простейшие, но наиболее убедительные модели валов, появившиеся на ровной дневной поверхности и содержащие конструкции единственного строительного периода.

Валы с лицевыми сырцовыми кладками и другие однослойные насыпи

Среди земляных валов с порой весьма сложными, но одновременно созданными внутренними каркасами резко выделяется недолго употреблявшийся в русской фортификации тип внутривальных конструкций с наружными кладками из сырцового кирпича. Литература, посвященная этим сооружениям, обширна: хорошо изучена хронология их применения и строительные особенности на различных памятниках, намечены и вероятные пути их проникновения на Русь. Но первоначальный облик этих сооружений во многом остается загадочными.

Такие укрепления получили известность после раскопок В.В. Хвойко в 1909 г. городища летописного г. Белгорода (*Полонская*, 1911), хотя ранее смывы сырцовых блоков были зафиксированы в Киеве на склонах "города Владимира" (*Милеев*, 1909. С. 132). Позже подобные устройства изучались на городищах Переяславля, Тмутараканя и в Заречье на р. Стугне (*Раннопорт*, 1953. С. 21–23;

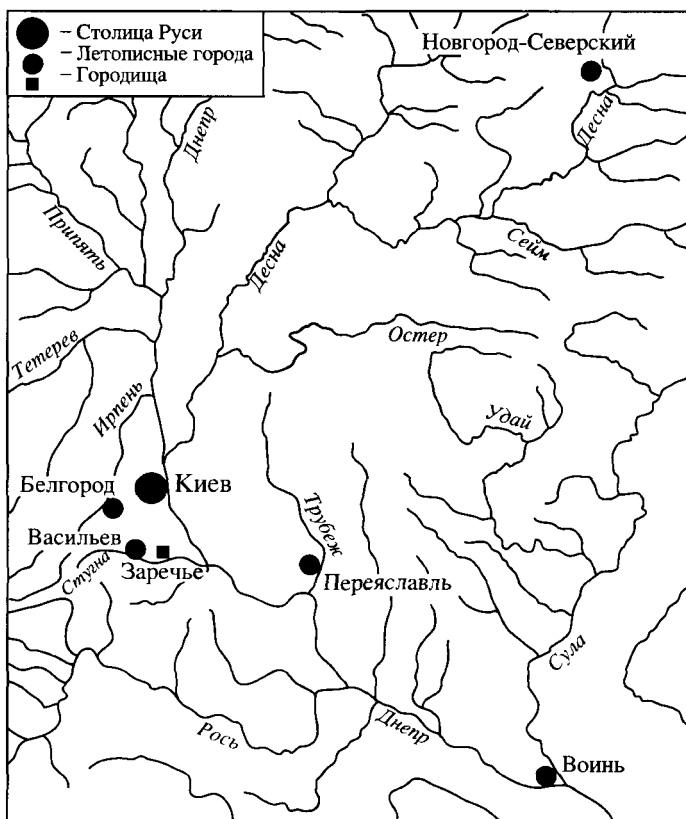

Рис. 26. Среднеднепровские укрепления с лицевыми кладками из сырца

1956. С. 142, 87). Перемешанные остатки сырцовых кирпичей найдены во рву летописного Воиня (Довженко и др., 1966. С. 26), в Новгороде-Северском (Куза и др., 1996. С. 5), а их наилучшая сохранность зафиксирована в летописном Василеве (Холостенко, 1965. С. 70; Малеев, 1984. С. 106). Рис. 26.

В подобных валах содержится мощный панцирь из горизонтальных рядов сырцовых кирпичей, снаружи примыкавший к цепочке забутованных материковым суглинком невзаимосвязанных между собой городней (рис. 27, 1). Внутренний фас сырцовой стенки по вертикали смыкался с городнями, на его лицевой стороне иногда прослеживается от одной до пяти ступенек (Раннопорт, 1956. С. 77, 82–88). Современная высота кладки насчитывает от 2,5 м в Заречье до 4,0 м в Василеве; на последнем памятнике сырцом на высоту 9–10 м был укреплен и вертикальный обрыв городищенского мыса. Это самые высокие из известных одновременно построенных на ровном месте конструкций. Такие валы обычно окружали детинцы, и только в Белгороде сырец встречался в насыпях окольного города (Линева, 1984. С. 73).

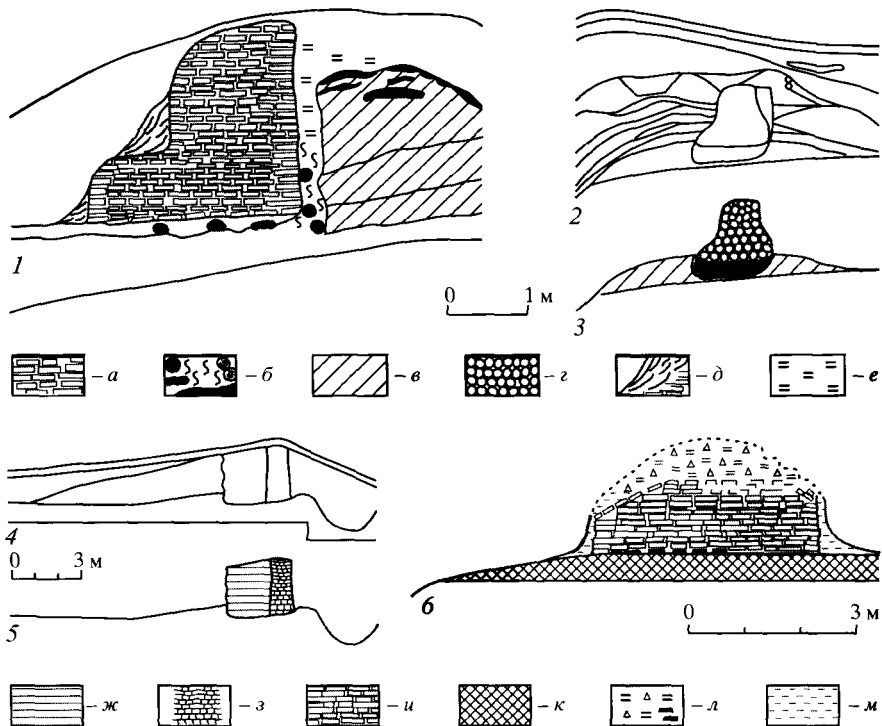

Рис. 27. Внутривальные стеновые конструкции с применением камня, кирпича и сырца

1 – Заречье (по П.А. Раппопорту); 2 – Гаевщина, профиль разреза вала (по Ю.Ю. Моргунову); 3 – Гаевщина, графическое выделение остатков стены; 4 – Стърмен, профиль разреза вала (по Ж.Н. Выжаровой); 5 – Стърмен, графическое выделение остатков стены; 6 – разрез внутривальной стены в Красном (по А.З. Винникову, С.А. Плетневой)

Условные обозначения: а – сырцовый кирпич; б – уголь, зола, обгоревшие бревна; в – утрамбованный суглинок; г – каменные желваки; д – грунтово-сырцовые осыпи; е – обожженный суглинок; ж – пласты дерна; з – сырцовый кирпич; и – кирпичная кладка; к – древний гумусный слой; л – обугленные доски, обожженная глина, щебень; м – глина

Среди других отличий от обычных древнерусских сооружений можно назвать размещенные под сырцовыми кладками фундаментообразные каркасы. В Переяславле это забутованный землей и глиной сруб, его упрощенным вариантом являются грунтовые подушки Белгорода, Заречья (Раппопорт, 1956. С. 75, 87) и Василева (Малеев, 1990. С. 52). В Белгороде, Переяславле и Заречье каркасы закреплялись вкопанными в материк вертикальными столбами. Кроме леса-кругляка, в сооружениях применяли плахи, бревна прямоугольного сечения или кантованные на шесть граней, порой вырубленные из невлагостойкого леса. Еще одной особенностью является скрепление срубов крупными (длиной до 18 см) гвоздями-костылями (Раппопорт, 1956. С. 80, 88, 90).

Время применения этой техники хорошо известно: согласно летописным сведениям, Переяславль, Белгород и Василев были построены или же реконструировались непосредственно заботами великого князя Владимира Святославича. Этим же временем датируются напластования Заречья, где найден и сребреник начала XI в. (Рыбаков, 1965. С. 127). Время активного функционирования иных подобных укреплений также укладывается в узкие рамки 988–1015 гг., когда Владимир проводил в жизнь программу защиты Руси от печенегов, возводя крепости (ПСРЛ. Т. 1. С. 121). Позже сырцовые кладки не встречаются (Раппопорт, 1953. С. 24; Куза, 1985а. С. 168; Малеев, 1990. С. 53; Моргунов, 1999. С. 70).

Столь краткий период применения на Руси своеобразной техники строительства крепостных стен и быстрое исчезновение из фортификационного обихода может говорить о ее привнесении с территорий, где создание стеновых панцирей было привычной традицией.

Крепостные стены из сырца, к примеру, были распространены в среднеазиатской фортификации, где такой строительный материал был повсеместно доступен (Воронина, 1964. С. 42). Поиск аналогий плодотворен и среди древностей более близких восточных и юго-восточных соседей Руси. На это обращал внимание П.А. Раппопорт: в VIII–X вв. сырцовые облицовки встречались на памятниках Восточного Крыма (Планерское) и нижнего Дона (Кобяково и Семикоракорское городища); остатки схожей стены X в. были обнаружены Б.А. Рыбаковым в Тмутаракани, а в слоях XI – начала XII в. известны и среди развалин Саркела – Белой Вежи. Поэтому исследователь считал, что на Русь эта техника была привнесена с юго-востока и, скорее всего, с Тамани (Раппопорт, 1956. С. 142).

В настоящее время список аналогий можно расширить. Так, сырец нередко использовался в VIII–X вв. салтовским населением лесостепи среднего Дона. В Алексеевке городни снаружи были облицованы слабообожженным кирпичом. В Муходеревке вся оборонительная стена была возведена из сырцовых блоков, а в Колтуновке защитный комплекс слагался из двух тонких кирпичных панцирей, забутованных сырцовой кладкой (Афанасьев, 1987. С.118, 121). Аналогичная картина прослежена и на городище в Красном, где основа валов содержала остатки невысоких стенок, сложенных из сырцового кирпича (Винников, Плетнева, 1998. С. 36). Рис. 27, б.

Истоки появления хазарских сырцовых стен, видимо, следует искать в Византии, откуда были приглашены мастера крепостного строительства. Но при возведении в IX в. крепости Саркел ощущалась нехватка строительного камня. Здесь, как и везде, характер строительства оборонительных стен непосредственно зависел от доступности материалов (Оустерхаут, 2005. С. 141). И спафарокандидат Петрона Каматир в первую очередь велел строить печи для обжига кирпича (Константин Багрянородный, 1989. С. 171). В процессе распространения новой технологии для создания укреплений меньшей оборонительной значимости стали использовать и необожженный кирпич. И по мере освоения и укрепления хазарами своих северных лесостепных окраин к X в.

технические вариации вполне могли усвоиться на местной почве. Отсюда распространение новой, но упрощенной технологии на нижний Дон, в Крым и на Тамань являлось лишь вопросом времени.

Но необычная для Руси высота оборонительных сооружений эпохи Владимира Святославича скорее указывает на южные, а не хазарские традиции. Только мастера, привыкшие создавать тяжелые каменные стены, могли традиционно устраивать под более легкими древо-земляными преградами фундаментные подушки, заключенные в деревянные каркасы. Бревенчатое усиление оснований стен в IX в. практиковалось в болгарской Плиске, а в X–XI вв. во многих ранних церквях Киевской Руси (*Оустерхаут*, 2005. С. 174).

Очевидно, южные корни имело и применение свай: ими закрепляли фундаменты крепостных стен Первого Болгарского царства (*Харбова*, 1981. С. 107). Рядами более тонких колеев уплотняли фундаментные рвы ранних русских церковных и гражданских построек (киевская Десятинная церковь, новгородская Святая София и т.д.). Считается, что это типично византийская техника (*Раннопорт*, 1994. С. 60; *Оустерхаут*, 2005. С. 174, 175).

Столь же необычно для Руси применение брусьев прямоугольного сечения и кантованных на шесть граней бревен, а также невлагостойких пород дерева. А скрепление срубов крупными гвоздями показывает, что руководившие стройками иноземные инженеры не владели исконно русской техникой шипового соединения венцов. Кроме защитных преград, такие гвозди использовались при строительстве дворца, расположенного к юго-востоку от Десятинной церкви (*Раннопорт*, 1994. С. 60).

Только для памятников X и частично XI в. характерно применение невзаимосвязанных между собой городней. Возможно, для Средиземноморья это было антисейсмической мерой, но на Руси устойчивость срубов обеспечивали связывавшие их лицевые сырцовые кладки.

Ступенчатость внешних фасадов сырцовых облицовок близка к болгарским крепостным стенам, которые в VIII–XII вв. возводились не только из камня, но и из кирпича с сырцом (*Овчаров*, 1982. С. 109). Там известны и конструкции с лицевыми каменными кладками. При обновлении обрушившихся стен каменными плитами обкладывались непрочные склоны образовавшихся в результате их разрушения руин-валов (*Овчаров*, 1975. С. 114–115; *Выжарова*, 1987. С. 108; *Морева*, 1987. С. 32). В Ямболе вторая крепостная стена X в. была сложена из необожженного кирпича, который затем прокалился в огне пожара (*Димитрова*, 1987. С. 95). Уточнению конструкции "вала" на городище Стърмен (*Выжарова*, 1987. С. 110) (рис. 27, 4) помогла методика графической расчистки профиля его разреза от зафиксированных автором раскопок поздних отложений и следов разрушений. Она выявила явные остатки вертикальных стен, сложенных из плотного дернового массива, снаружи укрепленного каменной облицовкой (рис. 27, 5).

Следует уточнить, что на придунайской территории Византии традиции каменного строительства имели давнюю историю. В процессе образования Болгарского государства были унаследованы многочисленные остатки забро-

шенных крепостных сооружений, но вплоть до конца X в. они по назначению не использовались. Организуя оборону нового государства в непрерывной конфронтации с Византией, славяне и праболгары первоначально строили более архаичные древо-земляные укрепления. И только во второй половине IX в. там появились первые каменные укрепления, сочетавшие технику строительства современных византийских крепостей с элементами привычного земляного строительства (*Рашев*, 1995. С. 79). Поэтому болгарские аналогии имеют для нас особую ценность.

Таким образом, аналогии нашим преградам с лицевыми сырцовыми обкладками, видимо, следует искать в фортификации болгаро-византийского культурного круга.

В IX–X вв. эта южная традиция прослежена в украинском Прикарпатье, где напольные преграды с внешней стороны укрепляли сложенными насухо каменными обкладками в виде стенок-крепид и панцирных облицовок (*Русанова, Тимошук*, 1981. С. 35; *Тимошук*, 1990а. С. 100). Панцирные устройства и вертикальные крепиды известны на территории великоморавской Словакии и в Чехии (*Раппопорт*, 1956. С. 139; *Шалковский*, 1987. С. 126).

Иногда каменные стены встречаются и на юге Русской равнины, хотя здесь ощущается явный недостаток этого привычного для южан материала. Так, фрагмент внутривальной каменной стены был вскрыт мной на левобережном северянском городище Гаевщина (IX–X вв.), где невысокая стенка-парапет, нависавшая над береговой кручей, была сложена из базальтово-карбонатных желваков моренного происхождения на глинистом растворе (*Моргунов*, 1996. С. 69). В процессе ее возведения использовался полный ассортимент греко-болгарских аналогий: в рыхлой осыпи прежних укреплений была вырыта грунтовая выемка для укладки фундаментного бревенчатого настила, а цокольная часть стены была ступенчатой. Такие приемы оправданы для создания высоких и тяжелых защитных устройств, но применительно к преграде высотой чуть более метра они представляются излишне сложными (рис. 27, 2, 3).

Продолжая поиски путей появления сырцовых кладок в Среднем Поднепровье, напомню, что полутора столетиями раньше нарастание печенежской экспансии заставило хазар воспользоваться услугами греческих фортификаторов. В результате государство обзавелось доселе неизвестным типом оборонительных сооружений, который затем был гибко приспособлен к местным особенностям. Очевидно, в сходных внешнеполитических условиях по этому пути пошел и Владимир Святославич для осуществления антипеченежской оборонительной программы.

Можно было бы принять мнение П.А. Раппопорта о привнесении фортификационных новаций из Тамани или более близких северных окраин Хазарии. Все же не так давно в этих местах воевал Святослав и штурмовал Саркел: ко времени возмужания его сына могли остаться живые свидетели этих походов. Не исключен и возможный около 989 г. факт личного знакомства Владимира Святославича с преимуществами хазарских крепостей (*Срезневский*, 1897. С. 6; *Артамонов*, 1962. С. 435). Но этому противоречит отсутствие на хазарских го-

родищах фундаментных подсыпок, свай, гвоздей и наружной ступенчатости сырцовых облицовок.

Убедиться в преимуществах южного строительного опыта Владимир мог и в процессе осады построенного из камня крымского города Корсуня: осуществить задуманное ему помогло только предательство местного жителя (ПСРЛ. Т. 1. С. 109). Случай же пригласить византийских мастеров мог представиться великому князю на следующий год после осады Корсуня и женитьбы на византийской принцессе Анне. Под 989 г. в Повести временных лет обозначено сообщение о приглашении мастеров для возведения каменной Десятинной церкви, а под 991 и 992 гг. появилось известие о постройке Белгорода и Переяславля (ПСРЛ. Т. 1. С. 121–123; НПЛ. С. 165). В составе их укреплений привычный для южных традиций камень был заменен сырцом, использовались и другие строительные приемы, одновременно применявшиеся греками в русском церковном и гражданском строительстве.

Приглашение иноземных специалистов было обычной практикой средневековья: нередко на места выезжал только зодчий (мастер), руководивший местной строительной артелью (*Pannonopt*, 1994. С. 127, 130). А при создании Киево-Печерского собора Успения Богородицы местных строителей возглавляли четыре мастера из Константинополя (Древнерусские патерики, 1999. С. 12; *Ousterhaut*, 2005. С. 68, 69).

Археологические и исторические параллели также не исключают появления строительных новаций из тесно связанной с Византией Болгарии. На связи с ней указывают походы Святослава 968–971 гг.: тогда он пытался предотвратить поглощение этой страны Византией, но в 972 г. ее восточная часть все же оказалась под властью греков. Эту политику продолжил Владимир Святославич, неудачно попытавшись поддержать Западноболгарское царство Самуила (*Лашуто*, 1968. С. 90), а его сыновья Борис и Глеб были рождены "от болгарыни" (ПСРЛ. Т. 1. С. 80). Не исключено, что в названии Переяславля отражено имя болгарского города Преслава (*Коринный*, 1992. С. 248; *Колибенко, Колибенко*, 2004. С. 155, 156; *Рычка*, 2005. С. 133).

Как бы то ни было, укрепление Владимиром границ при помощи мощных крепостей во многом помогло Руси выстоять против грандиозного печенежского натиска (*Моргунов*, 1999).

И, наконец, неизбежно возникает вопрос о конструктивной сущности укреплений этой эпохи. Для военной архитектуры Средиземноморья была приемлема только одна форма крепостной защиты – вертикальные стены. Именно стеновые конструкции воздвигались Петроной в Саркеле, таково же происхождение каменно-земляных "валов" Болгарии и сырцово-земляных в лесостепной Хазарии. Поэтому первоначальный смысл облицованных сырцом "валов", заложенных в сходной исторической обстановке и созданных мастерами сходной технической ориентации, мог заключаться только в создании вертикальных преград стенового типа.

Этот вывод имеет и самостоятельные формальные основания: внутри владимировых "валов" сочленение городской с глиняной крепидой имеет строго

вертикальный абрис. Схожую картину можно наблюдать как при раскопках развалившихся каменных стен, так и среднеазиатских крепостных стен из сырцового кирпича или пахсы. Отличие заключается только в меньшей прочности русских стен, поэтому они быстрее разрушались, приобретая облик земляных валов (Моргунов, 2001а).

На исходе эпохи Владимира строительство крепостных стен с лицевыми сырцовыми обкладками прекратилось, а, судя по вальным разрезам, высота стен стала заметно меньше. Возможно, это было обусловлено тем, что на Руси не применялись сложные осадные приспособления, а штурмовые методы не отличались описанной в византийских источниках изощренностью. Тем не менее в составе сложившихся на древней дневной поверхности однослойных валов обнаруживаются остатки вертикальных стеновых конструкций иных типов.

Применительно к цепочкам городней к ним относятся отличающиеся исключительной сохранностью внутривальные каркасы валов Заречья, Старых Безрадичей и других упоминавшихся выше памятников. В некоторых случаях периметр укреплений защищался цепочкой нежилых пустотелых клеток, подобно позднейшим тарас, перекрытия которых сохранили следы замощения сходного с заборолами яруса боевого хода. Пустотелые клетки непригодны для скрепления грунта специально насыпанного вала и не могли быть опорой тяжелой стеновой городни. В полностью исследованной Черновке не было обнаружено и следов присыпанных к стене грунтовых откосов, которые могли бы ослабить защитные функции укреплений (Возний, 1997. С. 133). В подобных укреплениях логичным представляется и выявленное в Райках применение бревен лиственных пород: они не контактировали с влажным грунтом и были легко заменяемы.

Следы распространения южнорусской техники прослежены и значительно севернее, на Сарском городище, где на визуальном ровном краю площадки была вскрыта часть защитной цепочки из 16-ти венчатых срубов XII в., поставленных поверх выравнивающего дневную поверхность бревенчатого наката (Леонтьев, 1974. С. 89, 93). Это проникновение можно объяснить тем, что по "завещанию" Ярослава Мудрого земли Ростова Великого были переданы переяславскому князю Всеволоду Ярославичу (НПЛ, 2000. С. 469).

Наиболее пригодной для исполнения защитных функций крепостных стен была и одновременно создававшаяся взаимосвязанная двухсрубная система из городней и клеток: городни играли роль плотно забутованного глиной противударного ядра, а пристроенные изнутри цепочки клеток являлись остатками жилых или хозяйственных помещений. Кроме того, клетки, подобно внутренним контрфорсам, придавали всему сооружению дополнительную устойчивость и смягчали ударную силу внешнего воздействия (к примеру, камнеметных приспособлений). Подобное истолкование руинированных укреплений раскрывает происхождение хорошо известной асимметрии поперечного сечения валов. Плотные материковые забутовки городней оплывают значительно медленнее, поэтому внешние склоны валов долго сохраняют более крутой внешний уклон. А разрушение имевших меньшее грунтовое наполнение пустотелых клеток

Рис. 28. Разрез двухсрубных укреплений городища летописного Княтина (по Н.Е. Макаренко)

сглаживало внутренние склоны валов. Уменьшению их крутизны способствовало и нарастание близ клетей культурного слоя площадки.

Остатки двухсрубных стен хорошо распознаются даже на неполных или не вполне подробных разрезах за счет грунтовой разницы между составляющими их элементами: материковая забутовка городней всегда плотная и более светлая, а следы клетей, наоборот, слагаются из прослоек темного грунта. К примеру, подобная стратиграфия прослеживается в разрезе вала городища летописного города Княтина на Суле (Макаренко, 1911. С. 112). Рис. 28. На хорошо сохранившихся образцах клетей нередко идентифицируются глиняные подмазки, дощатое покрытие пола, внутренний культурный слой небольшой мощности (или лежащие поверх пола отдельные артефакты), а также остатки деревянных перекрытий и потолочных засыпок.

Подобный защитный комплекс обеспечивал максимально экономичное использование защищенной стенами площадки, что обусловило широкое распространение таких сооружений. Массово они начали использоваться со второй половины – конца XI в., с появлением в Среднем Поднепровье пригодных для воплощения в любых топографических условиях укреплений округлой в плане формы. Двухрядное устройство крепостных сооружений известно не только в Южной Руси домонгольского времени: жилые помещения пристраивали к защитным стенам в Болгарии в VIII–XI вв. (Выжарова, 1987. С. 113) и в XII–XIV вв. (Дочева-Тодорова, 1987. С. 107). Конструктивно схожие решения использовались и в позднесредневековых замках (Клепатский, 1912. С. 130).

Любопытным примером являются внутривальные сооружения летописного Колодяжина, которые принято считать образцом применения внутривальных клетей (Кучера, 1999. С. 68). Там во внутреннем валу детинца была исследована цепочка из 24-х сгоревших помещений, размещенных под внутренним склоном глинистой насыпи высотой 1,3 м (Юра, 1962. С. 61–64). В этой картине следует дифференцировать остатки вала от ряда клетей, размещенного на расстоянии до 5 м от края рва. Столь широкая полоса значительно шире обычной бермы, что

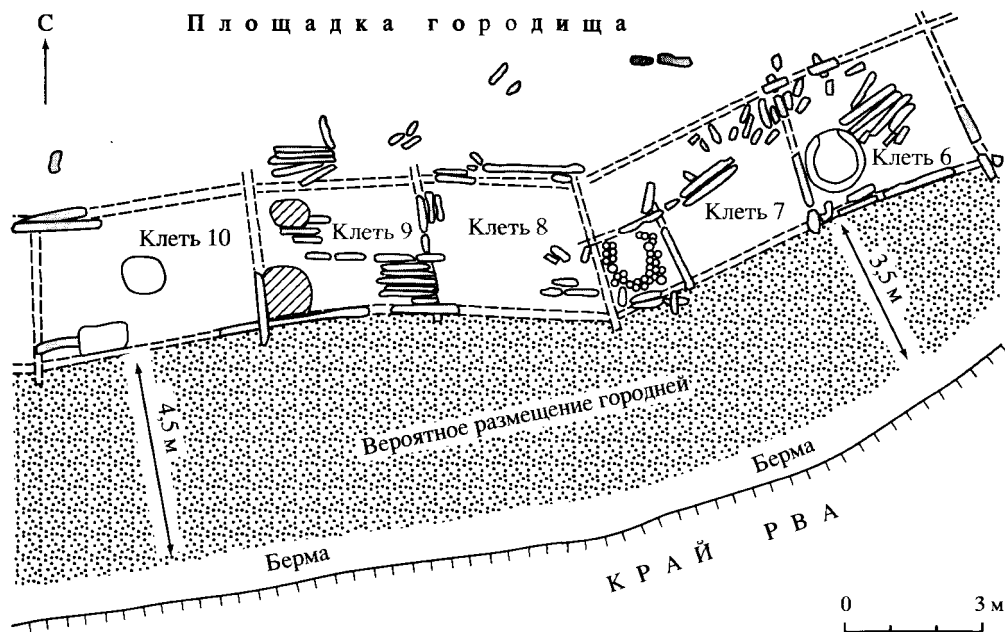

Рис. 29. Остатки укреплений Колодяжина, указывающие на вероятность существования городней (по Р.А. Юре)

предполагает существование на ее месте ряда забутованных глиной городней с несохранившимся бревенчатым каркасом. Цепочка срубов средней величины вполне укладывается в широкую полосу между клетями и рвом; здесь остается и место для бермы (рис. 29). Таким образом, укрепления главной линии обороны Колодяжина реально сопоставимы с обычной для фортификации XII–XIII вв. двухсрубной стеной в условиях плохой сохранности органики. А незначительная мощность стеновых осыпей объясняется тем, что Колодяжин был сожжен татарами, которые заставляли срывать остатки укреплений, – и вал его детинца оказался значительно ниже осыпей стен, окружавших окольный город.

Видимо, сходными защитными конструкциями обладали летописные города Изяславль на Горыни*, Губин и Городище на р. Згарь, где на фоне уничтожения укреплений монголами и Даниилом Галицким, а также с учетом плохой сохранности дерева удалось зафиксировать лишь остатки клеток (Пескова, 1980. С. 67; Винокур и др., 2003. С. 73; 2004. С. 85; Якубовский, 2003. С. 101, 102; 1972. С. 309; Кучера, 1999. С. 72). Столь упрощенное представление о качестве крепостных стен "болоховских" городов в корне противоречит применявшейся в этом регионе мощной многорядно-концентрической защитной системы.

* Вплоть до окончательного решения о локализации этого летописного города здесь и ниже сохраняю предложенное М.К. Каргером гипотетическое отождествление Изяславля с городищем близ Шепетовки на р. Гуске, правом притоке Горыни.

Между тем в литературе нет единого мнения о характере использования внутренних клеток в составе двухсрубных преград. Учитывая стремление древних строителей к созданию эффективной и экономичной фортификации, Б.А. Рыбаков считал, что внутренний ряд клеток снабжался плоскими крышами, перекрытыми пластами глины. Это позволяло создавать тыловую коммуникационную полосу, укрытую от противника внешней стеной, – своеобразный аналог рокадной дороги, по которой скрытно от противника проводилась перегруппировка защитников, а также осуществлялась доставка на стены вооружения, амуниции и продовольствия (Рыбаков, 1964. С. 22).

Долгое время клетям отводилась роль жилых помещений, предназначенных для проживания профессиональных дружинников. Но немногие обращали внимание, что в большинстве сооружений не было печей, а нередко там располагались открытые очаги, нетипичные для русского жилья. Смущает и малая площадь большинства клеток: трудно представить, чтобы в помещениях площадью 6–7 м² и менее, хотя бы временно, проживали семьи, в среднем насчитывавшие 5–6 домочадцев. Но порой встречаются клетки и подходящих для жилища размеров: в Колодыжине из 24-х их 8, в Райках из 52-х не более 14–15-ти. В Изяславле на Горыни для жилья использовались единичные клетки площадью 10,5–12,0 м².

К настоящему времени кропотливыми подсчетами М.П. Кучеры установлено, что характер использования внутренних клеток в первую очередь зависел от величины, оборонительной значимости укрепленного пункта и плотности заселения площадки. Как подчеркивал исследователь, эта конструктивная часть устойчивого типа укреплений строилась без учета специфики их последующего использования. Поэтому преобладающее большинство клеток служило хозяйственными помещениями, складами или, возможно, мастерскими. А часть более крупных построек могла быть и жилым резервом на случай военных действий (Кучера, 1999. С. 72–74).

Следы первоначальных стен в сложных валах

К сложному типу валов относят насыпи, содержащие многочисленные и неравные по сохранности наслоения остатков бревенчатых конструкций. Судя по встречающимся в соседних слоях разновременным находкам, это свидетельство последовательного каскада ремонтов, реконструкций и надстроек укреплений (так называемых строительных периодов). Каждое подобное обновление защитной преграды должно было сопровождаться частичным или полным уничтожением предшествующих каркасов, которые вследствие ветхости или рыхлости их осыпей были недостаточно прочны. К сожалению, подавляющее большинство вальных разрезов непригодно для идентификации строительных периодов и реконструирования первоначального вида укреплений. Обычно это объясняется плохой сохранностью древесных остатков, но к отрицательным

факторам также относится неудовлетворительный уровень раскопок, порой производимых при помощи землеройной техники, а также неряшливая фиксация находок.

Поэтому подробно анализировать удается лишь хорошо изученные объекты с удовлетворительной сохранностью древесины. Для максимально достоверного распознавания характера конструкций ниже применяется и метод графической очистки профилей от зафиксированных авторами раскопок догородищенских и слишком поздних отложений. Это позволяет наглядно указывать на остатки сооружений конкретного хронологического диапазона. Применение этого метода с учетом авторских наблюдений уже приводило к положительным результатам (*Моргунов, 2001а. С. 71–73*).

Выше было показано, что валы с лицевыми сырцовыми кладками и часть единовременных конструкций однослойных валов с большой долей вероятности представляют собой руины крепостных стен. Теперь подошла очередь рассмотреть следы ранних сооружений, содержащихся в составе сложных, многослойных внутривальных напластований. Это остатки бревенчатых сооружений, лежащих в основаниях насыпей, т.е. также представляющих собой первоначальный строительный период создания укреплений, возведенных поверх погребенной почвы.

Так, на профиле разреза вала городища X – начала XI в. в с. Червоном на Южном Буге хорошо читается ядро защитной преграды, состоящее из остатков сужавшихся кверху забутованных материковой глиной срубов, установленных на ровной дневной поверхности. Бревна одних венцов были зафиксированы как отпечатки в плотном грунте, другие были найдены в обгоревшем состоянии. Верхняя часть сооружения достигала уровня современного дерна, а это показывает, что перед нами нижняя часть построенной на дневной поверхности надземной стены. Культурный слой площадки, очевидно, начал отлагаться только после окончательного завершения строительства, следовательно, разновременные срубы создавались на протяжении короткого промежутка времени. Лицевая сторона вала представляет собой пологую грунтовую осыпь. К сожалению, на фоне тщательно вычерченного бревенчатого каркаса его грунтовое окружение дано схематично, о нем нет сведений и в тексте публикации (*Хавлюк, 1969. С. 163, 165*). Рис. 30, 1.

Следы первоначального укрепления были выделены путем графической очистки чертежа от дерна, грунтовых осыпей и позднейших сооружений, после чего обнаружилась сердцевина конструкции – два ряда венцов, перекрытых обгоревшими и истлевшими бревнами и грунтовой осыпью. Это была пустотелая клеть. Развал ее сгоревшего перекрытия и верхней части стен обрушился непосредственно на пол помещения. Обрушение этих субструкций воспрепятствовало полному выгоранию стенок сруба (рис. 30, 2). А значительная мощность потолочных засыпок допускает существование над клетью площадки боевого хода для перемещения защитников.

Для возобновления защитной преграды руины стены сверху были расчищены от осыпей до уровня горизонтали, по которой раскатились бревна

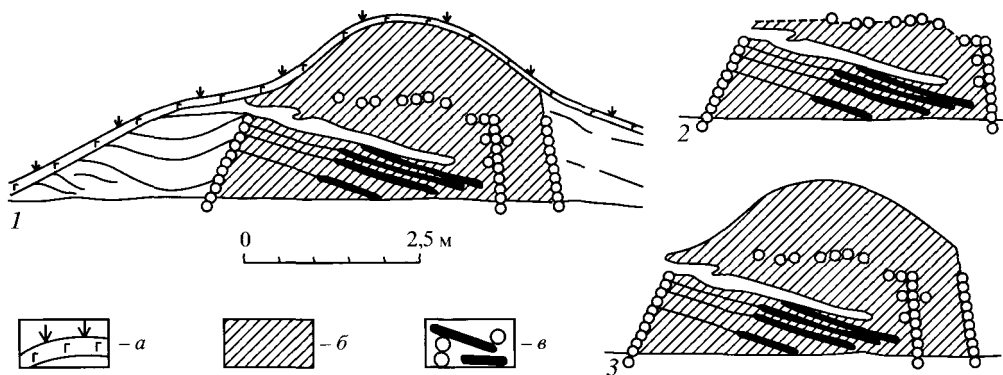

Рис. 30. Разрез вала городища Червоное (по П.И. Хавлюку)

1 – авторский профиль разреза; 2, 3 – циклы строительства городней

Условные обозначения: *a* – дерновый слой; *b* – материковая глина; *v* – остатки бревенчатой конструкции

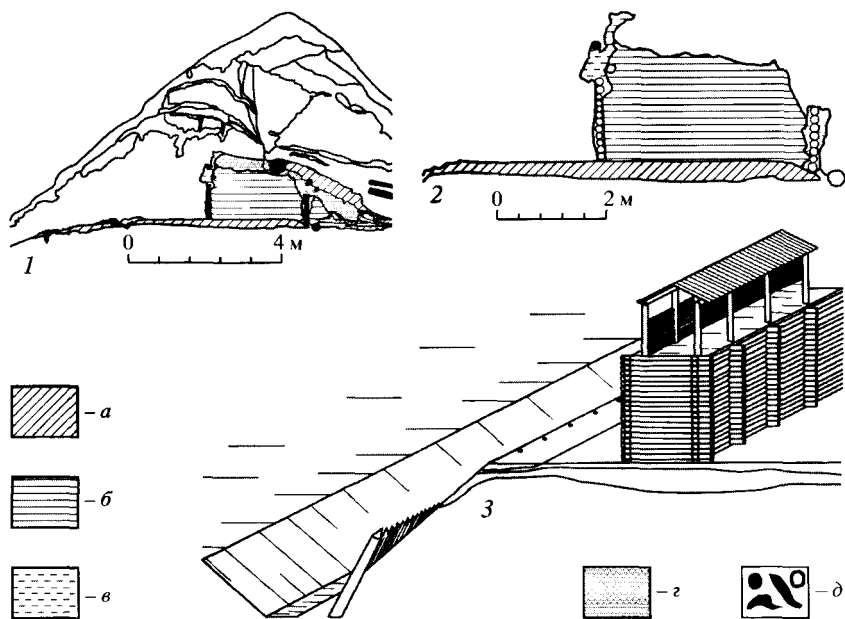

Рис. 31. Разрез вала летописного Сутейска (по С. Вартоловской),

1 – профиль разреза вала "В"; 2 – остатки первоначальных укреплений; 3 – авторская реконструкция первоначальной стены

Условные обозначения: *a* – гумус; *b* – плотная темная глина; *v* – глина с известью и древесным тленом; *z* – светлая глина; *d* – остатки обгоревших и истлевших бревен

предшествующей клетки. До материка расчищались внешние стороны ее основания, на котором были установлены срубы более высоких насыпных городней. Развал сооружения приобрел валообразное поперечное сечение, а верхние венцы полностью истлели из-за их близости к дневной поверхности (рис. 30, 3).

Перед нами, несомненно, остатки двукратного каскада создания и обновления воздвигнутой на ровной поверхности крепостной стены. По времени она близка к сооружениям с сырцовыми кладками, но там некоторый наклон к середине устройства достигался ступенчатостью пластов сырца. В данном же примере сужение бревенчатого каркаса компенсировало внутреннее давление утрамбованной забутовки на стенки, следовательно, здесь не было необходимости в намеренном создании вальных откосов. На их отсутствие, по крайней мере на площадке, указывает и вычистка площадки для установки новой стены: выборка рыхлого развала не требует таких усилий, как раскапывание специально созданного и уплотненного откоса.

Близкая картина наблюдается на созданном в XI в. летописном Сутейске, где профиль вала "В" зафиксировал хорошую сохранность первоначальной преграды (Wartolowska, 1958. Tabl. I). Рис. 31, 1. Там стена из цепочки плотно забитых темной глиной городней, сохранившихся на высоту до 16 венцов, была построена с отступом от края рва на расстояние почти 6-метровой бермы (рис. 31, 2). Существенно, что и в этом случае никаких следов специально созданных наружных откосов или присыпок к каркасу раскопками не зафиксировано. Все это отразилось на авторской реконструкции первоначального вида укреплений Сутейска в виде древо-земляной крепостной стены (рис. 31, 3).

Возобновление стен поверх сложившихся валов

Примеры возведения защитных преград на ровной ранее не защищавшейся местности являются не самым распространенным способом создания укрепленных поселений. Во все эпохи более экономичным и менее трудоемким было использование защитных свойств рельефа местности, и в частности высоких прибрежных мысов с крутыми склонами. Поэтому ко времени сложения основ древнерусской фортификации столь удобные для обороны урочища чаще были заняты городищами предшествующих археологических культур. В силу оборонительной необходимости, последние часто размещались вблизи твердых речных бродов или удобных исторически сложившихся военных и торговых путей, что, естественно, представляло интерес и для строителей новоделов. И в таких случаях стены новых поселений возводились поверх старых валов.

В иных столь же нередких примерах нужды безопасности требовали незамедлительного возобновления крепостных преград поверх недавно сгоревших укреплений, особенно это касается территории периодически разорявшегося кочевниками южнорусского приграничья. И если допустить, что разрушение вертикальных укреплений приводило к формированию на их месте "сонов" – валов, то особый интерес представляет изучение технических приемов,

позволявших древнерусским "градодельцам" быстро возобновлять городскую защитную систему поверх свежих насыпей.

В разрезах сложных валов следами возобновления стен являются остатки конструкций, перекрывающих руины первоначальных укреплений, – наслоения второго и последующих строительных периодов. Их мощность колеблется в значительных пределах, но чаще нам достаются лишь их незначительные следы. А в связи с более близким соседством с современной дневной поверхностью в них невелика и сохранность бревенчатых крепей. Это не должно смущать: изучение типов внутривальных сооружений показало, что даже после полного истлевания древесины следы городской зачистой зачастую распознаются по их плотно слежавшейся забутовке, принявшей более или менее правильные геометрические очертания.

В соответствии с вышесказанным крепостную защиту возобновляли или на старых городищах поверх значительно более древних, со временем прочно слежавшихся валов, или при необходимости восстанавливали стены поверх недавно разрушенных укреплений.

Первый вариант представлен на городище Заречное 2 в Поворсклье, где зачистой № 3 была исследована насыпь, содержащая остатки укреплений роменской культуры и древнерусского времени (*Берест, Осадчий*, 2001. С. 104; рис. 6, В). От деревянных крепей там сохранились только небольшие углистые прослойки, поэтому в полной мере оценить характер бревенчатых каркасов по этому профилю затруднительно. Руины северянских укреплений представлены массивом чрезвычайно плотного лессовидного суглинки. Его сечение близко к оплывшей полусфере высотой более 1,5 м. Очевидно, это осыпь забутовки несохранившегося деревянного каркаса (рис. 32, 1).

Если же графически убрать с профиля дерновый слой и ряд бессистемных осыпей, то оказывается, что в древнерусское время в середину массива сверху врезали мощный объем плотной светло-коричневой глины, высотой 2,0 м и шириной 4,2 м, установленный на деревянную фундаментную подкладку. Подпрямоугольное сечение этого объема выдает в нем забутовку выходившей на поверхность стеновой городни, а округленность ее верхних углов указывает на частичное осыпание забутовки после истлевания каркаса. Со стороны площадки к городне примыкала пустотелая клеть шириной 2,5 м, по характеру заполнения схожая с аналогичными постройками (рис. 32, 2). Таким образом, массивная часть двухрубной стены опиралась на плотно слежавшееся ядро древних укреплений; для большей прочности между ними был уложен и опорный бревенчатый настил. Это была первоначальная древнерусская стена. Горизонтальная подрезка верха забутовки указывает на ее возобновление путем подготовки рабочей площадки для реконструкции. А следами обрушения последующей стены являются окружающие городню комковатые глинистые осыпи, перекрывающие ров и площадку.

На городище Гаевщина валообразный развал северянских укреплений начала XI в. состоял из грунтовых субструкций и каменной стенки (рис. 32, 3). В первой половине XII в., через столетие после гибели роменских укреплений,

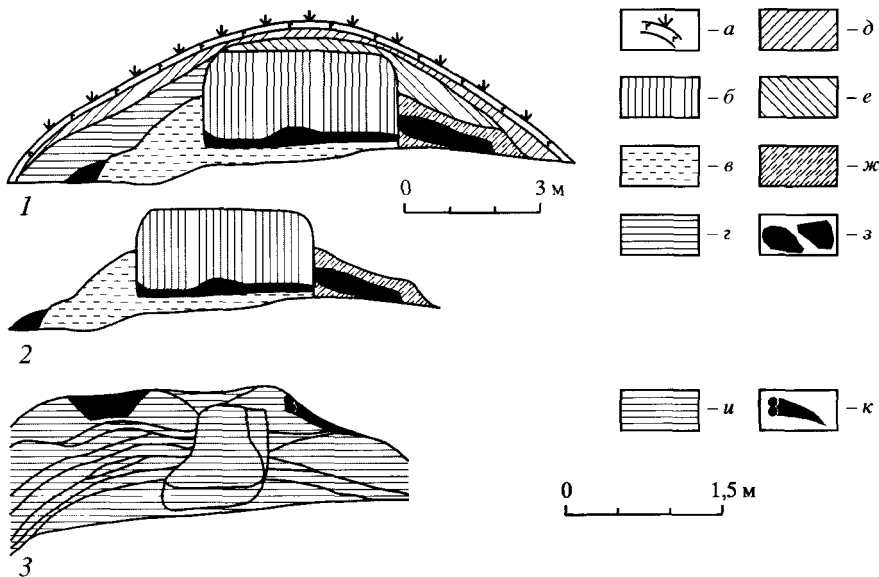

Рис. 32. Установка новых городней на валах северянских городищ

1 – Заречье 2, профиль вала (по Ю.М. Бересту и Е.М. Осадчему); 2 – Заречье 2, графически "очищенные" от осыпей остатки новых укреплений; 3 – Гаевщина (по Ю.Ю. Моргунову)

Условные обозначения: а – дерновый слой; б – светло-коричневая глина; в – лессовидный суглинок; г – светлая рыхлая глина; д – чернозем; е – темно-коричневая глина; ж – чернозем с углем и печиной; з – сгоревшие древесные остатки с обожженной глиной; и – субструкции северянского вала; к – заполненные углем и обгоревшими венцами выемки для установки сруба новой городни

на гребне валообразных руин ранних укреплений была установлена новая защитная преграда. Для этого вершина вала была срезана до горизонтали, и на ее внешней стороне в плотно слежавшейся глине была сделана корытообразная в сечении полуметровая врезка, заполненная обугленным деревом. В свою очередь на внутреннем склоне вала в его ядре была сделана ступенчатая выемка, в которой сохранилось и два обгоревших нижних венца бревчатого сруба. Очевидно, в эти врезки устанавливали новую стену, поднимающуюся над руинами северянских укреплений (рис. 32, 3). Ее остатки невелики, а грунтовый состав ее руин схож с забутовкой городни: это раздробленные комья плотного суглинистого материка.

Возобновление укреплений по второму варианту, т.е. поверх недавно разрушенных стен, представляется более сложным реконструктивным процессом. Обращаясь к военно-инженерным аналогиям позднего Средневековья и Нового времени, следует подчеркнуть, что существовавшие в то время строительные нормы и правила допускали создание поверх свежих насыпей только легких и временных преград. А венчатые засыпные стены с башнями создавали на но-

вых валах только после усадки и естественного уплотнения насыпей. Свежеотсыпанный вал не мог служить надежным фундаментом для тяжелых защитных устройств (*Ласковский*, 1858. С. 79, 80).

Благодаря наблюдениям и рисунку Д.А. Ушакова, сохранились сведения о раскопках внутреннего склона вала Сарского городища, перекрывавшего культурные напластования VIII – начала XI в. (*Леонтьев*, 1974. С. 89–91). На чертеже отчетливо прослеживается нивелирующая уровень склона, отсыпанная из плотного грунта полуметровая берма 1. Поверх ее ступеньки частично сохранились бревенчатые остатки первоначального сруба, представленного глинистым массивом его забутовки, имевшей подпрямоугольное сечение (рис. 33). При возобновлении укреплений заполнение городни было горизонтально подрезано до уровня ее метровой высоты, а грунт вместе с остатками бревен сброшен на крепостную площадку. На выровненной поверхности плотного грунтового ядра была построена новая городня, также забутованная суглинком. От ее сруба *in situ* сохранились торцы двух венцов, сложенных отступя приблизительно 0,3 м от края нижнего массива.

С разрушением конструкции второго строительного периода грунтовая осыпь и отдельные бревна также раскатились по склону вала. Поверх осыпи была сделана подрезка, имеющая облик узкого эскарпа. Вполне вероятно, что эта подрезка была нужна для создания более высокой бермы 2, сопровождавшей оборонительное сооружение третьего строительного периода. Таким образом, в процессе двукратной реконструкции одинаково возводились стеновые городни, а склоны вала это не специальные присыпки, а осыпи каскада разрушенных укреплений.

Совершенствование защитного комплекса подробно изучалось и на материалах разреза вала летописного Снепорода. Как отмечалось выше, в стеновые забутовки этого памятника вместе со счищенным с площадки культурным слоем попало большое количество вещевого материала. Это позволило с учетом планиграфии рабочих пластов привязать его по линиям схода к профилю разреза и с высокой степенью надежности датировать большинство из пяти строительных периодов возобновления оборонительных сооружений (*Моргунов*, 1996. С. 10–27).

Выше упоминались остатки укреплений первого строительного периода, возведенных во второй половине – конце XI в. Они представлены одной цепочкой городней шириной (поперек вала) 2,7 м (рис. 20). От срубов (прослеживаются в виде тлена и крупных обломков углей) сохранились лишь остатки лицевых венцов, обращенных к берме и рву. Высота подпрямоугольного заполнения городней не превышает 1 м. Действенные укрепления этой значительной крепости не могли быть столь невысокими, поэтому напрашивается вывод о том, что после разрушения стены верхние наиболее потревоженные разделы забутовки в процессе возобновления защитных сооружений были срезаны, как это прослеживалось в иных примерах. Очевидно, аналогичной подправке были подвергнуты и боковые осыпи: на профиле они просматриваются почти горизонтальными лентами незначительных размеров.

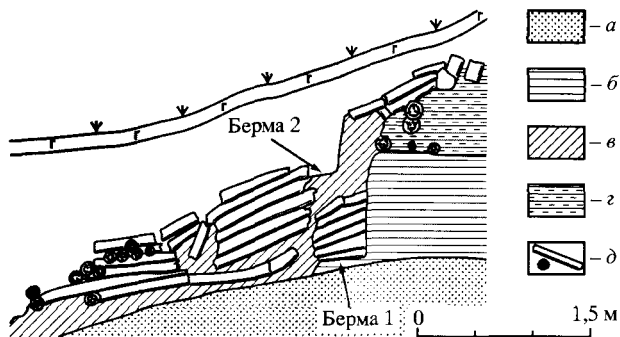

Рис. 33. Профиль внутреннего склона вала № 3 Сарского городища (по Д.А. Ушакову)

Условные обозначения: а – культурные напластования VIII – начала XI в.; б – плотная глина; в – осыпь забутовки городней; г – суглинистые субструкции; д – бревна срубов

Защитное устройство второго строительного периода представлено остатками двухсрубной стены (рис. 34), состоявшей из внутренней пустотелой клетки, глинистой забутовки городни и широкой бермы. Эта перестройка укреплений датируется самым концом XI – рубежом XI–XII вв. Замена односрубных укреплений на более совершенные двухсрубные неоднократно наблюдалась на материалах многих памятников Южной Руси (Кучера, 1999. С. 83).

Для всех строительных периодов общими являлись лицевые венцы городни. При раскопках это сплошная вертикаль из углей и тлена, прослеженная почти до дернового слоя: на каждом этапе модернизации или ремонта укреплений бревна лицевых венцов постоянно обновлялись на одном и том же месте. Подобное обновление было возможно лишь тогда, когда боевая сторона укреплений свободна от какого-либо наружного присыпания стены. На отсутствие намеренно отсыпанных откосов указывает и состояние бермы: после разрушения первоначальной городни она поднялась всего на 0,25 м, а ее верхняя кромка выравнивалась до горизонтали. Другими словами, обвалившаяся на берму осыпь заполнения городни расчищалась и сбрасывалась в ров, где следы сброса стратегически хорошо распознаются.

Если снаружи городни постоянно оставались вертикальными, то в результате первой реконструкции (второй строительный период) внутри забутовка сузилась до 2,2 м, т.е. новые внутренние венцы сруба, как и в других примерах, с отступом опирались на плотное ядро первоначальной стены. Одновременно к городне пристроили хозяйственную клетку: в ее профиле различаются следы створешей наружной стенки, культурный слой и остатки перекрытия. После разрушения этой стены вновь было обнажено и подчищено ядро городни, удалены излишки осыпей, благодаря чему значительно повысился уровень бермы, и клетка оказалась перекрытой ровным пластом забутовочного суглинка, отделившего руины укреплений второго строительного периода от вышележащих

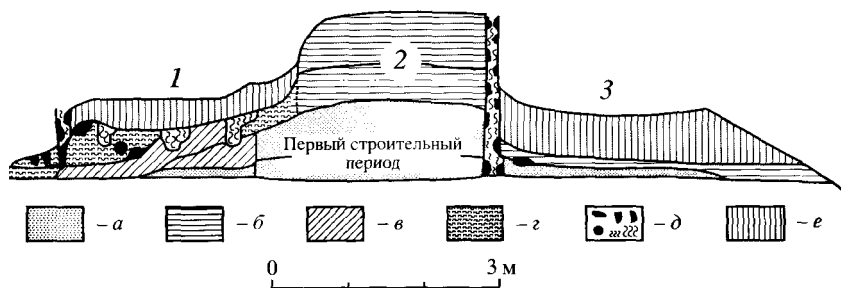

Рис. 34. Остатки второго строительного периода укреплений летописного Снегорода

1 – пустотелая клеть; 2 – городня; 3 – берма

Условные обозначения: а – остатки сооружения первого строительного периода; б – забутовка городни второго строительного периода; в – культурный слой; г – обгоревшие суглинок и культурный слой; д – обгоревшее и истлевшее дерево; е – выровненные осыпи заполнения городни

слоев. Все это следы нивелировки осей и одновременно строительная площадка для проведения следующего восстановительного цикла.

Итак, наглядные примеры позволяют убедиться в возможности срочной постройки крепостных стен поверх недавно сложившихся стеновых осей. И это требовало применения особой методики, позволявшей избежать грунтовых подвижек и деформации насыпей-руин под тяжестью вновь создаваемых тяжелых укреплений.

В первую очередь валообразные руины подрезками освобождали от наиболее сыпучих компонентов и укладывали нивелирующие подсыпки. Подобные приемы в свое время неоднократно отмечал еще П.А. Раппопорт (1967. С. 124). Иные пути использовали строители наскальных крепостей: поверх каменистых неровностей они устанавливали срубные короба, забитые камнем, которые и формировали горизонтальные фундаментные плоскости для возведения срубных стен (Рожко, 1990. С. 190, 191).

Стратиграфические наблюдения показывают, что при восстановлении укреплений стены устанавливали поверх забутовочных субструкций старых городней, нередко сложенных из материковых грунтов. Изначально эти забутовки подвергались специальному уплотнению, а произошедшая в процессе эксплуатации естественная усадка грунта придавала им дополнительную прочность. Верхние кромки этого ядра срезали до горизонтали или в них вырезали углубления для прочной установки новых срубов, а порой и создавали бревенчатые фундаментные подкладки. Опорное использование старых забутовок являлось основным залогом устойчивости новых укреплений. В этом состоит коренное отличие древнерусской фортификации от оборонительного строительства эпохи огнестрельного оружия.

Другим способом предотвращения осадок и деформаций было возведение вышележащих срубов меньшей, чем прежде, величины – и между новыми и старыми венцами возникали нередко прослеживаемые ступеньки. Это приводило к постепенному уменьшению размеров и упрощению поставленных выше (более поздних) укреплений (Кучера, 1999. С. 80–82).

Не исключено, что с этим связано и нередко наблюдаемое в верхних частях валов увеличение количества городней, приводивших к несовпадению предшествующих цепочек опорных остатков плотных забутовок с позднейшими. Именно для таких случаев было уместно применение известных по раскопкам Любеча и установленных через 10 саженей деревянных шаблонов-трапеций. Они позволяли по заданному абрису точно выверить формовку старых глинистых забутовок, подготавливавшихся для постройки новых стен. В итоге стены приобретали некоторое сужение кверху и небольшую ступенчатость внутреннего абриса. Думается, что в этом не было ничего необычного (небольшой наклон внешних фасов византийских крепостных стен из камня часто сопровождался неширокими внешними уступами). Сужающие завершения стен ступеньки из сырца строились в эпоху Владимира Святославича, а в деревянном воплощении схожие укрепления встречались в Червоном.

Статистические наблюдения указывают на вероятность того, что практика наращивания на гребнях валов постоянно уменьшавшихся срубов в опосредованном виде могла отражаться и на сложении строительных традиций. Иным пока не объяснить то обстоятельство, что наиболее значительными были срубы крепостей эпохи Владимира Святославича. В Заречье их ширина достигала 4 м, в Переяславле – 3,7 м, в Белгороде – 3,65 м, а на детинце Василева – 3,3–3,4 м. К ним близки параметры городней крупнейших городов XI в. В "городе Ярославла" и Белзе ширина срубных ячеек не превышала 3,3 м, а венцы стен черниговского Верхнего Замка достигали ширины 3,0–4,3 м. Сооруженные в конце XI в. стены меньших крепостей, таких как Воинь, имели ширину от 2,5 до 3,0 м, Снепород – 2,7 м, а Святополч – 1,6–1,8 м.

Этот показатель несколько уменьшился на памятниках XI–XIII вв.: в Снепороде в начале XII в. городни сузили до 2,2 м, в Райковецком городище – до 2,3–2,8 м, в Вышгороде, Чучине, Иване и Горишних Шеривцах 2 ширина "каркасов" не превышала двух метров. Тем не менее это близко к европейским аналогам: в болгарских крепостях стены из камня в среднем имели ширину 2,5–2,6 м; стены двухметровой ширины были типичны для небольших укреплений (Овчаров, 1982. С. 109); на множестве средних и небольших городищ XII–XIII вв. ширина городней большей частью колебалась в пределах от 1,5 до 2,0 м; на крохотном укреплении Клещинцы наружный сруб внешнего вала имел ширину всего 1,2 м. Тем не менее думается, что для односрубной стены 1,5 м это минимальная ширина, позволяющая на заборолах разминуться двум вооруженным защитникам.

Хорошо прослеживается и закрепление склонов насыпей. Их облицовка рваным камнем была известна еще в византийской фортификации (Овчаров, 1982. С. 90, 136). На Руси каменные крепи более известны в ее юго-западных землях в связи с большей доступностью там этого материала и бывают двух видов: невысокие стенки и обкладки склонов насыпей. Подпорная крепида Х в. в Галиче поднималась на высоту 20–40 см, а в Ревном 1 она насчитывала 0,6 м при ширине 1,3 м. Схожая стенка встречена в Екимауцах. В Плеснеске было изучено двухрядное каменное ограждение. В Райковецком городище камнем

был вымощен склон южной части вала. В лесостепном Днепровском Левобережье каменные обкладки встречены на городищах Хотмыжск, Каменное и Ницаха (*Гончаров*, 1950. С. 26; *Федоров*, 1953. С. 114; *Старчук*, 1955. С. 32; *Ратич*, 1964. С. 119, 121; *Раппопорт*, 1967. С. 114, 132; *Федоров*, *Чеботаренко*, 1974. С. 74–76, 79, 90; *Тимошук*, 1975. С. 85; 1982. С. 184, 185; *Русанова*, *Тимошук*, 1981. С. 52; *Дьяченко*, 1990. С. 29; *Сухобоков*, 1992. С. 166; *Шинаков*, 1995. С. 156; *Возний*, 1997. С. 135; *Кучера*, 1999. С. 76, 77). Вероятно, с такой же целью в подмосковном Звенигороде наружные склоны валов обмазывались глиной.

Часто встречаются и бревенчатые облицовки насыпей. Из вертикальных крепей можно назвать двухстороннее ограждение подножия песчанистого вала накатом из сосновых колод в Давид-Городке (*Раппопорт*, 1967. С. 122). Невысокая каркасно-столбовая подпорная ограда была сооружена у основания внешнего склона вала в Ленковцах (*Тимошук*, 1982. С. 68, 69).

Наклоненные в сторону площадки частоколы по своему техническому назначению во многом близки аналогичным сооружениям на внутренних склонах рвов и эскарпов. Наклонной стенкой была закреплена верхняя часть вала Рязани (*Монгайт*, 1947. С. 31, 32). Судя по полевым фотографиям, наклонным был частокол в Титчихе, от оплыва вального грунта предохраняли и связанные с эскарпами наклонные облицовки Горналя и Горбова (*Москаленко*, 1965. С. 132, 133. Рис. 47, 48; *Куза*, 1981. С. 31; *Григорьев*, 2000. С. 69). В Посеймье на романских городищах Капыстичи, Курск и Рать частоколами из расколотых бревен обкладывали внешние склоны валов, переходящих в крутые эскарпы (*Енуков*, *Енукова*, 1993. С. 48; *Енуков*, 1998. С. 86, 89; 2005. С. 70–82; *Зорин*, 2003. С. 374, 375). Последние крепил авторы исследований ошибочно приняли за ранние аналоги позднесредневековых "косых острогов" (см. Приложение 3).

Реконструкция стен по разрезам их руин (валов)

Представленные выше примеры, вероятно, недостаточно многочисленны для прочного обоснования альтернативной гипотезы, что, по моему мнению, обусловлено в массе недостаточной сохранностью органических остатков в недрах валов. Перед нами, скорее, серия наблюдений, нуждающаяся в дальнейшем расширении круга источников, уточнении аналитических построений и непредвзятой критике.

И все же предложенная точка зрения кажется небесполезной. В первую очередь она вводит хронологический подход к сложившимся представлениям о техническом симбиозе валов и стен. Это особо заметно на примере "сложных" валов: возникшие в ходе их изучения сомнения о якобы намеренном создании вальных откосов в определенной мере указывают на происхождение разновременных внутривальных наслоений. И если каждый строительный период рассматривать как последовательный цикл обновления вертикальных преград,

го можно обнаружить логику в постройке новых стен на гребнях ранее разрушенных укреплений: этим значительно увеличивалась их защитная эффективность. Отсюда раскрываются и причины неуклонного роста мощности валов, окружавших длительно существовавшие и экономически наиболее развитые поселения. В свою очередь постепенно слагавшиеся методические наработки возобновления разрушенных или обветшавших укреплений могут указывать на вероятный путь возникновения фортификационной традиции намеренной насыпки таких сооружений, как Ярославов вал.

В случае отсутствия следов бревенчатых каркасов применение альтернативной гипотезы порой позволяет идентифицировать стеновые городни по слежавшимся остаткам их забутовочных субструкций. В этом плане существенно неубедительными стали и представления о существовании бескаркасных валов домонгольского времени. Это должно стимулировать изучение особо подверженных аэрации и гидратации валов небольшой величины с крайне низким уровнем сохранности древесных остатков. Подобные насыпи изначально не могли служить действенными защитными преградами, но представление о них как о руинированных осыпях забутовок, заключенных в истлевшие со временем бревенчатые каркасы, несомненно, способствует уточнению их первоначального облика. А это может иллюстрировать древний постулат, гласящий, что "искусство строителя защитит город и на ровном и открытом месте" (*Вегеций*, 1940. С. 281).

Учитывая сложившиеся наблюдения, и в развитие предложенных построений круг применимости альтернативной гипотезы можно расширить при помощи методов графической реконструкции первоначального облика защитных преград, которые имеют свою специфику и обладают различными возможностями. Наиболее удачным следует признать вычисление мощности стен киевского "города Ярослава". Тем не менее необходимо оговорить относительную точность, а где-то и условность подобных методик, поскольку наши возможности не позволяют оценить потери грунта, сопровождающие его перемещение из рва в срубы. Поэтому основным залогом успешности подобных вычислений является максимально точное стратифицирование и хронологическая идентификация вальных наслоений. В этих условиях графическое реконструирование при всей его гипотетичности все же позволяет получить представления, приближенные к реальным.

Наиболее простой является реконструкция преград, руины которых содержат остатки единственного строительного периода. Его суть в том, что поперечное сечение удовлетворительно сохранившегося вала в любой точке соответствует сечению грунта, уложенного в каркас защитной стены (*Борисевич*, 1987. С. 181, 182). Отсюда величина стеновой вертикали устанавливается арифметическим делением площади сечения вала на внутреннюю ширину бревенчатого каркаса. Так вычислялась высота античных построек по валообразным сырцовым развалам их стен (*Щеглов*, 1982. С. 51, 52). В отдельных случаях этот метод пригоден и для изучения финального этапа оборонительной застройки, но для сложных примеров он применяется редко.

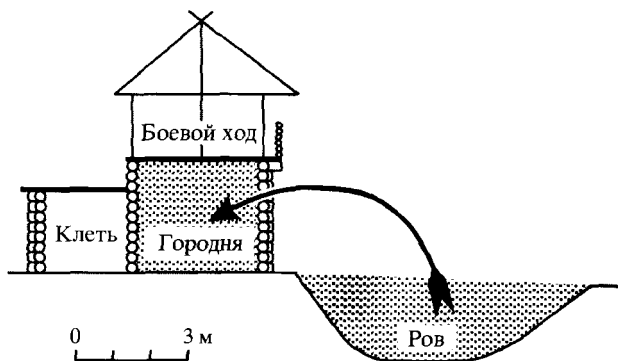

Рис. 35. Реконструкция первоначальной стены городища Сампсониев Остров

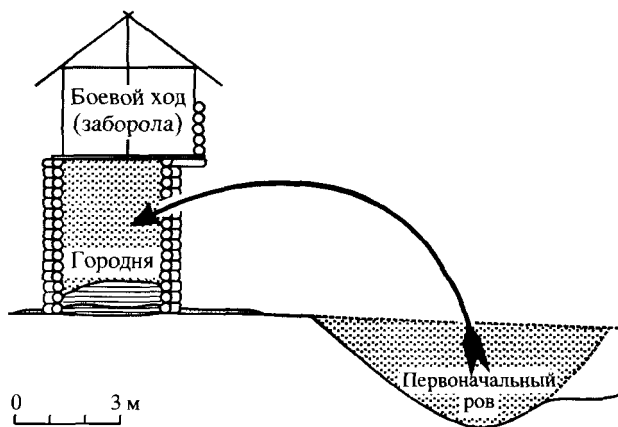

Рис. 36. Реконструкция первоначальной стены летописного Snepрода

Вариантом этого способа является сопоставление ширины основания городни с площадью сечения противолежащего отрезка ложа рва. Так вычислялась высота протяженных укреплений – змиевых валов. К сожалению, их исследователь включал в расчеты объемы боковых земляных откосов, считая их неизменным атрибутом вертикальных стен, а это сказалось на точности расчетов (Кучера, 1987. С. 116–123, 146–160).

Сходным образом определялась мощность стен первого строительного периода укрепления Сампсониев Остров, окруженного двухсрубной стеной из клетки и городни. Площадь поперечного сечения его корытообразного рва незначительно превышает 12 м^2 , а ширина основания городни составляет 3,5 м. Отсюда ее высота определяется делением размера поперечного сечения рва на ширину сруба и равняется 3,4 м. За вычетом вероятных технологических потерь грунтового заполнения высота стены могла реально насчитывать не менее 3,0 м над уровнем бермы (Моргунов, 2003. С. 59). Рис. 35. Аналогичным образом

вычисляется мощность односрубной первоначальной стены летописного Снепорода. Площадь поперечного сечения первоначального рва составляет 11 м^2 , а ширина заполнения первоначального сруба насчитывает $2,7 \text{ м}$. Отсюда высота до уровня заборол теоретически могла быть равной 4 м . Однако это идеальный вариант, не учитывающий потери грунта при транспортировке и другие вероятные потери. Поэтому более вероятными значениями представляются высотные пределы в $3,5\text{--}3,8 \text{ м}$ (рис. 36).

Менее применимы для широкого использования графические реконструкции промежуточных возобновлений защитных преград, остатки которых прослеживаются в составе сложных валов. Их основой могут служить лишь хорошо стратифицированные разрезы, содержащие значительное количество тщательно зафиксированных находок. Эти условия позволяют с большей степенью вероятности выделить группы прослоек, суммирующих объем реальных остатков конкретного строительного периода и массивы осыпей, сложившихся после его разрушения.

Так, на Снепороде второй слой затекания рва непригоден для гипотетической реконструкции мощности синхронных стен: поскольку он перекрыл предшествующий котлован, нам известен лишь его нижний абрис. В то же время известно, что расчищенные и подготовленные для возобновления стен забутовочные остатки городней второго строительного периода (останцы) не превышают метрового значения. Между тем со стороны площадки к останцам примыкают руины клеток, перекрытые стратифицированным развалом стеновых насыпок, а снаружи из аналогичной осыпи сформировался поднятый на $0,8 \text{ м}$ уровень новой бермы. Суммарно поперечное сечение этих осыпей насчитывает 3 м^2 , следовательно, при ширине городней $2,2 \text{ м}$ первоначально они могли заполнять сруб городни на высоту $1,36 \text{ м}$, что вместе с останцами составляет стену высотой $2,36 \text{ м}$ (рис. 37).

Безусловно, эти подсчеты отражают лишь приблизительную графическую модель, на которой уж совсем произвольно обозначены высота хозяйственной клетки ($12 \text{ венцов} \approx 2,4 \text{ м}$), выносная консоль заборол и перекрытие городни.

Использование вышеприведенных способов позволяет уточнить ряд ранее не вполне убедительных реконструкций древнего облика крепостных сооружений. Начнем с простейших насыпей на дневной поверхности, согласно авторским наблюдениям, содержащих односрубные конструкции единственного строительного периода.

Выше упоминалось об исследовавшейся И.П. Возным площадке буковинского городища Черновка, периметр которой был защищен полыми клетями (рис. 21, 38). Десятилетиями раньше этот памятник менее подробно исследовался Б.А. Тимошуком, опубликовавшим разрез napольного вала высотой чуть больше 1 м и шириной основания $6,7 \text{ м}$ (*Возный*, 1982. С. 105. Рис. 57, 2). Рис. 32. Этот исследователь также не сомневался в наличии полых клеток, а вал принял за осыпь намеренно присыпанного к их внешним стенам глинистого откоса (рис. 39, 1).

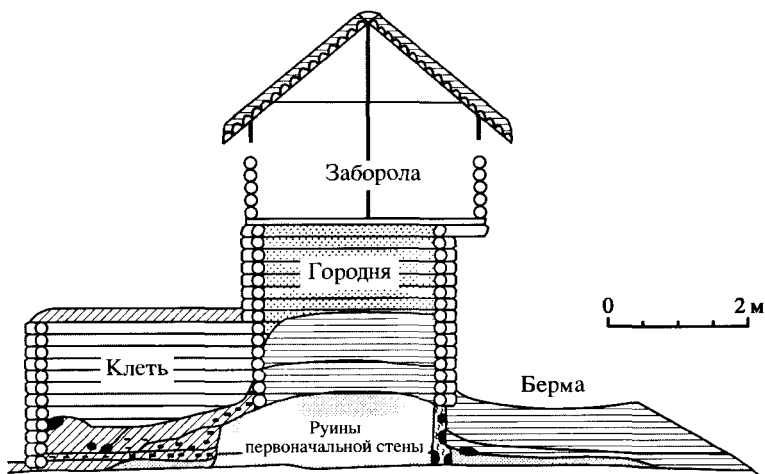
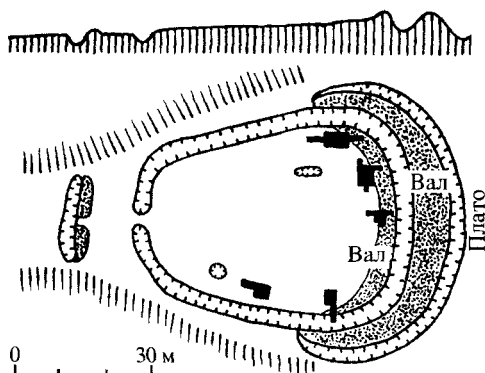

Рис. 37. Реконструкция стены второго строительного периода Снепорода

В процессе графической очистки профиля от более поздних осыпей действительно обнаружилось основание клетки: отложившийся в ней культурный слой был засыпан развалом ее стен (рис. 39, 2). С напольной стороны современный вал достигает узкой бермы, а на площадке с запасом перекрывает постройку. Для уточнения пометим геометрический центр насыпи и габариты клетки (рис. 39, 3). В случае существования более высокого в древности откоса, геометрическим центром его осыпи стала бы внешняя стенка клетки и полá осыпи перекрыла бы лишь часть развала помещения (рис. 39, 4). Но в реальности вал оплыл полусферической фигурой с иным геометрическим центром, следовательно, откоса не было, а насыпь сложилась вследствие разрушения иного защитного сооружения. Им мог быть забутованный глиной стеновой сруб-городня второго строительного периода, середина которого должна соответствовать геометрическому центру насыпи, а каркас, не подвергавшийся воздействию огня, в столь невысокой осыпи не сохранился.

За внутреннюю ширину сруба условно можно принять часто встречающуюся на средних и небольших городищах величину 2,0 м (см. с. 91 настоящего издания). Тогда объем поперечного сечения данной насыпи выстраивается в заполнение городни

Рис. 38. План городища Черновка (по Б.А. Тимошуку). Подпрямоугольными фигурами с черной заливкой обозначены шурфы и раскопы

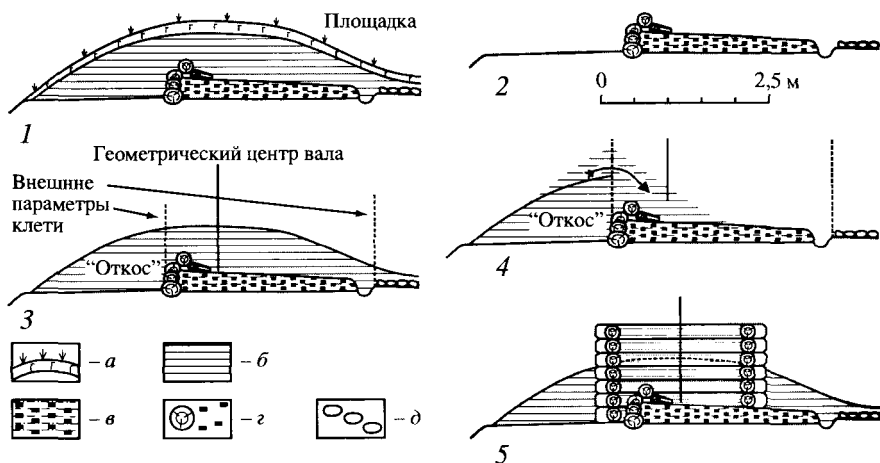

Рис. 39. Напольный вал городища Черновка

1 – профиль разреза (по Б.А. Тимощуку); 2 – графически выделенные остатки клетки; 3 – сочетание клетки с насыпью вала; 4 – реальные последствия естественного осыпания предполагаемого "откоса"; 5 – реконструкция срубной стены второго строительного периода

Условные обозначения: а – дерновый слой; б – глина; в – глина с углем; г – обугленные бревна внешней стены клетки; д – камни

высотой 1,5 м: при наличии на ней заборол метровой высоты укрепление представляется существенной защитой поселения размером всего 50 × 40 м. У основания стены остается и место для бермы шириной около 1,5 м, что также имеет многочисленные археологические аналогии.

Эта реконструкция ставит считавшуюся уникальной Черновку в один ряд с памятниками, наделенными комбинированной защитой, когда городнями защищались наиболее опасные напольные направления, а менее прочными клетями обустривались боковые склоны. Реальнее стала и хронологическая протяженность существования оборонительного комплекса: ранее упустили, что клетя без ремонта не могли прослужить около 150 лет.

Сходная исследовательская ситуация сложилась применительно к городищу Дарабаны-Щовб размером всего 40 × 25 м (Тимошук, 1982. С. 116, 117). Его глинистая напольная насыпь, в поперечном сечении схожая со сглаженной полусферой, в высоту (без дернового слоя) насчитывала 0,75 м при ширине 3,5 м – столь невысокие валы обычны для небольших городищ. Под центром насыпи прослежен ровик с обгоревшими остатками двухрядного частокола, сопровождаемого линзой культурного слоя XII–XIII вв. с обгоревшим деревом, плоскими камнями, костями животных и обломками керамики (рис. 40, 1). Исследователю древний облик этой преграды представился как перекрытая плоской крышей клетя, изготовленная комбинацией лицевого частокола с пустотелым срубом. С боевой стороны к частоколу якобы присыпался глинистый откос, практически без бермы продолжавший линию склона насыпи в ров. По мнению автора, современный вал – остатки осыпавшегося откоса (рис. 40, 3).

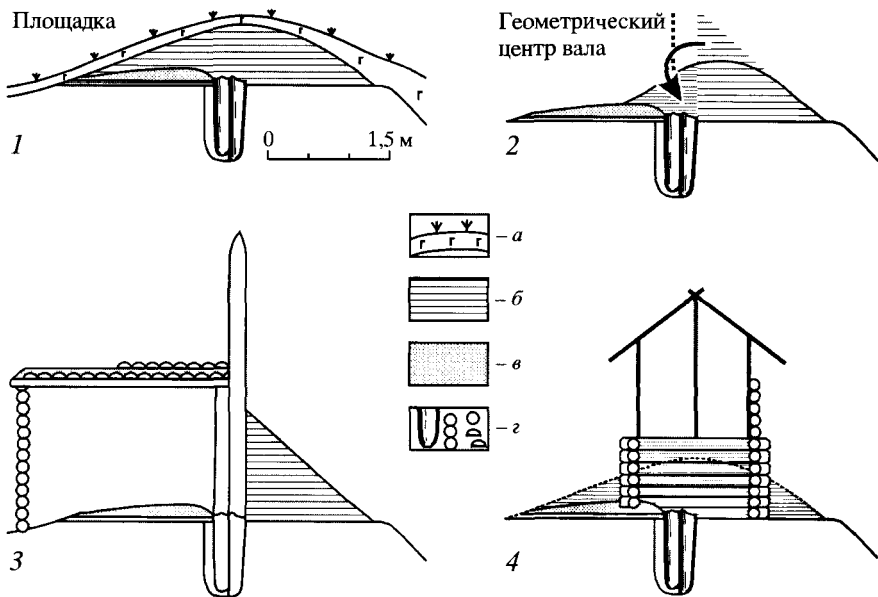

Рис. 40. Городище Дарабаны-Шовб

1 – профиль разреза вала; 2 – реальная картина осыпания глинистого "откоса"; 3 – реконструкция укреплений (по Б.А. Тимошуку); 4 – альтернативная реконструкция крепостной стены второго строительного периода

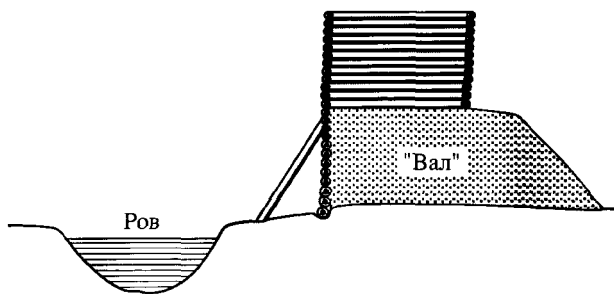
Условные обозначения: а – дерновый слой; б – глина; в – культурный слой XII–XIII вв.; г – обгоревшее дерево и бревенчатые элементы реконструируемых сооружений

И в этой реконструкции центр поперечного сечения вала не совпадает с абрисом откоса. Неадекватна реконструкции и слишком небольшая высота обугленных остатков частокола, перекрытых этой осыпью (рис. 40, 2). Неясно и авторское понимание назначения клетки: если это "боевая камера", то она должна иметь скважни-амбразуры. Но в авторской реконструкции внешний откос доведен почти до кровли, что снижает защитный смысл камеры. Эти погрешности ускользнули от внимания автора, поскольку профиль разреза вала и реконструкция сооружения сделаны в различных масштабах. Несколько смущает и наличие столбовой преграды: для крепостного строительства XII–XIII вв. частоколы не характерны. А в одной из клеток исследователь обнаружил остатки отопительного устройства: это ставит вопрос о пригодности для жилья помещения шириной всего 2,2 м.

Более вероятно, что изначально поселение было окружено легкой однорядной стеной из пустотелых клеток (их заполнение представлено культурными остатками и следами сгоревшего перекрытия), а на месте внешнего откоса должна размещаться ступенька бермы. Это укрепление было уничтожено пожаром, частокол сгорел почти до уровня материка. Как и в Черновке, за недостатком грунтовых составляющих руины бревенчатых укреплений не могут принять об-

Рис. 41. Реконструкция укреплений городища Монастырище (по А.В. Комару и О.В. Сухобокову)

лик вала: единственной причиной появления на краю поселения валообразной осыпи может быть только созданная поверх пожара срубно-засыпная защитная

преграда второго строительного периода. Площадь поперечного сечения сохранившейся насыпи насчитывает $1,5 \text{ м}^2$, не горевший сруб полностью истлел. Судя по естественному уклону скатов вала, ему мог соответствовать бревенчатый каркас с шириной заполнения не более $1,5 \text{ м}$: это минимальная из встречавшихся на городищах толщина стены, близкая к простой сажени. Если эти выкладки верны, то высота стены не превышала 1 м , а с метровым парапетом заборол мощность окруженной рвом защитной преграды составит около 2 м (рис. 40, 4). Думается, что подобные укрепления могли удовлетворять оборонительным требованиям не только укрепленной усадьбы, но и небольшого городка, пограничного форпоста или замка. Кроме того, согласно немногим летописным примерам, с подобной стены можно спрыгнуть для продолжения полевого боя или побега в стан осаждающих.

Среди новейших реконструкций весьма интересна выполненная А.В. Комаром и О.В. Сухобоковым модель первоначального вида укреплений известного роменского городища Монастырище, возведенных во второй половине X в. (рис. 41). Современная высота городищенского вала достигает 1 м , а ширина — $7\text{--}8 \text{ м}$, но за основу реконструкции принят насыпанный из культурного слоя трехметровый вал, который с двухметровым отступом бермы был вертикально срезан с напольной стороны. Срез вала закреплялся, видимо, каркасно-столбовой облицовкой из горизонтальных рядов бревен, выше перевязанный с венцами сруба (Комар, Сухобоков, 2004. С. 161–164. Рис. 2, 5).

В этой реконструкции наиболее невероятно выглядят диагональные подпорки, предотвращавшие раскатывание горизонтальных рядов облицовки вертикального вального среза. Они не имеют аналогий среди известных в литературе фортификационных реалий, поскольку представляют собой наиболее уязвимое и легко сжигаемое звено укреплений. А без подпорок вертикальная и не скрепленная со срезом облицовка каркасно-столбового строя, испытывающая внутреннее давление грунта, неустойчива и может быть причиной разрушения вышележащей стены. Поэтому данная реконструкция требует более пристального внимания.

Судя по авторским чертежам, под насыпью вала прослежено три пласта: два нижних приняты авторами за древнюю поверхность мыса. Их перекрывала темнопятая гумусированная прослойка с обильными включениями роменского материала и культурных остатков предшествующих археологических культур

Рис. 42. Разрез вала Монастырища (по А.В. Комару, О.В. Сухобокову)

Условные обозначения: а – материковая глина; б – варианты слегка различающихся по цвету суглинков; в – суглинок с глиной; г – сходные с культурным слоем напластования, перекрывающие руины укреплений; д – культурный слой с включением древесного угля; е – культурный слой с печиной и углями; ж – обугленные плахи, углистые прослойки и отдельные угольки

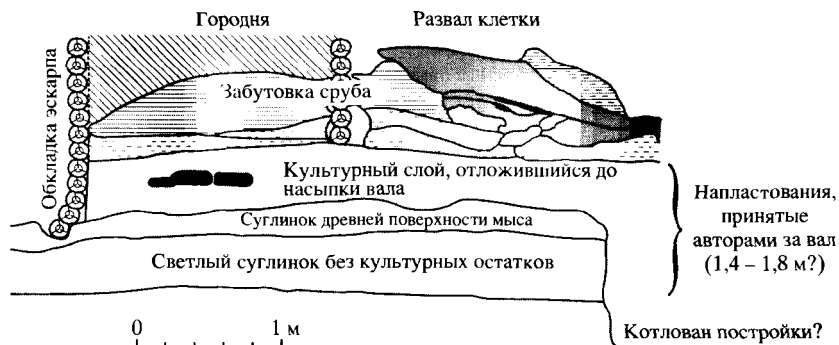

Рис. 43. Альтернативная реконструкция укреплений Монастырища (по Ю.Ю. Моргунову)

(в ней обнаружены остатки нескольких деревянных плах). Аналогичным было и заполнение котлована объекта № 1, на 1,5 м опущенного из этого слоя. Судя по тексту, суммарная мощность трех пластов составляла от 1,4 до 1,8 м, хотя на чертеже она укладывается в 80 см (Комар, Сухобоков, 2004. С. 162: рис. 2, 1). Рис. 42. Эти напластования не имели отношения к насыпи вала, поэтому они оставлены без заливки. Вышележащая часть профиля с остатками укреплений была графически очищена мной от дерна и перекрывающего руины более позднего грунта. Поскольку срубы не сохранились, серой заливкой были помечены субструкции, где на месте сторевшего дерева и прокаленной глины остались угли и печина (рис. 43).

В итоге получилась следующая картина. Ленты суглинистых подсыпок, выложенных перед сооружением укреплений, видимо, соответствовали необходимости закрепить поверхность рыхлого северянского культурного слоя и выровнять до горизонтали понижение его у рва. Следов обозначенного на авторской

реконструкции специально насыпанного вала данный профиль не содержит. Затем с напольной стороны была сделана вертикальная эскарповидная подрезка до уровня бермы (сходным образом подрезались и другие склоны мыса). Судя по чертежу, в настоящее время в ее облицовку укладывается всего шесть бревен усредненной толщины (по 20 см \approx 1,2 м), хотя до истлевания органики в слое эта стенка могла быть несколько выше.

Над эскарпом был установлен сруб городни, заполненный плотной материковой глиной. Внешняя стенка сруба, вероятно, продолжала вертикаль облицовки. Внутренняя стенка сруба прослеживается в виде вертикального разрыва между забутовкой, сохранившейся в срубе *in situ* и ее осыпью, рухнувшей в сторону площадки: на дне этого разрыва прослеживается и скопление углей. Таким образом, ширина городни составляла 1,5 м.

Судя по незначительному уклону верхнего абриса сохранившейся забутовки в направлении рва, вниз обрушилась не очень значительная доля уплотненной засыпки. А с учетом той ее части, что упала в направлении площадки, высота стены была невелика: гипотетически сруб мог не превышать высоты шести венцов. Тем не менее в сумме общая высота возвышавшейся надо рвом крепостной стены могла составлять не менее 12-ти бревен усредненной толщины, т.е. равняться 2,4 м. Эта цифра сопоставима с крепостными стенами "города Ярослава" и летописных Луцка и Ушицы.

Нижележащая суглинистая подсыпка, закреплявшая поверхность рыхлого культурного слоя, распространялась на территорию площадки. Очевидно, здесь также размещалось какое-то сооружение, испытывавшее воздействие огня. Стратиграфия его руин близка к хорошо известным развалам пустотелых клетей. Не исключено, что эта клеть не прилегала вплотную к стене: в промежуток могла упасть часть забутовки городни, а позже клеть была восстановлена поверх пожарища и вновь горела.

Эта гипотетическая клеть позволяет вплотную перейти к реконструкциям двухсрубных стен. Любопытные материалы для этого предоставили исследования Ленковецкого городища XII–XIII вв. Профиль разреза его вала подробно публиковался в 1967 г., а в 1982 г. появилась и авторская реконструкция укрепления (Тимошук, 1967. С. 99; 1982. С. 71). Рис. 44, 1, 3. Древнерусским ядром вала служил мощный суглинистый массив с подпрямоугольным абрисом основания. Он перекрывался мощными напластованиями XVII в., откуда вниз были опущены остатки двух недатированных столбов.

К наружной стене ядра примыкало скопление древесного тлена, осыпавшегося на поверхность бермы: видимо, основание ядра закреплялось невысоким каркасно-столбовым парапетом. Обугленная внутренняя стена сруба сохранилась лучше. Кроме ее нижних венцов, прослеживается вертикаль стены, примыкавшей к суглинистому ядру. На полу клетки, ограниченном отпечатком внешнего венца ее срубного периметра, среди обгоревшего культурного слоя прослежена россыпь мелких камней и развал стены, объединявшей городню и клеть. Выше зафиксирована мощная прослойка культурного слоя XII–XIII вв.: она сужающимся языком выдавалась к площадке, но не выходила за пределы

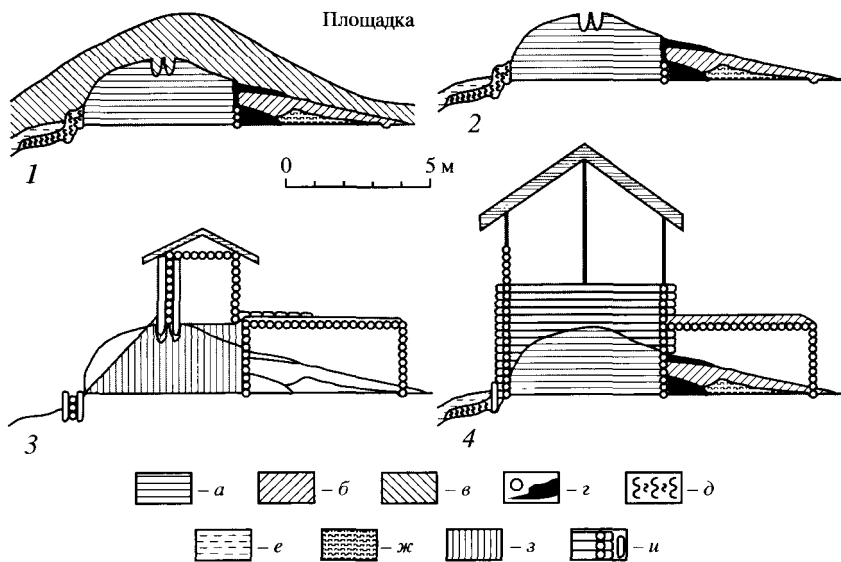

Рис. 44. Вал городища Ленковцы

1 – профиль разреза (по Б.А. Тимошку); 2 – графически "очищенные" отложения XII–XIII вв.; 3 – реконструкция первоначального облика укреплений (по Б.А. Тимошку); 4 – реконструкция Ю.Ю. Моргунова

Условные обозначения: а – суглинистая забутовка городни; б – культурный слой XII–XIII вв.; в – культурный слой XVII в.; г – обгоревшее и истлевшее дерево; д – древесный тлен; е – речные наносы; ж – обгоревший культурный слой клети; з – "вал-платформа" с глинистым откосом (по Б.А. Тимошку); и – бревенчатые элементы реконструкций

клети. Это следы потолочной засыпки, сверху частично перекрытой клиновидной полоской угля.

В авторской реконструкции наименее убедительны представления о первоначальном назначении суглинистого ядра насыпи. Опущенные из слоя XVII в. столбы Б.А. Тимошук счел следами полой клети, которая имела стрелковые амбразуры во внешней стене каркасно-столбового строя, а более прочными срубными стенами, по его мнению, обстроены боковые стороны клетей. Внешнее подножие клети было диагонально соединено автором с основанием подпорной стенки – это якобы контур отсыпанного строителями глинистого откоса. В итоге укрепление обрело вид легкой преграды, возведенной на специально созданном высоком глинистом основании: такие насыпи Б.А. Тимошук называл "валами-платформами" и считал их типичным элементом защитных сооружений древнерусского Поднестровья.

Между тем графическая расцветка насыпи от позднейших напластований (рис. 44, 2) помогла обнажить реальные следы домонгольских оборонительных сооружений, которые выявили неоспоримые остатки двухсрубной крепостной стены, состоявшие из осыпи суглинистой забутовки внешней городни и внутренней клети (рис. 44, 4). Очевидно, в корне авторской ошибки лежала несо-

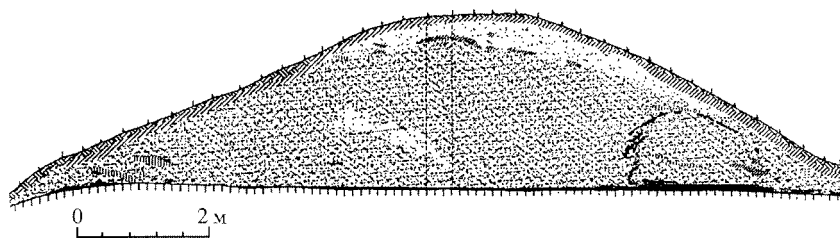

Рис. 45. Профиль вала Малышевского городища (по В.Я. Конецкому)

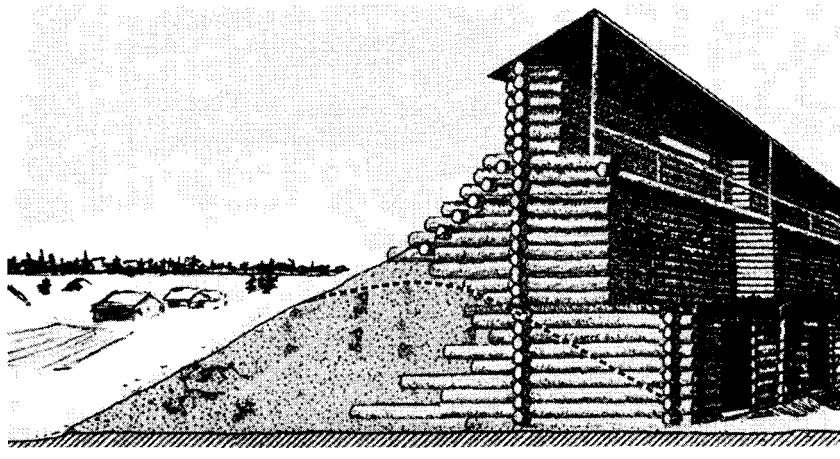

Рис. 46. Первоначальный облик укреплений Малышевского городища (по В.Я. Конецкому). Пунктир указывает современные параметры насыпи

размерность изображений. Приведение профиля и реконструкции к единому масштабу показало, что диагональ откоса отсекала часть сохранившейся до наших дней насыпи, а клеть не соответствовала середине ядра платформы. Кроме того, автор упустил, что каркасно-столбовые стены не характерны для укреплений XII–XIII вв., а в позднем средневековье установленный на гребне насыпи тын порой был единственным оплотом.

В 2001 г. в лесной зоне исследовалось Малышевское укрепление X в. Автор связывал его с летописным установлением княгиней Ольгой погостов и даней на среднем течении р. Мсты. Напольный вал укрепления высотой 2,1 м от уровня площадки состоял из песка различной степени обожженности и гумусированности (рис. 45). С тыльной стороны насыпи стратиграфически различались следы внутренней клетки, которую исследователь принял за следы влияния южнорусской фортификационной традиции. По его мнению, боевая площадка заборол венчала три яруса трехстенных срубов, а снаружи к полой стене был присыпан песчанистый полувал-«откос», близ гребня облицованный бревенчатым панцирем (Конецкий, 2005. С. 64–70). Рис. 46.

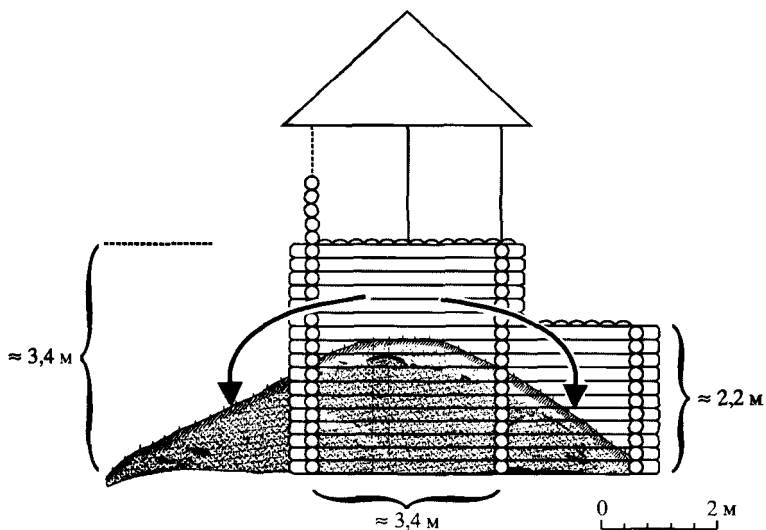

Рис. 47. Альтернативная реконструкция стены Малышевской крепости (по Ю.Ю. Морганову)

В этой реконструкции также имеются некоторые неточности. Так, давно опровергнута гипотеза о существовании трехстенных городней, а крепостные стены из клетей в Южной Руси получили распространение не ранее конца XI в. Кроме того, летописной аналогией полувалов являются "приспы" – диагональные полунасыпи, облегчавшие нападающим штурм вертикальных укреплений. В целом же, если учесть наихудшую степень сохранности древесины в песчаных валах, авторский профиль с высокой степенью вероятности зафиксировал руины двухсрубной стены. Если принять за основу подобное толкование, то в центре насыпи была городня, не горевший каркас которой в песке не сохранился (рис. 47). Учитывая объем развала ее забутовки, за ширину внутреннего заполнения сруба условно принимаем 3,4 м – такие параметры обычны на сходных по величине городищах рубежа X–XI вв. Отсюда высота равновеликой по площади сечения забутовки может составлять также 3,4 м (17 венцов). Широкая приземистость такой стены обусловлена ее песчанистой забутовкой, не позволяющей обеспечить прочность более узкому и высокому сооружению. Пожар, несомненно, начался во внутренней полой клетке: ее руины хорошо различаются как придонные прослойки внутренней полы вала. А обугленная дуга, принятая автором за ее кровлю, скорее, оставлена пожаром общей с городней стены, позже присыпанной вышележащей забутовкой. Но весь сруб городни от огня не пострадал, он полностью истлел. Поэтому к развалу забутовки я отнес и почти весь объем грунта внутренней стороны вала.

Несомненно, данные параметры преграды приблизительны, но эта гипотетическая реконструкция отражает действительно существовавшие реалии. Правда, в Южной Руси защитные стены из клетей и двухсрубные укрепления

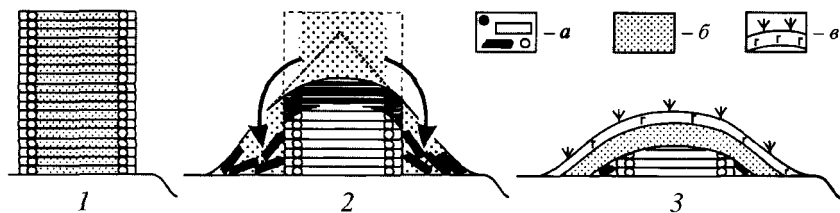

Рис. 48. Примерная схема процесса разрушения городни

1 – первоначальный вид городни; 2 – разрез свежих осыпей стены; 3 – современный профиль разреза вала

Условные обозначения: а – дерево и уголь; б – грунтовые забутовки и их осыпи; в – дерновый слой

массово распространились более чем через столетие после активной деятельности княгини Ольги. Но это не исключает, что перед нами один из пробных вариантов ее поисков способа эффективного укрытия собранной дани в условиях зарождения новых фортификационных традиций.

Итогом этого затянувшегося анализа может служить гипотетическая и несколько упрощенная схема формирования валообразной насыпи на месте уничтоженной пожаром простейшей срубно-засыпной стеновой городни единственного строительного периода. По сути это попытка первичной систематизации результатов множества полевых наблюдений.

Судя по всему, огонь пожараща быстрее уничтожает лучше вентилируемые верхние венцы сруба: при их разрушении забутовка конусообразного сечения перекрывает нижнюю часть городни и ее горение прекращается из-за недостатка кислорода. А по мере догорания обломков верхних венцов они рассыпаются и руины приобретают более сглаженное поперечное сечение (рис. 48, 2). Со временем первоначальная осыпь постоянно оседает, уплотняется, крупные угли распадаются на мелкие фракции и постепенно насыпь приобретает пологое валообразное сечение с естественными углами боковых откосов. Если же после пожара основание сруба продолжало догорать при ограниченном доступе воздуха, там прослеживаются качественные остатки нижних венцов, но чаще древесина истлевала полностью.

Интересная особенность наблюдается применительно к валам, включающим черноземовидные грунты. Эта разновидность почв имеет столь высокую биологическую активность, что в ее верхних пределах, проницаемых для влаги и кислорода, исчезают следы даже обугленной органики. В разрезах подобных валов под дерном прослеживается слой аморфного чернозема, нередко достигающий метровой толщины и повторяющий абрис дневной поверхности насыпи: порой его именуют "куполом полного истлевания древесины" (рис. 48, 3).

Хуже идентифицируются разновременные строительные остатки, содержащиеся в многослойных валах, сложившихся в результате нескольких этапов восстановления и реконструкций крепостных укреплений. Это происходит потому, что не всегда удастся правильно оценить результаты расчисток завалов,

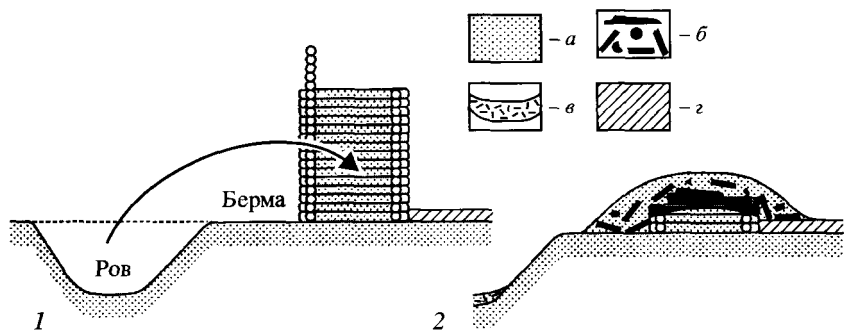

Рис. 49. Гипотетическая реконструкция сложения валов. Первоначальная крепостная стена (1) и ее руины (2)

Условные обозначения: а – материковый грунт; б – обгоревшие бревна; в – затеки "строительного мусора" в ров; г – первоначальный культурный слой площадки

нивелирующих подсыпок, следы наращивания стен, а также учесть усадку грунтов под тяжестью городской и, может быть, самое главное, оплывание насыпи в процессе истлевания древесных элементов каркаса. Отсюда понятно, что гипотетическая реконструкция этого процесса также может быть предложена в схематическом виде.

В простейшем виде бревенчатый каркас первоначальной односрубной стены, возведенной на ровном и ранее незаселенном месте, засыпался археологически стерильным материковым грунтом. В результате с боевой стороны преграды за полосой бермы образовывался ров, а на примыкавшей к стене площадке продукты жизнедеятельности защитников постепенно откладывались в первоначальный культурный слой (рис. 49, 1)*.

Со временем древо-земляная стена по разным причинам подвергалась воздействию огня и разрушалась, в результате чего обгоревшие бревна и осыпь забутовки валообразно перекрывали несгоревшее основание каркаса, берму и прилегавшую изнутри часть культурного слоя (рис. 49, 2). Следы этого этапа служат весомым археологическим индикатором: они показывают, что крепость возводилась в необжитой местности. Поэтому наиболее ранние находки из раскопок городищенской площадки соответствуют времени возведения крепости. Если же стена возводилась поверх предшествующего культурного слоя, следовательно, ранее на этом месте размещалось открытое поселение. В таком случае массив наиболее ранних из найденных на городище материалов предшествует дате постройки укреплений.

В свое время для датирования городищ поречья р. Сулы мне пришлось вскрывать десятки валов. Практически для этого достаточно раскопать лишь внутреннюю треть ширины современной насыпи: этого хватало, чтобы разведочная траншея достигла основания первоначальной городни и показала наличие или отсутствие под ней культурных напластований.

* На рисунках 49–51 условные обозначения имеют сквозную индексацию: она соответствует схеме последовательного накопления культурных отложений.

Следующая схема отражает гипотетический процесс возобновления укреплений (рис. 50, 1). Для этого были расчищены наиболее сыпучие субструкции руин, горизонтальной нивелировкой их поверхности создавалась строительная площадка и более высокий уровень бермы. Несколько уменьшенный новый сруб ставили исключительно поверх плотных забутовок первоначальной стены. Городня засыпалась перемещенным из рва материковым грунтом с примесью ранее попавшего туда строительного и бытового мусора. Известные материалы показывают, что в сложных валах ров служил источником грунта на протяжении не менее двух строительных периодов. Таким образом, на этом этапе возобновления стен ров расчищали или даже углубляли, а на площадке начиналось отложение нового культурного слоя.

Не исключено, что стена могла обвалиться по причине ветхости (рис. 50, 2). В таком случае от городни *in situ* сохранилась часть ее основания, перекрытая осыпью материковой забутовки, и обломки подгнивших бревен, а часть развала неизбежно оползла в мелеющий от этого ров. Но в целом высота вала вновь увеличилась.

Следующее возобновление укреплений происходило с использованием прежних строительных принципов – подрезки и подсыпки осыпей новых руин, создания новой бермы и зачистки прочного основания (рис. 51). На этом этапе реконструкции крепостных стен допускаются и новации, вызванные излишней трудоемкостью подъема грунта со дна рва. Теперь его котлован не вычищался, а в срубы стали с уплотнением укладывать культурный слой, счищенный с площадки. Вероятно, менее плотная забутовка не позволяла возводить высокие стены, но поверх мощных валов этот фактор существенным уже не являлся.

Отдельного пояснения требует вопрос об использовании для забутовки городней культурного слоя площадки. Подобная практика прослеживается с античных времен (*Буйских*, 1991. С. 91), она хорошо известна и исследователям древнерусских городов (*Раннопорт*, 1956. С. 71). Гумусированность таких забутовок значительно ухудшает визуальную распознаваемость внутривальных прослоек и строительных периодов в целом, но перемещенные с площадки наводки резко повышают датировочные возможности.

При этом следует учитывать несколько существенных факторов. Во-первых, такие датировки имеют опосредованный характер: сначала материал адекватно хронологии его бытования выпадал в культурный слой площадки, а несколько (?) позже укладывался в городни. Во-вторых, перемещение разновременных слоев грунта нередко имеет хронологически обратный характер: сначала на площадке срезались вышележащие напластования, а позже в срубы попадал грунт с нижележащим материалом. Так, при исследовании вала летописного Снепорода в забутовке городни над пластом XII в. обнаружился массив, содержащий керамику позднескифского времени, в свою очередь перекрытый предматериковым грунтом с материалами эпохи неолита – бронзы. Это означает, что выборка культурного слоя площадки осуществлялась не хаотично, а равномерными горизонтальными срезами.

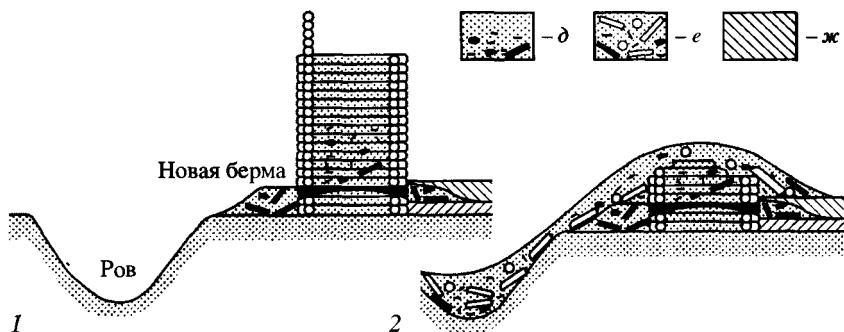

Рис. 50. Стена второго строительного периода (1) и последствия ее разрушения (2)

Условные обозначения: *d* – заполнение городни второго строительного периода; *e* – руины этого заполнения; *ж* – культурные отложения, сформировавшиеся за период существования крепостной стены второго строительного периода

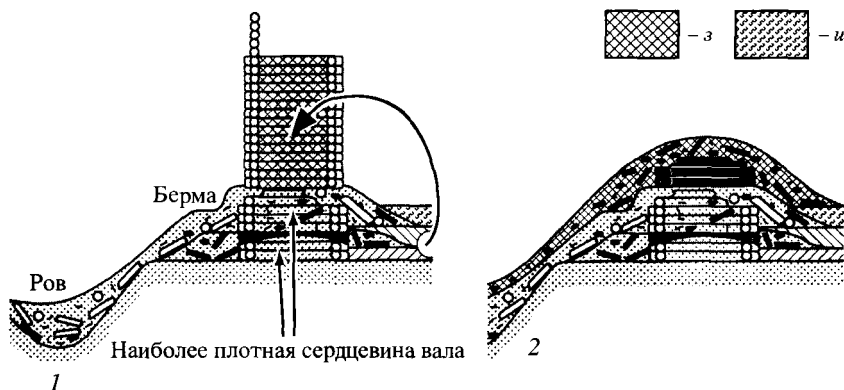

Рис. 51. Стена третьего строительного периода (1) и последствия ее разрушения (2)

Условные обозначения: *z* – заполнение городни (первоначальные и последующие культурные напластования); *u* – отложения площадки, сложившиеся у подножия стены третьего строительного периода

П.А. Раппопортом впервые были намечены участки планомерной выборки культурного слоя для забутовки новых стен. Эти наблюдения лучше изучены на городищах кольцевидных очертаний: одни участки планомерной выборки грунта прослеживаются визуально, другие выявляются микронивелировкой площадок. Во многих случаях сложившиеся из-за этого рельефные аномалии уровня площадок удавалось сопоставить с результатами шурфовки и раскопок.

Есть примеры, когда на небольших городищах дневная поверхность площадки имеет пологий и равномерный прогиб от валов к центру (рис. 52, 1). В таких случаях на площадке может отсутствовать культурный слой или он встречается отдельными пятнами по ее краям. Часто центр площадки оказывается ниже уровня бермы, это означает, что в городни срезался и материковый

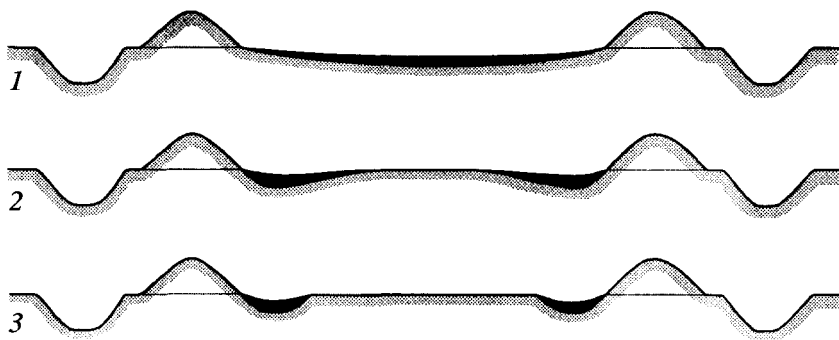

Рис. 52. Различные варианты подрезки культурного слоя площадки для его перемещения в городни (на примере "круглых" городищ). Заливкой отмечены зоны преимущественной выборки грунта,

1 – углубление середины площадки; 2 – равномерное краевое срезание; 3 – внутренние "рвы"

грунт. Постоянное проживание в такой крепости осложнялось периодическим скоплением на площадке атмосферной влаги. Возможно, так выглядели общинные убежища в местах, сопряженных с постоянной внешней опасностью, и где к технически грамотному строительству укреплений не удавалось привлечь специалистов-градоделов и достаточного количества окрестного населения.

В иных случаях визуально наблюдается приподнятость центра площадки и пологое понижение уровня дневной поверхности к подножию валов (рис. 52, 2). Одним из множества подобных примеров является городище летописного происхода, где по краям площадки уровень дневной поверхности понижен на 1,5 м и на материке прослеживаются лишь сильно деформированные (как бы шлюпанные) остатки наиболее глубоких котлованов ранних построек. Находки предшествующих культур конца XI – середины XII в. здесь встречены в переложном виде и в качестве исключения, остальное обильно представлено в заполнении стеновых городней. В то же время в середине площадки непо потревоженный культурный слой очень тонок. Он содержит артефакты предшествующих археологических культур, но следов массовой застройки древнерусского времени там нет. Видимо, здесь веками располагалась открытая площадь. Думается, столь равномерное послойное снятие околосредних напластований точно соответствовало задаче строителей оставить ровную площадку, пригодную для дальнейшей жилой и хозяйственной эксплуатации.

Применительно к территории юго-запада Руси такая "выпуклость" середины небольших укреплений порой принималась за один из типологических признаков городищ-святилищ (Русанова, Тимошук, 1998. С. 147).

И, наконец, встречаются укрепления, где выборка культурного слоя и материка осуществлялась только из прилегавших к валу кольцевидных в плане выемок (так называемых внутренних рвов). Это позволяло, наверное, максимально сохранить существующую застройку (рис. 52, 3). На посульском городище

Бербеницы это объясняется многовальной структурой укреплений: излишне углублять ров не позволяла опасность разрушения следующей, внешней, крепостной стены (Моргунов, 1996. С. 61–63. Рис. 16).

Вероятно, не все исследователи готовы сразу принять мои гипотетические построения процесса сложения первоначальных земляных валов и естественности подъема крепостных стен на случайно сложившиеся, а затем и специально создававшиеся насыпи. Для меня важнее настолько подробно изложить свою точку зрения на эти явления, чтобы каждый коллега впредь мог сравнивать с ней итоги своих исследований. Возможно, это в какой-то мере упростит выбор собственной интерпретации из существующего в литературе разнообразия различных истолкований древнего облика оборонительных сооружений.

Другие крепостные атрибуты

Наряду со стенами большое значение для обеспечения обороноспособности укрепленных поселений играли и такие значимые защитные устройства, как въезды и разнородные башни. В свою очередь патерны и колодцы на первый взгляд непосредственно не являлись крепостными и городскими оборонительными преградами, но без них защитные мероприятия могли стать недостаточно эффективными. Поэтому следующий раздел работы отведен рассмотрению вопросов, связанных с этими сооружениями.

Въездной комплекс

Въездные защитные устройства – это комплексные сооружения, состоящие из проезда, встроенного в проем защитных стен, воротного приспособления и устройства для форсирования рва. Эта сложная инженерная система являлась наиболее уязвимым звеном оборонительного комплекса, поскольку должна была удовлетворять таким трудно сопоставимым условиям, как удобство ее использования в мирное время и неприступность в случае осады. Эта двойственность функциональной нагрузки проезда требовала от его строителей не только большого мастерства и фортификационного опыта в использовании специфики окружающей местности, но и хорошего знания военной тактики. По всей вероятности, отсюда ведет начало и разница в устройстве различных въездных приспособлений.

В свое время итоги изучения летописных и археологических свидетельств об этих сооружениях были подведены П.А. Раппопортом (1956. С. 126–135; 1967. С. 149–154). Его вклад оказался столь исчерпывающим, что в последующие годы эта тема существенно не углублялась (ср.: Куза, 1985а. С. 169; Кучера, 1986. С. 383, 384; 1999. С. 85, 86). Отчасти это связано со сложностью полевого исследования въездных устройств, но во многом сказывается и то обстоятельство, что на фоне накопления отдельных наблюдений до сих пор отсутствует обобщенное представление о въездах как об инженерной модели.

Поэтому следует вернуться к этой проблематике и попытаться сузить некоторые пробелы и, по возможности, предварительно систематизировать известные материалы. За пределами обзора я намеренно оставил значительный объем поверхностно датированной информации. Думается, что это вынужденное сужение источниковой базы методически оправдывается большей надежностью

приведенных в работе хорошо датированных материалов, которые точнее описывают облик защитных сооружений изучаемой эпохи.

Внешними признаками городищенских въездов являются разрывы и пониженные седловины в линиях валов, протяженностью от 2–3 до 5–8 м. На высоко размещенных памятниках к ним ведут огибающие склоны пологие подъездные пандусы шириной 2–4 м. В иных случаях въезды соединяются с напольной стороной узкими грунтовыми перемычками шириной не более 2–4 м, которые не пересекают рвы и возвышаются над ними. Перемычки встречаются и на памятниках, не подвергавшихся поздним переделкам или хозяйственной эксплуатации следовательно, это остатки сооружений, созданных в пору функционирования укреплений. Принято считать, что перемычки служили простейшим воплощением предвъездных мостов. Но иногда визуально следы въездов не прослеживаются (рис. 53). На территории Украины эта аномалия более характерна для укреплений Южного Буга, а также встречается на мысовых и останцово-мысовых городищах других регионов* (*Кучера, 1999. С. 85*).

П.А. Раппопорт объяснял отсутствие внешних признаков въездных сооружений возможностью проезда поверх гребня вала (*Раппопорт, 1967. С. 149; Топальский, 2004. С. 280*). Это соображение не привилось – для колесного транспорта подобное перемещение грузов затруднительно. Не исключалась и вероятность постройки через вал наклонного деревянного настила-аппарели (*Губайдуллин, 2002. С. 42*). Эта гипотеза не учитывала высоты возведенных на валах стен: в таком случае легкий настил мог принять облик грандиозной и трудно восстанавливаемой после осады эстакады.

В массе на городищах прослеживается один въезд, но известны и исключения. Как показало изучение пограничного посульского региона, вблизи городища летописного Попаша и донныне функционируют снабженные мостиками переходы, связывающие берега реки. А до относительно недавней постройки моста местные жители вброд пересекали р. Ромен у подножия городища летописного города Красна. На надпойменных всхолмлениях, через которые вела единственная дорога через заболоченные поймы рек Терна и Торговицы, размещались летописные города Вяхань и Глебль (рис. 54). Напротив единственной в широкой округе переправы был построен летописный Кснятин; аналогичным образом размещались летописный город Зарытый на р. Курице и городище Кросна на р. Езучь. А наиболее красноречив пример летописного Римова, который в 1185 г. заслонил половцам дорогу в кочевья (ПСРЛ. Т. 2. С. 647, 648), преградив путь к единственному на много километров сульскому броду (*Моргунов, 1989. С. 216*). Таким образом, двумя въездами обеспечивались укрепления средних и больших размеров, полезной площадью не менее 0,7–0,8 га, а зачастую и большей (*Моргунов, 1990. С. 102, 108*). На большинстве таких крепостей противоположные

* В этом пункте в широкое полотно кропотливых наблюдений М.П. Кучеры закралось несколько ошибочных примеров. Вальный разрыв и перемычка известны в посульской Сенче 2 (это Сампсониев Остров; см.: *Моргунов, 2003. С. 60, 61*), а в попорченных земляными работами Калениках вход на площадку легко распознается по аэрофотосъемке. Следов въездов действительно нет в Гайвороне, Грицевке и Безсалах: последнее городище перестраивалось в XVII в., а два других намеренно выравнивались для удобства их раскопки (*Моргунов, 1996. С. 43–45; 48, 49; 63–65*).

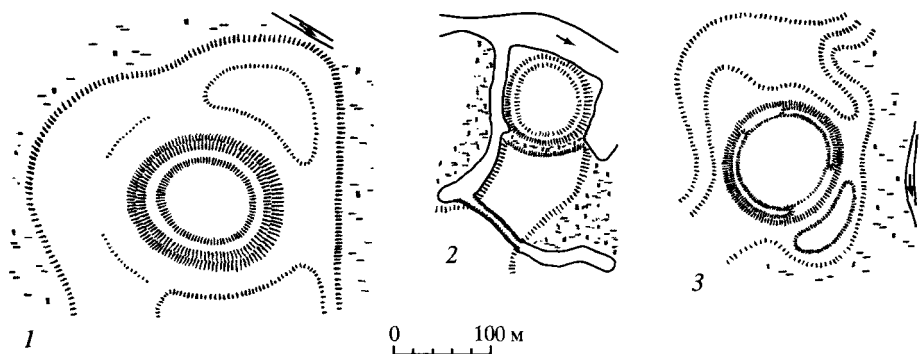

Рис. 53. Посульские "круглые болотные" городища, не содержащие видимых следов въездов

1 – Грицевка; 2 – Безсалы; 3 – Гайворон

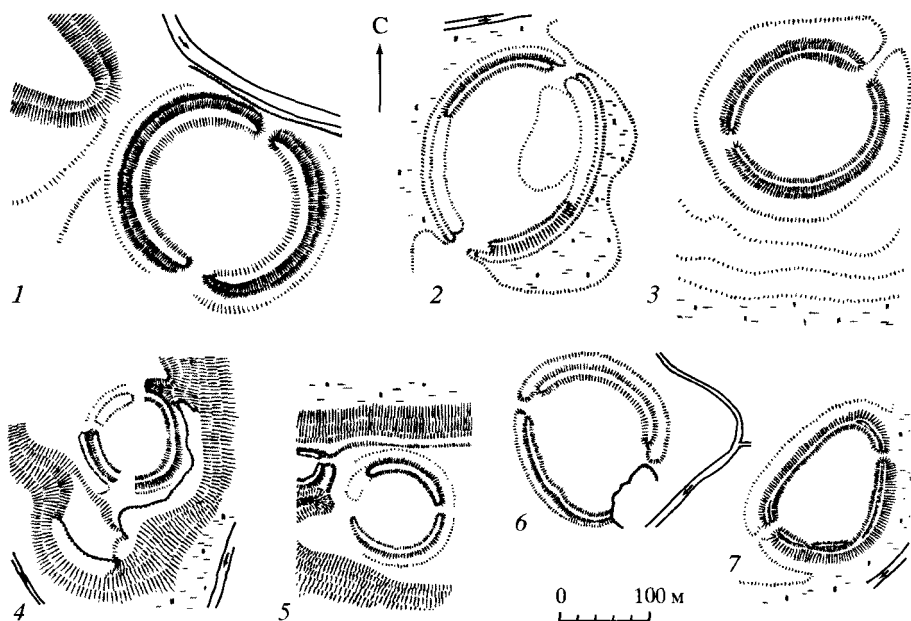

Рис. 54. Левобережные укрепления с двумя проездами (лет. – летописный)

1 – лет. Кснятин; 2 – лет. Глебль (Шевченко); 3 – лет. Вяхань; 4 – городище Мисто (Великая Буримка); 5 – лет. Римов; 6 – лет. Зарытый; 7 – городище Кросна

въездные проемы соединялись осью, обращенной к речной переправе: очевидно, крепости контролировали проходы от стратегически важных бродов, куда выходили дороги из степей. О высокой военной значимости таких форпостов свидетельствуют и обширные размеры прибрежных крепостей. Множеством въездов наделялись только крупнейшие города (Куза, 1985а. С. 169).

Элементы въездов по археологическим данным. Сведения о надежно датированных остатках древнерусских каменных и кирпичных въездов единичны, а их древо-земляные аналоги в первоизданном виде не сохранились. Тем не менее устройство последних, основанное на разрозненных археологических остатках и сопоставленное с их каменными аналогами, в общих чертах восстановимо.

Основным археологическим признаком проезда является разрыв в линии стен, куда встраивали воротные сооружения. Для прочности основания околовъездных городней Любеча углубляли в материк на 0,5–0,6 м (Рыбаков, 1960. С. 31), на Снепороде на расчищенном материке утрамбованным суглинком забивали и котлованы ям предшествующего времени.

Ширина воротных разрывов, за исключением особо известных и, видимо, парадных примеров, колебалась в пределах от 1,5 до 3,5 м. Минимальные размеры, возможно, зависели от габаритов колесного транспорта. На городище Черновка в воротном разрыве между клетями шириной 2,2 м обнаружались мощные ямы от столбов, несущих заборола с боевым ходом, вымощенным мелкими камнями (Возний, 1997. С. 134). Немногим отличались и размеры проездов северных укреплений: в Изборске они колебались в пределах 2–3 м (Седов, 2002. С. 197, 198, 199, 205; 2002а. С. 35), а в Ладоге ширина въезда не превышала 1,7 м (Кирпичников, 1984. С. 197, 198, 199, 205). Для сравнения, на синхронных эстонских укреплениях ширина наиболее значительного въезда составляла 2,2–2,4 м, хотя обычны проезды шириной 1,8–1,9 м (Тыниссон, 1988. С. 10). Очевидно, это объясняется различиями в оборонительной значимости этих оборонительных узлов.

Порой разрывы в линиях стен дополнялись въездными коридорами: в каменном и кирпичном воплощении они следовали между двух массивных пилонов, развернутых перпендикулярно оси стен (Воронин, 1949. С. 219). В южнорусских землях это киевские Золотые и Софийские ворота, а также въезд в Киево-Печерскую лавру. В Переяславле это Епископские ворота в юго-восточной части детинца. В центральной части Руси аналогичные каменные постройки представлены Золотыми воротами и остатками въезда в детинец Владимира. Защитное свойство киевских Софийских ворот усиливалось сужением коридора по краям до 3,7 м, в то время как в средней части его ширина составляла 6 м (Килиевич, 1982. С. 51).

По протяженности каменные коридоры сопоставимы с аналогичными древо-земляными устройствами (см. табл.), которые возводились из двух линий частоколов. Так, на городище Судовая Вишня к проезду примыкал перпендикулярный стене столбовой коридор протяженностью 13 м. Ширина его части, выходящей за пределы укреплений, составляла 4 м, а заходившая на площадку внутренняя часть с некоторым изгибом сужалась до 2,6–2,8 м (Ратич, 1964. С. 126. Рис. 5). Рис. 55. Подобное усложнение въездов не является редкостью: коридор шириной 2,4 м и длиной более 15 м изучен на городище Заречье (Рыбаков, 1965. С. 127), в поднестровской Ушице его размер составлял 2,4–2,6 × 6,0 м (Кучера, Горишний, 1983. С. 67). Аналогичные въезды встречаются и на городищах Волжской Болгарии (Губайдуллин, 2002. С. 45).

Размеры городищенских въездных проемов

Памятник	Ширина	Длина	Источник
Золотые ворота (Киев)	6,4 м	26,8 м	<i>Высоцкий</i> , 1981. С. 169
Золотые ворота (Владимир)	5,58 м		<i>Высоцкий</i> , 1981. С. 169
Софийские ворота (Киев)	3,7–6,0 м	10,0 м	<i>Боровський, Мовчан</i> , 1998. С. 87
Лядские ворота	4,2 м		<i>Сагайдак</i> , 1984. С. 111
Епископские ворота (Переяславль)	4,0 м		<i>Юра, Кучера</i> , 1986а. С. 281
Судовая Вишня	2,6–4,0 м	13,0 м	<i>Ратич</i> , 1964. С. 124, 126
Любеч	3,5 м	6,0 м	<i>Рыбаков</i> , 1960. С. 31; 1964. С. 22
Червона Диброва	более 3,0 м		<i>Тимошук</i> , 1989. С. 16
Райковецкое городище	3,0+1,6 м		<i>Гончаров</i> , 1950. С. 25
Изборск	2,0–3,0 м		<i>Седов</i> , 2002. С. 197–198; 199; 205
Воинь	2,6 м		<i>Юра, Кучера</i> , 1986. С. 331
Заречьє	2,4 м	15,0 м	<i>Рыбаков</i> , 1965. С. 127
Сампсониев Остров	2,6 м	8,0 м	<i>Моргунов</i> , 2003. С. 63
Снепород	3,5–2,5 м	более 14,0 м	<i>Моргунов Ю.Ю.</i> Летописный город Снепород и его округа (готовится к печати)
Старая Ладога	1,7 м		<i>Кирпичников</i> , 1984. С. 197–198, 199, 205

Столь оригинальное сочетание конструкции внешних срубных стен с перпендикулярным им въездным частоколом М.П. Кучера остроумно объяснял тем, что создание поперечного коридора из срубов могло быть слишком трудоемким. А частоколы при меньшей, чем городни высоте, могли иметь любую протяженность (*Кучера*, 1999. С. 86). Также не исключено, что обустройство проезда рядами вертикальных стен определялось давней традицией крепления воротных створок к столбам. Так, в Изборске, где коридорный проход отсутствовал, начиная с X в. въездное пространство оформлялось одной или двумя парами мощных несущих столбов (*Седов*, 2002. С. 197, 198, 205). А в центре проезда городища Судовая Вишня в южной линии частокола исследователем была зафиксирована укрепленная столбами неглубокая ниша (*Ратич*, 1964. С. 126), возможно, представлявшая собой часть воротного устройства.

Следующим атрибутом въездных сооружений является дорожное замощение воротных промежутков и их продолжения на площадках. В Воине такая трасса имела длину 8,0 м, ширину 2,6 м. Она была вымощена по

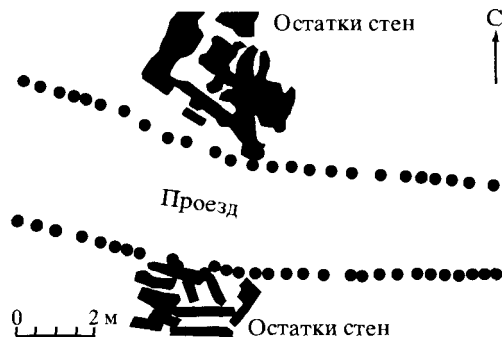

Рис. 55. Частокольный коридор въезда Судовой Вишни (по О.О. Ратичу)

ложенными поперек пути деревянными плахами, закрепленными на трех рядах продольных лаг. Ниже прослеживались следы еще более ранней мостовой, лежавшей поверх субструкции из костей животных (*Довженко и др.*, 1966. С. 36; *Юра, Кучера*, 1986. С. 331). Но в подавляющем большинстве проезды мостили только деревом, по-видимому, это было общерусским явлением. Следы такого мощения были встречены в Киеве, Любече, Слободке, Ярополче Залесском, Минске, Владимире, Изборске и на других памятниках (*Высоцкий*, 1981. С. 151; *Кириличников*, 1982. С. 51; *Сагайдак*, 1984. С. 111; *Рыбаков*, 1960. С. 31; *Никольская*, 1981. С. 180; *Седова*, 1978. С. 15; *Загорюльский*, 1982. С. 167; *Воронин*, 1949. С. 207; *Седов*, 2002. С. 199).

Устройство воротных полотнищ археологически не изучено. Но известно два связанных с крепостными запорами устойчивых летописных оборота: "затворять город" – символ подготовки к осаде; "отворять город" при сдаче его победителю. Поэтому в литературе закрепилось мнение о том, что городские проходы снабжались воротами, схожими с хозяйственными, и разница между ними могла заключаться лишь в большей прочности (*Раппопорт*, 1956. С. 133; 1961. С. 149, 152; *Кучера*, 1999. С. 86). Для большинства проездов признается наличие одного комплекта воротных створ, хотя для киевских Золотых ворот логично существование двух пар – внешней и внутренней (*Высоцкий*, 1981. С. 164). Б.А. Рыбаков в Любече обнаружил наличие трех "заслонов" внутри узкого 6-метрового воротного коридора (1964. С. 22; 1985. С. 95), а Б.А. Тимошук на городище VIII–IX вв. Червона Диброва зафиксировал следы двойных ворот (1989. С. 16).

В военной архитектуре Англии и Франции применялись опускающиеся железные воротные решетки, углубленные в толщу въезда. Они нередко дополнялись и обычными воротами, размещенными с тыльной стороны проезда (*Тоу*, 1955. Р. 120; *Саркиссиан*, 1966. С. 103, 104). Не исключено, что следы опускающего полотнища были получены при раскопках Изборской крепости: от них остался пересекавший проезд материковый желобок (*Седов*, 2002. С. 197, 198). На западе функции наружных створок ворот позже играли подъемные мосты, на оценке применения которых остановимся ниже.

В Золотых воротах Владимира, каменных башнях Новгородского острога и ладожской крепости сохранились пазы от деревянных засовов, запиравших ворота (*Раппопорт*, 1961. С. 152; *Кириличников*, 1984. С. 59). В "Слове о полку Игореве" упомянуты воротные "уши" Чернигова, куда закладывался крепежный брус (*Слово...*, 1950. С. 15; *Виноградова*, 1984. Вып. 6. С. 110–113). А в повести о взятии Царьграда упоминаются и городские железные замки (Под 1204 г.: НПЛ. С. 46, 241). В синхронных византийских и болгарских крепостях воротные полотнища во время осады удерживались катарактами – толстыми столбами, опускавшимися с верхнего яруса въездных башен и намертво закреплявшимися в специальных пазах, сделанных в полу проезда (*Овчаров*, 1982. С. 116). Автор "Истории франков" (вторая половина VI в.) упоминал о запирании ворот усадьбы при помощи молотка и клиньев (*Григорий Турский*, 1970. С. 184). Применительно к одной из чешских крепостей известный хронист ру-

бежа XI–XII вв. отмечал, что городские "ворота... связаны цепью толще мельничной веревки" (*Козьма Пражский*, 1962. С. 92).

Вопрос о существовании *въездных башен* на Руси X–XIII вв. имеет самостоятельное значение. Их следы трудноопределимы: в процессе разрушения деформированные элементы башен беспорядочно обваливались на нижележащие конструкции. А позже их остатки быстрее нижележащих уничтожались под воздействием времени или хозяйственной деятельности человека, поскольку размещались ближе к дневной поверхности. Возможно, это послужило причиной существующего недостатка в хорошо изученных и подробно опубликованных башенных конструкциях. Тем не менее их поиски всегда вызывали интерес исследователей.

Принципиальные представления о применении в домонгольском оборонительном строительстве башнеобразных въездов формировались на косвенных основаниях. Такие сооружения из камня, насчитывавшие до трех этажей и имевшие высоту до 14 м, возводили в Болгарии и Византии еще в V–X вв. Въездные коридоры в башнях достигали длины до 10 м (*Овчаров*, 1982. С. 110, 111). Въездные башни широко применялись как в Западной Европе (*Тоу*, 1955. Р. 59, 121), так и крестonosцами в Сирии и Палестине (*Саркусиан*, 1966а. С. 167). На возможность устройства въездных башен с определенными оговорками указывают и русские примеры каменных въездов с надвратными церквями, где над воротами прослеживались специальные площадки для размещения защитников (*Воронин*, 1949. С. 208, 209; *Ратнопорт*, 1956. С. 133). На использование таких церквей в защитных целях указывает сюжет Ипатьевской летописи под 1220 г. об осаде Галича: "бывшимъ же ся имъ о враты градныя и възбѣгоша же на комары церковныя... бѣ бо градъ створенъ на церкви" (ПСРЛ. Т. 2. С. 738). "Вежи воротные", воплощенные в камне и в древо-земляной технике, были хорошо известны в XIV–XVII вв. в Московском государстве и в польско-литовских землях (*Фриде*, 1924. С. 139; *Косточкин*, 1962. С. 262; *Клепатский*, 1902. С. 130).

Применительно к отечественным оборонительным древностям XI–XIII вв. проезды, перекрытые башнеобразными сооружениями, можно представить как следствие усовершенствования простейших воротных конструкций, объединившее в единый защитный комплекс три составные части, первоначально применявшиеся раздельно. Первой являлся въездной коридор, в котором замена частокола городнями многократно увеличивала прочность сооружения и позволяла обустроить его забороллами. Значительная глубина въездного проема могла быть приспособленной и для навешивания нескольких комплектов ворот. Вторым элементом новой конструкции стало сплошное перекрытие воротного проема и превращение его в своеобразный туннель. По мнению Э.Ю. Тыниссоны, такой вид имели каменные въезды эстонских городищ, где прослеживались столбовые опоры перекрытия (1988. С. 10). Серия проделанных в перекрытии амбразур позволяла в упор расстреливать попавшего сюда противника на всем пути его следования на крепостную площадку. Подобные бойницы хорошо известны и во въездных башнях Западной Европы (*Тоу*, 1955. Р. 120). Техника кинжального обстрела сверху была известна на Руси: приблизительно так в

1095 г. Ольберг Ратиборич сквозь разобранный крышу бани уничтожил половецкого посла Итлара и его свиту (ПСРЛ. Т. 1. С. 228). И, наконец, увеличение высоты соседствующих с въездом земляных валов приводило к необходимости возводить многоярусные башни, что в свою очередь создавало возможность на фронтальном направлении разместить несколько линий обстрела и более эффективно препятствовать приближению противника к воротам.

Небольшое количество подобных сооружений из камня долго не позволяло поверить в широкое применение домонгольских древо-земляных надвратных башен, которые не упоминались в летописных источниках. Эту лауну пытался заполнить П.А. Раппопорт. Он исходил из аксиомы, что в наибольшей степени уязвимые въезды не могли быть ниже стен. Но полотнища ворот размещалась на уровне площадки и высотный перепад между ними и гребнями валов (а также и стен, построенных на валах) подчас достигал значительной величины. И эта разница могла быть покрыта только за счет особо мощных въездных надстроек, а таковыми могли быть многоярусные башни (*Pannonort*, 1956. С. 132, 133; 1961. С. 149). Рассуждение ученого подтверждается известным изображением трехъярусной угловой башни, найденным на Княжой Горе. Это сооружение имело шатровое перекрытие и примыкало к зубчатой крепостной стене, а "боевой ход" башни и стен размещались на одном уровне (*Мезенцева*, 1968. С. 23). Рис. 22.

Логика этих построек не вызывает сомнений, но в настоящее время гипотеза представляется несколько упрощенной, поскольку она опиралась на представление об укреплениях со специально насыпанными в один прием валами. На самом деле множество крепостных сооружений существовало длительный период и защитные стены периодически горели, достраивались и реконструировались, со временем на краях площадок появлялись валы, а оборонительная структура постоянно требовала модернизации. Поэтому гипотеза П.А. Раппопорта нуждается в некотором развитии, которое могло бы сделать ее более стройной и приближенной к древним реалиям.

Одно из уточнений учитывает оборонительную значимость поселений. Чем значительнее были центры, тем изначально более сложными въездными преградами они снабжались. На абсолютном же большинстве небольших городищ известны простейшие въездные устройства: скромные по размерам укрепления (усадыбы, крепостицы, дозорные форпосты) не предназначались для содержания многолюдных гарнизонов и для отражения массивных нападений. Поэтому такие укрепления строили без надвратных башен. На подобных городищах точки въездов помечены хорошо различимыми седловинами. Примером является въездное сооружение городища Сампсониев Остров, которое будет подробно рассмотрено ниже.

Другое уточнение связано с длительностью существования укрепленного поселения. В этом ряду одним полюсом является пласт недолго существовавших укреплений единственного строительного периода, возведенных на древней дневной поверхности. Для таких укреплений естественны простейшие проезды: высота городской прохода и стен создавала единую горизонталь уров-

ния заборол. В случае пожара таких укреплений существующая в воротном промежутке вентиляция в первую очередь активизировала сгорание прилегающих стеновых срубов, которые заваливались в середину проезда, заполняя узкий проезд забутовочным грунтом, обгоревшими бревнами, земляными перекрытиями надвратного боевого хода, руинами обложенной дерном или обмазанной глиной крыши. Поэтому в валах подобных крепостей нет следов седловин. Пример этому – городище Судовая Вишня.

Другой полюс составляют длительно существовавшие крепости с многократно обновлявшимися стенами: каждая перестройка увеличивала не только высоту вала, но и разницу в уровнях площадки и заборол новых стен. Для таких крепостей наблюдение П.А. Раппопорта является точным – седловины могли заполнить только весьма высокие башни, верхний уровень которых был никак не ниже верхней кромки стен, воздвигнутых поверх валов. При этом суммарные объемы грунта валов и высоких стеновых забутовок были значительно больше объема грунта, уложенного в междуэтажные перекрытия и кровлю. Отсюда, вероятно, происходят наиболее глубокие въездные седловины на городищах значительных размеров. Все вышеизложенное предполагает широкую распространенность надвратных башен в XI–XIII вв., но не означает, что ими устраивалась каждая крепость.

Археологически следами въездной башни в литературе эталонно признается известный по раскопкам западного сектора Судовой Вишни завал глинистых субструкций, камней и обгоревших балок, прослеженный поверх воротного проема-коридора (*Ратич*, 1964. С. 126). На городище X в. Ревно 1Б воротный проем размещался в разрыве между стеновыми срубами и входил в состав возведенной на каменном основании мощной башенной клетки размером 6 × 4 м. Расчистка его руин, состоявших из строительного мусора, обмазки и сгоревшего дерева, показала, что башня перекрывалась обмазанным глиной бревенчатым накатом, а вышележащий боевой ход был замощен слоем плоских камешков (*Тимошук*, 1982. С. 42).

В наскальной крепости Тустань единственно возможным местом въезда был естественный скальный разрыв, расширявшийся кверху от 4,5 до 5,5 м. В IX–X вв. он был перекрыт надвратной башней размером 5 × 3 м, внутри которой размещался проезд шириной 2,2 м и глубиной 3,0 м. Коридор имел высоту 2,4–2,6 м, а выше следовала площадка боевого хода, снабженная бруствером заборол (*Рождко*, 1996. С. 141). По мере подъема уровня укреплений и расширения межскального промежутка башенный сруб увеличили до размера 5 × 5 м. Это позволило увеличить высоту и глубину проема: он стал защищаться дверями и на входе, и на выходе из прохода (*Рождко*, 1990. С. 191; 1996. С. 148, 159, 162). Остатки схожих сооружений были исследованы в Любече, Заречье, где надстройка возвышалась на 2 этажа, в Витичеве, где она была трехъярусной.

Иногда "внутривратные" башни небольшого размера устраивались и с тыльной стороны ворот. В Райках ширина воротного въезда насчитывала 3 м. Но дальше путь в детинец преграждал сруб размером 3,0 × 2,2 м, с обеих

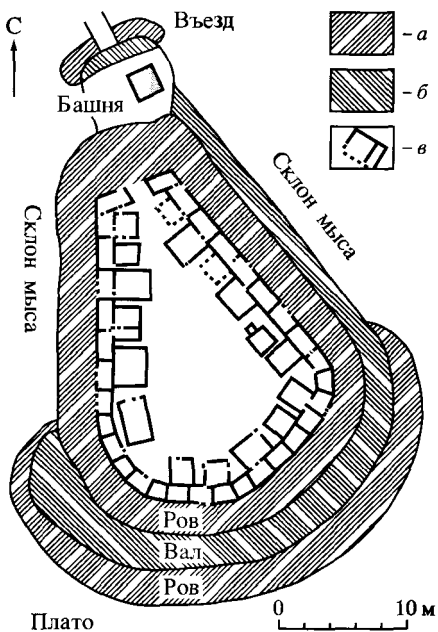

Рис. 56. Предвъездная башня Черновки (по И.П. Возному)

Условные обозначения: а – земляные рвы; б – насыпи валов; в – остатки клеток

сторон которого получилось два зауженных прохода, каждый шириной по 1,6 м (Гончаров, 1950. С. 25). Это сооружение не только затрудняло проникновение в крепость, но и дробило силы нападавших. В Черновке срубная башня размером $4,4 \times 4,4$ м почти вплотную примыкала к тыловой стороне въездного проема (рис. 56). Поскольку она размещалась на пониженной стороне берегового мыса, сооружение нельзя отнести к дозорным устройствам или донжонам: очевидно, отсюда защитники контролировали узкий и короткий путь от въезда на цитадель (Возный, 1997. С.136).

Мосты и другие предвъездные устройства. Судя по письменным источникам, деревянные мосты, ведущие через рвы, являлись неперменным атрибутом крепостей (Розен, 1878. С. 48). Разрушаясь, они не оставляли грунтовых перемычек. Из тактических соображений мосты строили настолько узкими, что это неоднократно приводило к катастрофам. В Повести временных лет такое событие описано под 976 г. в сюжете об осаде Вручия: "бяше чересь гроблюю мость ко вратомъ граднымъ; тѣснячеся другъ друга пихаху въ гроблюю, и спехнуша Ольга с мосту в дебрь" (ПСРЛ. Т. 1. С. 74). Еще более живописна в своем трагизме картина осады монголами в 1261 г. польского города Судомира: "людь же видивше татары на городѣ, оустрѣмишася побѣгнути до дитиньца, и не можахоу оумѣститись во ворота, зане мость бяше оузокъ воротомъ, и подавишася сами. А друзии падахоу с мостка в ровъ, акы сноповье; рови же бяхоу видѣниемъ, глоубоцѣ вельми и исполнишася мертвыми и бысть лзе ходити по тропью, акы по мосту" (ПСРЛ. Т. 2. С. 853).

Сооружение мостов в источниках определялось глаголом "мостить", а летописная оценка отвода мостов, т.е. прекращения доступа в крепость передавалась глаголами "переметывать" или "разметать". Так, в 1168 г. "Андреевич же перемета мость на Горинѣ и не пусти его к собѣ" (ПСРЛ. Т. 2. С. 537), а в Новгороде после битвы у городских ворот жители "в ту ночь мост переметаша" (НПЛ. С. 59, 259). Применение такой терминологии означает действие, сходное с подрубанием сооружения или "раскатыванием его по бревнам". В.И. Даль предлагал для летописного действия "разметать" такой синоним, как "раскидать,

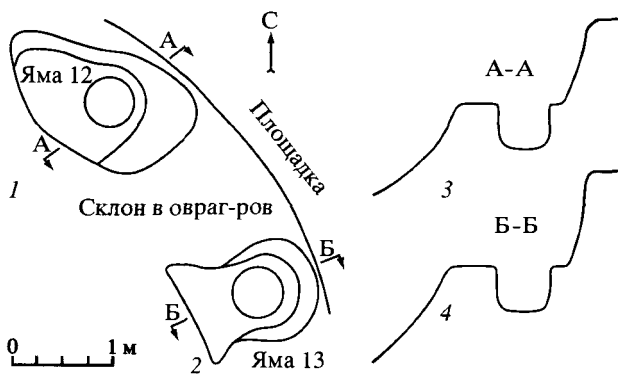
Рис. 57. Снепород. Столбовые опоры моста через внутренний ров

разбросать, расшвырять" (Даль, 2000. Т. 3. С. 67; Т. 4. С. 35, 36). Существенно уточняет такое представление и применение подобной терминологии к городским укреплениям. Выше уже упоминалось о разрушении укреплений западнорусских городов в знак покорности монгольским завоевателям: "и потом рече Боуронда Василкови: оже есте мои мирници, розмечете ж города своѣ всѣ. Левъ розмета Данилов и Стожекъ, оттоле же пославъ Львовъ розмѣта, а Василко пославъ Кремянечъ розмета и Лоуческъ" (ПСРЛ. Т. 2. С. 849, 850).

Таким образом, стандартное использование летописной лексики свидетельствует о применении на Руси временно настилаемых и разборных мостовых полотнищ (Раннопорт, 1956. С. 135). На миниатюре Радзивилловской летописи мостовой настил летописного Вручего опирался на столбы (1902. Л. 41, об.). Остатки бревенчатых опор были прослежены в Райковецком городище и Судовой Вишне (Гончаров, 1950. С. 25; Ратич, 1964. С. 126). Парные опоры внутреннего городищенского моста зафиксированы при раскопках летописного Снепорода: каждый из дубовых столбов полуметровой толщины устанавливался в специальные выемки склона, расстояние между ними около 2 м (рис. 57). На синхронных памятниках Западной Европы въезды также устраивались съезными деревянными трапами, уложенными на столбы: такие мосты называли сдвигаемыми (Тоу, 1955. Р. 65, 124; Саркисиан, 1966. С. 103). Начиная с XI в. таким же образом устраивали предвъездные подходы и крестоносцы в Сирии и Палестине, но вместо деревянных столбов им приходилось при выдалбливании рвов оставлять в скальных породах высокие опоры-останцы (Саркисиан, 1966а. С. 155).

Позже появились и подъемные мосты: в поднятом состоянии их полотнища закрывали внешние воротные проемы. В источниках они известны с 1229 г.: в польском городе Калише: "возводный мост и жеравецъ вожьгоша" (ПСРЛ. Т. 2. С. 755). Под 1418 г. такое устройство упомянуто в Воскресенской летописи среди событий, происходивших в польско-литовском городе Кременце (ПСРЛ. Т. 7. С. 127). На русской территории подъемные мосты в источниках начали упоминаться не ранее XVI в. (Раннопорт, 1961. С. 154; 1967. С. 153; Топальский, 2004. С. 279).

Относительно позднему появлению подъемных мостов противоречат недомонументированные сведения о существовании подобных сооружений в домонгольском Любече, но не исключено, что это остатки укреплений построенного

на его месте польско-литовского замка. Подтверждением служит и ступенчатая линия стен, отсекавшая площадку от подножия останца (*Рыбаков*, 1985. С. 95, 132. Табл. 31, 1). Другого такого примера в русской фортификации XI–XIII вв. пока не обнаружено.

На существовании домонгольского подъемного моста в Тустани настаивал М.Ф. Рожко. Он считал, что для этого имеются археологические и летописные основания. Археологически от мостового сооружения в скальном основании сохранились пазы от цепочки опорных столбов, ориентированной по направлению к въезду. По мнению исследователя, настил представлял собой полого поднимающийся к въездной башне деревянный пандус, всего тремя метрами не доходивший до ворот: этот промежуток и был закрыт подъемным полотном (*Рожко*, 1990. С. 191; 1993. С. 159; 1996. С. 148). Его коллегой Ю.Н. Токарским обоснована техническая возможность создания подъемного механизма и сделана его реконструкция (*Токарский*, 1984. С. 126, 127; *Рожко*, 1996. С. 149–156).

Летописное обоснование существования русских подъемных мостов в XII в. найдено М.Ф. Рожко в Ипатьевской летописи, где речь шла о погоне Владимира Мстиславича за белгородским князем Борисом Юрьевичем в апреле 1151 г. Приведу этот неоднократно цитировавшийся отрывок полностью: "Володимерь же приде к Бѣлугороду к мостьку в борзѣ. В то же веремя Борисъ пьяшетъ в Бѣлѣгородѣ на сѣньници съ дружиною своею и с попы бѣлогородьскими. Аще бы не мытникъ, оустерегль и моста не переметаль, то яли быша (Бориса. – Ю.М.). И тако полци приѣхавше к мостьку, кликнуша, въ трубы вострубиша. Борисъ же то слышавъ, бѣжа из Бѣлгорода. Бѣлогородци же потекоша к мостьку, кланяющеса и рекуше: "княже, поѣди, Борисъ ти побѣжалъ". И тако въ борзе помостиша мость" (ПСРЛ. Т. 2. С. 415).

Согласно вышеприведенным терминологическим суждениям, из этого текста проглядывается живая картина, как сборщик налогов в одиночку раскатал (переметал) деревянный настил, препятствуя переправе войск князя Владимира через р. Ирпень, а после бегства Бориса местные жители этот настил "въ борзе" восстановили (помостиша). Но исследователь тустанских древностей воспользовался принадлежащим Л. Махновцу переводом летописи на украинский язык, из которого следовало, что мытник не "переметал", а поднял мост (Київський літопис, 1984. С. 144). Более того, исследователь упустил заключительную фразу этого текста, которая и в украинском варианте свидетельствует о замощении проезда.

Таким образом, настаивать на применении этих сооружений в домонгольской Руси, видимо, преждевременно (хотя в Карпатах подъемные мосты действительно могли появиться несколько раньше). На это указывает и определенная синхронность развития фортификации. В Западной Европе съёмные мосты широко использовались вплоть до XIII в. В XIII в. там появляются первые подъемные мосты, но как строго дифференцированный строительный тип они сформировались только на протяжении XIV в. (*Шуази*, 1937. С. 530; *Саркисян*, 1966. С. 103).

Улучшение оборонительных свойств городской и крепостной защиты производилось и при помощи усложнения ведущего в крепость предвездного пути и его максимального приближения к линии активной обороны: такой способ организации предвездного пространства в XI–XIII вв. встречается неоднократно. Например, на городище летописного Чучина въезд на детинец был устроен таким образом, чтобы единственная дорога со стороны посада на значительном протяжении огибала городские стены и только после этого упиралась в ворота (*Довженок*, 1964. С. 120). Аналогичный способ был применен в Воишине, где осаждающие могли приблизиться к воротам только вплотную обогнув и башню, и следующие 10 м фронтального фаса крепостной стены (*Седов*, 1960. С. 61, 62). Схожая оборонительная ситуация прослеживается в защитной системе городища Бабаково. В Слободке подъездной путь к окольному городу проходил по дну оврага и рва, что также облегчало контроль за приближением противника к стенам города (*Никольская*, 1987. С. 33). Для усложнения подхода к укреплениям также нередко создавались надолбы, частоколы и дополнительные отрезки стен, сохранившиеся в виде земляных валов (*Воронин*, 1951. С. 452; *Возний*, 1996. С. 73; *Седов*, 2002. С. 199). Впрочем, их хронологическое соответствие бытованию конкретного укрепления, похоже, пока не проверялось археологическими методами.

Представленные выше материалы требуют некоторой систематизации. Но созданию более или менее адекватной древним реалиям типологии въездных сооружений препятствует как отсутствие уверенных датировок этих сооружений, так и явно прослеживаемое одновременное строительство на разных объектах простых и сложных вариантов оборонительных сооружений. Не исключено, что конструктивная сложность этих сооружений в большей степени подчинялась требованиям оборонительной значимости и функционального назначения укреплений, нежели веяниям прогресса. Возможно также, что это практический пример рационально гибкого применения ассортимента строительных наработок для разнотипных укреплений. Поэтому приходится ограничиться лишь общим обзором существовавших моделей.

Все въезды можно разделить на устройства фронтального и диагонального типа.

Въездная ось фронтальных проездов проходила через ров к воротам перпендикулярно к линии напольных укреплений. Этот тип обычен для памятников эпохи племенных союзов: на левобережье Днепра такие въезды известны на северянских укреплениях Монастырище, Васильки, Ницаха и т.д. Встречаются они и в северных областях Руси: в середине X в. такими были ворота Изборска (*Седов*, 2002. С. 197, 198). При анализе въездов мысовых городищ XI–XIII вв. в каждом случае необходимо учитывать особенности его культурных напластований. К примеру, в снабженном подобным въездом Гочеве 1 (Крутой курган) имеются отложения раннего железного века и роменской культуры летописных северян. Известен здесь и нетипичный для общерусской фортификации эскарп, поэтому и устройство фронтального проезда в XI–XIII вв. вызывает определенные сомнения.

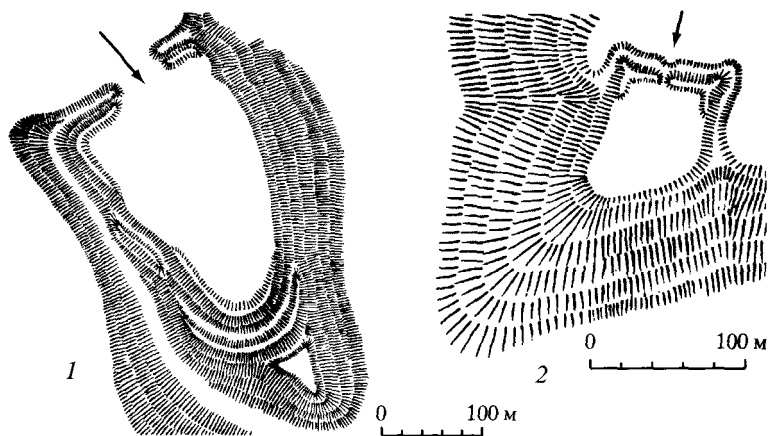

Рис. 58. Поздние мысовые городища Посулья с центральным размещением въездов
 1 – Лукомье; 2 – Мазепина Гора (Засулье)

Подобные проезды вновь стали массово строить в составе укреплений эпохи огнестрельного оружия, поскольку их защита поддерживалась фланкирующим огнем с башен или раскатов. Среди посульских городищ известно только два подобных памятника с напластованиями XII–XIII вв. – это летописный Лукомль и укрепление Мазепина Гора у с. Засулье. Эти "исключения" объясняются тем, что Лукомское городище было обновлено в XVII–XVIII вв. в качестве сотенной крепости Лубенского полка. А раскопками Мазепиной Горы было установлено, что эта крохотная крепостица ("пороховой погреб" – в письменных источниках) была возведена не ранее XVII в. поверх древнерусского селища (Моргунов, 1996. С. 37, 102, 103). Рис. 58.

Как исключение, в XI–XIII вв. подобные въезды создавались в крепостях, возведенных в особых условиях: на городище Тустань проезд был оборудован в единственно удобном скальном проеме (Рождко, 1996. С. 141). Другое исключение – крупнейшие летописные города с хорошо различимыми фронтальными проездами в мощных древо-земляных валах. Но такие примеры требуют археологического подтверждения: за столетия существования крупных городов их защитные системы неоднократно приспособляли к новым видам вооружения.

Похоже, что в XII–XIII вв. фронтальными въездами снабжали не связанные с рельефом окружающей местности укрепления правильной геометрической формы. Во всяком случае у их въездных седловин обычно визуальнo прослеживается увеличение мощности вала, а напротив заметны перпендикулярные перемычки, следующие через заметные расширения рвов (рис. 59). Но, как показывают нижеописанные примеры, визуальная картина не всегда адекватно отражает суть древних конструкций.

Более совершенны диагональные въезды, где ось перемещения противника к воротам располагалась под углом к линии стен, что удлиняло путь нападавших

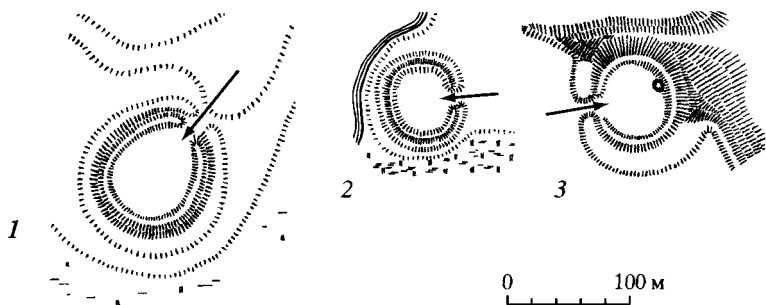

Рис. 59. "Круглые" городища Посулья с фронтальным размещением въездов

1 – Великий Самбор; 2 – Сампсониев Остров (Сенча); 3 – Чутовка

и время их нахождения под огнем защитников крепости. Здесь учитывались и особенности защитного вооружения противника. На это обращал внимание еще римский военный инженер Витрувий, рекомендовавший при устройстве въездов "изловчиться так, чтобы дорога к воротам шла не прямо к ним, а с левой стороны, ибо раз это будет достигнуто, тогда правый бок у наступающих, т.е. именно который не будет прикрыт щитом, окажется в непосредственной близости к стене" (*Витрувий*, 1936. С. 35).

Поэтому неудивительно, что на мысовых укреплениях XI–XIII вв. проемы в валах обычно "прижимались" именно к тем краям береговых склонов, которые отвечали этим оборонительным требованиям (рис. 60). Хорошо известен диагональный подход к въезду Райковецкого городища, где путь к воротам вел наискось к основной линии стен мощеной камнем дорожкой (*Гончаров*, 1950. С. 25).

Не исключено, что диагональными были и проезды на укреплениях округлой в плане формы, "фронтальность" которых вызвана поздними перестройками и современным хозяйственным использованием городищ, изменившимися рельеф и ось трассы древнего проезда, вальную седловину и направление перемычки во рву. Примером такой ошибки служит воротное устройство городища Сампсониев Остров (рис. 59, 2). Площадка городища много лет использовалась как летний загон для скота, и регулярная бульдозерная расчистка его поверхности деформировала въездной комплекс. Тем не менее его конструкцию середины XII в. удалось изучить достаточно подробно (рис. 61).

Крепостные стены Сампсониева Острова почти на всем протяжении защитного периметра были двухсрубными (городня + клеть), и только к въезду примыкали три ряда городней, из которых два внешних были несколько уменьшены, и симметрия их расположения была нарушена. Поэтому въездной проем отклонился от ожидаемого перпендикуляра и проезд длиной более 8 м и шириной 2,5–2,6 м пролегал диагонально к стенам под углом 60°. Внутри коридора песчаный предматерик был затрамбован 5-сантиметровой прослойкой из очень плотного суглинка, перемещенного сюда со стороны. Абрис прослойки маркировал трассу воротного проема. Судя по разрезу, эта линза была настолько сильно впрессована в поверхность предматерикового слоя, что заметный прогиб прослеживался

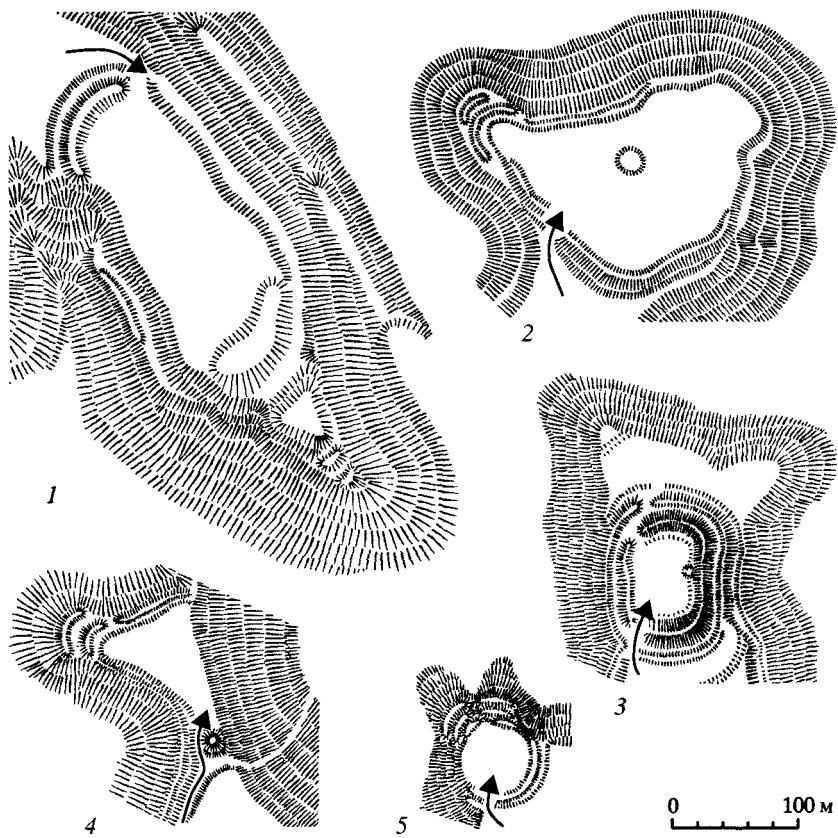

Рис. 60. Боковые въезды на посульских городищах

1 – летописный Попаш; 2 – Хитцы; 3 – Бербеницы; 4 – детинец городища Свиридовка; 5 – Высокие Лазирки (Лохвица 2)

вплоть до поверхности материка. Очевидно, это остатки уплотнения дорожного полотна, примененного здесь вместо обычного замощения проездов деревом.

За воротами дорога следовала широкой углистой лентой толщиной 9–15 см и шириной около 3 м от внутреннего края рва через его заполнение несколько выше его придонной части. Там ось углистой ленты дополнительно изогнулась и ее угол по отношению к лицевой стороне стен уменьшился до 40–45°. Остатки опорных столбов обнаружены не были, но углистая лента, несомненно, является остатками сгоревшего мостового перекрытия (Моргунов, 2003. С. 60–66).

Нередко на местности хорошо распознаются въезды, обрамленные несимметричным смыканием концов вала: заходя один за другой, они создавали диагональные проходы. В древнеримской фортификации этот тип известен под термином "clavicula" (Буйских, 1991. С. 97; Губайдуллин, 2006. С. 72), он широко применялся на Руси (Воронин, 1951. С. 452; Ратич, 1964. С. 126; Никольская,

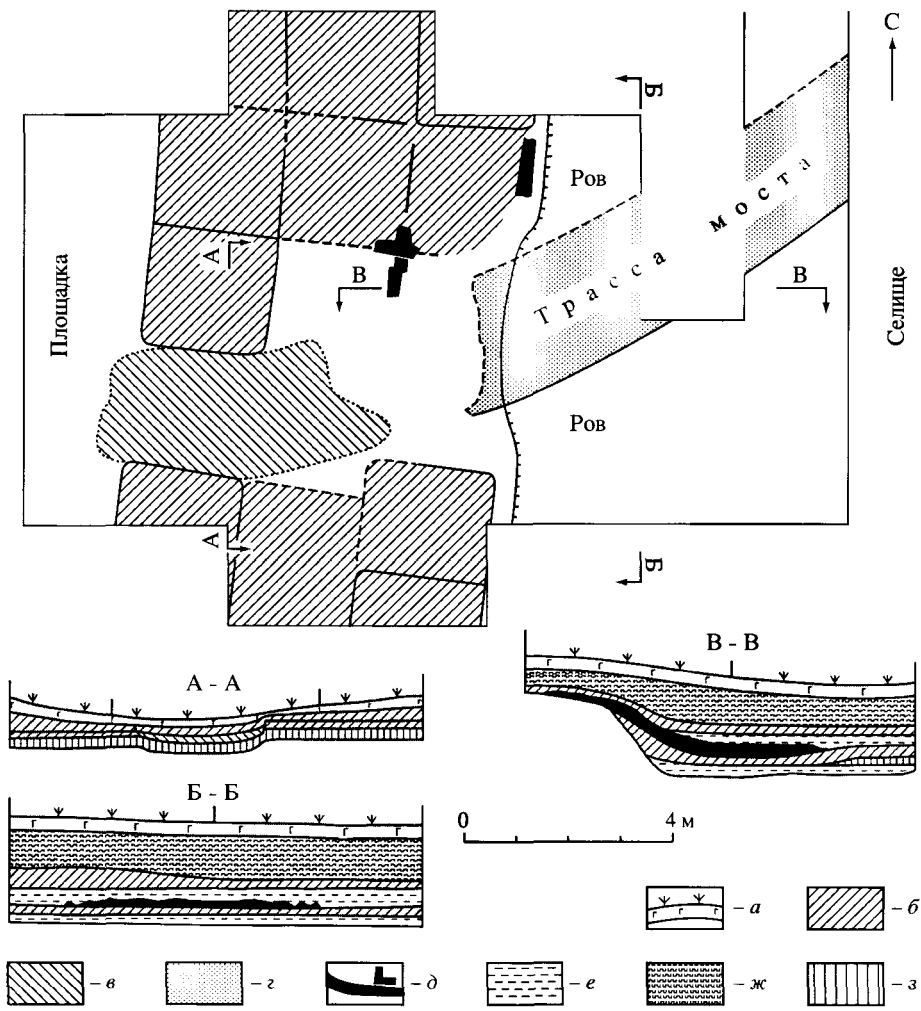

Рис. 61. Въездное устройство городища Сампсониев Остров

Условные обозначения: а – дерновый слой; б – грунтовое заполнение городней; в – плотная глина замощения проездного промежутка; г – маркированная углями трасса моста; д – угли и ила; е – осадочные придонные отложения; ж – унавоженный грунт; з – предматерик и его затеки в ров

1981. С. 135; Терский-Шеломенцев, 1990. С. 125; Алексеев, 1995. С. 61) и был известен в Волжской Болгарии (Губайдуллин, 2002. С. 42, 43). Значительно реже визуально прослеживается раздвоение валов у фронтального воротного проема, как в Клещинцах. Аналогичный облик имеет древний (юго-восточный) въезд на городище Бабаково, но его размещение перед резким увеличением крутизны берегового склона позволяет предполагать, что под внешне фронтальной картиной скрывается диагональный подход к воротам (рис. 62).

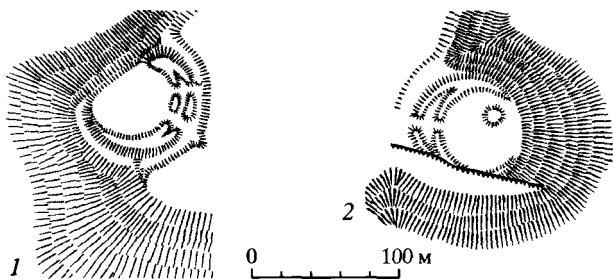

Рис. 62. Фронтальные везды с раздвоенными проходами
 1 – Бабаково; 2 – Клещинцы

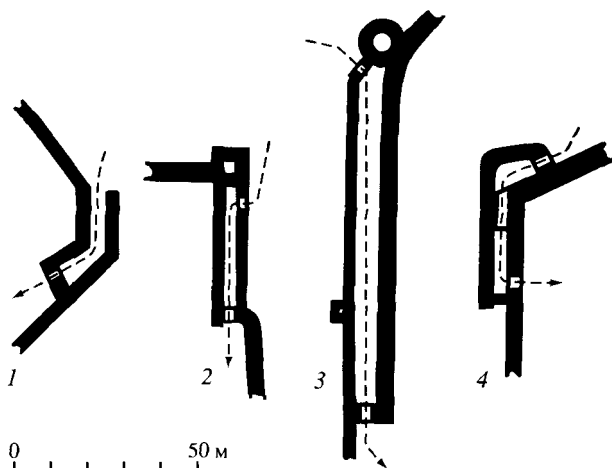

Рис. 63. Поздние вездные устройства захабного строя
 (по П.А. Раппопорту)

1 – Остров; 2 – Изборск (Талавские ворота); 3 – Изборск
 (Георгиевские ворота); 4 – Порхов

К уникальным примерам относится везд Минск. Он был огорожен с двух сторон башнями, а предшествующий ему резкий поворот одной из прилегающих стен создавал возможность для обстрела предвездного пространства (*Загоруйский*, 1982. С. 166, 167, рис. 86). О совершенстве подобных конструкций свидетельствует их популярность с VI в. в византийской военной архитектуре, а в XI–XII вв. такие проезды строились уже по всей Европе (*Тоу*, 1955. Р. 55, 58, 77, 122).

Несколько позже появились более сложные везды, снабженные обратным параллельным разворотом одной из стен на территорию площадки: такие устройства хорошо известны в крепостях XV в., где они нередко дополнялись башнями. В письменных источниках XVII в. они назывались "захабми" (*Раппопорт*, 1961. С. 151). Рис. 63. Подобные сооружения известны с позднерим-

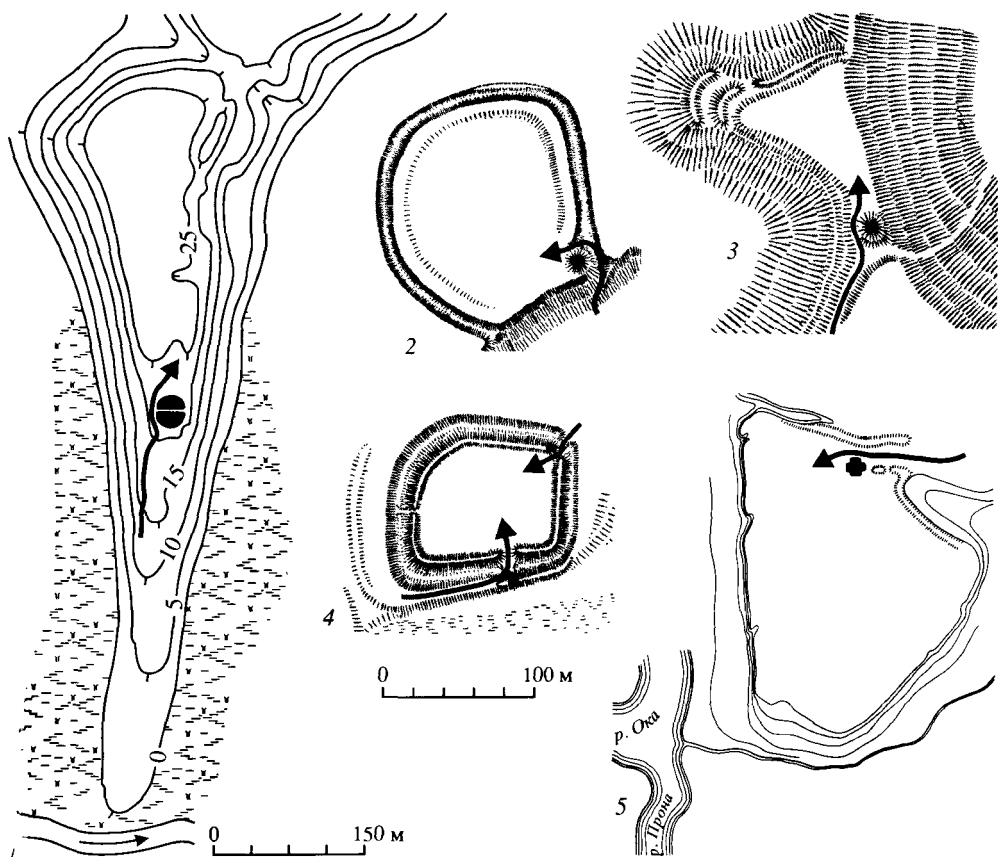

Рис. 64. Въезды, защищенные одной боковой башней или игравшей ее роль каменной церковью

1 – летописный Крас; 2 – Олешков (по П.А. Раппопорту); 3 – Свиридовка; 4 – Посников (по П.А. Раппопорту); 5 – Ольгов Городок (по Н.Н. Воронину)

ского времени (Буйских, 1991. С. 97), а в европейской фортификации XI–XII вв. они снабжались изощренными изгибами въездных лабиринтов и несколькими башнями (Саркисян, 1966. С. 104).

Принято считать, что прообразы захабов появились на Руси около XII в. (Раппопорт, 1961. С. 151). В Ольгове Городке на Оке остатки одной из стен были резко развернуты внутрь площадки и составили параллель внешней стене; на ее завершении была возведена каменная церковь, занявшая удобную для обороны точку (Воронин, 1951. С. 453). Рис. 64, 5. В Киево-Печерской лавре выполненное из кирпича преддверие ворот защищалось утопленным внутрь укреплений узким проемом из параллельных стен длиной более 10 м (Ассев, Богусевич, 1951. С. 40).

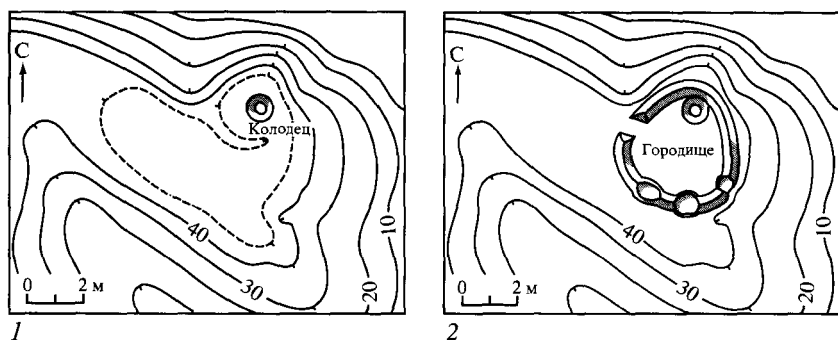

Рис. 65. Топографическая ситуация размещения летописного Снепорода

1 – колодец на открытом поселении, окруженный небольшим оврагом; 2 – современное состояние городища

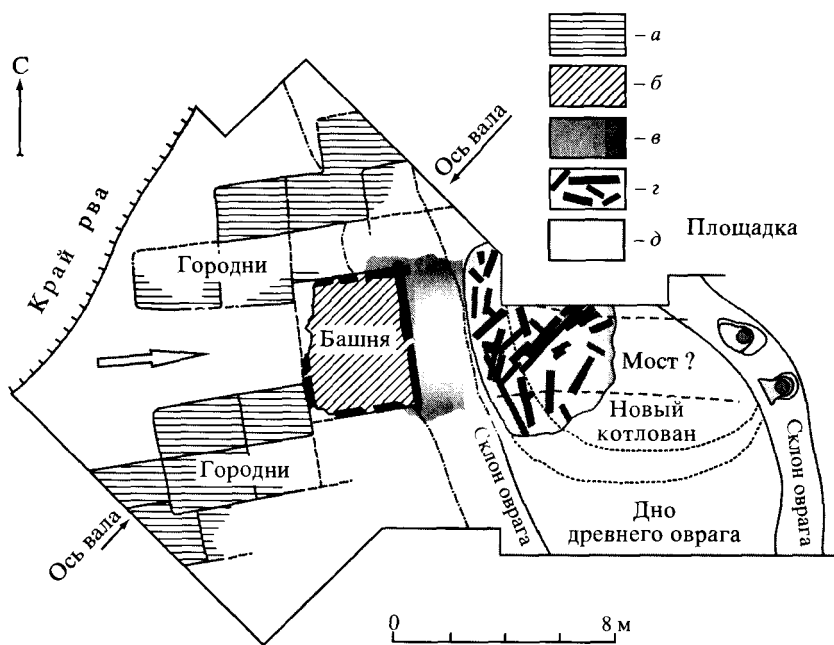

Рис. 66. Снепород. Первый строительный период въезда

Условные обозначения: а – суглинистая забутовка городней; б – черноземовидное заполнение основания башни; в – строительный мусор с углями и золой; г – обгоревшие бревена; д – углистые следы настила моста

Известны примеры более раннего применения "протозахабных" устройств. В летописном Белгороде (конец X в.) от внешних валов на детинец заворачивало два параллельных отрезка насыпей, разделенных 2-метровым промежутком: через 45 м они упирались в земляное возвышение, которое исследовательница

считала двухбашенными воротами (Мезенцева, 1986а. С. 315). Возможно, столь раннее появление сложного въезда было связано с участием в постройке Белгорода южных мастеров (Моргунов, 2001). В Изборске ведущий в окольный город въезд X в. имел вид захаба длиной 7 м (Седов, 2002. С. 199).

Сложным оказалось воротное устройство летописного Снепорода, которому современное хозяйственное использование придало фронтальные очертания. Лучше сохранились остатки первоначального сооружения и его последней реконструкции, наделенные общими признаками, – увеличением у въезда количества рядов особо массивных городней, установленных на расчищенной поверхности материка, а также их разворотом на 45° по отношению к оси прилегающих стен, что придавало проезду диагональный строй.

В древности стрелка городищенского мыса была околтурена дугой неглубокого оврага, а позже внутри сформированной им округлой площадки был вырыт колодец. Крепость строили поверх сглаженной к тому времени поверхности оврага, а колодец включили в систему укреплений (рис. 65).

При создании первоначального въездного сооружения дневную поверхность тщательно выравнивали при помощи плотной забутовки более древних котлованов материковым суглинком, а лицевой ряд въездных городней устанавливали в специально вырытые котлованы, достигавшие верхней кромки плотного суглинистого материка.

С лицевой стороны замкнутая между рядами городней постепенно сужавшаяся диагональ 6-метрового предвъездного коридора упиралась в срубную проездную башню размером 5,0 × 3,7 м, возведенную в материковой выемке из бревен диаметром более 0,4 м и забутованную догородищенским культурным слоем (рис. 66). С ее тыльной стороны в мягком заполнении древнего оврага был искусственно выбран округлый в плане котлован с крутыми склонами, разделивший проезд и площадку крепости. Поверх его придонных затеков прослежена углистая полоса 3-метровой ширины, протянувшаяся в направлении вырытых в противоположном склоне котлована двух ступенек с ямами от мощных столбовых опор (рис. 57). Очевидно, это остатки рухнувшего на дно котлована полотнища внутреннего моста.

Третью прилегающего к башне котлована позже была заполнена мощным слоем пожарища с обгоревшими бревнами и строительным мусором: это остатки воротного сооружения, сброшенного туда в процессе реконструкции укреплений. Массивность этих сбросов позволяет предположить неординарную высоту башни, а обнаруженные среди руин изделия позволяют датировать эти укрепления последней четвертью XI в.

При создании въездного комплекса третьего строительного периода конструкция въезда сильно усложнилась: северная сторона въездного прохода слагалась из одного ряда городней, установленных с ритмическим сдвигом таким образом, что в плане стена получила зигзагообразные очертания (рис. 67). Толщина южной стены въездного коридора была увеличена до трех городней; в глубине прохода стена упиралась в забутованный материковым суглинком квадратный в плане сруб со стороной 4,3 м, сложенный из бревен толщиной

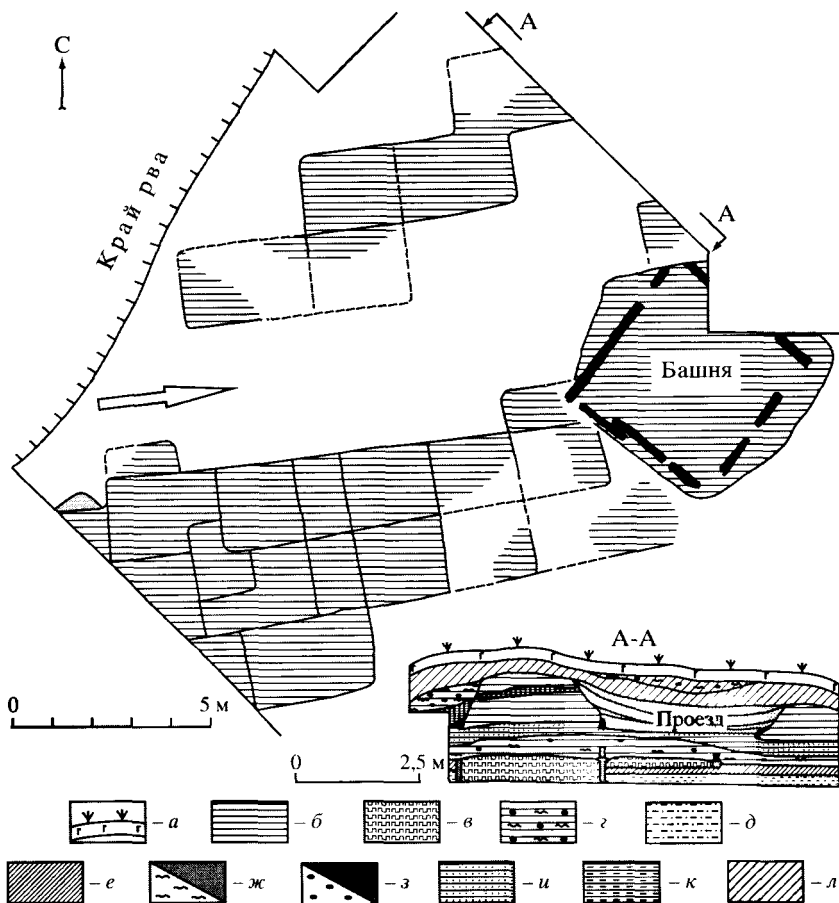

Рис. 67. Снепород. Третий строительный период въезда

Условные обозначения: а – дерновый слой; б – суглинистое заполнение городней и основания башни; в – забутовка первоначальных городней; г – руины въезда второго строительного периода; д – предматериковый слой; е – культурный слой "докрепостного" открытого поселения; ж – зола; з – угли; и – коричневый суглинок; к – серый суглинок; л – чернозем

0,4–0,5 м. Это врубленное в стену сооружение было развернуто под 45° . Таким образом, стена и следующая за ней городня были выдвинуты к северу из линии южной стены, изгибая собой ось входного коридора.

В результате северная и южная стены образовали сужающийся въездной коридор длиной в пределах раскопа около 14 м, который сначала вел по прямой, а затем огибал башню слева. Подобный внутренний разворот въездного коридора и его максимальное приближение изнутри к внешним стенам характерны как для синхронных въездных устройств Западной Европы, так и для более поздних русских въездов с захабами. В свою очередь более ранний искусственный

котлован был тщательно забутован горизонтальными слоями плотных суглинков, в результате чего на древней дневной поверхности от него остался лишь незначительный прогиб рельефа.

Немногочисленные находки, которые указывают на время этой реконструкции въезда, датируются второй половиной XII – рубежом XII–XIII вв.

При рассмотрении въездов нельзя оставить без внимания и часто встречающиеся в литературе примеры, учитывающие наличие близ них археологически не изученных курганообразных насыпей, которые гипотетически принимают за остатки связанных с въездами башен. Единственным аргументом в пользу подобного истолкования является их размещение таким образом, чтобы нападающие были вынуждены огибать эти всхолмления, обратившись к ним незащищенным правым плечом.

На Посулье к таким примерам относятся Свиридовка и городище летописного Красна: оба памятника многослойны, масштабным раскопкам не подвергались. Связать насыпи с древнерусской фортификацией можно лишь теоретически, в соответствии с составом культурных напластований (рис. 64). На городище летописного Красна это 5-метровое всхолмление, размещенное у мысового въезда со стороны древнего брода. В свое время Т.В. Кибальчич принял его за скифский курган и начал раскапывать поперечной траншеей. Как показали разведочные раскопки, в Свиридовке основанием аналогичного возвышения служил искусственный останец, полученный в результате подрезки прилегающего к въезду перешейка. Материковое основание этого сооружения содержит следы жизнедеятельности IX–X вв. (*Моргунов, 1996. С. 46, 57*).

Схожие насыпи содержатся на городище XII–XIII вв. Олешков в Галицкой земле, на волынском городище Посников таким же образом был обустроен северо-восточный въезд, а на южной стороне укрепления защита "башня" была несколько вынесена вперед (*Раннопорт, 1967. С. 20, 21, 51, 53*). Можно привести и иные примеры, поскольку небольшие насыпи известны на множестве укреплений. Но для их однозначной идентификации все же требуется проведение полевых исследований.

Потерны

Фортификационный термин "потерна" пришел к нам из старофранцузского языка и буквально означает "черный ход" (*Фасмер, 1971. Т. 3. С. 344*). Очевидно, он близок летописному образу "дыр градных" (*ПСРЛ. Т. 2. С. 719*), а позже схожие функции исполнял тот вид крепостных "таиников", который "был вынесен к реце" (*Устюжская летопись, 1950. С. 91*). Принято считать, что потерны представляли собой малозаметные выходы для скрытой связи осажденных с внешним миром и осуществления неожиданных вылазок из крепостей.

Археологические свидетельства применения подобных устройств в домонгольское время немногочисленны. К сожалению, отсутствуют конструктивные

подробности о дореволюционных раскопках двух потерн в Белгороде (*Довженко*, 1947. С. 54) и более современных исследований трех подобных выходов в Любече (*Рыбаков*, 1964. С. 22; 1985. С. 96). Тем не менее складывается впечатление о применении потерн трех видов.

Первый из них, "дыры градные", – это узкий и замаскированный выход на периферийной части укреплений. В Изборске таким был расположенный около башни лаз шириной 0,8 м и высотой 1 м (*Седов*, 2002. С. 205). Столь же узкий проход был обнаружен при раскопках Ладоги (*Киртичников*, 1984. С. 29, 59). Наряду с проходами обычной ширины узкие выходы известны на синхронных эстонских городищах (*Тыниссон*, 1988. С. 10), а также в западноевропейской фортификации (*Виолле-ле-Дюк*, 2007. С. 53). Идентификация узких проездов с потернами определяется тем, что они непригодны в качестве постоянно эксплуатируемого въезда: здесь недостаточно места для проезда всадника или колесного транспорта.

Другой вид потерн известен по раскопкам Райковецкого городища. Первое сооружение было прослежено в виде узкого (1,5–1,7 м) углубленного прохода между срубами стены, ведущего на дно рва. Стены и перекрытие хода были облицованы дубовыми балками. Другая потерна также представляла собой траншею глубиной 1,8–2,0 м со ступеньками, ведущими в ров. Почти вся эта выемка была заполнена человеческими скелетами, поверх которых сохранились остатки перекрытия в виде пластов обгоревшего дерева и глины (*Гончаров*, 1950. С. 24; *Раппопорт*, 1956. С. 134).

Таким образом, ложе для этого вида скрытых выходов выкапывалось открытым способом, затем траншея перекрывалась деревом, грунтом и маскировалась дерном. Наиболее эффективным могло быть сооружение, которое вело к реке или глубокому оврагу: внизу среди густой приречной растительности посаженные имели шанс незаметно исчезнуть из поля зрения нападающих или уплыть по воде. Внешние признаки таких потерн в виде заплывших канавообразных выемок (иногда сильно размытых талыми водами), ориентированных по направлению водной артерии, на местности встречаются нередко. Другое дело, что в процессе раскопок городищ для исследования этих складок обычно не остается времени или средств.

Третий вид потерн, изученный на городище летописного Чучина, – это вырытый на глубине трех метров подземный ход из детинца к Днепру. Его продолжение прослежено через 20 м в осыпях берегового обрыва: здесь туннель располагался шестью метрами ниже площадки, его высота насчитывала 2 м, а ширина – 1,5 м (*Довженко*, 1968. С. 43; ДПСР, 1984. С. 69; *Петрашенко, Козюба*, 1999. С. 65).

Не исключено, что различные конструкции скрытых выходов соответствовали их назначению. В таком случае первый вид был более приспособлен для внезапных вылазок, а два других были пригодны для спасения посаженных или добычи питьевой воды.

Башни

В литературе также встречаются сведения о стеновых и угловых башнях, многоярусных дозорных и сигнальных конструкциях и донжонах. Представления, сложившиеся о подобных сооружениях, в массе весьма неоднозначны. Подчас в основе различий лежит желание исследователей из множества признаков подобных устройств выделить те, которые характерны только для конкретно исследуемого укрепления. Но принципы оборонительной логики подсказывают, что под влиянием обстоятельств и сиюминутной конкретики большинство крепостных преград и иных построек было более универсально, чем нам представляется сегодня. Тем не менее для удобства изложения, и следуя сложившейся традиции, рассмотрим башнеобразные устройства согласно общепринятой типологии.

Стеновые и угловые башни – это отличавшиеся высотой и мощностью защитные сооружения, конструктивно встроенные в линию крепостных стен. Их применение в домонгольском оборонительном зодчестве давно привлекает внимание исследователей и является предметом дискуссий.

Общая характеристика башнеобразных устройств была предложена М.А. Фриде, откуда следует, что в XVI–XVII вв. все башни имели срубную основу и разнообразную планировку с заметным преобладанием граненых четырех-, шести- и восьмиугольных образцов. Устройства наибольших размеров устанавливали по углам крепостей, а сооружения меньшей величины ритмично размещали в прямолинейных отрезках стен, чтобы вести фланкирующую стрельбу: перекрестный огонь защищал заключенные между ними пролеты стен. Выступая за их внешнюю линию, башни придавали стенам дополнительную устойчивость (Фриде, 1924. С. 137–139). В зависимости от оборонительных нужд, фортификаторы Московского государства гибко варьировали размеры этих сооружений. Так, при сооружении Засечной черты возводились как шестиугольные пустотелые рубленые башни значительной высоты, так и насыпные сооружения высотой всего 1–2 сажени (Никитин, 1955. С. 136, 153, 179).

Иностранцев, привывших к каменным и кирпичным укреплениям, порой удивляла прочность древо-земляных укреплений. Так, во второй половине XVI в. наблюдавший осаду Полоцка папский легат А. Поссевино констатировал, что: "несмотря на ожесточенный обстрел польскими ядрами, она (башня. – Ю.М.) почти не покосилась" (Поссевино, 1983. С. 45).

На Руси древнейшими определениями башен служили термины "столп" и "вежа" (Шенников, 1974. С. 73–75; Новосельцев, 1989. С. 14–18). Начиная с XIV в. появились именованья "стрельница" и "костер", которые употреблялись до XVI в. С 1533 г. стало использоваться современное название этих оборонительных сооружений – башня, которое в XVII в. стало общепринятым (Фриде, 1924. С. 136–137).

Применительно к стеновым башням, согласно сформировавшимся под влиянием работы М.А. Фриде археологическим представлениям, первоначально ожидалось, что в составе стен каждой более или менее значимой домонгольской крепости может быть обнаружена ритмичная череда подобных устройств (*Довженок*, 1947. С. 51; 1950. С. 54; *Воронин*, 1951. С. 452). Между тем исчерпывающие раскопки всей линии валов крайне редки. Не дали положительного результата и менее значительные раскопки: несмотря на исследование в летописном Воине трех отрезков валов общей протяженностью 135 м, следов башен обнаружено не было (*Довженок и др.*, 1966. С. 28, 31, 33). Видимо, обнаружение остатков подобных башен носит довольно случайный характер, поэтому стеновыми башнями стали считать одиночные остатки выдвинутых вперед сооружений, к примеру обнаруженных в Райках, Судовой Вишне и Слободке. Впрочем, следы одиночно размещенных стеновых башен были идентифицированы по скальным пазам в Тустани: сложенные из бревен толщиной до 0,7 м, они на 2,0 м выносились за пределы стен (*Рожко*, 1993. С. 157).

Наиболее объективно существование стеновых и угловых башен должно фиксироваться даже разведочными обследованиями, но изучивший множество укреплений П.А. Раппопорт не наблюдал регулярных выступов или аномальных расширений на углах или прямолинейных участках валов. Таких аномалий нет и на пограничных городищах Посулья, где применение фортификационных новаций было бы вполне уместным (*Моргунов*, 1996). К близкому выводу склонялся и М.П. Кучера, анализировавший городища всей украинской зоны (1986. С. 384; 1999. С. 87). Это согласуется с восходящей к домонгольскому периоду летописной лексикой. Она содержит хорошо разработанный терминологический пласт, свидетельствующий о близком знакомстве современников с защитными городскими стенами и их конструктивными элементами, но применение в фортификации стеновых башен в ней никак не отразилось. В противовес этому и в соответствии с употреблением летописной лексики, начиная с XIV в., "аномальные" следы башен на валах стали частым явлением, что вызвано преимуществами фланкирующего обстрела неприятеля из огнестрельного оружия (*Раппопорт*, 1961. С. 144, 145).

В таком случае изученные на наскальных памятниках сооружения, видимо, отражают давние традиции культурных связей Юго-Западной Руси с европейскими соседями, для которых необходимость устройства диктовалось иными методами ведения осадных действий. На это обращал внимание П.А. Раппопорт, отмечавший, что до второй половины XIII в. в русском летописании терминами "столп" и "вежа" обозначали только иноземные сооружения, такие как вавилонская или венгерская каменные башни (*Раппопорт*, 1956. С. 135, 136; *Попнэ*, 1962. С. 3, 4, 73). Это послужило причиной полного отрицания применимости стеновых башен в X–XIII вв. (*Раппопорт*, 1961. С. 144; *Крадин*, 1988. С. 17).

Очевидно, в интерпретации остатков домонгольских сооружений сторонники широкого распространения стеновых башен исходили из посылок, среди которых смешались представления о военно-тактических и фортификационных принципах разных эпох.

Так, в составе позднесредневековых стен выступавшие вперед башни играли роль укрепляющих их контрфорсов, поэтому ритмично расставленные утолщения позволяли делать стены более тонкими. Домонгольские же стены состояли из городней, размещенных длинной стороной поперек оси стен, а их взаимосвязанные цепочки являлись весьма устойчивой конструкцией значительной толщины. Особую жесткость такому сооружению придавали внутренние пустотелые клетки и дугообразность защитных линий, поэтому они не нуждались в контрфорсах. К подтверждающему это правило исключению относятся построенные в XI в. укрепления черниговского Верхнего Замка. Там возведенные одновременно наружные городни то отступали на 0,5 м вглубь крепости, то выступали в напольную сторону. Очевидно, это прообраз контрфорсов, которые на пологих склонах были технически оправданы (*Игнатенко, 1995. С. 63*).

Защита позднесредневековых стен принципиально усиливалась ведущимся из башен фланкирующим огнем из огнестрельного оружия, известным как "картечный перестрел". Но в домонгольской Руси стрелы и арбалеты не обладали ударной силой необходимой мощности, а осадная тактика редко включала штурмовые действия, почти исключительно исчерпываясь внезапным "изъездом" или пассивным "облежанием". Поэтому и с этой точки зрения особая защитная роль за ранними башнями не усматривается: это ставит вопрос о рациональности их выдвижения за пределы линии укреплений.

Думается, что из обнаруженных М.А. Фриде примет башнеобразных устройств за важнейшие археологические признаки домонгольских сооружений можно принять значительные размеры оснований этих сооружений, преобладающие параметры соседствующих городней, и массивность слагавших их древесчатых остатков. Необходимая степень их прочности предполагает исключительно срубное устройство и конструктивную взаимосвязь со стеновыми городнями. В свою очередь представление о многоярусности башен должно подтверждаться значительным объемом поверхностных завалов, перекрывавших их основания.

На этом фоне не все литературные интерпретации выглядят убедительными. Вряд ли можно считать башнями небольшие постройки, возведенные поверх углубленных котлованов, подобные изученным на городище летописного Святополча (их размеры – $1,6 \times 1,8$ м; $2,0 \times 1,5$ м и 9 м²) (*Плетнева, Микарова, 1965. С. 58; Блажевич, 1991. С. 14*) или сооружение в Слободке, поднятое на столбовом фундаменте (но недостаточно прочно) (*Никольская, 1981. С. 183*).

В свою очередь, остатки райковецкой башни действительно выступали за линию стен на северо-восточном выступе площадки. Каркас постройки был сложен из толстых дубовых балок и на значительную высоту скреплен камнем, пересыпанным глиной. Обширная площадь зафиксированного развала обгоревших бревен допускала и значительную высоту сооружения, которое, по мнению публикатора, могло быть двухъярусным. Меньше внимания привлекало то, что городня размером $3,0 \times 2,2$ м была встроена в линию более обширных клеток, которые при длине $4,2-4,5$ м достигали в ширину $2,8$ м (*Гончаров, 1950. С. 15*,

23, 25). Таким образом, одиночное размещение этого сооружения на самой высокой точке берегового мыса и его связь с периферийным участком обороны позволяет определить его остатки как стеновую башню.

Таким же элементом крепостной обороны считается конструкция из Судовой Вишни, которую иногда принимают за донжон (Рожко, 1997. С. 151). Это устройство было создано в схожей топографической ситуации и встроено в линию стеновых городней размерами 4,2–4,5 × 2,8 м, однако его сруб был значительно меньше, всего 3,2 × 1,5 м (Ратич, 1964. С. 123, 125, 126). Из-за скромных размеров этого сооружения в нем нельзя было разместить значительное количество защитников, следовательно, его оборонительная значимость была ничтожна.

Таким образом, большинство подобных объектов не являются остатками сходных сооружений с позднесредневековыми башнями, ритмично выступавшими за линию стен. В большей степени размещение сближает их с конструктивно близкими башнями, которые возводили на угловых стыках крепостных стен, подобно сооружению, изображенному на известной пластинке из Княжой Горы. Эта постройка имела шатровое перекрытие и примыкала к зубчатой крепостной стене, а "боевой ход" соединял уровень стен и верхнего яруса башни (Мезенцева, 1968. С. 23). Рис. 22, 1.

Археологических примеров таких сооружений немного. Среди укреплений посада летописного Вщижа Б.А. Рыбаковым было исследовано основание шестиугольного устройства, (двойные?) стены которого были сложены из мощных дубовых бревен; видимо, башня отличалась и солидной высотой. Судя по предварительной публикации, первоначально автор не был уверен в количестве граней ее сруба, но позже эти сомнения опали (Рыбаков, 1951. С. 58; 1953. С. 115). Им же в Любече было исследовано сооружение, размещенное на самой высокой точке посада и встроено в линию укреплений, вдоль вала от нее отходили оставленные городнями выемки. В плане постройка имела очертания квадрата (6 × 6 м); ее нижняя часть была забутована глиной; три глинистых массива укрепляли ее и со стороны площадки (Рыбаков, 1960. С. 31). Еще одна угловая башня неясной конструкции известна по раскопкам Витичева (Рыбаков, 1965. С. 129). В летописном Чучине в угловой перелом защитных стен была встроена мощная срубная башня со следами двухъярусного перекрытия (Довженок, 1964. С. 119; 1968. С. 43; Харламов, 1991. С. 94).

На упоминавшейся выше Воищине были обнаружены остатки врезанного в линию валов массивного шестиугольного сооружения диаметром 7,5 м. В конструкции этого объекта многое неясно. Так, для XII–XIII вв. на фоне классически развитой защиты предвездного пути слишком архаично выглядят каркасно-столбовые стены. Кроме того, непонятен смысл возведения тяжелой башни поверх относительно непрочного столбового основания (Седов, 1960. С. 56, 59–62). Это позволяет подозревать, что остатки изученных укреплений древнее основной массы находок.

В целом накопленные к настоящему времени материалы позволяют констатировать сложившееся в литературе несоответствие теоретических рассужде-

ний о широком распространении башен и незначительным количеством их археологических следов. Для домонгольской эпохи мы пока не располагаем ни одним археологическим примером стеновых башен, более или менее ритмично установленных на крепостных стенах. Но одиночные башни все же периодически возводились как на линии стен, так и на угловых переломах, хотя они и не являлись особо распространенным фортификационным явлением.

Дозорные башни. В соответствии со сложившимися в литературе традиционными представлениями, обратимся к дозорным башням. Считается, что подобные сооружения относительно небольшой мощности и менее связанные с ответственными узлами обороны могли предназначаться для исполнения исключительно наблюдательно-сторожевых функций (*Рапноторт*, 1956. С. 135–137).

Между тем оценка топографического размещения вышеописанных сооружений показывает, что все они были столь же пригодны для исполнения дозорно-наблюдательных функций, поскольку одинаково занимали наиболее возвышенные точки укреплений. Из них действительно небольшими являлись сооружения в Райках, Судовой Вишне (эту башню автор раскопок считал сторожевой вежей) и Слободке. При этом укрепления Судовой Вишни и Воищины были связаны с въездными устройствами, а посадские сооружения Вщижа и Любеча входили в линии крепостных стен.

Таким образом, эти башни были универсальными сооружениями, служившими для исполнения нескольких защитных функций: поднятая выше других постройка использовалась для наблюдения за приближением противника, а в случае осады она давала осажденным определенное защитное преимущество.

В этом плане интересен пример летописного Чучина, который в соответствии с выгодным топографическим положением и значительными размерами в литературе отождествляется с военно-сторожевой крепостью. Отсюда и его угловую башню считают дозорной, не объясняя смысла возведения дополнительного дозорного устройства в крепости, на 70 м возвышавшейся над уровнем Днепра. Поэтому представление о существовании искусственного наблюдательного возвышения в Чучине нельзя признать удачным, поскольку оно существенно не увеличивало дальность степного обзора и могло иметь иное назначение. В условиях же более сглаженного рельефа и меньшей высоты размещения крепостей в Райках и Судовой Вишне дополнительные дозорные устройства могли действительно увеличивать обзор окрестностей.

Сознавая необходимость дозорного наблюдения, все же приходится констатировать, что исключительно дозорные башни не являлись массовым оборонительным явлением. Вероятно, они строились на форпостах периферийных пограничных участков, а не на больших крепостях. Не исключено, что в этом кроется рациональное зерно. Крупнейшие форпосты закрывали ответственные звенья внутренних и внешних границ, а также переломные точки важнейших военных и торговых путей, поэтому они устраивались на лучше приспособлен-

ных для обороны высоких берегов рек, где значительная высота крепостей над зеркалом воды позволяла их обитателям исполнять наблюдательно-сторожевые обязанности без создания специализированных устройств.

Проблема обзора степного пространства в условиях пограничья хорошо раскрывается на материалах изучения городищ поречья Сулы. Большую помощь в изучении этого вопроса подчас оказывает использование подробных топографических карт и опросы местных старожилов.

Так, с валов городища летописного Снепорода, на 48 м возвышающихся над уровнем поймы, в ясный день хорошо различаются сады и крыши домов правого берега р. Хорола. Они видны и с городищ летописного Лукомля и Горошина-Тарасовки (*Милорадович*, 1904. С. 183; 1904а. С. 365). Видимость с таких высот достигает 40 км, а столбы пыли, поднимаемые конскими копытами даже небольшого отряда кочевников, приближающегося к русскому пограничью, различались и с большего расстояния (Россия начала XVII в., 1982. С. 176; *Каргалов*, 1998. С. 261). Возможно, именно поэтому половецкий хан Кончак в феврале 1185 г. скрытно расположил хорольскую стоянку своих войск в речной низине: "Коньчакъ же стояль оу лоузѣ, его же ѣдоуще по шоломени [возвышенности. – Ю.М.] оминоуша, иныѣ же вагаты оузрѣвше, оудариша по нихъ" (ПСРЛ. Т. 2. С. 636).

В летописных источниках неоднократно упомянута практика длительных "стояний" русских войск на головокружительных каневских высотах (под 1168 г.: ПСРЛ. Т. 2. С. 528; под 1170 г.: С. 541; под 1192 г.: С. 673). Очевидно, это показывает, что для обзора приграничных степей широко использовались преимущества высокого берегового рельефа. Это, видимо, применимо и для других пограничных участков. К примеру, городище летописного Кснятина размещено на низкой коренной террасе посульского правобережья, но это могло компенсироваться наличием близлежащих высот. Таковыми являются нависающая над городищем 36-метровая Княжья Гора, а также расположенный в 4 км к западу от Кснятина 64-метровый Исачковский холм: с их вершин левобережные степи могли просматриваться на многие десятки километров (*Моргунов*, 2003. С. 172, 173). Рис. 68.

Согласно другому наблюдению, подавляющее большинство крепостей степных участков посульской оборонительной линии возводились с промежутком, не превышавшим 6–12 км. Поэтому стабильная глубина визуального обзора прилегающих к границе степей могла обеспечиваться "горовыми" укреплениями при наличии на них сигнальной взаимосвязи с соседними "болотными" защитными пунктами.

Иная картина открывается на залесенных участках порубежья с ограниченными зонами видимости. В таких случаях наиболее уязвимые проходы в лесах и заболоченных поймах закрывались комплексом крепостей, несущих различную функциональную нагрузку. В окрестностях летописной Лохвицы авангардом защитного узла являлось укрепление Высокие Лазирки, размещенное на высоком мысу напротив единственного брода, с которого контролировалось значительное расстояние низинных левобережных подходов к переправе.

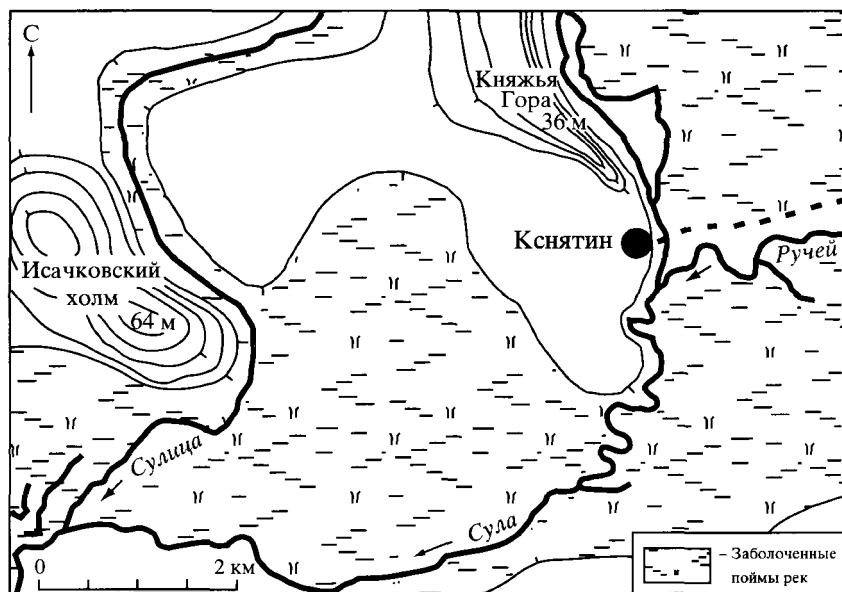

Рис. 68. Возможность визуального наблюдения за степными дорогами с использованием господствующих береговых высот

А расположенную в 2 км к западу от брода небольшую крепостицу Гаевщина можно принять за резервную: в сопровождающих ее обширных открытых поселениях могли разместиться дополнительные контингенты ополченцев. В свою очередь расположенная меж низинных болот летописная Лохвица контролировала единственный проход от границы во внутренние районы Руси (Моргунов, 2003, С. 174). Рис. 69.

Не исключено, что с дозорными целями могли использоваться и остатки более древних сооружений. В этом плане ценны письменные свидетельства о применении сторожевыми отрядами Московского государства высоких степных курганов для слежения за передвижением татарских сил (Никитин, 1955, С. 210). Столь же часто эти насыпи использовались украинскими казаками, а со временем высокие погребальные сооружения степей народ даже стал называть "сторожевыми могилами" (Яворницький, 1990, С. 318).

В качестве гипотетического примера можно привести топографическую ситуацию взаиморасположения городищ летописных пунктов Снепорода и Лукюля, расстояние между которыми не превышает 13 км (рис. 70). Напротив каждого из них известны твердые броды через заболоченную пойму Сулы, но прямую видимость между ними закрывает высокий мыс третьей надпойменной террасы, напротив которого известен и брод у озера Княжье. Но на этом мысу сохранились "степные" курганы высотой до 6 м. Размещенный на их вершинах наблюдательный пункт мог бы упростить контроль за бродом и сигнальную взаимосвязь между крепостями.

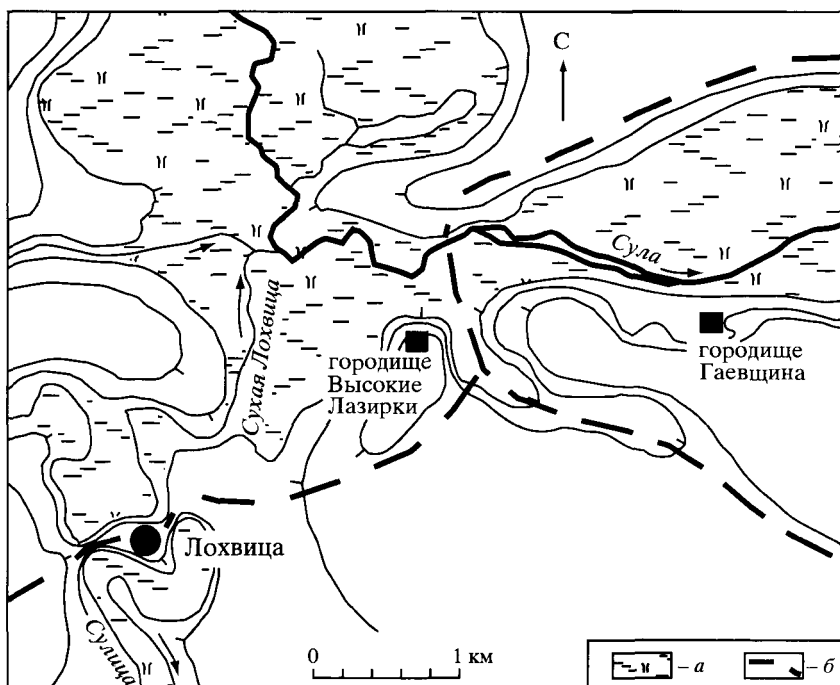

Рис. 69. Топографическая ситуация окрестностей Лохвицы

Условные обозначения: а – заболоченные участки поймы; б – древние дороги

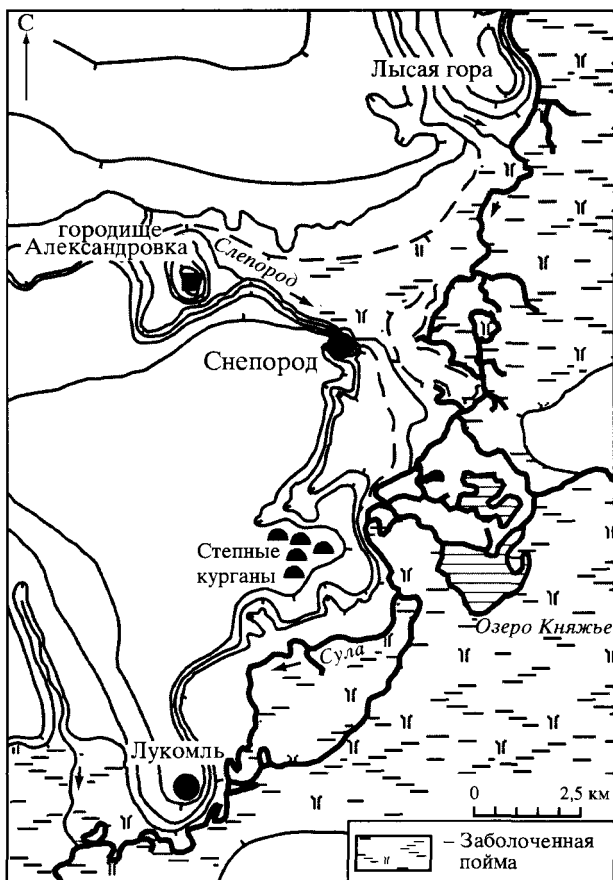
Башня для огневой сигнализации. Такая башня исследована на самой высокой точке городища летописного Витичева. Она размещалась на округлой и уплощенной сверху насыпи диаметром около 50 м, высотой 3–4 м. В середину насыпи были обнаружены остатки двухъярусной башни размером 4,6 × 4,6 м, на нижнем этаже которой была печь, здесь же зафиксированы ямки от скамей или столов, а также столбовые опоры потолка. Плоский бревенчатый накат перекрытия был засыпан метровым слоем грунта со следами сильной прокалиненности и 40-сантиметровым пластом золы, оставшейся от многочисленных костров из соломы и веток. После разрушения башни костры продолжали разжигать прямо поверх развалин сооружения.

На восток с башни открывался широкий обзор левого берега Днепра далеко за пределы днепровских бродов, а на севере просматривались купола расположенной в 40 км от Витичева Киево-Печерской лавры. Почти на середину этого расстояния расположено городище у с. Вита Почтовая. Автор исследований усматривал связь топонимов "Витичев" и "Вита Почтовая" с греческим эквивалентом понятия "оповещение огнем". Это делает весомой его гипотезу о существовании сигнальной огневой цепочки для быстрой передачи тревожных сообщений в столицу буквально через несколько минут после обнаружения признаков печенежского набега (Рыбаков, 1965. С. 128, 129; 1971. С. 166).

Рис. 70. Топографическая взаимосвязь Снепорода и Лукомля

Сведения о реальном существовании сигнальных устройств важны для правильного понимания одного из методов защиты русских пределов. Дело в том, что первоначально южнорусские оборонительные линии представляли собой вынесенные далеко в предстепье цепочки приграничных форпостов. В подавляющем большинстве это были небольшие укрепления с крохотными открытыми поселениями, среди которых довольно равномерно распределялись более значительные крепости, сопровождавшиеся обширными пригородными поселениями. Сами по себе пограничные крепостицы не были пригодны для отражения сколько-нибудь значительных нападений, но их плотное размещение указывает, что их оборонительная сила заключалась в визуальной взаимосвязи соседних звеньев пограничной цепочки. А надежным средством для поддержания такой связи могла быть подача огневых (дымовых) тревожных сигналов соседями по защите рубежа.

Эта связь могла иметь важное значение и в связи с тем, что кочевники для перехода чуждых границ порой предварительно разбивались на небольшие отряды (Моргунов, 1998а. С. 75). И, поскольку форпосты обычно контролировали удобные броды на пограничных реках, требовалась срочная передача сведений о появлении противника в метрополию. Еще одной функцией приграничных поселений являлось накопление и отсылка в тыл разведывательной информации, полученной выезжавшими в степи разъездами "сторожей" (Моргунов, 2000. С. 32). В летописных источниках неоднократно примеры, косвенно указывающие на быстрое получение сведений о приближении противника. Так, в 993 г. Владимир Святославич из Киева без видимой причины поспешил навстречу печенегам, прорвавшимся "от Сулы" к переяславскому броду. В 1019 г. Ярослав

Владимирович вывел войска из Киева к Льто, куда из степей подходил его брат Святополк с нанятыми им печенегами (ПСРЛ. Т. 1. С. 122, 144). Классическим примером быстрой передачи сведений является и летописное сообщение 1148 г.: "Мстиславу же, лежащю еше, и дружинѣ его, пригнавшѣ сторожеве, рекоша ему: не лежи, княже, Глѣбѣ ти пришесть на тя" (ПСРЛ. Т. 1. С. 319; Т. 2. С. 360). Перечень подобных фактов может быть продолжен, и в них угадывается существование специальной службы конных гонцов.

В свою очередь пример Витичева показывает, что тревожные сигналы могли подаваться и по археологически известным цепочкам укреплений, которыми метрополия была связана с приграничьем. Значительно меньше мы знаем о специальных сооружениях, предназначенных для огневой или дымовой сигнализации. Возможно, они были редки, или соображения пожароопасности заставляли выносить их за пределы функционирующих крепостей.

Тем не менее периодически в литературе встречаются известия о подобных башнях, связанных с пограничными крепостями, но сведений об их стационарных исследованиях нет. Примером такого недокументированного объекта являются встреченные в процессе разведочных исследований остатки курганоподобного возвышения близ летописного Римова на нижней Суле. Там высокий и удлинненный останец с плоской вершиной, соединенный с правобережным плато низкой перемычкой, на 1 км выдается в заболоченную пойму. В древности по нему проходила дорога к твердому броду. По ней в 1185 г. уходил в степи половецкий хан Кончак после неудачной осады Переяславля. Согласно краеведческой литературе, эта дорога известна, по крайней мере, с середины XIX в. Она стабильно эксплуатировалась местным населением вплоть до заполнения ложа Кременчугского водохранилища (рис. 71).

Городище размещается на западной прибрежной половине останца, а на его противоположном конце, в 400 м от укрепления, сохранились остатки

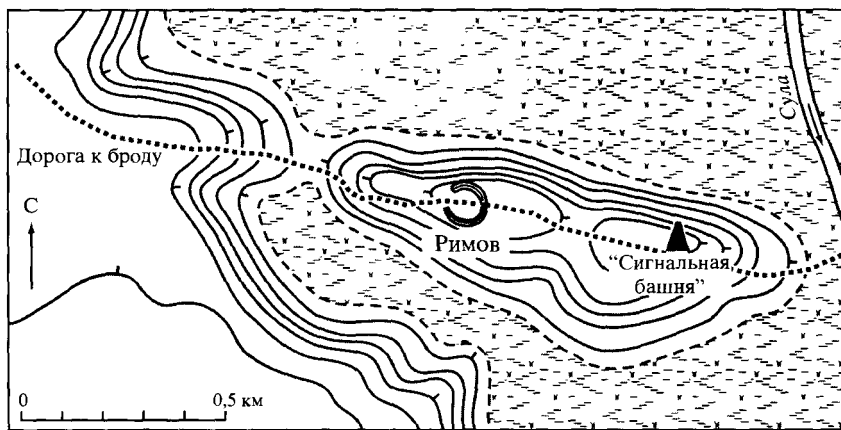
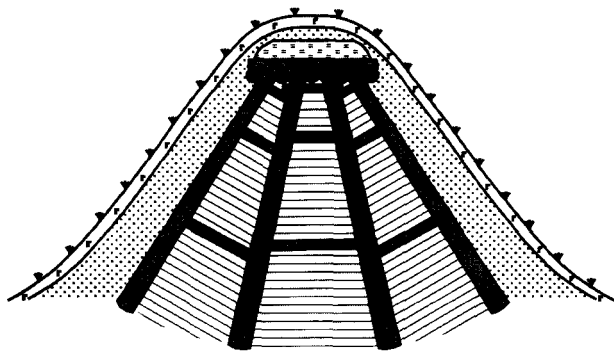

Рис. 71. Расположение городища летописного Римова и загадочного всхолмления на краю берегового останца

Рис. 72. Гипотетическая реконструкция первоначального вида "сигнальной башни" летописного Римова

округлой насыпи. Ее диаметр достигает 12–14 м, высота не превышает 1,5–2,0 м, а плоско срезанная вершина имеет диаметр около 8 м (Моргунов, 1989. С. 216). От обычных степных курганов насыпь отличается необычным размещением, крутыми склонами, отсутствием окологурганного рва и кладоискательской воронки.

В 70-х годах XX в. старожилы рассказывали мне, что эта насыпь никогда не расценивалась населением как аналог разбросанных по полям "казацких могил". Вплоть до устройства на останце в начале XX в. помещичьего дендропарка она также имела уплощенную вершину, но высота сооружения достигала 6–7 м. Помещик распорядился срезать вершину всхолмления для устройства танцплощадки, но сразу осуществить этот замысел не удалось. Оказалось, что вершина всхолмления представляла собой толстый (0,75–1 м) пласт прокаленной глины, уложенной на полуистлевший бревенчатый накат. Ниже этого массива насыпь якобы слагалась из слоев плотно утрамбованного чернозема и суглинка, по периметру обнесенного конусовидным каркасом из мощных дубовых стволов наподобие разреженного шалаша; бревна крепились поясами из врубленных сбоку коротких колод (рис. 72). Частичная зачистка возвышения подтвердила наличие в земле остатков бревен.

Конструктивные детали и параметры сооружения, очевидно, содержат налет легендарности, хотя оно и напоминает сигнальную башню. К такому мнению склоняет местоположение сооружения. Со стен возведенного римовского городища прямая видимость ограничена прихотливыми изгибами коренного берега Сулы. На север с валов просматриваются окрестности летописного Горошина в с. Тарасовке (14 км), а ближе расположенная Чутовка (9,5 км) заслонена береговым мысом. В южном направлении с римовских стен можно увидеть лишь соседнее укрепление Ляшовка (6,5 км). В то же время с высоты башни, выдвинутой в пойму на 400 м, кругозор расширяется к северу вплоть до летописного Лукомля (около 30 км), а на юг – вплоть до летописного Желни (тоже около 30 км). Не исключено, что поданный с этого возвышения дымовой или огневой сигнал мог быть различимым и на ныне уничтоженном городище Воиня (рис. 73).

Гипотетически существование аналогичных сооружений не исключено и в иных поселенческих структурах. В середине – конце XII в. на основе множества открытых пойменных поселений ближайших окрестностей Вяханя сложился обширный поселенческий комплекс. На правом берегу Терна возникло

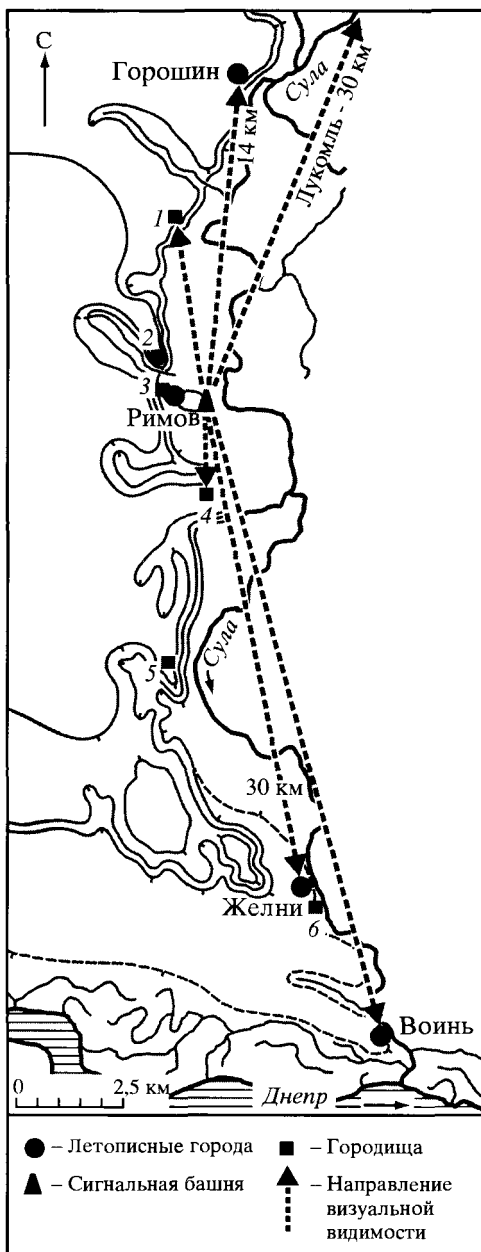

Рис. 73. Вероятная визуальная видимость окрестных укреплений с "сигнальной башни" летописного Римова

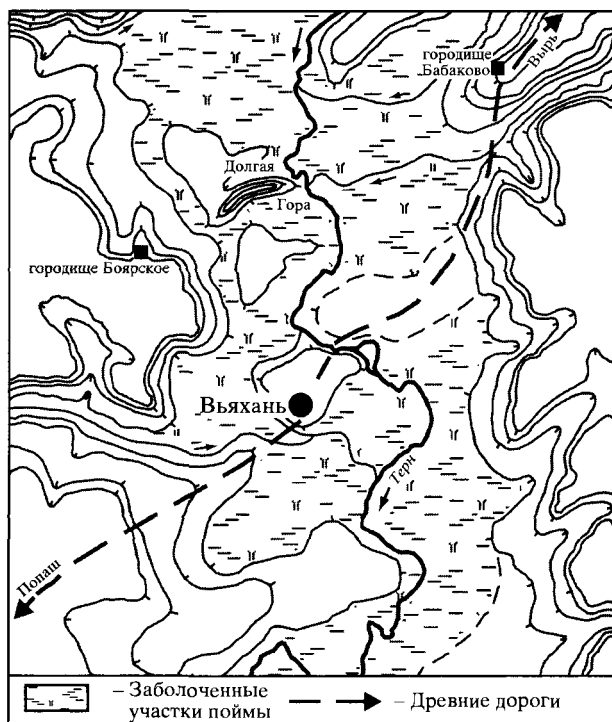
1 – Чутовка; 2 – Великая Буримка 1; 3 – Великая Буримка 2; 4 – Лящевка; 5 – Клещинцы; 6 – Жовнино 3

сельское укрепление-убежище Боярское. Практически одновременно на краю противоположной высоты на прямой дороге на Вырь появилась небольшая крепостица Бабаково – остатки сторожевого пункта с широким обзором всего поселенческого средоточия (рис. 74). На северо-восточном углу городища прослеживается резко выделяющееся всхолмление земляного вала, подобное тем, которые в литературе нередко принимают за остатки башен. Анализ крупномасштабных карт показывает, что с вершины возвышения безлесное пространство могло просматриваться вплоть до летописного Выря, контролировавшего известный "степной коридор" (Моргунов, 1998а. С. 84). Отсюда же местное население могло оповещаться о появлении внешней опасности при помощи простейших способов сигнализации.

Донжоны – это стоящие внутри крепости каменные, бревенчатые или построенные в комбинированной технике башни, которые были приспособлены для жилья и обороны. Этот термин в XIX в. был введен в литературу известным историком и теоретиком архитектуры Виолле-ле-Дюком (2007. С. 19, 96–117; Słownik, 1974. S. 16).

В Западной Европе донжоны известны с IX–X вв., но широко распространились только в XI–XIII вв., когда стали непременным атрибутом феодальных замков. В Польше их начали строить с конца XII в.; более или менее синхронно эта новация внедрилась в Чехии и Венгрии, откуда каменные башни-донжоны могли попасть на Волынь.

Рис. 74. Взаиморасположение укреплений в ближайших окрестностях летописного Вяяханя

Первоначально европейские донжоны квадратной в плане формы строились в середине укреплений. В классическом виде они представляли собой деревянные (фахверковые) надстройки, созданные поверх каменных цоколей. Нередко их возводили на естественных или искусственных возвышениях и окружали кольцом индивидуальных укреплений со рвами. В XIII в. донжоны приблизили к внешним городским стенам; в это время распространились и округлые очертания этих сооружений. Для большинства таких башен характерен вход с уровня второго этажа, наличие запасов продуктов питания и колодцев, размещенных в цокольном этаже. По высоте это были многоярусные сооружения, доминировавшие над соседствующими укреплениями. Таким образом, донжоны служили отдельным "городом" в замке или ином укрепленном поселении, надежной цитаделью для осажденных защитников населенного пункта (Шуази, 1937. С. 533; Саркисян, 1966. С. 101, 102; Рожко, 1997. С. 150).

В древнерусских письменных источниках представление о донжонах передавалось через контекстные варианты терминов "вежа" и "столп". Поэтому идентификация этого оборонительного устройства требует специального смыслового анализа каждого летописного примера (Поннэ, 1962. С. 3, 4; 73; СлРЯ. Вып. 2. С. 51; Фасмер, 1964. Т. 1. С. 51). Рассмотрим наиболее однозначные летописные сведения, естественно исключая их терминологические аналоги из переводной литературы, такие, как вавилонская башня.

Так, согласно статье Ипатьевской летописи под 1188 г., плененный галицкий князь Владимир Ярославич вместе с женой был посажен в Венгрии "на столп" (ПСРЛ. Т. 2. С. 661). Устройство этого сооружения раскрывается сюжетом 1190 г. о побеге князя из этой тюрьмы: "Того же лета оускочи Володимерь Ярославичь из Оугорь, из вежѣ каменое: тоу бо держашеть и король и с попадьєю его, и с двѣма дѣтятема. Поставлень бо бѣ емоу шатерь на вежи; онъ же изрѣзавъ ша-

теръ и сви собѣ оужище и свѣсися отоудоу доловъ" (ПСРЛ. Т. 2. С. 666). Под 1204 и 1213 гг. здесь же упомянут город Стоल्पье, на городище которого сохранились остатки каменной башни (ПСРЛ. Т. 2. С. 721, 732; Куза, 1996. С. 154). В Тверской летописи под 1242 г. упомянуто схожее защитное сооружение ("столп высок"). В нем собирался укрыться от войск Батыя венгерский король Владислав: "вшел на столп он". Впрочем, позже король испугался обилия войск противника и бежал (ПСРЛ. Т. 15. С. 394). Как видим, такая каменная "вежа" или "столп", в мирное время приспособленная под временную тюрьму для персоны княжеской крови, в военное время могла играть роль неприступного укрытия.

Начиная с середины XIII в. на страницах летописей появляется целый ряд известий о существовании или постройке новых донжонов исключительно в юго-западной части Руси.

Наиболее известно красочное описание под 1259 г. донжона в Холме, исполненного в комбинированной строительной технике: "Вежа же средѣ города высока, якоже бити с нея окрестъ града, подсздана каменеємъ в высоту 15 лакоть. Создана же сама древом тесанымъ и оубѣлена яко сыръ, святящися на всеи стороны" (ПСРЛ. Т. 2. С. 844). Под 1278 г. упомянуто схожее сооружение, но вынесенное за пределы внешних стен г. Гродно в качестве предвратной преграды. "Столп бо бѣ камень высокъ стоя перед вороты города и бяхоу в немъ заперлися проузи. И не бысть имъ мимо нь поити к городу, побывахоуть бо со столпа того. И тако пристоупиша к нему, и взяша и. Страхъ же великъ и оужасть паде на городѣ и быша аки мертвѣ, стояще на заборолѣх города о взятъи столпа, зане то бысть оупование ихъ" (ПСРЛ. Т. 2. С. 878). Археологическим аналогом этого сооружения может служить округлая предвратная земляная насыпь, хорошо различимая близ южного въезда волынского городища XI–XIII вв. Посников (*Pannonopt*, 1967. С. 51, 53). Под этим же годом упомянут "столп" в Люблине (ПСРЛ. Т. 2. С. 910), а под 1289 г. в источниках сообщается о создании каменных "столпов" в новом городе Каменце и Берестье (ПСРЛ. Т. 2. С. 925, 927). В 1291 г. аналогичное сооружение было заложено и в Черторыйске (ПСРЛ. Т. 2. С. 938).

Итак, в источниках речь идет, прежде всего, о достаточно поздних внутригородских или предвъездных башнях из камня. Применительно для домонгольского времени такое сооружение было известно летописцам только в Венгрии, а после середины XIII в. их начали строить на Волыни и в тесно связанной с ней Черной Руси. Очевидно, летописная хронология отражает реальный путь привнесения новой фортификации на западнорусские земли.

Существенно, что в описании донжона в Холме подчеркивалась его высота, позволявшая вести круговой обстрел городских окрестностей, следовательно, с нее открывался широкий обзор. В свою очередь гродненская башня по ее оборонительной нагрузке также отличается от классических западноевропейских образцов. Это указывает на определенную универсальность галицко-волинских укреплений, которые также могли использоваться для сторожевых или сигнальных функций. Подобные признаки характерны и для хорошо известных волынских каменных башен (*Pannonopt*, 1952. С. 202–223; 1967. С. 204, 205; Кучера, 1999. С. 87).

Летописные источники не предоставляют нам однозначных сведений о существовании домонгольских донжонов на всей территории Руси, но небольшое количество функционально схожих объектов все же известно по археологическим материалам.

К донжонам следует отнести следы обновлявшихся на одном и том же месте срубных оборонительных башен, исполнявших и культовые функции, которые были исследованы в детинце летописного Мстиславля. Остатки первоначального сооружения начала XIII в., построенного поверх искусственного возвышения, почти не сохранились, а во второй четверти этого же столетия поверх пожарища была возведена новая конструкция. Она представляла собой срубное помещение размером 13 × 12,5 м из дубовых бревен. Каждая из стен на уровне первого венца была усилена бревенчатыми поперечинами, придававшими конструкции дополнительную жесткость. В процессе последующих реконструкций периодически горевших сооружений их основания снабжались и мощными глинистыми засыпками, предохранявшими от ударов стенобитных таранов (Алексеев, 1993. С. 217–226).

Остатки более ранней срубной вежи были изучены в центре детинца Любеча. В плане она имела квадратные очертания, а массивные стены поднимались на высоту четырех ярусов, открывая широкий обзор городских окрестностей. Оборонительная значимость этого сооружения подчеркивается наличием в его подклете многочисленных хозяйственных ям, содержавших значительные запасы зерна и воды, а также зарытым там же кладом: это было последнее прибежище защитников крепости (Рыбаков, 1964. С. 22; 1985. С. 95, 96). Возможно, к донжонам можно отнести остатки сооружения, в центре детинца летописного города Вщижа, представлявшие собой часть фундамента восьми- (или двенадцатиугольной?) башни, опиравшегося на столбовые (?) опоры, диаметр которых достигал 0,6 м (Рыбаков, 1951. С. 58; 1953. С. 115).

На территории древней Галицко-Волынской Руси известна еще одна категория археологических объектов, которую рассматривают как вероятные остатки донжонов. Речь идет о десяти кургановидных всхолмлениях диаметром 6–10 м, визуальнo прослеживаемых по краям или в центре площадок ряда городищ. По мнению М.П. Кучеры, это следы башен, которые на Волыни возводились якобы с X в. (Кучера, 1999. С. 87). Примеры столь же ранней постройки донжонов в Карпатах (Спальсько, Городисько, Комаровичи) приводились и Н.Ф. Рожко (1997. С. 151). К сожалению, эти любопытные наблюдения в недостаточной степени обоснованы археологическими материалами, поскольку насыпи не подвергались раскопкам, а датировки памятников основаны на сборах подъемного материала или, в лучшем случае, на скудной шурфовке городищенского культурного слоя. С определенными трудностями связана и датировка наскальных сооружений, поэтому уверенно судить о существовании в X–XI вв. внутришумковых башен, видимо, пока преждевременно.

Возможен и более прямой путь появления в Южной Руси деревянных донжонов. Некоторый повод для такого предположения дает время возведения наиболее ранней башни в Любече, построенной Владимиром Мономахом в период

его черниговского княжения (1078–1094 гг.). В молодые годы князь неоднократно выполнял воинские поручения старших Ярославичей на Воляни и в землях западных славян. Возможно, именно там он был впечатлен защитными преимуществами крепостей округлых в плане очертаний, которые затем появились на Днепровском Левобережье (Моргунов, 1986. С. 119). Не исключено, что на западе он мог увидеть и каменные донжоны.

Известно также, что незадолго до получения черниговского стола Владимир женился на английской принцессе Гите. После смерти отца она бежала во Фландрию, а затем надолго осела в Дании (Орлов, 1946. С. 10). Печальные перипетии ее метаний по охваченной войнами Европе, несомненно, были связаны с пребыванием во многих замках, где донжоны стали возводить с XI в. Оказавшись на далекой чужбине, Гита могла делиться своими впечатлениями с мужем, тем более, что к этому располагала знакомая ей с детства обстановка: на новой родине (приблизительно с 1078 г.) в условиях постоянных междукняжеских распрей начался небывалый всплеск половецких нападений, что вызвало резкое умножение числа крепостей в русском приграничье (Моргунов, 1998. С. 60–64).

Как бы то ни было, до любечского донжона на Руси создавались только башнеобразные воротные надстройки. Может быть, именно поэтому, в отличие от Западной Европы, ранние русские донжоны традиционно устанавливались не в середине крепостей, а ближе к въездам, что можно рассматривать как своеобразие приспособления новых защитных сооружений на Руси.

Некоторое недоумение могла бы вызвать грунтовая забутовка нижнего яруса деревянных башен, известная в посадском донжоне Любеча и на детинце Мстиславля, но не исключено, что засыпке подвергались нижние венцы и других русских донжонов (Алексеев, 1993. С. 227). В таком случае эту особенность можно рассматривать как местную аналогию комбинированных западных донжонов с каменными основаниями и фахверковыми надстройками, когда забутованный грунтом цоколь приобретал особую прочность, а вход, как и на Западе, устраивался на втором этаже. Такие основания приобретали особую устойчивость против стенобитных устройств. Но на Руси тараны широко не применялись, потому цокольные засыпки, вероятно, могут свидетельствовать о неосознанной адаптации западных конструкций к русским условиям.

Очевидно, что в домонгольской Руси примеры создания донжонов исчислялись единицами. Такое впечатление основано на недостатке связанного с этими сооружениями лексического фонда летописных источников, на мизерном количестве изученных археологически башен, а также обусловлено отсутствием их массовых следов в виде курганоподобных всхолмлений на площадках сотен обследованных к настоящему времени городищ. Это не означает, что на Руси вовсе не было донжонов классических европейских форм, а скорее свидетельствует об иных путях развития фортификации.

Не исключено, что функционально близкие к донжонам защитные устройства на Руси могли строиться в крупных городах, территория которых ныне полностью застроена. Так, в 1240 г. киевляне в условиях осады срочно возвели

"другий град" вокруг Десятинной церкви (ПСРЛ. Т. 2. С. 785). Функционально и конструктивно этот "град", последнее убежище защитников Киева, являлся аналогом классических западных донжонов, окруженных индивидуальными древо-земляными укреплениями.

Крепостные колодцы

Обороноспособность укрепленных поселений зависела не только от прочности городских преград и отваги защитников. Значимым условием успеха являлось наличие в форпостах водозабоников для получения питьевой воды. Судя по сведениям письменных источников, не всякий город был в достатке ею обеспечен для безопасной жизнедеятельности во время осады. В Повести временных лет под 968 г. записано, что во время осады печенегами Киева "изнемогаху же людье голодом и водою" (ПСРЛ. Т. 1. С. 65). Некоторые укрепленные поселения вовсе не имели внутреннего водоснабжения, и тогда осады оборачивались для горожан трагедией. Так, в 988 г. Владимир Святославич покорил Корсунь только после подкопа труб, несущих воду из окрестных колодцев. В 1093 г. половцы с этой же целью отводили воду от Торческа, и дважды (в 1186 и 1207 гг.) по аналогичной причине пострадали жители Пронска. В последнем примере осажденные пытались втайне добывать воду по ночам, но специально поставленная противником стража всякий раз пресекала такую возможность (ПСРЛ. Т. 1. С. 109, 221, 402, 431–432).

Простейшим способом получения воды являлось *использование ключей и родников*, благодаря обустройству и регулярной чистке они обеспечивали значительный объем воды. Но естественные источники чаще размещались за пределами искусственных укреплений. На мысовых и останцовых городищах выходы подземных вод приурочены к склонам или к пониженным окончаниям мысов. Поэтому на городищах юго-запада Руси много примеров намеренного изгиба линии валов с целью включения в состав защищаемой площадки и ныне действующих родников (*Хавлюк*, 1969. С. 162; *Кучера*, 2000. С. 98). На поднепровском укреплении Ломачинцы ключ включили в состав укреплений, не нарушив их кольцевидных очертаний, но для этого часть защитных стен проложили вдоль берегового склона ниже площадки, что нетипично для домонгольской фортификации (*Тимошук*, 1982. С. 82, 178).

Вряд ли столь активное использование природных родников являлось исключительно региональной особенностью крепостей этого региона. Скорее, произошедшие изменения гидрогеологических свойств речных террас не позволяют нам применить аналогичные наблюдения к памятникам других областей. И там известны причудливые изгибы земляных валов, но выход родников на современную поверхность давно прекратился.

Для нужд водоснабжения в домонгольское время могли использовать и подземные *тоннелеобразные выходы к реке*, создаваемые по образу известных на некоторых памятниках патерн. Во всяком случае в XV–XVII вв. такие сооружения

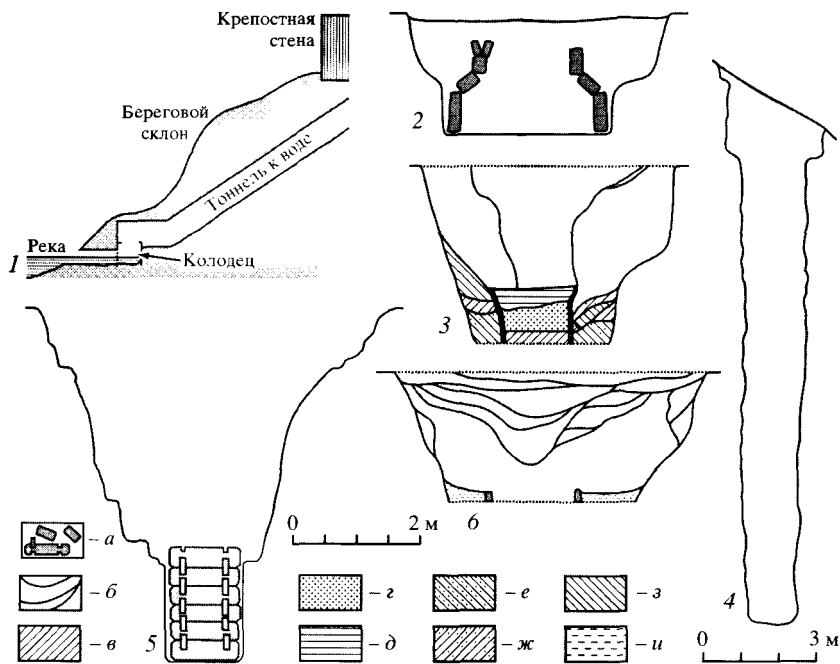

Рис. 75. Сооружения колодезного типа

1 – реконструкция тайника Чернавской крепости (по Н.И. Фальковскому); 2 – колодец из Чернигова (по И.А. Готуну и др.); 3 – колодец поселения Шумлай (по О.М. Веремейчик, И.А. Готуну); 4 – разрез цистерны из Тустани (по М.Ф. Рожко); 5 – колодец Билярского городища (по Р.Ф. Шарифуллину); б – колодец из Автуничей (по О.М. Веремейчик, И.А. Готуну)

Условные обозначения: а – остатки древесных конструкций; б – поздние наслоения; в – темно-серая супесь; г – серая супесь; д – темная супесь; е – серо-белая супесь; ж – серо-желтая супесь; з – светло-серая супесь; и – серый сулпунк

получили широкое распространение (Фальковский, 1947. С. 50–65). Рис. 75, 1. Согласно другим наблюдениям, воду могли запасать в **ямах-резервуарах** небольших размеров, вырытых в глинистом материке городищенских площадок. Массово они встречены, кажется, только в Любече. По подсчетам исследователя, их содержимого могло хватать на год для 250–300 обитателей замка (Рыбаков, 1964. С. 23).

В археологической литературе встречаются сведения и о применении значительных **накопительных емкостей**. Такое устройство было исследовано на скальном городище Тустань: на его площадке размещался выдолбленный в скальной породе 30-метровый колодцеобразный резервуар. Его подквадратная верхняя часть резко обретала овальное сечение меньшего диаметра (Рожко, 1996. С. 82–89). Рис. 75, 4. На збручском городище-святилище Звенигород остатки такого устройства по верху прослеживались как воронка-западина диаметром 15 м и глубиной около 5 м. Его шахта также была вырублена в скали-

стом материке, в поперечном сечении она представляла квадрат со стороной 2,4 м (Русанова, Тимощук, 1993. С. 49). Этим скальным цистернам сопутствовали колодцы, размещенные у подножия высоко размещенных крепостей. В Звенигороде от нижнего колодца наверх вела замощенная камнем дорожка.

Все эти примеры имеют исключительный и нередко спорный характер. В аспекте данной темы нас более интересуют обычные и наиболее массовые искусственные водозаборные сооружения – *колодцы*.

Представления об их устройстве и распространенности разноречивы. И.Н. Воронин считал срубные колодцы характерной чертой бытовой культуры домонгольской Руси (1951а. С. 194–196). По мнению М.Г. Рабиновича, в домонгольское время водозаборные сооружения не имели деревянных каркасов и были присущи только крепостям. Исследователь был уверен, что срубные укрепления повсеместно начали использоваться не ранее XV в. (Рабинович, 1976. С. 37). Известно и суждение о том, что, в отличие от культовых, бытовые колодцы вырывали только в низких местах, поэтому в древности их глубина составляла всего 2–5 м, а диаметры не превышали 1 м (Русанова, Тимощук, 1993. С. 64).

Между тем в 20-х годах XX в. производилось статистическое обследование водозаборников лесостепной Воронежской области. Оно показало, что около 40% колодцев имело глубину менее 10 м, а 47% достигало глубины 50 и более метров, а максимальная глубина устройств достигала 70 м (Бломквист, 1956. С. 290). Поскольку археологически известные водозаборные устройства также размещались в неодинаковых условиях, вероятно, и они могли иметь различную глубину.

Колодезные устройства небольшой глубины встречаются на низко расположенных открытых поселениях. Глубина первого изученного М. Оссовским колодца на городище Глубочок насчитывала всего 3 сажени (Антонович, 1901. С. 93). В последние годы появились сведения и о других небольших колодезных устройствах, подробно изученных на Черниговщине в связи с массовым изучением открытых поселений Украины.

Водозаборник X – начала XI в. на поселении Шумлай на уровне материка имел вид округлого в плане пятна темно-серой супеси размером 4,8 × 4,4 м. По мере воронкообразного углубления верхней части сооружения на глубине 3 м его сечение трансформировалось в подпрямоугольное (3,1 × 2,3 м), затем проявился и прямоугольник древесного тлена от внутреннего каркаса. Это был деревянный отстойник столбовой конструкции, каждая сторона которой была обустроена четырьмя щитами из плотно соединенных досок, предназначенных для фильтрации воды. С этой же целью пространство между коробом и стенками шахты было забутовано песчанистым грунтом. Вертикальная высота этой деревянной конструкции насчитывала 1,2 м (Веремейчик, 1993. С. 75; 1993а. С. 18; Веремейчик, Готун, 1995. С. 85; Готун, 2003. С. 180). Рис. 75, 3.

В Автуничах колодец XII в. также располагался в центре поселения в западной метровой глубины. Первоначально он распознавался как округлое пятно размером 5,1 × 4,3 м, заполнение которого конусообразно сужалось к шахте. На глубине 2,07 м был обнаружен опущенный в вертикальную шахту сруб из дубо-

вых полуколод и обалолов поперечным сечением $1,25 \times 1,3$ м, там прослежены и следы ремонта конструкции (*Веремейчик, Готун, 1995. С. 87–92; Готун, 2003. С. 180*). Рис. 75, 6. Схожий по размерам и конструкции колодец с ярко выраженным коробом отстойника был изучен и на черниговском предградье (*Готун и др., 2002. С. 112*). Рис. 75, 2.

Мелкие колодцы с воронкообразными западинами и придонными срубами-фильтрами известны далеко за пределами Руси. О.М. Веремейчик и И.А. Готун нашли множество аналогий таким сооружениям на землях западных славян, где подобные устройства использовались еще со времени пшеворской культуры II–III вв. Множество аналогичных сооружений изучено и в землях волжско-камских болгар. Так, на территории Билярского городища колодцы домонгольского времени также характеризовались воронковидной верхней частью, средней глубиной от 4 до 8 м и незначительными вариациями в сложной конструкции срубных фильтрационных водосборников (*Шарифуллин, 1979. С. 102–113*). Рис. 75, 5. Еще более мелкие водосборники встречались при раскопках подгорной и приречной частей средневекового Болгара (*Баранов, 2001*).

Высоко размещенным укрепленным поселениям соответствовали глубокие водозаборные устройства. В этом плане наиболее близка к идеалу городского оборонительного комплекса летописная характеристика защитной системы города Холм: здесь внутри города была построена башня-донжон с устроенным около нее колодцем глубиной 35 сажений (ПСРЛ. Т. 2. С. 844). Косвенно картину водоснабжения такого типа отражает и летописное известие 997 г. об осаде печенегами Белгорода, жители которого страдали от голода. Тем не менее для них оказалось несложным с целью обмана осаждающих вырыть два дополнительных колодца, якобы в достатке содержавших простейшие продукты питания. В итоге кочевники сочли бесполезным продолжение осады и вернулись в степи (ПСРЛ. Т. 1. С. 127–129).

На памятниках с мягкими подстилающими породами следы колодцев распознаются на площадках высоко размещенных городищ как воронки округлой в плане формы. Глубина таких конусовидных западин достигает 5 м, а диаметр – от 6 до 25 м*. Одна из воронок, размещенная на городище предгорий Карпат, даже сохранила название "княжая криница" (*Корчинский, 1987. С. 115*). Впервые такие воронки отождествил со следами колодцев П.А. Раппопорт (1951. С. 115; 1956. С. 149; 1967. С. 154–156). С этой трактовкой не согласны, кажется, только некоторые украинские коллеги. Они традиционно относят схожие углубления к искусственным резервуарам для сбора предназначенной на случай осады талой и дождевой воды, "которая стекала в нее на протяжении всего года" (*Кучера, 1964. С. 103; см. также: Сухобоков, 1992. С. 146; Моця, Халиков, 1997. С. 111*). М.П. Кучера считал такие выемки следствием добычи грунта для насыпки валов: "безусловно, в ямы стекала дождевая и талая вода

* Наиболее полный перечень южнорусских городищ с конусовидными воронками принадлежит перу М.П. Кучеры (2000. С. 94–97). К сожалению, в указанный реестр по недоразумению попали посульские укрепления Тарасовка и Лящевка, на поверхности которых, кроме селитряных отвалов, иных аномалий не прослеживается (*Моргунов, 1996. С. 105–107; 114–116*).

от снега, который за зиму накапливался на окруженной валом площадке". Отсюда следовал вывод, что основное население крепостей постоянно проживало у подножия городищ, в долинах, где соорудить неглубокий колодец было легче, а поэтому на большинстве городищ с воронками культурный слой якобы незначителен (Кучера, 2000. С. 98).

Это представление противоречит стратиграфии валов, присущей сотням городищ: их сердцевина состоит из материковых грунтов, перекрытых субструкциями с культурным слоем. Если бы содержимое насыпей добывали из воронок, то картина была бы иной: в насыпь сначала попадал культурный слой (если вал возводился на месте поселения), а верх насыпи состоял бы из материкового грунта. Кроме того, величина воронок несоизмерима с суммарным объемом вальных насыпей. В наблюдениях исследователя содержатся и другие неточности: в его исчерпывающий реестр памятников с воронками попали крупные летописные центры, такие как Белгород, Волковыск, Дорогобуж, Снепород, Сутейск, а также безымянные городища с мощными культурными отложениями.

Более адекватное толкование П.А. Раппопорта подтверждается многими археологическими примерами. Так, на городище летописного Белгорода верхняя часть одного из качественно изученных колодцев до глубины 15 м представляла собой правильный цилиндр диаметром 9 м. Судя по упавшим в шахту обгоревшим кускам дерева, на уровне 8 м от дневной поверхности внутри цилиндра был устроен опиравшийся на горизонтальные балки дощатый настил. В середину шахты был включен квадратный в плане сруб размером 3,1 × 3,1 м, сложенный из толстых дубовых брусьев, а сверху вся конструкция была перекрыта навесом (Хвойка, 1913. С. 89). Хуже сохранились остатки другого белгородского водозаборника. По верху он имел четырехугольные очертания (размер 6 × 5 м), далее выемка конусообразно сужалась до глубины 9,6 м. Затем шахта приобретала квадратное сечение со стороной 3 м, а на уровне 15–23 м от дневной поверхности она постепенно сужалась до размеров 2 × 2 м. Ниже отметки 21 м стали прослеживаться следы деревянной обшивки колодца (Хвойка, 1913. С. 90).

Схожий колодец был изучен в Дорогобуже на Горыни, где верхний сруб размером 4 × 4 м опускался до глубины 9 м, а ниже размещались квадратные венцы сруба со стороной 2,7 м (Петегирич, 1990б. С. 131). Остатки аналогичного колодца были обнаружены в поднестровской Лукашевке (Федоров, 1968. С. 86), а в Екимауцах ниже дна воронки, имевшей диаметр 20 м, один сруб размещался внутри другого (Федоров, Чеботаренко, 1974. С. 79).

Два прямоугольных в плане колодезных устройства, сложенных из дубовых брусьев, были изучены в Алчедаре. В одном из них (№ 2) ниже перекрытой валом воронки открывалась шахта размером 3,05 × 2,2 м. В ней были обнаружены и остатки водоподъемного механизма. В другом, более сложном водозаборнике (№ 1), остатки сруба открыты на глубине 4 м. Венчатое устройство имело размер 4,8 × 1,9 м, посередине оно было разделено стенкой из бруса на две равные камеры. Внутри каждая камера была снабжена дополнительными внутренними срубами, размерами 1,6 × 1,3 м. Пространство

между внешними и внутренними венцами было плотно заполнено камнями и глиной (Федоров, 1968. С. 86–88).

Мне посчастливилось принять участие в раскопках В.В. и О.Н. Енуковых на городище Липино в Курской области, где был частично вскрыт колодец, который, по мнению исследователей, функционировал начиная со скифского времени и вплоть до второй половины XIII – XIV в. (Енуков, Енукова, 1999. С. 181). На дневной поверхности это сооружение также распознавалось как пологая воронка диаметром 12–14 м. Ниже следовало более глубокое и постепенно сужающееся углубление-раструб со следами горизонтального деревянного настила и срубной шахты, имеющей в плане очертания восьмигранника. Длина граней, сложенных из дубовых бревен, на уровне настила составляла около 3,4 м, а в нижней части воронки – 1,8 м. Полностью исследовать это сооружение не удалось из-за появления зыбкого плывуна. Поэтому истинная протяженность шахты была установлена при помощи технического бурения, показавшего, что древняя эксплуатационная глубина шахты составляла 14 м (Кашкин, 2000. С. 66).

Определенный интерес представляет и верхняя часть водосборника, размещенного на площадке городища летописного Снепорода. На дневной поверхности колодец имел вид округлой воронки диаметром 21 × 22 м и глубиной 4 м. Для производства раскопок была доступна лишь южная половина сооружения, которую удалось вскрыть до глубины 7 м от уровня площадки. В процессе исследований выяснилось, что в конусовидно опускавшихся к шахте стенках котлована сохранились следы двукратной подрезки в виде грунтовых ступенек.

Четыре концентрических ряда первоначальных ступенек, вырезанных в материковом склоне, кольцами опускались до середины воронки. Высота уступов колебалась от 0,4 до 1 м, а ширина – 0,5 до 2 м. Порой прослеживались следы коротких цепочек из кольев, прижимавших к ступеням подпорные доски или плахи. Ниже склоны воронки становились более крутыми и почти вертикально упирались в округлое пятно шахты диаметром около 4 м (рис. 76). На поверхности верхней ступеньки были вылеплены две полусферические глинобитные печи, устьями обращенные к котловану. На определенном отрезке существования колодца его активная эксплуатация замерла, и ранние ступеньки затекли светлым суглинком с примесью черноземовидного культурного слоя. После перерыва в этом наплыве было вырезано пять лент новых ступенек, на которых были установлены еще две печи.

В свое время П.А. Раппопорт предположил, что колодец был сооружен до появления крепости, а ее строители включили водозаборник в состав защищенной стенами площадки. Отсюда городище получило округло-подтреугольные очертания, отличные от классической циркулярной планировки (Pannonopt, 1956. С. 42). Эти наблюдения полностью подтвердились: изначально стрелка мыса отделялась от плато дугой неглубокого оврага, сформировавшей собой округлую площадку размером 50 × 60 м. Колодец был сооружен в центре этого овала доминирующей береговой высоты (рис. 65). Принципиально его конструкция не отличается от археологических остатков других водозаборников домонгольского времени. А вот амфитеатры ступеней трудно связать с итогами

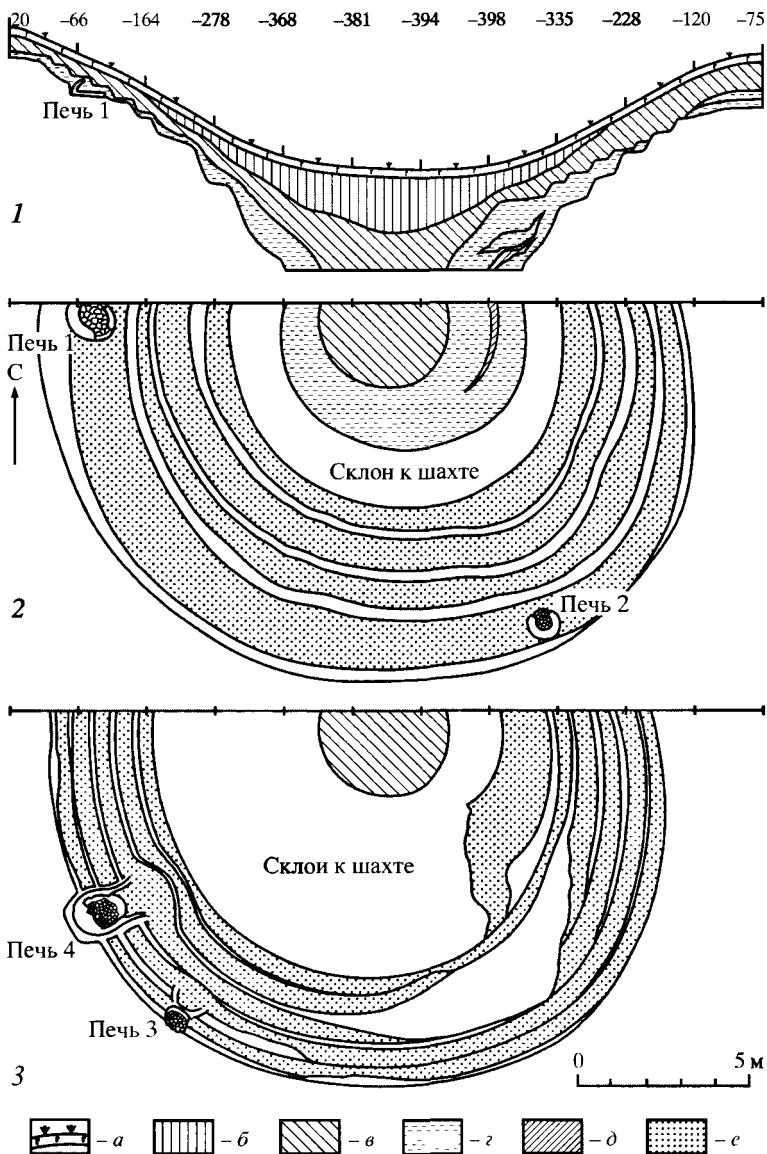

Рис. 76. Колодец на городище летописного Сиегорода

1 – профиль разреза верхней части сооружения; 2 – ранний строительный период колодезного устройства; 3 – второй строительный период существования колодца

Условные обозначения: а – дерн; б – позднее заполнение котлована; в – затеки культурного слоя; г – светлый суглинок с примесью чернозема; д – желтый суглинок; е – горизонтальная плоскость ступеней

многолетних ремонтов, подчисток или углубления колодца: они не пригодны и для использования в качестве земляной лестницы. Не объясняется технологическими требованиями или близкими аналогиями и существование на них глинобитных печей. Очевидно, кроме прямого назначения, колодец использовался в ритуальных целях, а позже был включен в состав крепости.

На время возникновения водозаборника указывают остатки замощения первоначальных ступенек измельченной керамикой черняховского времени и финального этапа существования роменской культуры и древнерусского периода, датируемого рубежом X–XI вв. А поверх вторичных уступов преобладали обломки круговой посуды XI в. (*Моргунов, 2005б*).

П.А. Раппопорт объяснял летописные сведения о трудности с водообеспечением "горовых" крепостей значительной высотой их размещения над уровнем подпочвенных вод. В чем-то противореча себе, исследователь приводил и примеры весьма высоко размещенных укреплений с воронками водозаборников. В частности, летописный Белгород на 40–45 м выше уровня Ирпеня, Старые Безрадицы – на 24 м возвышаются над Стугной, а воронка Снепорода на 48 м выше современного уровня течения р. Снепород. Припоминается и летописный пример с Холмом, где "стюденец, рекомый кладезь", имел глубину 35 саженей, т.е. более 70 м. Выходит, что значительная высота размещения крепости над поймой не всегда препятствовала устройству колодцев – многое зависело от состояния или изменения гидрогеологических условий местности. Так, возвращаясь к сюжету 968 г. Повести временных лет об осаде Киева, трудно поверить, что столица Руси изначально задумывалась как город с недостаточным водоснабжением.

Косвенную причину сложившейся тогда печальной ситуации можно отыскать в изменении естественных условий. На это может указывать сравнение информации Повести, содержащейся в статьях 945 и 968 гг. В первой из них говорится, что древлянские сваты причаливали непосредственно у киевской кручи: "и присташа подь Боричевым в лоды, бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Киевския, и на подольи не сѣдяху людѣе" (ПСРЛ. Т. 1. С. 55). А через 23 года отрок, посланный из Киева за подмогой Претича, уже пробирался к реке через разместившийся на территории Подола печенежский лагерь (ПСРЛ. Т. 1. С. 66). Видимо, это свидетельствует о резком (возможно, временном) понижении уровня Днепра: такие колебания его уровня зафиксированы раскопками на Подоле, где обводнения надпоймы оставляли мощные песчаные наносы (*Сагайдак, 1991. С. 31, 52, 53, 54*). Если это так, то обмеление реки вызывало общее изменение гидрологии всего киевского региона. В современном сельском быту нередки случаи, когда "вода уходит из колодцев", и обычно подобное явление совпадает с засушливыми сезонами.

Из практики также известно, что рытье вслепую даже самого глубокого колодца не всегда может увенчаться успехом. Примеры этому известны и из этнографической литературы. Так, на рубеже XIX–XX вв. жители окрестностей летописного Лукомля не строили колодцев, а носили воду из реки, хотя высота его площадки не превышает 38 м над уровнем Сулы (*Милорадович, 1904а*).

С. 182). В литературе сложилось мнение о том, что здесь причина кроется в глубине залегания так называемых подпочвенных вод, которые якобы связаны с приречными низинами. Очевидно, такое представление скрывается и за подсчетами высот городищ, произведенных П.А. Раппопортом. На самом деле между размещением пригодных для эксплуатации водоносных слоев и уровнем прямой зависимости нет, зато "подземные реки" редко выклиниваются в грунтовое пространство излишне изрезанного межбалочного рельефа (*Новгородский*. С. 6), которым отличаются окрестности летописного Лукомля.

Сведения, почерпнутые из специальной литературы вековой давности, указывают, что при создании колодцев первоначально важны знания о размещении качественных водоносных слоев. При этом категорически запрещается использование для питья "стоячих" вод, содержащихся в запрудах, резервуарах и котлованах. В запретительный перечень также попали дождевые и талые воды (*Синельников*, 1926. С. 18).

Это заставляет вспомнить упомянутые интерпретации городищенских резервуаров, ям или воронок как средство крепостного водоснабжения. А дублирование верхних скальных резервуаров Тустани и Звенигорода пойменными колодцами и родниками теперь выглядит далеко не случайным явлением. Такой комплекс позволял в случае приближения противника достаточно быстро, "всем миром", поднять снизу свежую воду для заполнения крепостных цистерн, чтобы обеспечить жизнедеятельность защитников на период пригодности этой воды для питья. Отсюда становятся понятными находки обломков вроде бы ненужной дубовой обшивки скального тустанского резервуара и уложенный на дне мощный пласт хвойных веток (*Рожко*, 1996. С. 87–89). Видимо, дубильные свойства древесины позволяли на более длительный срок сохранять свежесть стоячей воды.

Согласно наблюдениям гидротехников, вне зависимости от местных гидрологических условий, среди содержащихся в земле водоносных (точнее: водопроницаемых) пластов различается несколько горизонтов. Вода, залегающая непосредственно под дерном, среди специалистов именуется "почвенными водами". Глубина этого слоя не превышает уровня ежегодного промерзания грунтов, и вода из него не годится для питья в силу ее небольшого количества и наибольшей загрязненности.

Ниже до глубины 3–6 м следуют пласты, где скапливается влага также низкого качества, это "вода зоны аэрации" или "верховодка" (*Тугай, Прокопчук*, 1990. С. 5). Она также малопригодна для питья в силу загрязненности проникающими в грунт остатками гниющей органики и продуктами жизнедеятельности человека и животных (*Новгородский*. С. 5; *Синельников*, 1926. С. 19). В связи с этим еще на рубеже XIX–XX вв. водозаборники глубиной до 8 м в санитарном отношении считались наихудшими (*Новгородский*. С. 6). Мастера-колодезники стремились изолировать срубы от проникновения этой влаги в водозаборники, что наблюдается и на археологическом материале. А в народе до сих пор считают, что вода, добытая из мелких колодцев невкусная. Видимо, далеко не случайно мелкие колодцы подгорной и заречной частей средневекового

Болгара в большинстве использовались для водоснабжения бань. Там известны и трубопроводы, снабжавшие население надпоймы питьевой водой из верхних колодцев (Баранов, 2001. С. 322, 325, 326, 328).

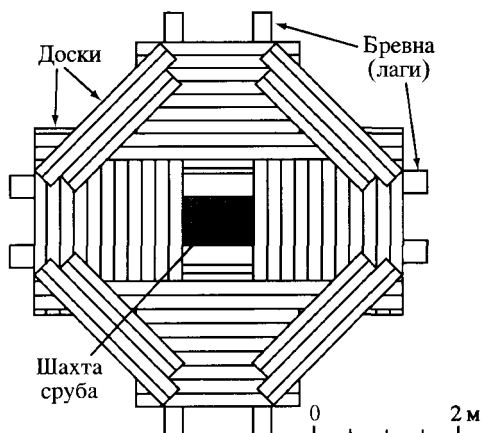
При устройстве колодцев целью является достижение межпластовых водоносных слоев, залегающих на глубине от 10 до 50 м от дневной поверхности (Новгородский. С. 5; Тугай, Прокопчук, 1990. С. 5). В толще высоких надпойменных плато встречается по несколько подобных слоев. Так, по материалам местных бурильщиков, под городищем летописного Снепорода (48 м над уровнем поймы) верхний качественный водоносный слой залегал двенадцатью метрами ниже площадки. Глубже залегают еще два подобных пласта, а родники с наиболее вкусной водой цепочкой размещаются вокруг подножия городища на высоте 5–6 м над уровнем поймы. Для глубоких сооружений особо удачными считают колодцы с выходом на водоносные слои с большим напором. В таких случаях вода в срубе поднимается значительно выше уровня водоносного слоя (Новгородский. С. 4). Видимо, поэтому в Екимауцах вода до сих пор вытекает из грунтовой воронки, а в Алчедаре удалось изучить только семь верхних колодезных венцов.

Наиболее дискуссионным остается вопрос о происхождении *конусовидных выемок*. П.А. Раппопорт считал, что это следы постепенного осыпания краев колодцев после сгнивания деревянных срубов (1967. С. 154). Это здравое наблюдение все же не объясняет слишком обширных размеров современных воронок и существования конусовидных материковых котлованов. Как мы видели выше, в Белгороде лучше сохранившийся колодец сверху начинался цилиндрическим углублением 9-метрового диаметра, в то время как сечение шахты было значительно меньшим. Любопытно, что более широким углублением (но кубической формы) начиналась и скальная "цистерна" на Тустани, – видимо, подобные выемки являются следами определенного конструктивного решения или реликтивно сохраняли память о ранее применявшейся методике создания колодцев.

подавляющее большинство поздних технических руководств не объясняет целесообразности создания подобных расширенных котлованов. Тем не менее первым циклом колодезных работ непременно является выборка обширного и неукрепленного деревянной обшивкой (?) котлована (Синельников, 1926. С. 23; Зрелов, 1914. С. 22). Его диаметр должен не менее чем вдвое превышать сечение шахты (Snappo, 1908. Чертеж 14). В одном же случае разъяснялось, что это обширное углубление необходимо для сборки в нем заранее заготовленного сруба перед опусканием последнего в шахту (Новгородский. С. 17). Технический смысл создания необшитой деревом выемки здесь также не вполне ясен, но последствия этого инженерного решения в общих чертах все же объясняют причины возникновения воронок.

Первоначальный смысл создания деревянной площадки и образования грунтовой воронки раскрывается только на примере проходки колодезных шахт через плывуны – рыхлые песчанистые отложения, обильно насыщенные водой, характерные для подпочвы лесостепи. В таких случаях на дне перво-

Рис. 77. Конструкция "четырёхкрылой навалки" (по В.А. Зрелову)

начального грунтового углубления создавался заостренный снизу сруб, высотой равный толщине полужидкого грунта. На его верхнем венце крестообразно закрепляли четыре бревна-лаги, соразмерных диаметру первоначальной земляной выемки. А на них настилали доски, оставляя в центре отверстие, равное внутренним габаритам сруба. Такое устройство именовалось "четырёхкрылой навалкой". Затем настил с уровня дневной поверхности засыпался вы-

бранной из первоначальной выемки землей, под тяжестью которой сруб продавливал плывун вплоть до твердого грунта. Полужидкий грунт выбирали из сруба через центральное отверстие (Зрелов, 1914. С. 25–27. Чертеж № 7). На прилагаемом к руководству чертеже настил изображен как восьмиугольник, насчитывавший в поперечнике около 6 м (рис. 77). На самом деле размер настила зависел от высоты слоя плывуна: чем он был выше, тем продавливание требовало большего веса грунта и, соответственно, большей величины опорной площадки.

Для проходки наиболее жидких плывунов методика проходки усложнялась. В таких случаях "навалка" сначала продавливала большой сруб, куда вставляли меньший сруб, также снабженный внешней гидроизоляцией (Зрелов, 1914. С. 28). Этим объясняется происхождение спаренной конструкции Екимаяц и Алчедара, а в колодце золотоордынского времени из Болгара (раскопки 1951 г.) содержалось даже три последовательно впущенных друг в друга сруба (Баранов, 2001. С. 326). В свою очередь борьба с небольшими плывунами требовала "двукрылой навалки", которая соответствовала первоначальной выемке квадратных очертаний. После проходки плывуна сруб опускали до водоносного слоя обычными методами, а над отверстием настила сруб достраивали до удобной высоты.

В этом свете восьмигранная и многослойно сужающаяся книзу деревянная конструкция из Липина представляется результатом последовательного применения нескольких восьмиугольных навалок-настилов. Существующий там мощный и расположенный очень близко к поверхности плывун способствовал быстрому оплыванию стенок первоначального котлована. Поэтому с каждым ремонтом водозаборника размеры "навалки" приходилось увеличивать, что в итоге выстроило древесный тлен в подобие сходящего на конус многоугольника.

Таким образом, устройство первоначальной расширенной выемки и придонного дощатого настила являлось обязательным техническим циклом для проходки через полужидкие плывуны. Вероятно, настил также изолировал содержимое колодца от попадания почвенной влаги, атмосферных осадков и по-

стороннего мусора. Археологически остатки настила прослежены в Белгороде, его следы реконструируются и в Липине. С оплыванием первоначальной выемки ее склоны сглаживались, а множество ремонтных и очистных мероприятий придавало ей округлые очертания. Причиной отсутствия воронковидных углублений на поверхности городищ лесостепи может быть специфика их позднейшей хозяйственной эксплуатации: так исчезли следы прослеженных археологически колодезных воронок в летописном Белгороде, на Билярском городище, а также в Автуничах и Шумлае.

И археологические, и современные срубы одинаково имели венчатую конструкцию квадратных или прямоугольных очертаний (дощатое сооружение известно только в Шумлае). Из древесных пород предпочтение отдавалось бревнам из влагостойкого дуба. В эксплуатационном плане предусматривалась и конструктивная возможность ремонтной замены отдельных срубных элементов (*Синельников*, 1926. С. 32; *Бломквист*, 1956. С. 288). В древности и сейчас промежутки между срубами и шахтой тщательно изолировали от просачивания в колодец посторонней и некачественной влаги (Автуничи). В Биляре глиной промазывали и пазы между венцами, а бревна обмазывали известково-цемяночной штукатуркой (*Шарифуллин*, 1979. С. 102). Схожее решение рекомендовали и позднейшие технические инструкции.

На дне на уровне искомого водоносного слоя пространство между стенками шахты и срубом из фильтрационных соображений заполнялось песком, досками, щебнем и древесной щепой (Шумлай, Биляр). В поздних технических руководствах эта часть именовалась коробчатым отстойником: колоколовидно расширявшиеся отстойники были особенно необходимы при изготовлении мелких колодцев, накапливавших менее качественную воду.

Таким образом, не менее тысячелетия назад на Руси сложилась применимая в различных почвенно-геологических условиях сложнейшая методика устройства водозаборников, которая оказалась настолько глубоко разработанной, что практически без изменений сохранилась до наших дней.

Нетипичные формы крепостной защиты

Как отмечалось во вступительном ознакомлении с типами древних укреплений и их защитными элементами, все вышесказанное относилось к защитным сооружениям однорядной планировочной структуры, что характерно для древнерусской фортификации. На деле некоторые городища, содержащие культурные отложения одной или нескольких исторических эпох, наделены грунтовыми приметами, которые в специальной литературе трактуются не всегда однозначно. Изучение применимости некоторых из спорных защитных форм, дошедших до нас в виде валов и рвов, несомненно, может оказаться полезным.

Порой за один из элементов древнерусской крепостной защиты принимают сопровождаемые рвами *валообразные возвышения*, отрезающие пологие стрелки береговых мысов. Считается, что это остатки укреплений, появившихся в VIII–X вв. и продолжавших бытовать в последующий период (*Раппопорт*, 1956. С. 29, 30). С их применением связывали и особый этап сложения защитного комплекса летописных городов Чернигово-Северской земли (*Коваленко*, 1988. С. 7).

Сомнения в принадлежности дополнительных мысовых преград к фортификации XI–XIII вв. возникли в результате изучения памятников Посулья. Среди них городище Боярское оказалось единственным примером однослойного древнерусского сооружения с мысовым понижением, но шурфовка не выявила там следов укреплённости. В противовес этим наблюдениям мысовые валы встречены на многослойных памятниках летописных городов Попаша, Красна (Красный Колядин), Лукомля и на безымянных городищах Медвежье и Свиридовка, которые содержат позднескифские, северянские и древнерусские напластования.

Если же взглянуть шире, то можно обнаружить, что на левобережье Днепра мысовые валы фиксируются на однослойных скифских городищах (*Ляпушкин*, 1961. С. 55; *Моруженко*, 1985. С. 161, 167), есть они и на укреплениях юхновской культуры. С.А. Плетнева считает их типичными для салтовского крепостного строительства (1964. С. 28, 29). Согласно А.М. Губайдуллину, мысовые преграды из салтовского Подонья были заимствованы Волжской Болгарией, где также получили широкое распространение (2002. С. 32). Но, как и в Посулье, на всем Днепро-Левобережье И.И. Ляпушкин не обнаружил однослойных древнерусских городищ с валами на понижающихся стрелках (1961. С. 322, 323, 327, 329, 330, 334).

Эти наблюдения заставляют внимательнее отнестись к гипотезе П.А. Раппопорта. Оказывается, приведенные в качестве доказательства его версии горо-

дища летописного Донца и Гримовское на Припяти также содержат напластования различных эпох. Равным образом многослойными были и предложенные В.П. Коваленко эталонные памятники его типологии черниговских крепостей. Согласно подробным изысканиям А.В. Кузы, городище Воротынского содержит культурные остатки мощинской культуры IV–VII вв., а в Росуси и Кветуни хорошо известны напластования юхновской культуры (1996. С. 131, 105, 103, 104). Единственным древнерусским памятником со следами мысовой защиты могли бы стать Холки на Осколе, но в буквальном смысле и его нельзя считать однослойным – там встречена керамика, близкая к салтовской, а также материалы второй половины XIII – XIV в.

Таким образом, к датировке мысовых валов XI–XIII вв. следует относиться с осторожностью: бесспорных оснований для этого пока нет.

Под этим углом зрения можно рассмотреть и применение *эскарпов*. Выше было показано, что их широко использовали в крепостном строительстве позднескифского культурного круга и при устройстве укреплений салтово-маяцкой культуры Подонья в VIII–X вв. Практически одновременно их применение помогало славянам увеличивать боеспособность оборонительных сооружений по всей лесостепи. В X–XIII вв. эскарпы стали типичным элементом крепостей Волжской Болгарии, но из общерусского фортификационного оборота они вышли в конце X – начале XI в. Тем не менее они известны на многослойных памятниках лесостепной зоны, в том числе содержащих и напластования конца XI – XIII в., и это побуждает присмотреться к ним внимательнее (*Моргунов*, 2001). Рис. 78.

Произвольное толкование эскарпов повторного использования на многослойных памятниках может привести к очевидным ошибкам. Поэтому необходимо ввести в анализ более жесткие критерии, позволяющие точнее оценить степень их использования в древнерусский период.

Важнейшим критерием служит понятие об однослойных укрепленных поселениях, содержащих культурные напластования единственного культурно-исторического круга (условно назовем их однослойными городищами). Оно надежно разграничит широкий массив внешне схожих памятников на хронологические пласты. Тогда на одном полюсе изысканий отложится количественно усеченная, зато реальная схема применения эскарпов в XI–XIII вв., ограниченная лишь степенью изученности культурных напластований. А на другом полюсе останется большая группа городищ с недатированными остатками этих преград. Среди них обязательно окажутся укрепления привычной для Руси защитной конфигурации, в рельефе которых сохранились грунтовые следы фортификации, к примеру, раннего железного века или северянского времени. На этот полюс попадут и примеры частично обновленной в XI–XIII вв. эскарповидной защиты и древнерусские открытые поселения, возникшие в пределах оплывших руин давно погибших городов (*Моргунов*, 2006. С. 160–173).

Картографирование однослойных городищ с эскарпами указывает на их неравномерное распределение по территории Руси. Памятники, содержащие напластования исключительно X в., встречаются на севере (Мда, Андреаполь),

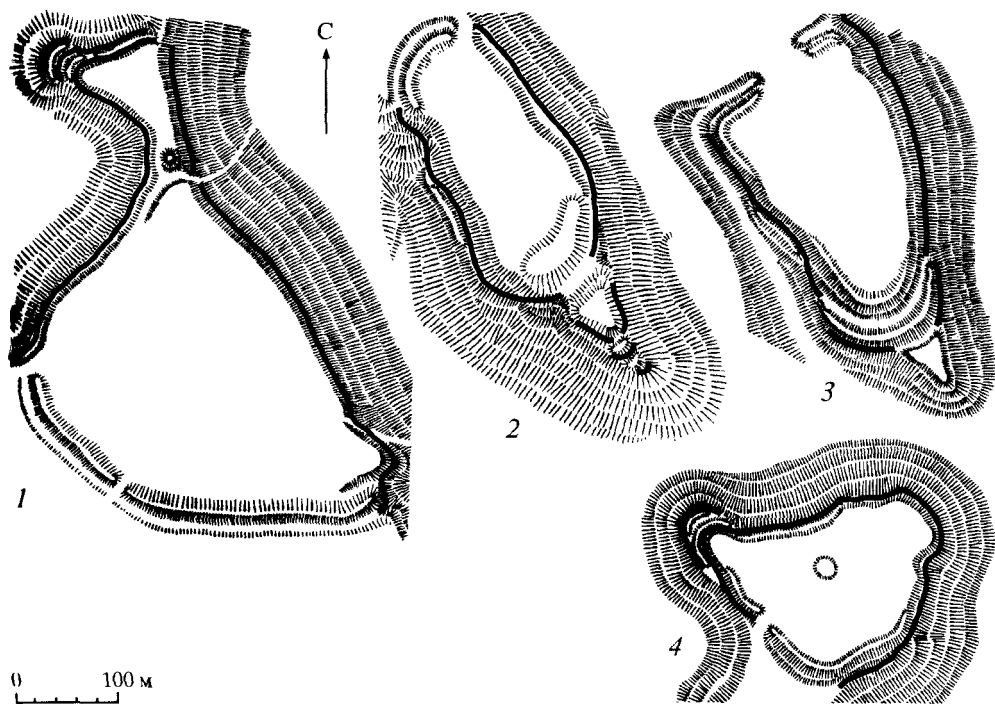

Рис. 78. Эскарпы различной мощности на многослойных укрепленных поселениях Посулья. Обозначены черной линией

1 – Свиридовка; 2 – Засулье, городище Гульбище (летописный Попаш); 3 – летописный Лукомль; 4 – Хитцы

юго-западе (Белов, Листвин) и близ Киева (Пирогово, Заречье, летописный Витичев) и соответствуют наблюдениям П.А. Раппопорта. Наряду с этим неожиданно в Посулье обнаружилась группа однослойных укрепленных поселений XII–XIII вв. с подрезанными склонами (*Моргунов, 2000. С. 30, 34*). Рис. 79. Позже обширный массив исключений из проверенной временем схемы П.А. Раппопорта обнаружился на всем лесостепном Юге. Он составляет 29 однослойных эскарпированных крепостей (условно обозначим их как укрепления типа 1). Рис. 80.

Большинство подобных городищ расположено в междуречье рек Стугна – Рось – Днепр – традиционном черноклобуцком ареале летописных источников или же окаймляет его периметр. В литературе эта территория известна как Поросье, а его летописное наименование – Перепетово поле. На левобережье Днепра множество таких городищ размещено близ Переяславля Русского, где, согласно летописным сведениям, проживали и располагали "городами" Баручем и Бронь Княжим (городища Петровка и Новый Быков) "переяславские" торки; близ Сакова в письменных источниках упоминались турпеи. Другая часть укреплений входила в состав Посульской защитной линии. Еще четыре схожих

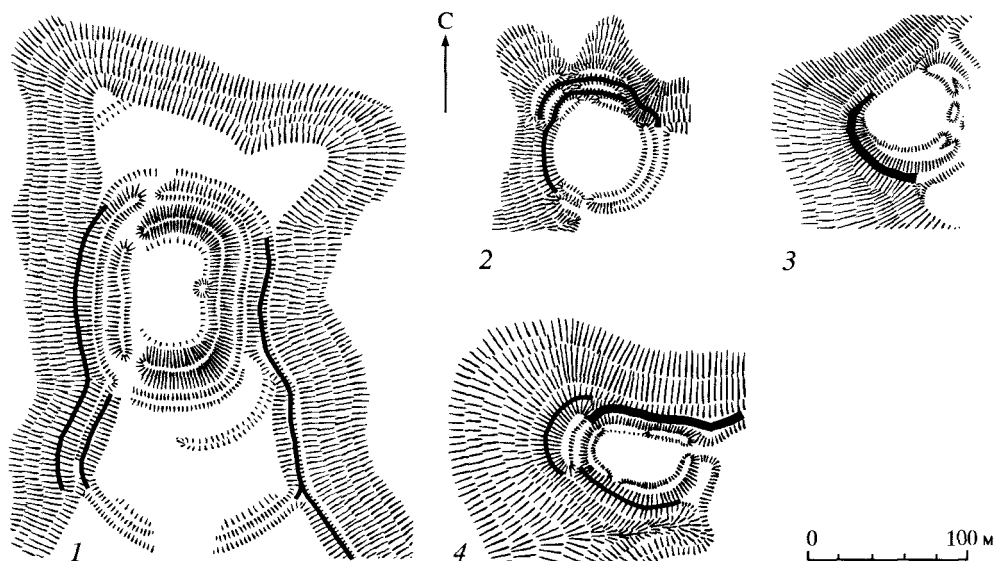

Рис. 79. Эскарпы различной мощности на однослойных укрепленных поселениях XII–XIII вв. в Посулье. Обозначены черной линией

1 – Бербеницы; 2 – Лохвица 2 (Высокие Лазирки); 3 – Бабаково; 4 – Великая Буримка 2 (Городок)

городища обнаружены на левом берегу верхнего Днестра. В Восточной Во­лыни подобные укрепления представлены южным городищем Возвягля. К ним можно отнести летописные Котельнич и Райковецкое городище (обнаружен­ный на этих памятниках древнерусский материал количественно настолько до­минирует, что их также можно считать однослойными).

Таким образом, особенности размещения городищ типа 1 позволяют гипо­тетически связать их с известным по летописным источникам расселением вы­ходцев из степей в лесостепном приграничье Южной Руси.

В отличие от обычных древнерусских крепостей, значительная часть лучших изученных скоплений подобных укреплений тяготела к обширным маловодным пространствам, возможно, намеренно отделенных от земледельческих поселений. На Правобережье это Перепетово поле, а на Левобережье – массивы солонцеватых земель, с которыми нередко связано рас­селение недавних кочевников. В свое время это было блестяще показано А.К. Зайцевым на примере размещения ковуев черниговского Задесенья (Зайцев, 1975. С. 79).

Это относится и к поречью Супоя. В период печенежской экспансии на юго­востоке Руси создание пограничного со степями рубежа началось с нижней Сулы. Между ней и "русским" течением Трубежа пролегла маловодная и сла­бозасоленная полоса супойского плато (180 × 80 км), которая для земледелия была непригодна. В конце XI в. ее начали осваивать переселенные из степей

"перяславские" торки. В 1125 г. они обладали "городами" Баручем и Бронь Княжим (Моргунов, 1998. С. 37, 38; 2000. С. 28, 29, 32).

Другой пример – заселенный степняками массив слабозасоленных почв прибрежья р. Сулицы с лугово-солончаковой растительностью. Размещенный рядом летописный Синец в Никоновской летописи упомянут как "митрополичий город Синелец" (Грушевский, 1992. С. 356). Очевидно, концентрация церковнослужителей была вызвана нуждами христианизации значительного скопления "своих поганых" (т.е. некрещеных). Распашка подобных угодий для оседлого русского населения была нерентабельна, но это не мешало развитию там коневодства и овцеводства – основы хозяйства выходцев из степей. Недаром этот район в письменных источниках XVI в. известен как "земля Чобановская", а в XIX в. в Полтавской губернии только на солончах выращивали особые породы серебристых густошерстных овец (Моргунов, 2003. С. 172).

В приграничных зонах в размещении подобных укреплений угадывается удобство контролирования следовавших в метрополию коммуникационных путей. В случае проникновения половцев в русские тылы (и по их возвращении с "полоном") там могли эффективно использоваться исконные военные навыки легкой конницы федератов Руси. Примером этого служит крепость Бербеницы, устроенная на древней дороге, ведущей от Лохвицы на Переяславль и Киев.

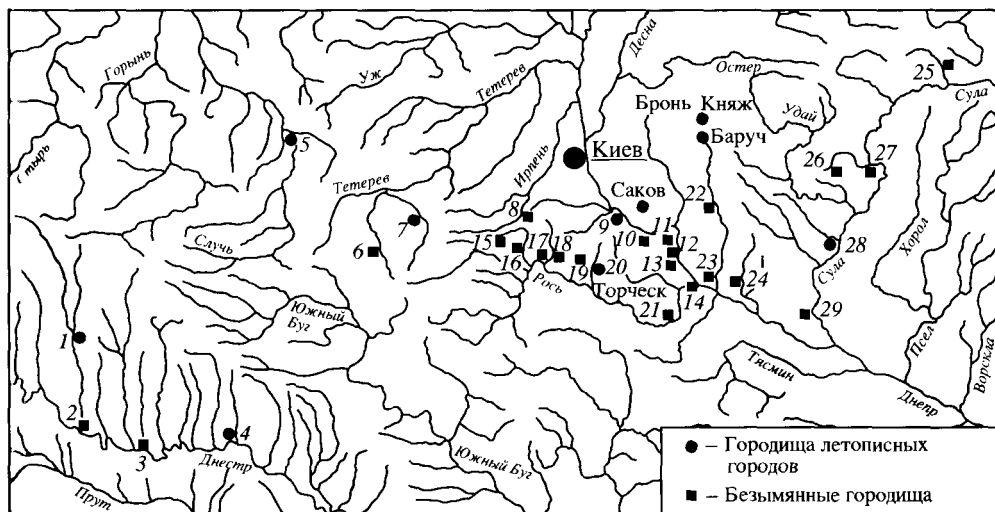

Рис. 80. Распространение однослойных укрепленных поселений XI–XIII вв. с эскарпами (лет. – летописный)

1 – лет. Теревовль; 2 – Устье; 3 – Великая Слободка; 4 – лет. Калиус; 5 – лет. Возвягль (южное городище); 6 – Райковецкое городище; 7 – лет. Котельнич; 8 – Великая Снетинка; 9 – Витачев 2 (лет. Святополч); 10 – Ульяники; 11 – Малый Букрин; 12 – Бучак 2 (Григоровка); 13 – Тростянец (Трищенцы); 14 – Пекари 1 (Княжая Гора); 15 – Трилесья; 16 – Великополовецкое; 17 – Белая Церковь 1 (Палиева Гора); 18 – Песчаное; 19 – Чепилиевка 1; 20 – Шарки (лет. Торческ); 21 – Набутов; 22 – Ташань; 23 – Бубновская Слободка; 24 – Золотоноша; 25 – Бабаково; 26 – Бербеницы; 27 – Лохвица 2 (Высокие Лазирки); 28 – лет. Снепород; 29 – Великая Буримка 2 (Городок)

Непосредственно на оборонительной линии такие укрепления были пунктирно вкраплены в цепочку русских крепостей. Тем не менее, как показывает местоположение Городка (пригород летописного Римова), их все же несколько оттягивали от передовой. Была обособлена от открытых поселений окружения летописного Выханя и небольшая крепость Бабаково. Ее разместили на краю маловодного водораздела по дороге, следовавшей от известного вырского "стенного коридора", торного половецкого пути из степей на Русь.

В целом эскарпированным крепостям Посулья свойственна значительно лучшая защищенность, нежели наблюдалась у ранних мысовых (к примеру, северянских) укреплений. Характерным стало резкое преобладание оборонительной значимости искусственных преград над естественными, на что показывает объем и размещение стеновых руин. Для XII в. типично и более прогрессивное уменьшение опоры на защитные свойства береговых мысов, которые в Бабаково и Высоких Лазирках использовались лишь частично, а в Бербеницах была укреплена не оконечность, а срединная часть мыса. Кроме того, для военного зодчества этого времени характерно стремление придать защитным сооружениям округлые в плане очертания, что нетипично для более ранних эпох (*Моргунов, 1986*).

Функционально изменилось и применение береговых подрезок: пунктирно прерывающиеся отрезки эскарпов невелики по размерам и протяженности, поэтому их защитные свойства стали минимальными. В Бербеницах и Снепороде подрезались столь крутые склоны, каких не "улучшали" и северяне. Это, скорее, дань традиции, чем жизненно важная необходимость. Кроме того, в краевых валах эскарпов начали проследиваться следы срубов, типичных для оборонительного строительства X–XIII вв. (*Плетнева, Макарова, 1965. С. 56; Федоров, 1968. С. 85; Блажевич, 1976. С. 18; Иванченко, 1990. С. 136*). Эти наблюдения показывают, что эскарпирование береговых склонов в конце XI – XIII в., возродившись в локальных скоплениях приграничных оборонительных сооружений, представляло собой нетипичное явление в общерусской фортификации.

Многорядные линии напольных укреплений (тип 2) в свое время также считались типичными для городищ X–XIII вв. (*Раппопорт, 1967. С. 18, 22*). Рис. 81. Между тем в лесостепи они часто встречаются и на позднескифских однослойных памятниках (*Ляпушкин, 1961. С. 52, 78, 79 и т.д.; Моруженко, 1975. С. 135; 1985. С. 161, 167*). На территории, прилегавшей к южному пограничью, в современных Брянской, Калужской, Курской и Смоленской областях России подобные защитные элементы содержат 91 городище верхнеокской, днепро-двинской, дяковской, мощинской, почепской, тушемлинской и юхновской культур раннего железного века.

Из них на двух укреплениях (Долгий Колодезь 4 и Погореловка 2) эти напластования предшествовали отложениям роменской культуры, но на однослойных северянских укреплениях такая защитная форма не встречалась (*Краснов, 1992; Краснов и др., 1997; 1997а; Кашкин, 1993; 1998; 2000*). В Хохловке, кроме ранних материалов, были встречены находки XVI–XVII вв. (*Кашкин, 2000. С. 160–161*), а городище Плоское целиком относилось к XIV–XVII вв. (Там же. С. 120).

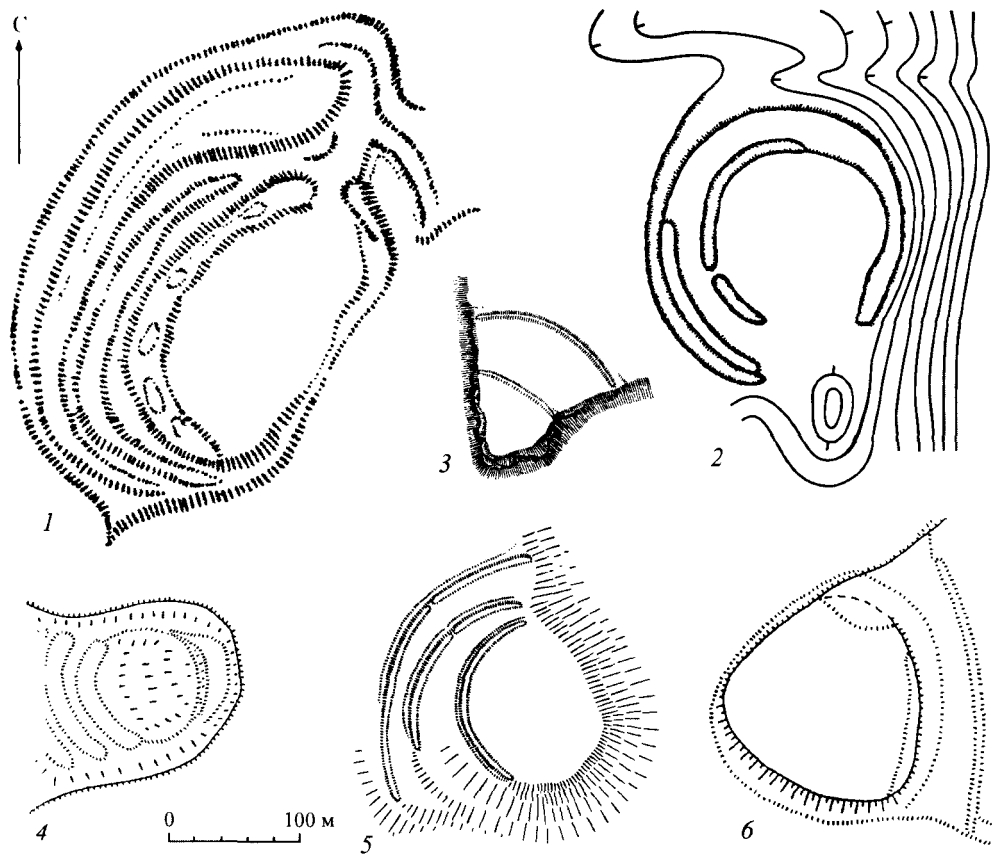

Рис. 81. Планы городищ с многорядными напольными укреплениями

1 – Кудинка; 2 – Колодяжин; 3 – Хребтиев; 4 – Великие Коровинцы 1; 5 – Великий Карабчев; 6 – Саварка (по В.К. Гончарову, М.П. Кучере, П.А. Раппопорту и К.И. Терещуку)

Это показывает, что преграды типа 2 применялись и в позднее средневековье (оба укрепления имели в плане подпрямоугольные очертания, а городище Плоское имеет множество аналогий среди крепостей Белгородской засечной черты).

На городище Комаровка в Курской области поверх культурных отложений раннего железного века и роменской культуры встречен материал XI–XIII вв. А на крохотном (14 × 9 м) городище у с. Березинка (Шапырево) в Смоленской области древнерусский материал соседствует с роменским (Краснов и др., 1997а. С. 73). Похоже, что двойными напольными преградами был защищен поселок единственного однослойного древнерусского городища Осовик в Брянской области (Кашкин, 1993. С. 201). Любопытно, что М.П. Кучера при изучении укрепленных поселений Украины также отмечал, что многорядные напольные преграды типичны для культур раннего железного века. Но из-за их слабой изученности исследователь отнес их к древнерусским (Кучера, 1999. С. 45).

За пределами Руси в предшествующую древнерусскому времени эпоху преграды типа 2 были характерны для салтовских крепостей (*Плетнева, 1967. С. 60; Афанасьев, 1987. С. 103*). Позже они использовались градостроителями Волжской Болгарии (*Фахрутдинов, 1969. С. 231, 232; Белорыбкин, 1985. С. 113*) и отчасти – Северного Кавказа (*Ковалевская, 1981. С. 270. Рис. 92, 6*).

И вновь привлечение однослойных памятников позволяет выделить в южнорусской лесостепи пласт из 26 городищ второго типа, датированных исключительно концом XI – XIII в. Они компактно концентрируются в прослеженных выше скоплениях аномальных укреплений (рис. 82).

Условность отождествления памятников двух вышеописанных типов с укреплениями степных переселенцев была устранена археологическими исследованиями двух городищ, разделенных пятьюстами километрами. Это памятник летописного Святополча (южное городище у с. Витачево на Днепре) и Холки на р. Оскол, которые от синхронных русских укреплений конца XI – XIII в. отличались наличием эскарпов и многорядными линиями напольных валов и рвов. Такое сочетание объединило в единый массив две аномальные градостроительные особенности.

Исследователями подчеркивалось, что эти защитные элементы не свойственны общерусской фортификации, но были типичным атрибутом салтовско-маяцких крепостей Подонья. С.А. Плетневой был остроумно реконструирован путь появления на Руси нетипичных защитных элементов: в IX в. мобильная часть донских алано-болгар вместе с печенегами откочевала на запад и позже вошла в состав печенежско-торческого союза племен Поросья. Там, оседая на землю, недавние степняки возводили крепости, используя давние строительные приемы. Другая часть "салтовцев" осталась в лесостепном Подонье, где в XII в. их потомки приняли участие в сложении позднейшей русской приграничной зоны (*Плетнева, Макарова, 1965. С. 60*).

В Святополче и Холках прослежены и другие атрибуты жизни степняков: следы юртообразных построек с очагами, дополнение русских срубных стен частоколами и плетнями. В Холках использовалась и керамика, восходящая к алано-болгарским прототипам (*Плетнева, 1964. С. 29; Плетнева, Макарова, 1965. С. 55–57, 60; Винников, 1990. С. 24–26; Винников, Кудрявцева, 1998. С. 52, 62*).

Обстоятельства возникновения близ Киева очага степного расселения живо описаны в Повести временных лет: после половецкой осады 1095 г. жители пограничного Юрьева разбежались, и великий князь Святополк Изяславич велел построить на берегу Днепра город "в свое имя" и "повелъ епископу Мрину съ юргевци състи ту, и засаковцем" (ПСРЛ. Т. 1. С. 229). Остатками летописного Святополча является южное городище у с. Витачево. Под "юрьевцами" принято понимать смешанное русско-черноключуцкое население поросского городища Юрьева. На городище этой крепости (Замковая Гора в Белой Церкви) кочевнических артефактов нет, но они известны на расположенном рядом Яблунском могильнике (*Орлов и др., 1985. С. 32–49, 55*). Может быть, поэтому позже рядом с Юрьевом для степняков было построено эскарпированное укрепление на Палиевой Горе. Кроме "юрьевцев", родственной им ветвью "своих поганых" являлись обитатели окрестностей левобережного г. Сакова – расселенные здесь

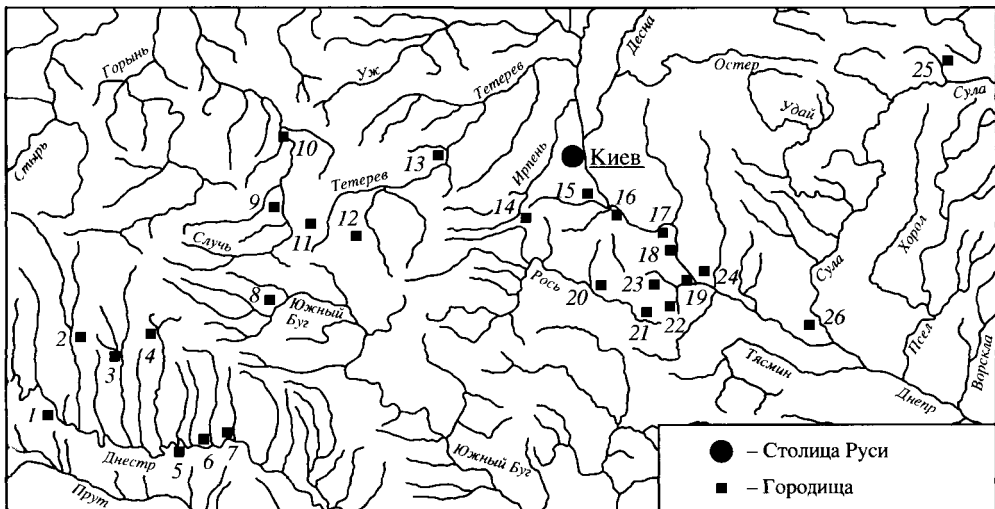

Рис. 82. Карта размещения однослойных городищ XI–XIII вв. с многоярдыми напольными валами (лет. – летописный)

1 – Городища; 2 – лет. Тербовль; 3 – Мушкатовка; 4 – Большой Карабчиев; 5 – Хребтиев; 6 – Малиновцы; 7 – Калиус; 8 – Кудинка; 9 – лет. Колодажин; 10 – лет. Возвягль; 11 – Довбыши; 12 – Великие Коровинцы 1; 13 – Бельковцы; 14 – Великая Снетинка; 15 – Старые Безрадичи; 16 – Витачев 2; 17 – Малый Букрин; 18 – Бучак 2 (Григоровка, урочище Городок); 19 – Пекари 1; 20 – Саварка; 21 – Корсунь-Шевченковский; 22 – Сахновка; 23 – Пилява; 24 – Бубновская Слободка; 25 – Бабаково; 26 – Клещинцы

племена турпеев (*Расовский*, 1933. С. 15). А епископ Марин, видимо, был необходим для христианизации значительного скопления язычников. В схожей ситуации на Суле возник "митрополичий город Синелец".

Третий тип необычных для Руси укреплений, это **многорядно-концентрические городища** округлых и полукруглых очертаний, со всех сторон обведенные несколькими линиями валов. Они встречаются на слабо выраженных мысах, на краях береговых плато и на ровной местности, порой отличаясь значительной площадью. Особенностью западной группы таких городищ являются широкие кольцевидные площадки, разделяющие ряды валов и рвов, – по мнению исследователей, это весомо увеличивало эффективность оборонительной зоны.

Подобные городища считаются особой волыньско-болоховской формой оборонительного зодчества XII–XIII вв. (*Pannonopt*, 1967. С. 48, 72). Рис. 83. Раскопки последних десятилетий показали, что валы летописного Изяслава на Горыни, Колодажина, Губина и Городища на р. Згар являются руинами двухсрубных крепостных стен, некоторые из них разрушены по настоянию монгольских военачальников. Тем не менее в остатках стеновых осипей были изучены следы жилых и хозяйственных клетей с разнообразным бытовым инвентарем и дажекладами.

Применительно к территории Украины М.П. Кучерой были изучены 103 многослойных памятника с укреплениями второго и третьего типов, в том числе содер-

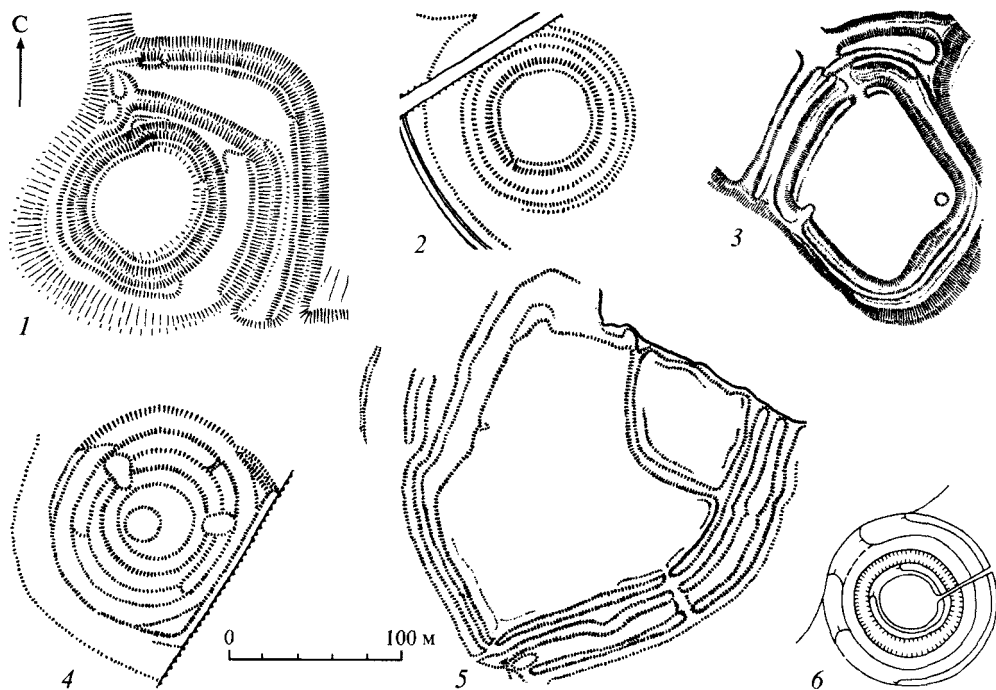

Рис. 83. Планы городищ с многоядро-концентрической системой укреплений

1 – Разино; 2 – Виненцы; 3 – Большие Деревичи; 4 – Каленики; 5 – летописный Изяславль; 6 – городище на р. Свинолуژه

жашие и материалы VIII–XIII вв. Обобщенно исследователь счел их остатками укреплений железного века, которые были вторично использованы в древнерусскую эпоху (Кучера, 1999. С. 45–50). К сожалению, в этой обобщенной подборке нет подробных сведений о более ранних напластованиях. Поэтому работа не отражает действительной картины распространения этого градостроительного принципа в древнерусское время.

Беглый анализ встречаемости однослойных памятников третьего типа в общих чертах подтверждает наблюдения М.П. Кучеры. В лесной зоне они хорошо известны среди укреплений юхновской (Кашкин, 1993. С. 106, 142, 150; 1998. С. 223) и днепро-двинской культур (Краснов и др., 1997. С. 163, 168, 190; 1997а. С. 81, 171 и т.д.). В киевском Полесье такими особенностями отличались городища милоградской археологической культуры (Кучера, 1976в. С. 91).

В лесостепи широкие площадки между рядами напольных и концентрических валов известны со скифского времени. Но на самом деле укрепления типа 3 были распространены гораздо шире. В раннесредневековое время ими обустроивали расположенные далеко к востоку и юго-востоку от Руси среднеазиатские центры. Позже они применялись в крепостях Закавказья, приморского Дагестана, окраин Хазарии. Для изучаемого времени подобные укрепления обычны в Волж-

ской Болгарии, а в Средней Азии они встречаются на Сырдарье и в Семиречье (Моруженко, 1975. С. 135; 1985. С. 161–167; Воронина, 1959. С. 93; Фахрутдинов, 1969. С. 231, 232; Ковалевская, 1981. С. 270. Рис. 92, 6; Белорыбкин, 1985. С. 115–117; Измайлов, 1985. С. 15–17; Афанасьев, 1987. С. 103; Смирнов, 1981. С. 210. Рис. 75, 77; Моця, Халиков, 1997. С. 40, 143, 146, 160, 168; Беленицкий и др., 1973. С. 193, 209). А.М. Губайдуллин считает такую защитную систему классической для фортификации Волжской Болгарии. Ее раннесредневековые корни исследователь находит в укрепленных поселениях Маргианы и Хорезма, а средневековые – в древностях Южной и Западной Сибири, Казахстана и салтовомаяцких крепостях Дона (Губайдуллин, 2002. С. 18, 19, 31).

Столь широкий хронологический и территориальный диапазон применения защитных преград типа 3 вновь заставляет прибегнуть к поискам однослойных древнерусских городищ XI–XIII вв. В итоге на карту легло 27 памятников, во многом подтвердивших мнение П.А. Раппопорта о том, что в Северной и Центральной Руси подобные сооружения не строились. Их максимальное скопление (13 объектов) известно в Восточной Волыни и древней Болоховской земле. В Поросье обнаружилось восемь подобных памятников, на Левобережье – пять, а в Поднестровье – лишь один (рис. 84).

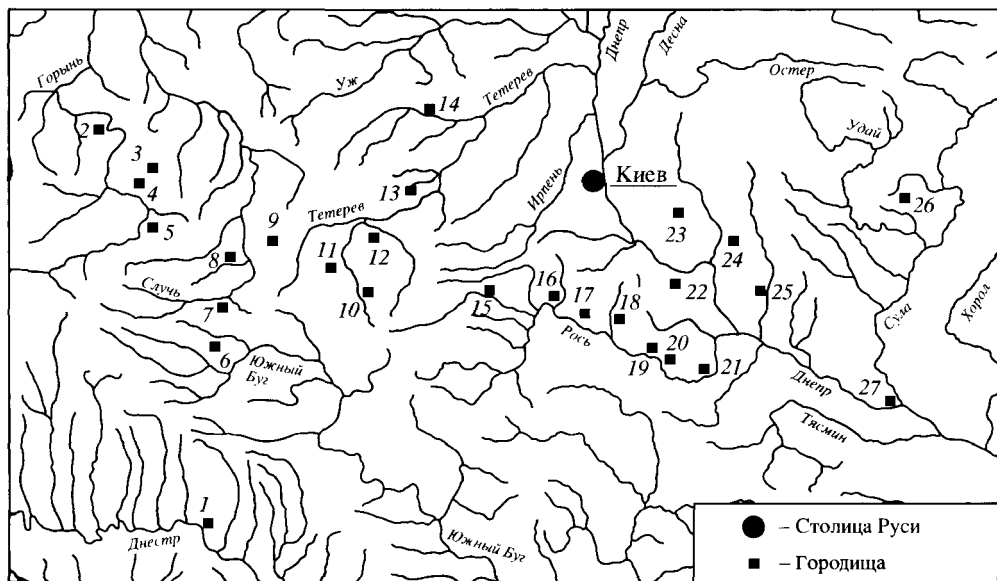

Рис. 84. Карта размещения однослойных городищ XI–XIII вв. многоважно-концентрической планировочной структуры (лет. – летописный)

1 – Галица (с. Непорогово); 2 – лет. Дорогобуж; 3 – Глубочок; 4 – Кураж; 5 – лет. Изяславль на Горыни; 6 – Тележинцы; 7 – лет. Губин; 8 – Большие Деревичи; 9 – станция Разино; 10 – Жезлев; 11 – Великие Корвинцы 2; 12 – Городище на р. Коденке; 13 – Городище на р. Свинолуже; 14 – Корчевка; 15 – Буки; 16 – Белая Церковь (Палиева Гора); 17 – Чепилиевка 1; 18 – Шарки; 19 – Половецкое; 20 – Николаевка; 21 – Набутов; 22 – Ульяники; 23 – Иванков; 24 – Виненцы; 25 – Каленики; 26 – Бербеницы; 27 – лет. Воишь

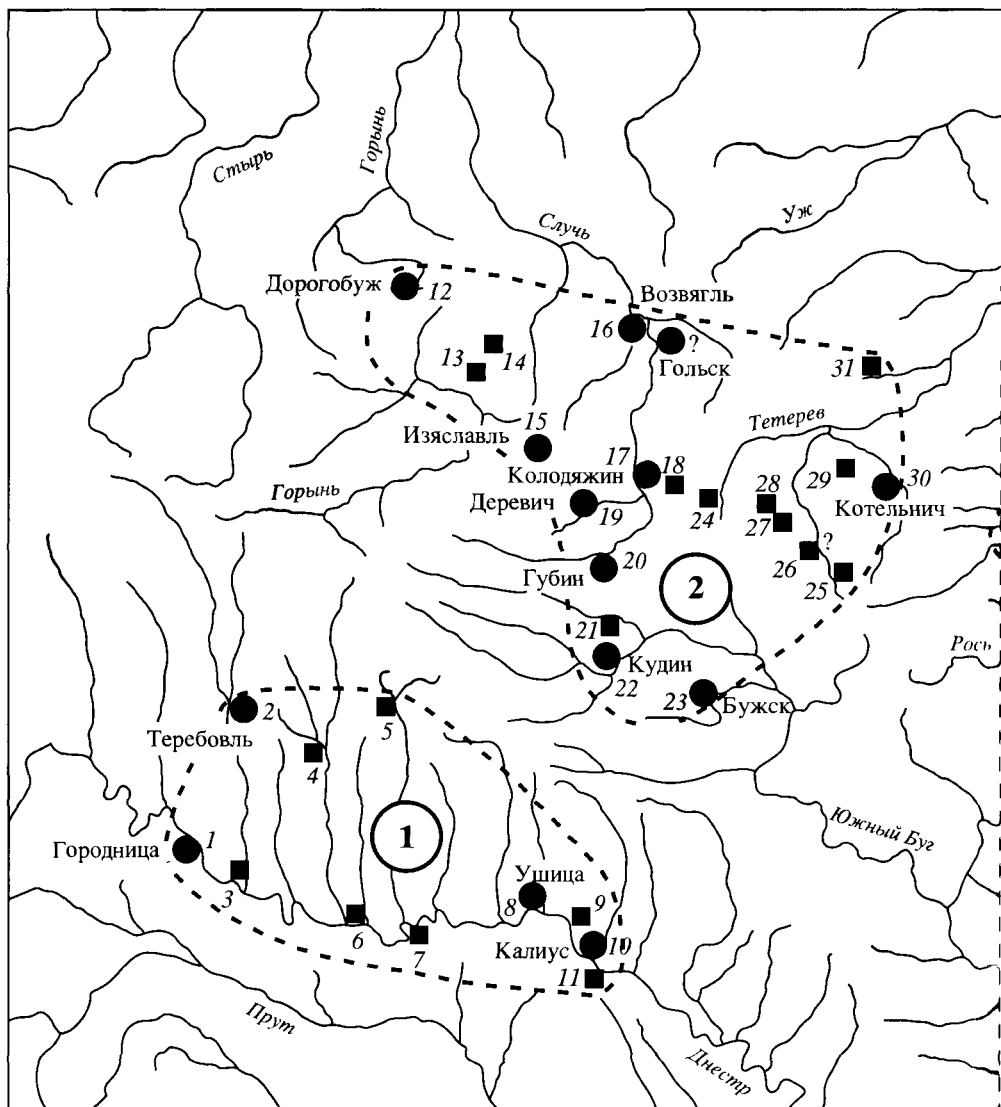
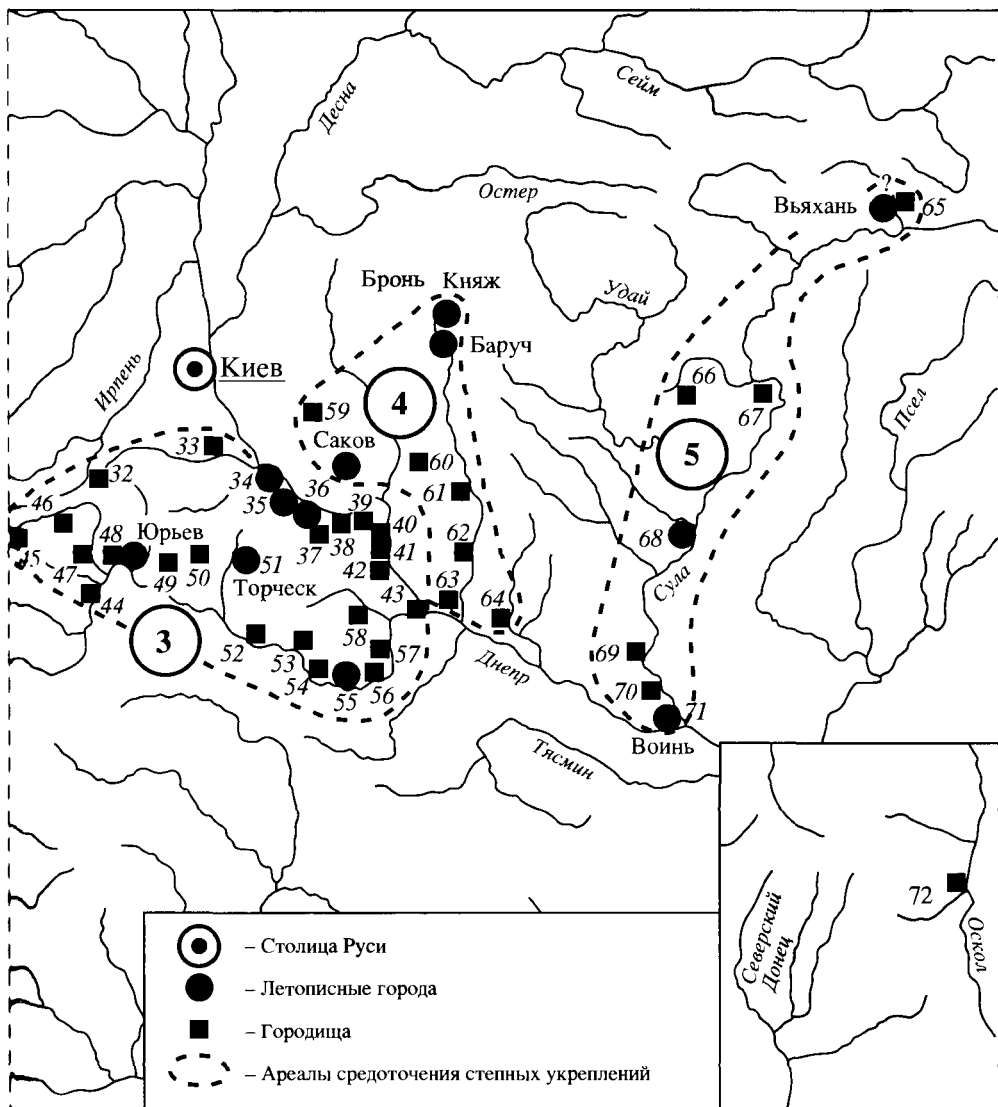

Рис. 85. Сводная карта однослойных городищ конца XI–XIII в. с элементами степной фортификации. 1 – Поднестровье; 2 – Волынь; 3 – Поросье; 4 – Переяславщина; 5 – Посулье (лет. – летописный)

1 – Городница; 2 – лет. Тербовль; 3 – Устье на р. Серет; 4 – Мушкатовка; 5 – Великий Ка-
рабчев; 6 – Великая Слободка; 7 – Малиновцы; 8 – лет. Ушица; 9 – Хребтиев; 10 – лет. Калиус;
11 – Галица; 12 – лет. Дорогобуж; 13 – Кураж; 14 – Глубочок; 15 – лет. Изяславль; 16 – лет. Воз-
вягль; 17 – лет. Колодяжин; 18 – станция Разино; 19 – лет. Деревич; 20 – лет. Губин; 21 – Теле-
жинцы; 22 – лет. Кудин; 23 – лет. Бужск; 24 – Довбыши; 25 – Жежелев; 26 – Райки; 27 – Великие
Коровинцы 1; 28 – Великие Коровинцы 2; 29 – Городище на р. Коденке; 30 – лет. Котельнич.

1/ – Городище на р. Свинолуже; 32 – Великая Снетинка; 33 – Старые Безрадичи; 34 – лет. Святополч; 35 – лет. Иван (Ржищев); 36 – лет. Чучин; 37 – Ульяники; 38 – лет. Ходоров; 39 – Малый Букрин; 40 – Бучак 1; 41 – Бучак 2; 42 – Тростянец; 43 – Пекари 1, Княжая Гора; 44 – Малая Скнирка; 45 – Буки; 46 – Трилесы; 47 – Великополовецкое; 48 – Белая Церковь (Палиева Гора); 49 – Песчаное; 50 – Чепилиевка 1; 51 – лет. Торческ; 52 – Саварка; 53 – Половецкое; 54 – Николаевка; 55 – лет. Корсунь; 56 – Набутов; 57 – Сахновка; 58 – Пилява; 59 – Иванков; 60 – Виненцы; 61 – Ташань; 62 – Каленики; 63 – Бубновская Слободка; 64 – Золотоноша; 65 – Бабаково; 66 – Бербеницы; 67 – Лохвица 2; 68 – лет. Снепород; 69 – Великая Буримка 2; 70 – Клешицы; 71 – лет. Воинь; 72 – Холки

Весьма существенно, что нетипичные для русской фортификации защитные элементы трех указанных типов концентрируются более или менее компактными ареалами. Эти регионы плотно соприкасались с южными пределами Руси, что в трех случаях соответствует летописной информации. Очевидно, это явление одного порядка, следы особого фортификационного пласта, созданного при участии или непосредственно выходцами из степей. С известной долей условности его можно назвать "степным". В целом насчитывается 72 подобных памятника. Вероятно, к ним следует добавить такие летописные города, как Гольск на Случи, где керамика раннего железного века и IX–XI вв. представлена в незначительном количестве (Кучера, 1982. С. 75, 77), возможно, Выхань и археологически малоизученные Бронь Княж, Баруч и Саков (рис. 85).

В целом складывается следующая картина. На юго-западе Руси отдельным скоплением сконцентрированы нетипичные городища верхнего течения Днестра, вероятно связанные с Поднестровской защитной линией Галицкой Руси (Тимошук, 1982. С. 86, 87). Наиболее обширным является восточно-волинский ареал схожих укреплений, построенных в верховьях Тетерева, Южного Буга, Случи и Горыни. Центральное место в нем занимают компактно размещенные по течению р. Случи укрепления "болоховского" типа, который давно считается конструктивно самостоятельной и территориально обособленной группой оборонительных сооружений. К югу от Киева наиболее плотно такие укрепления строили по периметру Перепетова поля, достаточно компактно они сосредоточены и в восточных окрестностях Переяславля. А с востока русские земли ограждались Посульской оборонительной линией, где нетипичные укрепления перемежались с русскими форпостами.

Существенно, что в составе укреплений "степные" защитные элементы применялись в различных сочетаниях (см. Приложение 4).

Так, из 28 городищ первого типа только на половине объектов эскарпы являлись единственной "степной" приметой. Среди памятников второго типа доля применения подрезок заметно ниже, а на поросских укреплениях эскарпы использовались единично (Белая Церковь 1, Чепилиевка 1, Шарки, Ульяники и Бербеницы) и играли второстепенную защитную роль. На Волини доминировали обширные многоярядно-концентрические крепости, а в Поднестровье преобладали сооружения второго типа. В регионах, прилегающих к Киеву, больше элементов первого типа, а в Поднестровье вдвое преобладают укрепления второго типа. Ближе к Киеву городища отличаются меньшими размерами, а среди преград третьего типа здесь отсутствуют широкие промежутки между рядами валов и рвов. Возможно, эти различия определяются особенностями и фортификационными предпочтениями степных племен, привлеченных на русскую службу (рис. 86).

Различна и взаимосвязь городищ с окружающим рельефом. Классически мысовыми (когда, кроме эскарпов, мысы укреплялись только дугами напольных валов) являются 70% памятников первого и второго типов. Площадкам мысовых укреплений с эскарпами были приданы округлые очертания в 30% (Великополовецкое, Великая Буримка 2, Лохвица 2 и т.д.). На памятниках второго типа закругление площадок и отступление от мысов прослеживаются чет-

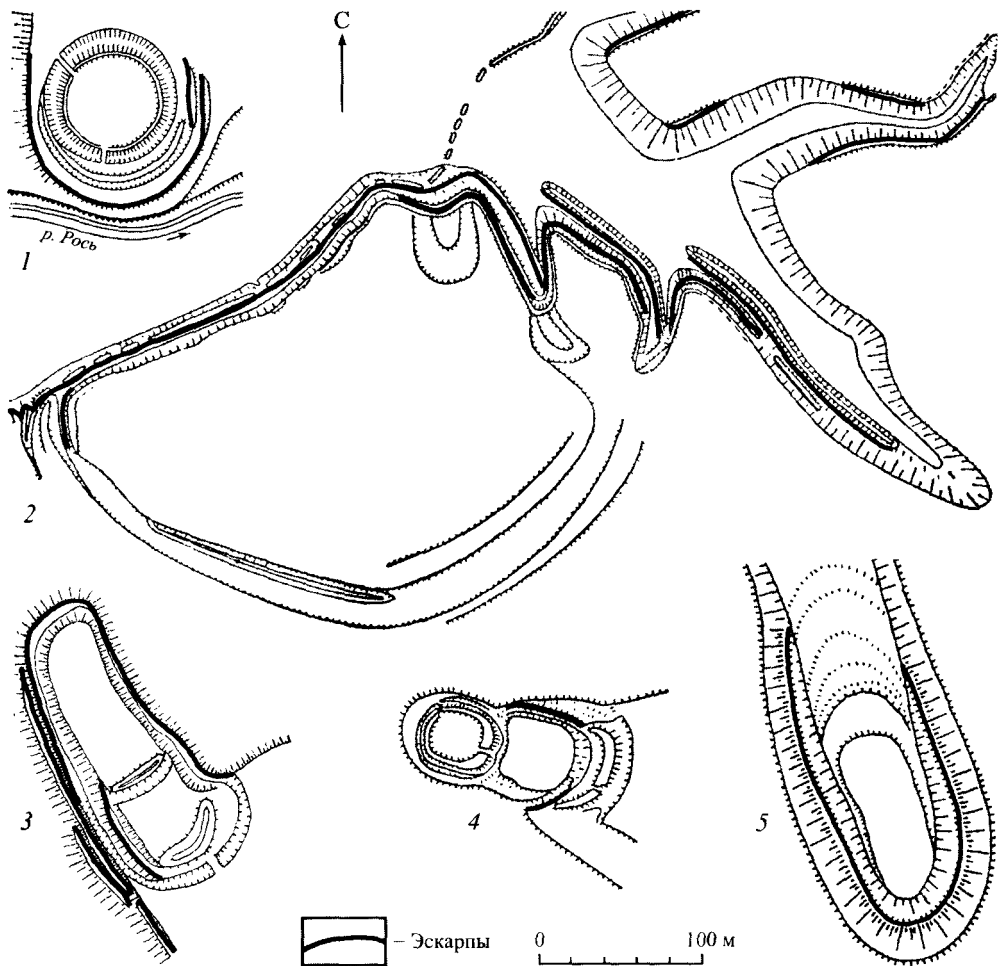

Рис. 86. Различные комбинации "степных" защитных элементов

1 – Белая Церковь 1 (Палиева Гора); 2 – летописный Торчеськ; 3 – Бучак 2; 4 – Малый Букрин; 5 – Сахновка (по М.П. Кучере, В.А. Петрашенко и В.К. Козюбе)

че (Мушкатовка, Кудинка, Довбыши, Колодажин, Малый Букрин, Пилява, Бабаково и Клещинцы), а многие из них приближаются к "болоховской" форме. И, наконец, среди сооружений третьего типа классических мысовых сооружений совсем немного (частично мысы использованы только в 30% примеров); еще меньше на них встречено многоярдных напольных валов (Большие Деревичи, Разино и Бербеницы). Таким образом, несмотря на небольшое количество анализируемых объектов, создается впечатление, что городища с преградами первого и второго типов представляют собой более раннюю часть общей линии развития крепостного защитного комплекса, постепенно уходящей от мысо-

вой планировки к независимым от рельефа округлым формам. Это наблюдение находит соответствие в более поздней датировке болоховских городищ.

Интерес к таким укреплениям далеко не случаен: аномальное для общерусской фортификации этого времени присутствие эскарпов и многорядных напольных валов давно считается характерным признаком убежищ-замков "черных клобуков". Этим собирательным именем летописцы обозначали представителей тюркских племен, в основном печенегов, торков и берендеев, расселенных в степном Поросье для охраны южной границы Киевщины (*Плетнева, Макарова, 1965. С. 60*). Их незаменимость для несения приграничной службы обусловлена схожестью с половецким вооружением и тактикой военных действий половцев. В свою очередь появление крепостей со "степными" защитными элементами объясняется возникшей в процессе оседания на землю необходимостью защищать семьи и имущество недавних кочевников, которые были вынуждены нести пограничную службу и участвовать в дальних походах.

Это позволяет допустить, что локальное применение в Южной Руси "степных" защитных форм является отражением давних и устойчивых фортификационных традиций, присущих той части кочевого мира, которая по пути в Европу была вынуждена оседать на землю и поэтому начинала ограждать свои поселения. Отсюда построение С.А. Плетневой с некоторой долей упрощения можно расширить в виде обобщенной трассы движения кочевников. В раннем средневековье "степные" градостроительные навыки из Средней Азии могли попасть в северокавказское и донское предстепье. В конце XI в. выходцы из степей занесли эту технику на Русь, а в середине XII в. еще один переселенческий импульс реализовал элементы поволжской фортификации на территории Волыни.

И все же было бы неосторожно полагаться только на фортификационные различия – использование в гипотетических построениях единственного признака может привести к значительным историческим погрешностям. Примером этого является городище Шарки, наделенное эскарпами и двухвально-концентрической структурой центрального укрепления. Там встречены материалы скифского времени, на протяжении которого широко использовались аналогичные защитные элементы. Реалиям раннего железного века соответствует и огромная площадь сооружения, превышающая 90 га. При четком соблюдении основы гипотезы о степных строительных традициях XI–XIII вв. следовало бы исключить этот памятник из числа черноклобуцких крепостей, но этот памятник надежно отождествлен с летописным Торческом.

В случае последовательного отбора памятников не попало бы в разряд однослойных и городище Святополча. Там также есть скифские древности. Но обширный объем раскопок показал незначительность скифского заселения при подавляющем преобладании древнерусского бытового материала и оборонительных конструкций; встречены здесь и следы присущего поздним кочевникам домостроительства.

Эти примеры показывают, что слишком широкие этнологические построения, основанные только на особенностях фортификации, нуждаются в дополнительном обосновании.

Наиболее убедительные доказательства степного происхождения необычных защитных элементов дают лишь результаты археологического изучения остатков древних укреплений. Они позволяют и более достоверно судить об этническом составе строителей или обитателей подобных крепостей. К сожалению, слабо насыщенные находками культурные отложения подобных памятников нечасто привлекают внимание исследователей. Поэтому попробуем извлечь рациональное зерно из всех доступных к настоящему моменту материалов.

Кочевнические древности Поднестровья изучены плохо, тем не менее тербовольский князь Василько Ростиславич рассказывал о своей возможности привлечь к военным действиям печенегов, торков и берендеев, а его ближайшим приближенным был степняк Кульмей (ПСРЛ. Т. 1. С. 265, 266).

Как и другие ареалы нетипичных городищ, Поднестровье отличается обилием населенных пунктов с тюркской языковой основой, время заселения которых неизвестно. Поэтому здесь и далее будут указаны только этнонимические топонимы, произошедшие от народов, которые после середины XIII в. на страницах летописей не упоминались. Существенно, что вне скоплений "степных" укреплений такая топонимика встречается крайне редко.

Этнонимические материалы указывают на пребывание в этом регионе хазар, печенегов и торков (*Расовский*, 1933. С. 51; УССР, 1979. С. 133, 136, 280): видимо, неслучайно на городище Тербовля сохранились эскарпы и многоярусные линии напольных валов. Археологически на проживание здесь степняков указывают лишь находки нетипичных для славян очагов в стеновых клетях летописной Ущицы. Но в целом пограничное положение этого региона, компактный массив из одиннадцати оригинальных городищ, летописная информация и топонимические материалы позволяют не исключать вероятности размещения в Поднестровье локального приграничного расселения недавних кочевников.

На противоположной стороне южнорусской ойкумены, на левобережье Днепра, летописные сведения указывают на существование кочевнических "городов" Баруча и Бронь Княжа: в 1125 г. половцы намеревались вернуть в степи торков из окрестностей Переяславля, но Ярополк Владимирович "повелъ гнати люди и торкы в Баруч и Бронь Княжъ", сохранив таким образом силы кочевых федератов (ПСРЛ. Т. 1. С. 295; Т. 2. С. 289, 290). Отождествляемое с Бронь Князем городище Новый Быков отличается значительными размерами (220 × 227 м), позволявшими укрыть за стенами множество окрестного населения и скота. А обширное городище Баруча (Петровка) размещено на острове: если принять его берега за естественные преграды, то перед нами предстает двухъядро-концентрическая защитная система. Принципы устройства Баруча зеркально отражены топографией размещения летописного Вяख्या на острове столь же маловодного Терна.

Названия последних населенных пунктов происходят от тюркских антропонимов (*Железняк и др.*, 1985. С. 18, 40; *Моргунов*, 2000. С. 25–28). Лингвисты не исключают тюркской основы в именовании летописного Сакова (*Нерознак*, 1983. С. 153) и села Ташань, около которого известно необычное городище (*Грахов*, 1957. С. 49). Кроме того, названия реки Каратуль и яра Каратулин яв-

ляются кальками летописного имени черных клобуков (*Стрижак*, 1963. С. 25, 26; *Железняк и др.*, 1981. С. 174). Близ Переяславля известны рукава Днепра Казарка и Хазары.

Впускные погребения выходцев из степей в разное время обнаруживались не только в окрестностях Переяславля (*Федоров-Давыдов*, 1966. С. 259, 260). Они известны на летописном Летском поле (с. Подолье), на Лысой горе окраины Лубен, а также в Медвежьем и Кошарах течения р. Ромен (*Моргунов*, 1996. С. 94; 2000. С. 30–33). В 1912 г. на берегу Трубежа был найден оставленный выходцем с востока клад XI в. Кроме прочего, в нем содержалась серебряная оковка обода чаши с орнаментом, подражающим куфической надписи (*Корзухина*, 1954. С. 27, 28, 93, 94).

Всего в окрестностях Переяславля размещалось шесть безымянных нетипичных городищ и три летописных кочевнических "города". Если исключить летописные Городец, Саков и укрепления Процев и Головуrow, относившиеся к левобережным киевским владениям, то близ трубежской столицы насчитывается еще 15 памятников с общерусскими защитными формами. Защита этой территории дополнялась восемью "степными" укреплениями Посулья. Симптоматично, что семь таких ближайших к Переяславлю укреплений были приурочены к маловодной и слабозасоленной полосе поречья Супоя, а подавляющее большинство обычных укреплений так или иначе опиралось на лесные островки или массивы (рис. 87).

Известны и другие свидетельства проживания недавних кочевников в крепостях, наделенных элементами нетипичной для Руси фортификации. Так, на Высоких Лазирках в котловане углубленной жилой постройки был найден медный котел, выполненный в лучших степных традициях. Из летописного Воиня, кроме обломка салтовского кувшина, происходит большое количество фрагментов котлов из листовой меди, а среди остеологического материала там зафиксирован особо высокий процент костей овец. На месте ныне уничтоженного городища летописного Желни найдена костяная пластинка с чешуйчатым узором, характерным для носителей аскизской культуры Южной Сибири. На городище в Лубнах (невдалеке от Лысой горы) в свое время находили и типичные для кочевников лазуритовые подвески.

Этот список пополняют древности летописного Снепорода. К ряду кочевнических этот памятник был отнесен С.А. Плетневой (1965. С. 60) на основании неточного глазомерного плана В.Г. Ляскоронского: за эскарп ею были приняты остатки змиева вала. Позже выяснилось, что на самом деле функционально не вполне оправданным эскарпом был подрезан северный наиболее крутой склон городищенского мыса. Внешне это городище ничем иным не отличается от обычных древнерусских укреплений, тем не менее стационарными исследованиями там были получены артефакты, присущие выходцам из степей: набор прямых железных псалий енисейского типа, совмещенных с накладками для нащечного ремня. В двух случаях остатки обычных построек вместо печей содержали округлые очаги. А одна из построек являлась классическим салтово-маяцким жилищем: в ее квадратном котловане сохранились канавки от

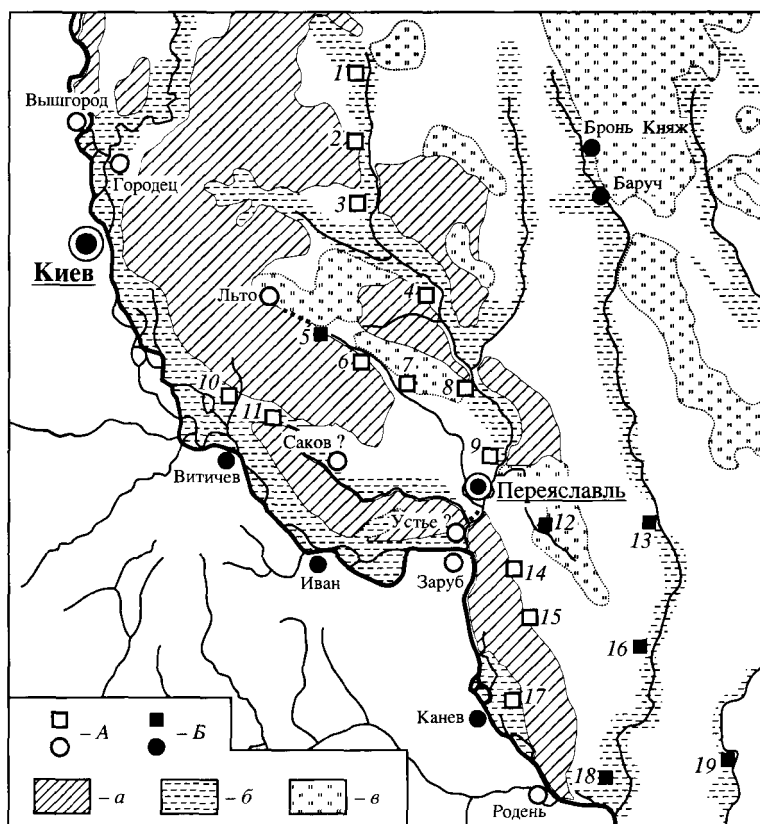

Рис. 87. Городища окрестностей Переяслава общерусских фортификационных форм (А); со "степными" защитными формами (Б)

1 – Заворичи; 2 – Светильня; 3 – Русанов; 4 – Барышевка; 5 – Иванков; 6 – Любарцы; 7 – Веслиновка; 8 – Пристромы; 9 – Гайшин; 10 – Процев; 11 – Головуров; 12 – Виненцы; 13 – Ташань; 14 – Цибли; 15 – Городище; 16 – Каленики; 17 – Лепляво; 18 – Бубновская Слободка; 19 – Золотоноша

Условные обозначения: а – древние лесные массивы; б – заболоченные поймы рек; в – слабозасоленные почвы

турлучных стен. В середине жилища размещался округлый очаг, а другой, более глубокий, был сдвинут к стене и имел прямоугольные очертания (Моргунов, 2000. С. 33).

Лучше других изучено Поросье – эталонный ареал расселения "своих поганых": "И ту придоша к нему чернии клобуци, жены своя и дѣти своя в городѣх штворивше на Поросье" (ПСРЛ. Т. 2. С. 400). А размещенные там "всѣ города торьскыи" и "6 городовъ бередѣич" упомянуты в Ипатьевской летописи под 1163 и 1177 гг. (ПСРЛ. Т. 2. С. 521, 603). Среди них летописный Кульдерев принадлежал черноклобуцкому воеводе (ПСРЛ. Т. 2. С. 629, 672), в частновладельческом "дворе" с острогом проживали с многочисленной челядью две жены

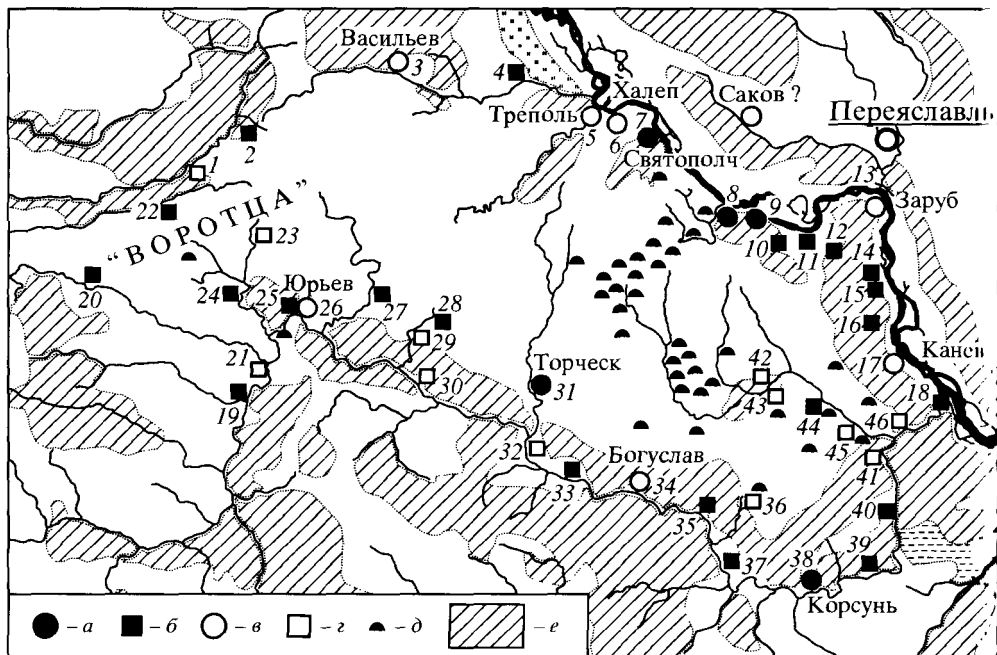

Рис. 88. Городища XII–XIII вв. междуречья Стугны – Днепра – Роси (лет. – летописный)

1 – Потеевка; 2 – Великая Снетинка; 3 – лет. Васильев; 4 – Старые Безрадичи; 5 – лет. Треполь; 6 – лет. Халеп; 7 – лет. Святополч; 8 – лет. Иван; 9 – лет. Чучин; 10 – Ульяники; 11 – Ходоров; 12 – Малый Букрин; 13 – лет. Заруб; 14 – Бучак 1 (Гора Туз); 15 – Бучак 2 (урочище Городок; Григоровка); 16 – Тростянец (Грищенцы); 17 – лет. Канев; 18 – Княжая Гора (Пекари 1); 19 – Малая Сквирка; 20 – Буки; 21 – Белоцерковское; 22 – Трилесы; 23 – Мазепинцы; 24 – Великополовецкое; 25 – Белая Церковь (Палиева Гора); 26 – лет. Юрьев (Замковая Гора); 27 – Песчаное; 28 – Чепилевка 1; 29 – Чепилевка 2; 30 – Сухолесы; 31 – лет. Торческ; 32 – Бушево; 33 – Саварка; 34 – лет. Богуславль; 35 – Половецкое; 36 – Пешки; 37 – Николаевка; 38 – лет. Корсунь; 39 – Набутов; 40 – Сахновка (Девич Гора); 41 – Межирич; 42 – Масловка; 43 – Емчиха; 44 – Пилява; 45 – Подстин; 46 – Кононча

Условные обозначения: а – однослойные летописные города с признаками "степной" фортификации; б – аналогичные городища с необычными защитными элементами; в – летописные города с общерусской оборонительной структурой, г – аналогичные им городища; д – курганы; е – реконструированные леса

хана Чурная (ПСРЛ. Т. 2. С. 669). В частности, выходцы из степей проживали на р. Рут (Рот), современном Протоке, впадающем в Рось близ Юрьева: "томъ же лѣтъ придоша половци мнози к Гюргеву и взяша вежи многи по Роту... черныи же клубукъ весь съвкупившеся, ѣхаша по ним и постигоша я на Роси..." (ПСРЛ Т. 2. С. 521). А сообщение Ипатьевской летописи под 1105 г. указывает на их расселение в приднепровской полосе: "того же лѣта пришедь Бонякъ зимѣ на Зарубѣ [и побѣди] торкы и берендѣ" (ПСРЛ. Т. 2. С. 257). Рис. 88.

Часть необычных укреплений имеет топонимические соответствия проживавшему в них населению. Черноклобуцкой столицей Поросья являлся Торческ.

и городище Старые Безрадичи и ныне среди местного населения известно как "Торч" (*Кучера*, 1976а. С. 186). Тюркскую основу имеет название села, давшего имя нетипичному городищу Бучак 2 (*Трубачев*, 1968. С. 197, 250), схожие укрепления известны близ сел Половецкое и Великополовецкое. В этих местах встречаются также Козаровка, Кончаки, Кошиевка, Торчица, Торчицкий Степок и Узин (УССР, 1979. С. 143, 144, 153, 155, 339).

Столь же аномально на Перепетовом поле концентрируются и археологические признаки позднечевического расселения.

Благодаря подробной публикации С.А. Плетневой (1973) ныне хорошо известно об исследованных Н.Е. Бранденбургом черноклобуцких погребениях западной части Перепетова поля. Менее известно, что могильник Забара расположен около летописного города Ивана, отдельные погребения обнаружены между Пилявой и Степанцами, в Ходорове, близ Козаровки, Торческа и Чучина (*Федоров-Давыдов*, 1966. С. 261; *Плетнева*, 1973. С. 34, 38; *Моця*, 1987. С. 136). Сходные захоронения исследованы у с. Малополовецкое, которые являются геометрическим центром "крепостного" треугольника Буки–Трилесы–Великополовецкое (*Квитницкий и др.*, 2004. С. 145), а также на расположенном близ летописного Юрьева Яблуневском могильнике (*Орлов и др.*, 1985. С. 32–49, 55). Черноклобуцкие захоронения встречены и рядом с такими крепостями общерусской защитной структуры, как Емчиха, Канев, Кононча, Масловка, Пешки и Полствин (*Плетнева*, 1973. С. 34, 41, 43; *Петрашенко, Козюба*, 1999. С. 72).

В Святополче русские городни дополнялись архаичными частоколами и плетнями. На таких городищах встречаются и следы характерного для кочевников домостроительства – юртообразные наземные постройки с обложенными камнем и обмазанными глиной открытыми очагами. Они обнаружены в Сахновке, на городищах летописных Святополча, Чучина и Ивана. Последние два памятника не однослойны, но на них неоднократно встречались схожие с юртами полуземлянки XII–XIII вв. с сенями-пристройками округлых в плане очертаний. А среди остеологического материала Чучина обнаружен необычайно высокий процент костей употребленных в пищу лошадей (*Блажевич*, 1983. С. 102; *Кучера, Иванченко*, 1998. С. 102, 103).

М.П. Кучерой выделены специфические типы круговой керамики XII–XIII вв., возможно имеющей степное происхождение. Они нередки среди материалов Торческа и Донецкого городища, но нехарактерны для общерусских гончарных типов. Сходные формы известны также на "степных" городищах Чепилиевка 1, Саварка, а также на типично русских, но размещенных близ кочевнических могильников: в Масловке, Кононче и Пешках (*Кучера, Иванченко*, 1987. С. 76; 1998. С. 103). Исследователь не успел завершить изучение этой керамики, но, согласно устному сообщению В.А. Петрашенко, схожие формы посуды были встречены ею на городище Бучак 2. Свойственная исследовательнице скрупулезная типологическая и статистическая обработка этой керамики показала ее существенные отличия от аналогичного материала соседних русских памятников.

На городищах Княжая Гора (Пекари 1) и Девичь Гора у Сахновки было найдено множество бронзовых зеркал, медных котлов, мисок и ведер. Из украшений оттуда же происходит около половины от общего числа типичных для степняков лазуритовых подвесок. Только в Поросье составляют заметную серию серьги "половецкого типа" с напускными биконическими бусинами. Они обнаружены в могильниках Зеленки и Краснополка, а также на городищах Княжая Гора, Девичь Гора, Ульяники (Певцы) и Пешки (*Макарова*, 1962. С. 132; *Мезенцева*, 1968. С. 69–72, 89; *Иванченко*, 1990. С. 134–138; *Армарчук*, 2006. С. 201, 202).

С некоторыми весьма небольшими "степными" укреплениями связано еще одно загадочное явление – наличие на некоторых из них уникальных скоплений предметов роскоши. К примеру, 12 кладов с вещами столичного уровня было найдено на Княжой Горе; несколько кладов с дорогой утварью, в том числе и с золотой диадемой, происходят из Сахновки. В составе трех кладов 1897 и 1901 гг. из Ульяников (с. Певцы) и Пешек содержались и серьги "половецких типов" (*Корзухина*, 1954. С. 130, 132).

По качеству каждое из таких средоточий серебра, золота и драгоценных эмалей сравнимо только с киевскими находками. Выпадение кладов на скромных укреплениях Поросья нельзя объяснить бегством туда представителей киевской знати: логически, киевляне должны были укрываться от губительных половецких набегов в глубинных и лесных районах к северу от столицы, но не в пограничье. Поэтому не исключено, что это еще один признак принадлежности замков-убежищ главам черноклобуцких воинских формирований, защищавших южные границы Руси. Для накопления значительных богатств они располагали многими путями: это торговля скотом, воинская добыча в половецких вежах, средства от выкупа пленных, законная часть отбитого у степняков имущества и, наконец, княжеские подарки за удачные военные операции и верность сюзерену. Последние порой бывали значительны. Так, в 1192 г. Рюрик Ростиславич в знак замирения передал торческому военачальнику Кунтувдею город Дверен на Руси (ПСРЛ. Т. 2. С. 674).

Много параллелей с Поросьем имеет восточно-волынский ареал. О проживании здесь степных федератов известно из летописной статьи 1150 г., где указано, что Изяслав Мстиславич из Владимира Волынского "поиде на Гольско да Кунилю в черныя клобоуки" (ПСРЛ. Т. 2. С. 396). Рис. 89.

Половецкую основу имеет название летописного Кобуда, и в целом эта территория отличается аномально высоким содержанием таких этнонимов, как Торчин, Половецкое, Великая и Малая Козары, Карабачин и Бердичев (*Дьяченко*, 1962. С. 159; УССР, 1979. С. 92, 96, 191, 329).

Погребение кочевника найдено около летописного Колодяжина (*Федоров-Давыдов*, 1966. С. 261), а из Изяславля происходит серия одноцилиндровых замков, массово бытовавших в Волжской Болгарии (*Овсянников*, 1971. С. 258, 259). Среди оружия ближнего боя на этом памятнике преобладали (76%) кавалерийские пики – типичное оружие кочевников (*Кирпичников*, 1978. С. 80). Там найдено и 17 кладов с перегородчатой эмалью, серебряными колтами и

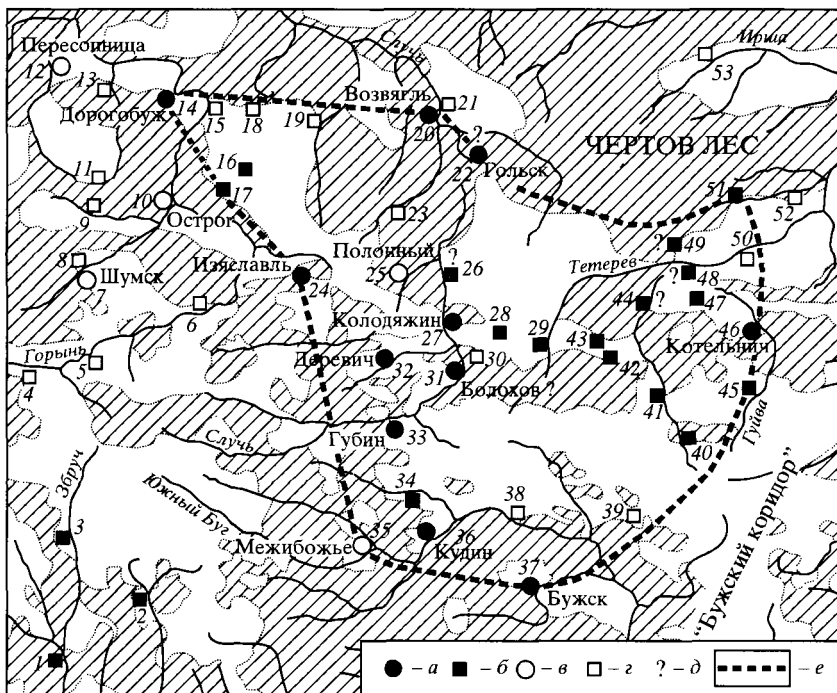

Рис. 89. Городища с напластованиями XII–XIII вв. в Болоховской земле и ее ближайших окрестностях (лет. – летописный)

1 – Мушкаговка; 2 – Большой Карачев; 3 – Великая Слободка; 4 – Лоза; 5 – Тихомль; 6 – Михнов; 7 – лет. Шумск; 8 – Сураж; 9 – Будераж; 10 – лет. Острог; 11 – Дермань (Успенское.); 12 – лет. Пересопница; 13 – Ровно (Басов Кут); 14 – лет. Дорогобуж; 15 – Гоща; 16 – Глубочок; 17 – Кураж; 18 – Сапожин; 19 – Пилиповичи; 20 – лет. Возвьяль; 21 – Дружба; 22 – лет. Гольск; 23 – Суемцы; 24 – лет. Изяславль; 25 – лет. Полонный; 26 – Мирополь; 27 – лет. Колодяжин; 28 – станция Разино; 29 – Довбыши; 30 – Приветов; 31 – Любар; 32 – лет. Деревич; 33 – лет. Губин; 34 – Тележинцы; 35 – лет. Межибожье; 36 – лет. Кудин; 37 – лет. Бужск; 38 – Сусловка; 39 – Голяки; 40 – Жежелев; 41 – Райки; 42 – Великие Коровинцы 1; 43 – Великие Коровинцы 2; 44 – Рудня-Городище; 45 – Нехворощ; 46 – лет. Котельнич; 47 – Городище на р. Коденке; 48 – Заречаны; 49 – Житомир (Соколова Гора); 50 – Станишевка; 51 – Городище на р. Свинолуже; 52 – Бельковцы; 53 – Корчевка

Условные обозначения: а – однослойные летописные города с признаками "степной" фортификации; б – аналогичные городища с необычными защитными элементами; в – однослойные летописные города с общерусской оборонительной структурой; г – аналогичные им городища; д – болоховские городища, содержащие отдельные находки скифского времени; е – приближенные пределы Болоховской земли

хрустальными подвесками в серебряной оправе (Пескова, 1980. С. 69). Драгоценные клады встречены и на других укреплениях, к примеру в Дорогобуже (Палійчук, 2005. С. 132), а в летописном Губине два клада обнаружены в жилых стеновых клетях (Винокур и др., 2003. С. 73; Якубовський, 2003. С. 101, 102), где, кстати, были нередки и округлые очаги (Винокур и др., 2004. С. 85). Чуждые, нетипичные для славян, отопительные устройства были также обнаружены

ружены в клетях Колодяжина (*Юра*, 1962. С. 63. Рис. 6) и Городища на р. Згар (*Якубовский*, 1972. С. 309; *Кучера*, 1999. С. 72). И, наконец, в Городище на р. Коденке, Довбышах, Коровинцах 1, Тележинцах и Губине нередко встречались и особые типы "степной" керамики, подобные поросским образцам (*Кучера*, 1979. С. 72).

Среди "степных" городищ Переяславщины напластования, восходящие к концу XI в., прослежены в Ташани, Калениках, Бубновской Слободке и Золотоноше. А в целом, включая и посульские форпосты, суммарная датировка возведения левобережных крепостей укладывается в промежуток между датой появления в источниках (под 1080 г.) термина "переяславские торки" (ПСРЛ. Т. 1. С. 204) и первой третью XII в. Этот промежуток синхронен эпохе сложения черноклобуцкого ареала Поросья (*Плетнева*, 1973. С. 25; *Моргунов*, 2000. С. 24). В названный хронологический интервал вписывается и юго-западное пограничье: в конце XI в. Василько Ростиславич заявлял об определенной подчиненности ему проживавших в Поднестровье кочевников. Касательно Поросья, Торчеськ упоминался в Поучении Мономаха среди событий 1086–1087 гг., а 1095 г. был построен Святополч. К концу XI в. относятся и ранние археологические наслоения Корсуня, Пилявы и Саварки, а иные укрепления возникли и первой половине XII в.

Судя же по письменным источникам, переселение степняков на Русь могло начаться после разгрома торков князьями в 1060 г. (ПСРЛ. Т. 1. С. 163). На это указывали современник событий византийский историк Михаил Атталиат и использовавший не дошедшие до нас летописные источники В.Н. Татищев. После этого поражения другая часть торков вторглась в Венгрию и Византию и затем была расселена в Македонии; некоторые из них около 1064 г. вернулись на Русь (*Татищев*. 1963. Т. 2. С. 82; 1964. Т. 4. С. 153; *Грушевский*, 2002. С. 55; *Лихачев*, 1950. С. 392; *Пауто*, 1968. С. 110).

Таким образом, несмотря на небольшое количество хорошо исследованных памятников, многие "степные" городища действительно содержат реальные летописные, археологические и топонимические следы кочевнического расселения. Его изучение показывает, что в конце XI в. четыре из пяти синхронно складывавшихся "кочевнических" регионов широким защитным полукольцом охватили внешние пределы Южной Руси. Очевидно, это были звенья единого процесса укрепления южнорусского пограничья со степью. Позже, в эпоху феодального раздробления, сложился болоховский регион. Его формирование предварительно можно связать с процессами децентрализации управления государством. Вне "скоплений" лежит лишь крепость Холки, постройка которой, вероятнее всего, завершилась во второй половине XII в., когда складывались дальние восточные рубежи, оформление которых было прервано монгольским нашествием.

Известно, что в приграничных регионах лесные массивы играли дополнительную защитную роль. Для гипотетической реконструкции древнего лесостоя в настоящее время используется около тридцати естественно-научных методов. Среди них не утратил значения метод картографического сопоставления почв.

оподзоленных древними лесами, со степными черноземами. Он особо востребован для исследования значительных географических регионов, не требующих километровой точности. В таких случаях допуски в площадях древнего лесостоя и времени вырубки лесов в значительных пределах компенсируются точным нанесением археологических объектов (Демкин, 1997. С. 20, 21).

Этот метод удачно использовался А.М. Семеново-Тянь-Шанской для анализа пределов Южной Руси накануне монгольского разорения (1957. С. 1401) и применялся для уточнения системы обороны в левобережном Посулье (Моргунов, 1983. С. 75; 1988. С. 194; 1998а. С. 8, 23). В последние годы для проведения такого реконструирования стали доступны более подробные карты, например Государственная почвенная карта СССР масштаба 1: 500 000 (М., 1954) и Карта почв Украинской ССР масштаба 1: 750 000 (М., 1973).

Гипотетическое полотно распространения древних лесов во многом объясняет особенности южнорусской оборонительной системы и расселения кочевников, следовательно, можно допустить, что оно соответствует реальному существованию лесов XII–XIII вв. на месте оподзоленных черноземов. К примеру, и древности между Трубежом и Днепром пролегал сплошной лесной массив, частично сохранившийся до нашего времени. Путешественником середины XVII в. оставлено живописное описание дороги от Киева до летописного Лыто, пролежавшей "среди сосен, подобных кипарисам" (Алепский, 1897. С. 81, 82). В 1015 г. викинг Эрик пересекал этот дремучий лес от Днепра до Альты в течение дня конного пути, и к ночи перед ним раскинулось "прекрасное поле и широкое открытое место" (Джаксон, 1994. С. 113). Нередко упоминавшееся в источниках Летское поле по почвенно-растительным данным реконструируется как степной клин слабозасоленных земель, вдвое сокращавший опасную лесную дорогу на восток до Трубежа.

Степными защитными атрибутами здесь наделено лишь городище Иванков, но между укреплениями Веселиновка и Пристромы (с. Подолье) было исследованно богатое торчешское погребение. К востоку от Сакова на степной "поляне" размещались связанные с Киевом летописные турпеи: в 1140 г. переяславская "Андрѣева дружина" не решилась отгеснять киевские войска за р. Карань. А в 1159 г. переяславский князь Ростислав Юрьевич нашел турпеев уже у Днепра и переместил их в свою столицу (ПСРЛ. Т. 2. С. 305, 398). Это может указывать, что к середине XII в. восточные пределы левобережных киевских владений приблизились к Днепру, а леса правого берега Карани к этому времени были вырублены земледельцами (Моргунов, 2000. С. 24).

Значительное количество накопившихся разнородных материалов позволяют вновь и несколько глубже взглянуть на древности Поросья. Его защитная система насчитывала 46 укреплений. Из них 27 городищ (почти 59% от известных укреплений) содержат остатки "степной" фортификации (рис. 88). В оборонительной системе этого региона существенную роль играли широколиственные леса, широкой полосой укрывавшие течение Роси и почти весь правый берег Днепра, а на севере леса распространялись за Стугной и Унавой. В совокупности эта картина соответствует летописному названию региона – "Перепетово

поле" (ПСРЛ. Т. 1. С. 333, 358). Эта маловодная "поляна" между летописными Треполем и Богуславлем имела ширину более 60 км, а расстояние от летописного Родня до резкого изгиба течения Роси на юг, где в нее впадает Каменка, около 130 км.

Судя по отдельным и более детализированным известиям, летописцы различали население Перепетова поля по этническому признаку, не смешивая черных клобуков и "все Поросье", или "поршан". Этому соответствовало конфессиональное распределение на "хрестьяныя и поганья"; видимо, под "поршанами" следует понимать славянское население междуречья Роси и Стугны (ПСРЛ. Т. 2. С. 323).

Менее защищенной "степными" укреплениями была северная окраина Поросья, где подходы к Киеву затрудняли леса поречья Стугны и Унавы. Там крепости Великая Снетинка, летописный Василев и Старые Безрадичи закрывали два безлесных прохода на Киев, из которых восточный упирался в окрестности Печерского монастыря. Недаром в 1193 г. киевский князь Рюрик Ростиславич с белгородским полком "много стояша оу Василева, стерегше землѣ своея" (ПСРЛ. Т. 2. С. 679).

Около трети поросских укреплений составляли крепости Днепровской защитной системы, расположенные между летописным Треполем и устьем Роси. По сути это эшелонированная граница: внешняя цепочка форпостов могли исполнять сигнально-сторожевые функции и защищать днепровские броды, известные по летописным сюжетам и (или) соответствующие современной гидрографии (Блажевич, 1989. С. 23; Спутник по Днепру, 1909. С. 61). Другие сооружения, как и большинство отождествляемых с замками-убежищами степняков, были оттянуты в тыл и ограждались от лобовых ударов противника овражно-балочными препятствиями. Вероятно, такое размещение приграничных крепостей диктовалось необходимостью комплексного использования русских и черноклобуцких сил, обладающих дополняющими друг друга военно-тактическими навыками.

Важнейшим центром днепровской части периметра Поросья был летописный Канев, где в 1144 г. была заложена каменная церковь св. Георгия, куда из крепящихся в Киеве великих князья нередко отправляли старших сыновей. После стычки со степняками в Поросье великий князь возвращался в столицу, а его наместник – в Канев (ПСРЛ, Т. 2. С. 672). В 1168, 1170 и 1192 гг. в Каневе объединялись князья для совместной защиты торговых караванов и охраны общерусской границы; приближение к этому городу русских войск ставляло готовых к нападению степняков уходить "за Дон" (ПСРЛ. Т. 2. С. 528, 541, 673, 399). В 1154, 1158 и 1192 гг. в Каневе четырежды проходили мирные переговоры с половцами (ПСРЛ. Т. 1. С. 345, 346; Т. 2. С. 490, 675). А в 1150 и 1170 гг. город служил плацдармом для ближних и дальних походов (ПСРЛ. Т. 1. С. 326; Т. 2. С. 539).

На противоположной стороне Перепетова поля из южных степей к нему и в направлении столицы выходил известный бужский степной коридор (Плетнева, 1975. С. 282). Этим путем черные клобуки совершили набег на великий

"половецкой" р. Ивли (ПСРЛ. Т. 2. С. 671, 677). В преддверии Поросья коридор известен как "Ростиславля дорога", которая заканчивалась безлесным 20-километровым проходом (летописные "Воротца") между Унавой и Юрьевом (ПСРЛ. Т. 2. С. 672).

Северную створку прохода составляли городища Великая Снетинка, Погеевка и Трилеса. С южной створкой можно связать белоцерковскую Палиену Гору, Мазепинцы, Великополовецкое, Белоцерковское и Малую Сквирку. Укрепление Буки размещалось посередине этого прохода и было выдвинуто навстречу противнику. В 1190 г. ханы Итогдый и Акуш в Воротцах узнали от пленников, что Святослав ожидает их у Кулдерава, и в спешке вернулись в степи (ПСРЛ. Т. 2. С. 672). Таким образом, с охраной этого стратегического прохода связано 10 прилетающих к нему укреплений во главе с летописным Юрьевом. Шесть из них содержат очевидные "степные" защитные элементы: видимо, это "6 городов берендич", которые в 1178 г. сожгли половцы, а затем откатились к юго-западу, к Растовцу (ПСРЛ. Т. 2. С. 603).

Судя по специфической летописной информации, важнейшим центром западной части Поросья являлся Юрьев, очевидно основанный Ярославом Мудрым и впервые упомянутый среди событий 1086–1087 гг. в Поучении Мономаха. В 1095 г. оставленный жителями город был сожжен половцами, а в 1103 г. уже был возобновлен (ПСРЛ. Т. 1. С. 249; 229; 280). Большинство связанных с этой крепостью событий указывает на значимое приграничное положение города, через который следовала устойчивая трасса половецкого движения из степей на Белгород и Киев (кроме вышеуказанных сведений, см.: ПСРЛ. Т. 2. С. 505 – 1159 г.; С. 521–1162 г.).

Летописцы внимательно следили за жизнью юрьевского епископата, ведавшего христианизацией вассального расселения выходцев из степей. Епископ Михаил в 1072 г. участвовал в перенесении мощей святых Бориса и Глеба; известны также епископы Марин и Даниил (ПСРЛ. Т. 1. С. 181; ПСРЛ. Т. 2. С. 202, 277). О значении города говорит и то, что в 1142 г. великий князь Всеволод Ольгович посадил в Юрьеве брата, Игоря Ольговича (ПСРЛ. Т. 2. С. 312).

Более трети крепостей региона было размещено на залесенном левом берегу Руси. Нижнее Поросье было особо защищено естественными препятствиями: с востока оно укрывалось разветвлениями днепровского русла, за которыми раскинулась заболоченная пойма реки и стык топких долин Днепра и Супоя. К югу раскинулось заболоченное и покрытое лесами междуречье Руси и Ольшанки. Таким образом, низовья Руси наилучшим образом подходили для устройства нуждающихся в безопасности крепостей-убежищ черноклобуцкой знати. На среднем течении разрывы в прибрежных лесах соответствуют направлениям известных по летописям половецких ударов на Корсунь и Юрьев, а нетипичные для русской фортификации укрепления были оттянуты в тыл, на степную равнину.

Таким расположением отличается летописный Торческ, известный в источниках как "Торческий град", "Торческий" и "Торьский". Его упоминания представляют суммарное количество известий о Каневе и Юрьеве. Впервые о нем

вскользь говорится среди событий 1086–1087 гг. в Поучении Мономаха. Под 1093 г. в Повести временных лет подробно описаны половецкая осада крепости и ее сожжение половцами (ПСРЛ. Т.1. С. 249, 218, 221). После большого перерыва с 1161 г. известия о городе приобрели регулярный характер. Летописцы говорят об окрестном расселении степняков (ПСРЛ. Т. 2. С. 516 – 1161 г.; С. 517–1162 г.), о нападении на этот город половцев (ПСРЛ. Т. 2. С. 605 – 1171 г.; С. 773, 774 – 1235 г.), о том, что они воздерживались от набегов в случае присутствия в городе русского князя.

В 1155 г. передачей Поросья Юрием Долгоруким сыну Василию, видимо, оформилась новая административно-территориальная единица, которая в статье 1169 г. поименована "волостью торческой", являвшаяся частью Поросья (ПСРЛ. Т. 2. С. 479, 533). И вскоре другой сын Юрия, Михалко, даже предпочел поросские владения киевскому княжению (ПСРЛ. Т. 2. С. 570). Это показывает и экономическую значимость региона, за обладание которым на протяжении столетия боролись представители разных княжеских ветвей (*Иванченко, 1993. С. 57; Михайлова, 2006. С. 81, 82*).

В большинстве случаев "степные" защитные элементы Поросья встречаются в различных сочетаниях, поэтому достоверно сопоставлять их применение с населявшими Перепетово поле конкретными племенными группами преждевременно. Кроме того, в корне некоторых особенностей устройства укреплений могут лежать естественно-географические или хронологические причины. Так, остатки нетипичных для Руси защитных преград лучше прослеживаются на городищах мысового типа, но центральная часть Перепетова поля отличается равнинным рельефом. Может быть, поэтому на р. Росаве, где известно множество кочевнических погребений, городища Емчиха, Пилява и Полствин имеют кругообразные в плане очертания. Это единственный вид укреплений, который был эффективен на равнине.

И все же на левобережье Роси и Роставицы (между Буками и Набутовым) намечается преобладание многовально-концентрических укреплений. А к востоку от линии Старые Безрадицы – Саварка больше городищ с многорядными напольными укреплениями. Это совпадает с мнением С.А. Плетневой о преобладании к востоку от течения р. Гороховатки погребений печенегов и торков (2003. С. 145).

Безусловно, как и в Посулье, здешние выходцы из степей селились и в крепостях русской защитной структуры, расположенных рядом с кочевническими могильниками (Полствин, Емчиха). На некоторых из них (Масловка, Коночки и Пешки) встречалась керамика, отнесенная М.П. Кучерой к степным формам (с Пешками также связаны степные погребения и два клада с "половецкими" серьгами). Данные крепости могли служить защитой как для русского населения прилегающей округи, так и для проживавших в непосредственной близости от них торков или печенегов, возможно взаимно подвергавшихся определенному этническому смешению.

Любопытный опыт изучения размеров площадок посульских городищ показал, что укрепления графически распределялись в близкие по размерам ско

пления. Из них на страницы летописей попали защищенные стенами укрепления площадью не менее 0,8 га (*Моргунов, 1990. С. 98–108*).

На этом фоне множество городищ Поросья не сохранилось, литературные сведения о размерах других колеблются в значительных пределах. Но и там наименьшие укрепления, такие как известная своими кладами Сахновка (0,5 га), в летописи не попали, а остатки летописных городов имеют максимальные размеры. Из крупных крепостей меньшей площадью обладали Святополч (0,75 га) и Иван (1 га). Превышают 1,2 га площадки Чучина, Корсуня, Старых Безрадичей, Княжой Горы и Буков. Из этого списка следует исключить обширное и содержащее мощные скифские напластования городище Бушево: не известно, насколько оно было заселено или перестраивалось в XII в. (*Кучера, 1989. С. 192*).

Из-за недостаточной информативности летописных источников трудно определить местонахождение Дверена на Роси и Кульдерева (Кульдюрева), но и они должны были иметь значительные размеры. Для отождествления первого из них не подходят размещенные на Стугне Старые Безрадичи и Буки на р. Роставице. Поэтому за Дверен, принадлежавший видному чернокоблицкому полководцу, можно принять оказавшуюся среди наибольших укреплений Княжью Гору на Роси с ее многочисленными кладами. Тогда на роль Кульдерева может претендовать только обширная крепость Буки, связанная с летописными Воротцами. Это объясняет, почему половцы, войдя в Воротца и неожиданно узнав о скоплении русских войск у Кульдерева, столь спешно "побѣгоша, пометавше стяги и копя".

Таким образом, неотожествленным с конкретным городищем остался лишь "город Чурнаев", предположительно стоявший на Роси или ее притоках. Не исключено, что это был всего лишь принадлежавший торку Чурною двор с острогом, где проживали две его жены и много челяди (*ПСРЛ. Т. 2. С. 669; Роспонд, 1972. С. 70*). В таком случае на его роль подходит только небольшое городище Чепилиевка 1 – единственное дополненное укрепленным посадом "острогом". Кроме того, оно защищено двойными напольными укреплениями, а в культурном слое обнаружена керамика степных традиций.

Более глубокого внимания заслуживает и восточно-волыньское средоточие типичных укреплений: оно насчитывает 27 крепостей и не менее десяти городищ общерусской плановой структуры, размещенных в верховьях Тетерева, Южного Буга и Случи. В литературе этот ареал в общих чертах отождествляется с летописной Болховской землей. Ее география изучена недостаточно: даже "столица" региона локализуется предположительно (*Терещук, 1976. С. 170, 171*), а границы гипотетически привязаны к распространению многоядромноцентрических городищ. Не все из них однослойны в точном понимании этого термина, например обширные раскопки Райковецкого городища показали незначительную долю предшествующего материала. Сходная картина наблюдалась и на менее изученных памятниках – городище летописного Гольска, в Мирополе, Рудне-Городище, Заречанах и на Соколовой Горе в Житомире, где обломки скифской керамики также единичны. Возникновение этих укреплений

ний, где можно пренебречь находками предшествующего времени, отнесено к древнерусскому периоду (рис. 89).

Ранние летописные сведения содержат краткую информацию о населенных пунктах и дают общее представление о пределах этой территории, которая изначально являлась западной границей Киевского княжества и Русской земли. В 1148 г. киевский князь Изяслав Мстиславич выделил Ростиславу, сыну Юрия Долгорукого, Бужск (Божск), Межибожье, Котельнич (Котельницу) и еще два города и велел стеречь "земль Роуской отолъ" (ПСРЛ. Т. 2. С. 367, 368). Летописная формулировка движения галицкого князя – "Володимиръ перешель Болохово" (ПСРЛ. Т. 2. С. 398) – позволяет предположить, что в статье Ипатьевской летописи под 1150 г. речь шла не о населенном пункте, а об одноименной территории.

Через Болоховскую землю пролегало, как минимум, две транзитные дороги, связывавшие столицу Руси с Галичем. Один путь следовал через северную окраину, соприкасающуюся с Чертовым лесом (ПСРЛ. Т. 2. С. 403, 411, 766). Видимо, через него ("лѣсной страной") намеревался вернуться из Киева в 1235 г. Даниил Галицкий (ПСРЛ. Т. 2. С. 773). Далее эта дорога вела через летописный мост в Дорогобуже (ПСРЛ. Т. 2. С. 537). Существование южного пути зафиксировано летописной трассой движения на Киев галицкого князя Володаря в 1150 г.: миновав Болоховскую землю, он двигался мимо Мунарева к Володареву и далее через Перепетово поле. Окончание пути маркировано встречным движением киевского князя Изяслава от столицы через Звенигород (Вита Почтовая?) на летописный Тумаць – Старые Безрадици (ПСРЛ. Т. 2. С. 398–400; Куза, 1996. С. 172).

Существование дороги от Котельнича (Котельницы) на Торческ прослеживается и по содержанию статьи Ипатьевской летописи под 1162 г. (ПСРЛ. Т. 2. С. 517). Это известная дорога через летописные Воротца в Перепетово поле. Из вышесказанного следует, что Бужск с Котельничем контролировали проход из "степного коридора" в Болоховскую землю и в Поросье, а две южные крепости региона, Межибожье и Бужск, располагались на общерусской границе со степью.

Таким образом, Болоховская земля представляла собой достаточно замкнутый регион: на севере и юге она ограничивалась Черным лесом и лесами верхний Южного Буга, от Поросья была отделена широким нефортифицированным пространством, а на западе соприкасалась с плотно заселенным Погорыньем. По функциональной нагрузке этот ареал схож с приграничными регионами, куда великие князья направляли старших княжичей, а Бужск представляется аналогом Канева с его охранными "стояниями" войск. Изначальное укрепление этого западного предела киевских владений, вероятно, предназначалось для контроля уходящего на Владимир Волынский и Галич транзитного пути на запад, который по палеопочвенным показаниям представляется широкой полосой степных полей и перелесков. Большинство крепостей этого региона приурочивалось к границам лесных, луговых и пахотных угодий. Подобный чересполосный ландшафт во многом аналогичен географической обстановке расселения "черниговских ковуев" в левобережном Задесенье (Моргунов, 2000. С. 24).

В ходе длительной политической борьбы 40–70-х годов XII в. болоховская территория периодически передавалась во временное держание волынским князьям (Кучкин, 1995. С. 93–95). Особо ожесточенной была феодальная война за Киев и великое княжение между владимиристо-волынским князем Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким. Тем не менее жители пограничного с волынским Погорыньем Дорогобужа помнили, что город был исконно киевским владением (ПСРЛ. Т. 2. С. 410). Наиболее вероятно, что не имевшая местных корней и территориально обособленная группа оборонительных сооружений многоядро-концентрической плановой структуры формировалась в Болоховской земле в бурный период демаркации сопредельных земель. Отсюда помеченное 1150 г. известие Ипатьевской летописи о черных клобуках в окрестностях летописного Гольска приобретает не случайную окраску: местных поселенцев так могли назвать по аналогии с уже устоявшимся к этому времени собирательным поросским именованием кочевников. И, видимо, по этой же причине, судя по крупномасштабной карте, на одной из обширных полян Черного леса близ обычного городища Корчевка сохранился этноним Торчин.

Во второй половине XII в. Болоховская земля стала своеобразной буферной зоной, а к концу столетия окончательно вошла в состав Волынской земли. Это объясняется потерей Киевом политического первенства и активной политикой Романа Мстиславича, объединившего Галицко-Волынские земли и раздвинувшего восточные пределы своих владений (Пескова, 1988. С. 34).

Наиболее яркие события в жизни региона развернулись в 1231–1257 гг. с вхождением в состав Юго-Западной Руси, когда проявились свойственные эпохе феодальной раздробленности центробежные тенденции. Под 1231 г. в Ипатьевской летописи были впервые упомянуты болоховские князья, которые вместе с галицким князем и венгерскими войсками королевича Андрея II воевали близ Шумска против Даниила Романовича Галицкого (ПСРЛ. Т. 2. С. 767). Очевидно, таким образом они на гребне процесса дробления уделов начали борьбу в защиту былой частичной автономии.

В 1240 г. на Волынь надвинулись орды монголов. Ими был покорен Изяславль на Горыни и другие города, но завоеватели сходу не смогли разрушить стен Колодяжина, а после переговоров его жители сдались "и сами избити быша" (ПСРЛ. Т. 2. С. 786). В следующем году сепаратизм болоховских князей вылился участием в осаде поднестровской Бакоты. За это Даниил Галицкий "грады их огневи предасть и гребля их раскопа", захватил города Деревич, Губин, Кобуд, Кудин, Бужск и Дядьков. Согласно археологическим исследованиям, на городищах Губина и Кудина видны явно "раскопанные" линии внутренних, наиболее важных в военном отношении, валов (Pannonopt, 1955a. С. 59).

Карательную акцию продолжил печатник Даниила Курил, который вновь разорил "Дядьков градъ, отоуда же плънивъ землю Болоховскую и пожегъ". Далее в Ипатьевской летописи указана причина Даниилова гнева: "оставили бо ихъ татарове, да имъ орють пшеницю и проса. Даниль же на нѣ болшоую враждоу, яко от татаръ болшоую надежоу имѣахоу". На Болоховскую землю претендовал и мазовецкий князь Болеслав Кондрадович. Оправдывая свое же-

ление подчинить болоховцев, он укорял Даниила, что болоховские князья не подвластны тому (ПСРЛ. Т. 2. С. 791–793).

В последний раз о трагических событиях на этой территории упомянуто под 1257 г. В процессе борьбы с татарским темником Куремсой Даниил разрушил нетронутые ранее или уже возобновленные к тому времени укрепления Межибожье, Болохов, Городок, Семоць, крепости Побужья и "все города, съядияца за татары": Городск, по Тетереву до Жидичина и Возвягль (ПСРЛ. Т. 2. С. 838).

В связи с не имеющим аналогий переходом русского населения под власть монгольских завоевателей внимание историков давно привлекал вопрос об этнической принадлежности болоховцев. Нас же в первую очередь интересуют "нетипичные" памятники, точных аналогий которым нет ни на Руси, ни в Западной Европе (*Раннопорт*, 1967. С. 72, 203). Поэтому причины появления нетипичных укреплений на ограниченном участке русской территории следует искать не в изменении тактики обороны крепостей, а в привнесении этого конструктивного типа извне в связи с переселением на междукняжеское пограничье новой волны выходцев из степей.

Эти наблюдения, похоже, подтверждают, что болоховские князья могли отнестись к монголам как к представителям появившейся в Европе следующей кочевой волны. Еще в середине XIX в. их взаимоотношения объясняли и некоторой этнической близостью: в болоховцах усматривали потомков "диких" и обычных половцев, а также смесь русских изгоев и пленников с крещеными половцами (с количественным преобладанием последних). На этом фоне Н.В. Молчановский впервые обратил внимание на отчетливые параллели Болоховской земли с Поросьем (*Зубрицкий*, 1855. С. 138; *Шараневич*, 1863. С. 104; *Барсов*, 1885. С. 254; *Молчановский*, 1886. С. 87, 88).

Эту гипотезу оспаривал Н.П. Дашкевич (1878; 1889), считавший болоховцев славянами, хотя этому противоречат содержащиеся в его аргументации сильно устаревшие к нашему времени взгляды. Так, ученый считал Южную Русь середины XIII в. монолитным государством, не обладавшим внутренними границами между землями-княжениями (за которые на самом деле возникали кровопролитные войны). Не знал он и о существовании значительных регионов приграничного расселения выходцев из степей, где постепенно принимавшие христианство недавние кочевники оседали на землю, возводили убежища-замки, переходили к земледелию и овладевали ремеслами. Кроме того, представления Н.П. Дашкевича о кочевниках остановились на военных и хозяйственных реалиях половецкого общества столетней давности – регулярных и опустошающих набегах на Русь, наемном участии в междукняжеских распрях, исключительно кочевом скотоводстве, отсутствии постоянных поселений и т.д.

Исходя из этого исследователь не допускал, что киевские и галицко-волыньские владения могли разделяться укрепленными пограничными рубежами, заселенными недавними кочевниками, и не воспринимал множества типичных для XIII в. параллелей между болоховцами и черными клобуками. По этой же причине ему была неясна и мотивация федеративного с Киевом приграничного населения к сохранению своей былой автономии и отражению

экспансии Даниила, венгров и мазовецких войск, стремившихся к отторжению этой территории.

Для советских историков было естественным считать болоховцев исключительно славянами. Болоховская земля интерпретировалась как выделившаяся в более или менее самостоятельную территорию в процессе развития феодальной раздробленности. Некоторую этническую примесь недавних степняков, кажется, допускал лишь К.И. Терещук. А загадочных болоховских князей В.Т. Папуто вслед за А.Е. Пресняковым считал представителями местного боярства, получившего титулы от монгольского хана для удобства управления местным населением (*Мавродин*, 1939. С. 168; *Папуто*, 1950. С. 150, 151; *Раннопорт*, 1955. С. 53; 1955а; *Терещук*, 1976. С. 172).

Привлечение новых материалов несколько меняет эту устоявшуюся картину. Сложение местной фортификационной аномалии, не связанной с изменением тактики обороны крепостей, происходило практически синхронно с формированием нового пограничного рубежа Киевской земли. Практически одновременно в регионе начало концентрироваться множество реалий, связанных с выходцами из степей. Это указывает на появление там активной в воинском деле прослойки нового населения.

В сложившейся ситуации выдвинувшиеся из его среды правители не признали власти галицких князей, что в схожих ситуациях местной верхушке помогало сохранить свои "дедины и отчины". Поэтому остается предположить, что это была не автохтонная знать, а военная верхушка переселенной на Волынь ветви кочевников. Как и Поросье, приграничный регион контролировался старшими столичными княжичами, но с падением Киева болоховские правители остались в одиночестве и перед лицом внешней опасности не сложили оружия. Все это позволяет допустить, что "болоховские князья", скорее, были возвышены за их воинские заслуги на значимом участке и киевской, и общерусской границы. Подобные бояре-воеводы проживали и в лучше известном по летописям Поросье, где, к примеру, неоднократно упоминался торческий князь Кунтувдей (ПСРЛ. Т. 2. С. 668, 669, 672–674). Впрочем, известны примеры, когда летописная титулатура не соответствовала историческим реалиям, вспомним хотя бы печенежского "князя", обменявшегося оружием с воеводой Претичем.

Такая версия не слишком противоречит и переходу болоховцев, отчаявшихся сопротивляться галицкому натиску, под начало могущественных монголо-татарских сил, многоэтничность которых не исключает наличия среди них кочевых соплеменников, осевших на землю болоховцев.

Известно, что поселенческая общность Поросья формировалась из печенегов, торков и берендеев, ранее вытесненных половцами в русские пределы. Только через столетие на страницах летописных источников сначала появились сведения о существовании населенных пунктов Болоховской земли, а между 1231 и 1257 гг. в жизни этого территориального образования проявилась и яркая политическая активность. Между тем различия в фортификационных предпочтениях населения двух приграничных регионов позволяют допустить, что пограничье Киева и Галича было заселено представителями иных степных со-

обществ, но столь же недружественных крупным половецким объединениям (Моргунов, 2006. С. 164).

Основой новопереселенного этнического формирования могла стать часть "диких" половцев. Ранее они были связаны с чернигово-северскими Ольговичами и с владимиристо-суздальским князем Юрием Долгоруким, а значительная часть их походов была направлена на восток и северо-восток Руси. Основная территория их кочевания располагалась между Южной Русью и Волжской Болгарией, откуда они могли почерпнуть строительные традиции, ярко воплощенные в болоховских укреплениях. Этому не противоречат и летописные данные: правобережная ветвь "диких" половцев откочевала к юго-западу от Поросья, к верховьям Южного Буга (Плетнева, 1975. С. 280, 282).

Сведений о них мало, хотя известно, что в 1195 и 1196 гг. эта выделившаяся половецкая ветвь состояла в союзе с киевским князем Рюриком Ростиславичем и играла роль своеобразного заслона Киевского княжества от остальных кочевников (ПСРЛ. Т. 2. С. 690, 694, 695; Плетнева, 1975. С. 282). Может, неслучайно в 90-е годы XII в. недалеко от Болохова Поросье контролировал сын Рюрика Ростислав, матерью которого была дочь хана Беглюка. Отсюда для степняков, утративших связь с основной массой соотечественников, был лишь один проторенный столетием ранее шаг по пути сложения федеративных отношений с Киевом и заселения приграничного защитного узла. Подобное уже случалось в жизни половецкого народа: в 30-е годы XI в. часть половцев перешла под власть шаха Хорезма. В 1118 г. Атрак, сын хана Шарукана, увел остатки разгромленного Владимиром Мономахом донецкого объединения для расселения в Грузию. И, наконец, в 1239 г. хан Котян переселил подвластных ему правобережных половцев в королевство Венгрию (Мургулия, Шушарин, 1998. С. 106, 107, 190; Плетнева, 1990. С. 95–97). Поэтому в переселении на Русь ветви, отпочковавшейся от основного массива "диких" половцев, нет ничего странного.

Чересполосное размещение в Болоховской земле разнородных крепостей указывает на смешанный состав населения региона, хотя вряд ли это означает, что в нетипичных укреплениях проживали исключительно выходцы из степей. Так, в 1125 г. переяславский князь Ярополк Владимирович с целью спасения федератов от угона половцами сгонял в "торческие" города Баруч и Бронь. Князь не только торков, но и "людей" (ПСРЛ. Т. 2. С. 289). Эти события происходили на маловодном и засоленном левобережном супойском плато, где экстенсивное древнерусское земледелие невозможно. Но и там обитатели крепостей-убежищ нуждались в торговцах, ремесленниках, плотниках для ремонта стен и особенно – в специалистах по организации обороны, поскольку выходцы из степей были сильны в конном бою, а не в обороне крепостей. Совместное проживание в крепостях кочевников и славян отражено археологическими исследованиями не только чернокоблучских городищ, но и укреплений общерусской плановой структуры с характерными для степняков артефактами.

Кочевники переходили к полуоседлому и оседлому образу жизни под контролем русской администрации. Поэтому конструктивной основой их крепостной защиты были срубные стены общерусского облика, дополненные архаич-

ными частоколами и плетнями. Не вполне соответствовало эпохе и применение нетипичных защитных элементов, усложнявших сложившийся к этому времени и доказавший свою эффективность общерусский оборонительный комплекс. В частности, на материалах Посулья было показано, что в торческих замках-убежищах применение эскарпов за неряшливостью и непоследовательностью их исполнения было, скорее, данью дедовской традиции, нежели защитной необходимостью. То же наблюдается и применительно к многорядным укреплениям. Судя по синхронным европейским и более поздним аналогиям, этот тип оборонительных сооружений эффективен при условии высокой степени организованности и слаженности действий защитников. При отступлении они должны были одновременно покидать внешнюю линию обороны и синхронно концентрироваться сначала на промежуточных стенах, а затем и в цитадели (*Виоле-ле-Дюк*, 2007. С. 69, 70). Но столь четкая организация оборонительных мер трудно ожидаема от прирожденных конников. Недаром из всех кочевников только монголы овладели тактикой осады крепостей: в этом сказался высокий уровень их военной организации и громадный опыт, почерпнутый в Китае и Средней Азии.

Таким образом, нетипичная планировка укреплений могла определяться преимущественной степенью участия степняков в строительстве: они возводили укрепления для собственной защиты, а русские мастера, вероятно, лишь контролировали установку срубных конструкций. Это хорошо видно на примере Святополча. Строить город и осесть в нем степнякам повелел князь, поэтому восторженные защитные элементы соответствуют "степной" практике. А при строительстве крепостей разноэтничными строительными артелями применение "нетипичных" строительных канонов, возможно, не играло определяющей роли. И, наконец, "свои поганые" пополняли население крепостей общерусского устройства при смене владельческих прав на ранее возведенные укрепления. На это указывают летописные примеры передачи Кунтувдену летописного Дверена или "ряда" черноклобучких предводителей с Мстиславом Изяславичем об условиях дальнейшего сотрудничества: "аже нас хочещи любити, яко же нас есть любилъ отецъ твои, и по городу нам даси по лепшему, то мы на том отступимъ от Изяслава" (под 1159 г.: ПСРЛ. Т. 2. С. 501).

Около тысячелетия Азия выплескивала в Европу этнически немонолитные волны кочевников. На взлете могущества у каждой волны степняков не возникало необходимости в крепостной защите. Они вытесняли попутчиков и ослабевших предшественников на менее пригодную для ведения кочевого хозяйства лесостепную периферию, где последние были вынуждены осесть на землю и возводить крепости-убежища в древних традициях. Так в свое время к уходившим в Европу гуннам присоединились аланы, часть которых затем расселилась в Предкавказье. Позже на лесостепной Дон попала часть алано-болгар, и они также строили крепости. Оригинальные укрепления возводили и осевшие в Поволжье болгары и сибирские тюрки.

Переход степняков к оседлому образу жизни на непригодных для кочевания ограниченных территориях – это вынужденная мера, вызванная обеднением

кочевых сообществ вследствие военных поражений и лишения выпасных угодий (*Мургулия, Шушарин, 1998. С. 105–107*). На трудности, связанные с процессом включения степняков в феодальную структуру Руси, указывает то, что вплоть до 1125 г. их отношения с Русью не всегда были гладкими. Так, в 1080 г. Мономаху пришлось замирать восставших "перяславских торков" (*ПСРЛ. Т. 1. С. 204; Моргунов, 2000. С. 24*).

Лесостепное приграничье всегда нуждалось в притоке населения, способного противостоять внешней опасности. В эпоху Владимира Святославича туда переселяли "мужей лучших" из других областей Руси. Это был первый этап закрепления государственной территории, предусматривавший строительство в малонаселенных или разоренных пределах крепостей и протяженных преград. В XII в. с такой же целью ставили крепости на Ворскле и Осколе. На втором этапе требовалось не только укрепление пограничья, но и освоение внутреннего пространства (*Насонов, 1951. С. 25–27*). Особая необходимость в реализации этой задачи пришлась на пик половецкой активности, когда возможность привлечения людских резервов была остро ограничена развитием процессов феодальной раздробленности. Между тем освоение половцами причерноморских степей сопровождалось вытеснением ранее господствовавших там, но ослабевших этнических групп, и часть их была вынуждена искать убежища на Руси. Эти сообщества оказались достойной заменой "мужей лучших": воинские способности переселенцев по достоинству использовались в ратном деле, а давние строительные навыки пригодились для создания крепостей и убежищ.

Линейные укрепления

Простейшим вариантом более или менее временных, но весьма эффективных линейных укреплений являлись *засеки*. В современной исторической литературе не упоминается об их применении в древнерусскую эпоху. Видимо, это произошло оттого, что техника устройства преград из лесных завалов изучалась на основании поздних письменных источников (*Никитин*, 1955), и по естественным причинам их археологическое изучение невозможно.

Между тем это было общемировое оборонительное явление: на границах Индии с засеками сталкивался еще Александр Македонский. В 1014 г. их применял Василий Болгаробойца, венгерские оборонительные линии против кочевников опирались на сочетание засек с крепостями. Прусские племена защищались от крестоносцев укрепленными лагерями ("твердыми"), встроенными в линии засек. В 1109 г. их применял польский король Болеслав, за ними поляки прятали от татар людей и имущество и в конце XIII в. (*Кекавмен*, 1972. С. 153; 372. Примеч. 246; *Расовский*, 1933. С. 19, 46; *Антонович*, 1885. С. 11; *Галл Аноним*, 1961. С. 116; под 1280: ПСРЛ. Т. 2. С. 882). Позже дороги от Пскова до Смоленска приказывал засекасть Петр I, а наиболее поздние сооружения применялись в 1904 г. в составе Ляодунской предместной позиции (*Шелгунов*, 1857. С. 13, 58; *Яковлев*, 1939. С. 19; *Шперк*, 1940. С. 29).

В домонгольской Руси засеки упоминались в летописных статьях, повествовавших о событиях в лесной зоне. Около 1137 г. ими огораживались псковичи в борьбе против Святослава Ольговича: "но бяхуть ся устерегли, засекали осеки все" (НПЛ. С. 25, 210; Воскресенская летопись. С. 51). Перед Липецкой битвой ими окружал новгородские владения князь Ярослав (НПЛ. С. 54, 254; ПСРЛ. Т. 1. С. 492). Несколько южнее, в земле вятичей, в 1196 г. черниговский князь Ярослав Всеволодович "ста под лесы своими, засекася от Всеволода и от Давыда" (ПСРЛ. Т. 2. С. 698). Известно о применении этих сооружений и соседями Руси: чудью, ятвягами и литовцами (под 1214: НПЛ. С. 52, 251; под 1255 г.: ПСРЛ. Т. 2. С. 827; под 1247 г.: ПСРЛ. Т. 2. С. 798).

Не исключена вероятность устройства засек и на лесостепных окраинах Руси против кочевников. Неслучайным выглядит устройство границ по рекам Рось, Трубеж и Сула, на "русских" берегах которых в древности размещались обширные лесные массивы. Пограничные укрепления известны только на залесенных отрезках течения Псла и Ворсклы; далеко в степи выдавался и лесистый отрог Среднерусской возвышенности с летописным Донцом на его острие.

На подобное предположение наталкивает неравномерность размещения пограничных укреплений Посулья. В его малолесной части все соседние форпосты были визуально связаны между собой: промежутки между ними не превышали 6–12 км. На залесенных берегах расстояние между крепостями увеличивалось до 20 и более километров. Существенно, что на этих отрезках также известны твердые броды через Сулу, но они не охранялись, хотя теоретически при помощи "языков" степняки могли бы миновать лесные полосы и выйти в крепостные тылы. Тем не менее вероятность подобного проникновения строители укреплений не учитывали, возможно, по причине устройства прибрежных лесных завалов.

В последние десятилетия в литературе сложились реальные представления о происхождении остатков линейных укреплений исключительной протяженности, так называемых *змиевых валов* Среднего Поднепровья. Несмотря на то что интерес к ним пробудился в XIX в., еще четверть века назад оценка времени создания и первоначального облика этих преград оставалась неопределенной. Новую струю в разрешение проблематики внесли полевые изыскания М.П. Кучеры, заново исследовавшего сохранившиеся насыпи и применившего к ним современную раскопчную методику (Кучера 1987). Несколько в меньшем объеме изучались аналогичные укрепления Нижнего Посулья (Моргунов, 1996. С. 130–134).

Тем не менее по мере их изучения постоянно расширяется связанный с ними круг вопросов: эта тематика оказалась более сложной, чем представлялась на первый взгляд. Поэтому вновь обратимся к недостаточно проработанным проблемам изучения этого типа археологических памятников, за которыми скрывается существенный шаг в сложении древнерусского оборонительного строительства.

Размещение и древний облик змиевых валов

Археологически различаются два варианта змиевых валов – валообразные и эскарповидные. Общая длина доныне сохранившихся звеньев протяженной защитной системы Южной Руси составляет около 1000 км. В древности эта сеть была более обширной, на что указывают многочисленные литературные свидетельства о ныне исчезнувших насыпях (Моргунов, 2005. С. 253). Рис. 90.

На правом берегу Днепра остатки змиевых валов складываются в пять дугообразно-концентрических линий с приуроченным к окрестностям Киева эпицентром. Ближайший к столице отрезок (№ 1), соединявший долины Днепра и Ирпеня, следовал северными берегами рек Виты и Бобрлицы. Следующая полоса (№ 2) от Днепра протянулась левым берегом р. Стугны, а в междуречье Ирпеня и Тетерева она развернулась в изогнутый пучок параллельных линий, одна из составляющих которого достигла среднего течения Тетерева. Южнее еще две трассы (№ 3, 4) начинались близ впадения в Днепр рек Стугны и Красной (рядом с летописными Треполем и Витичевом) и направлялись в междуречье Стугны и Роси. Из них северная и более протяженная линия пересекала Унаву, Ирпень и

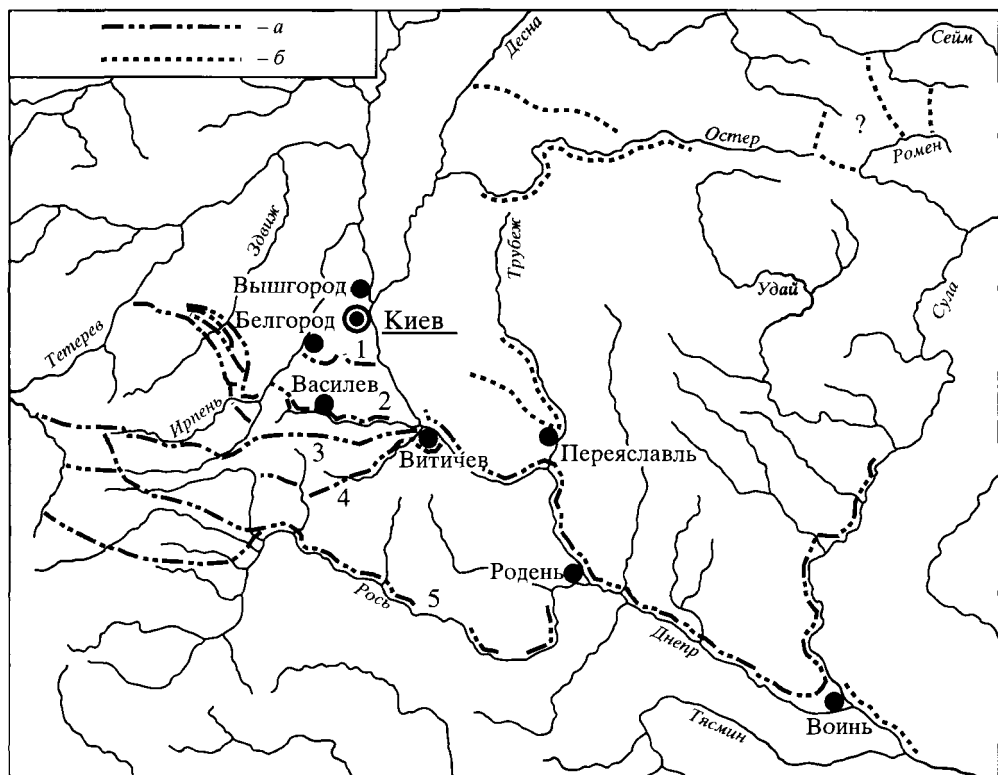

Рис. 90. Змиевы валы Среднего Поднепровья

Условные обозначения: а – археологически изученные укрепления; б – отрезки укреплений, известные только по литературе

достигала верхних притоков Тетерева. Меньший отрезок сначала придерживался левого берега р. Красной, затем пересекал р. Протоку и упирался в другой левый приток Роси – Каменку. Пятая по счету и наиболее южная линия следовала левым берегом Роси и раздваивалась близ впадения в нее Каменки – ее северная составляющая плавным изгибом к северо-западу продолжилась в направлении среднего течения Гуйвы и верховьев Ирпеня, а южное ответвление волнообразным зигзагом приближалось к верховьям Гуйвы.

На Левобережье лучше изучен приднепровский вал, который начинался напротив устья Стугны, тянулся по всхолмлениям надпойменной террасы и заканчивался между Сулой и Пслом, напротив устья р. Тясмин. Это укрепление "боевой" стороной было обращено к Днепру, поэтому, скорее, возводилось для защиты от нападений со стороны бродов, множество которых известно как по летописным источникам, так и по поздним гидрографическим материалам (Спутник по Днепру, 1909. С. 18, 19; Блажевич, 1989).

На нижней Суле это сооружение имеет облик эскарпов, следующих вдоль склонов правого берега; на более пологих участках их создавали в несколько,

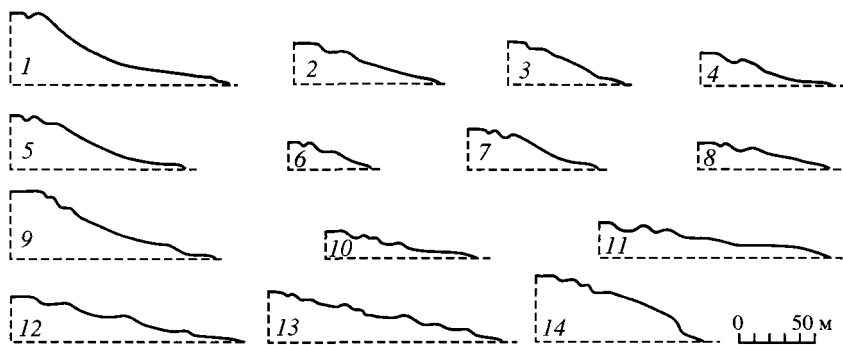

Рис. 91. Профилировка эскарповидных змиевых валов Посулья

1 – Лубны; 2 – Ляшовка; 3 – Великая Буримка; 4 – Великоселецкое; 5 – Мацкова Лучка; 6 – Чутовка; 7 – Нижний Иржавец; 8 – Онишки; 9 – Лубны; 10 – Ляшовка, маив Яр; 11 – Ляшовка, городище; 12 – Мацковцы, городище; 13 – Мацковцы, урочище Сад; 14 – Жовнино

до пяти рядов, параллельно опускавшихся от края плато почти до подножия склонов. Подрезка края правобережного склона осуществлялась на высоту 5–8 м, а горизонтальная "ступенька" в среднем имела ширину от 3 до 10 м. Не все "уступы" были одинаковы: простейшие идентифицируются как неглубокий ров на краю плато. Классический вид представлен высокой подрезкой с широкой горизонталью ступени. Часто на внешнем краю ступеней заметны невысокие валы, известны и комбинации этих приемов (рис. 91). В случаях сопряжения берегового плато с разрывавшими его древними оврагами или долинами речных притоков противолежащие отрезки эскарпа пандусами опускались к пойме, а внизу трансформировались в общий для них обычный вал со рвом, запиравший устье оврага или долины (*Моргунов*, 1996. С. 131, 133). Рис. 13.

Менее известно о других насыпях, не подвергавшихся современному изучению и ныне, видимо, уничтоженных. Одна из них пролегла по правому берегу среднего течения Трубежа с ответвлением вдоль р. Альты (*Пассек*, 1840. С. 138; *Самойловский*, 1971. С. 102). Более протяженной была линия, размещенная вдоль левого берега р. Остер, ее ров был обращен к югу (*Белецкий-Носенко*, 1898. С. 95–97).

Судя по размещению ровов, все эти укрепления предназначались для защиты Русской земли от вторжений с юга и юго-востока. Кроме обозначенной валами правобережной территории, в нее входили и левобережные земли, которые сначала ограничивались течением Трубежа, а затем были раздвинуты до берегов Сулы. В целом их система соответствует современному представлению о серии дугообразных защитных линий, поэтапно маркирующих постепенное расширение южных пределов киевского территориального ядра (*Моргунов*, 1998. С. 34, 35).

Ближайшей аналогией защитной системы Южной Руси является концентрическая оборонительная система Первого Болгарского царства. От нее сохранился 21 отрезок, многие из них превышают 100-километровую протяженность.

Считают, что она отражала идею понимания населением своей территории как ограниченного кругами центра мироздания, – это характерно как для языческого, так и для христианского периодов. Согласно такому архетипу структуры обитаемого и контролируемого пространства, с отдалением от этого центра убывают степень защищенности человека от негативных природных и социальных факторов и степень его уверенности в себе (*Козлов*, 1995. С. 80–84).

Более скупы сведения о других остатках линейных укреплений. Это два отрезка близ летописной Белавежи: один перегораживал междуречье Остра и Ромена, другой – истоки Остра и Борзенки, левого притока Десны (*Лерберг*, 1819. С. 385; *Лазаревский*, 1893. С. 180. Примеч. 329). Не исключено, что вместе с ноостерской линией эти сооружения препятствовали проникновению из степей в междуречье Остра и Десны. Еще две линии закрывали водораздел Сейма и Ромена, притока Сулы (*Филарет*, 1874. С. 328; *Белозерский*, 1884. С. 10; *Лисый*. Отчет 1975 г.). Эти линии порой также относят к змиевым валам (*Жучера*, 1987. С. 57), но удаленность от эпицентра системы линейных укреплений вызывает сомнения в их древности (рис. 90).

При детальном ознакомлении с расположением змиевых валов не покидает ощущение несовершенства отдельных участков системы. Впрочем, отдельные примеры, где значительные участки укреплений следуют через болота или заливаемые половодьем низкие надпойменные террасы, можно объяснить современным увлажнением климата и подъемом подпочвенных вод. Но иногда эти преграды создавали и на не требующих специального фортификационного головокружительных кручах. Порой их линии без перерывов нависают над топкими речными поймами, где броды встречаются через 10–20 км. Следуя оборонительной логике, достаточно было укрепить лишь эти опасные точки, а вместо этого силы и средства уходили на создание сплошных преград. Кроме того, в линиях имелись и существенные пробелы, наличие которых не объясняется более поздней или современной хозяйственной деятельностью. Таким образом, похоже, что в ряде примеров линейные укрепления создавались без предварительного изучения местной топографии, или же древние строители руководствовались не вполне ясной для нас оборонительной доктриной.

Нельзя не упомянуть о следах древнего укрепления, помеченных пунктиром на карте границ Польши и России 1772 г. как "dawni row zasupyany". Трасса сооружения начиналась на левом берегу Десны южнее устья р. Смолинки (почти напротив Моровска), слабо изогнутой дугой следовала между болотами и заканчивалась не доходя Нежина (*Rizzi Zannoni*, 1772; *Коринный*, 1992. С. 55). Рис. 92.

Интерес к этому "рву" неслучаен: поскольку в XVIII в. следы этого укрепления во многом были утрачены (zasupyany), это может означать, что сооружение было создано до появления в этих местах польских поселенцев, т.е. в древнерусское время. Кроме того, термином "ров" могли обозначаться валообразные руины – примеры этого не одиночны. Вспомним вышеописанные летописные разночтения в интерпретации "гребли", двусмысленность "рва" Дорогожичей, "оброва" Поучения Владимира Мономаха и синонимичность "окопа" и "вала" в

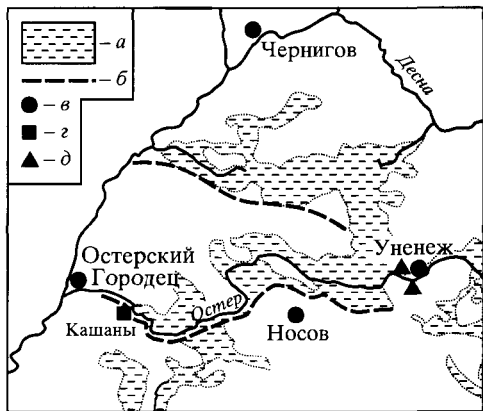

Рис. 92. "Dawni row" междуречья Десны и Остра и гипотетическая территория Остерской волости

Условные обозначения: а – болота; б – змиевы валы; в – летописные города; з – городища; д – открытые поселения

актах начала XVII в. Последнее характерно и для польских источников, где в некоторых случаях "row" является аналогом термина "okop" или насыпного фортификационного сооружения (Słownik, 1974. Т. IX. S. 40; Т. X. S. 49).

В случае если это были остатки линейного укрепления типа змиевых валов, это существенно уточняет историко-географическую картину чернигово-перяяславского пограничья на р. Остер, через низовья которой проходила сухопутная дорога меридионального направления. На раннее заселение этих земель указывает "список" укреплявшихся Владимиром Святославичем рек, возникшая в X в. крепость Кашаны и первоначальное заселение Остерского Городища (Моргунов, 2005а. С. 223–225). В 30-е годы XII в. его округа была выведена из состава Переяславской земли, стала своеобразным анклавом суздальских владений и периодически играла роль плацдарма, независимого от воли Киева, Переяславля и Чернигова (Коринный, 1992. С. 71–73). На существование там административно-территориального образования указывает статья Лаврентьевской летописи под 1148 г.: "Ростиславъ иде в Городецъ, а по городом посажа посадники своя" (ПСРЛ. Т. 1. С. 320).

До сих пор для Остерской волости не находилось места, хотя за обладание ею ожесточенная борьба длилась почти на всем протяжении XII в. Если же допустить, что "ров" являлся змиевым валом, то пределы Остерской волости обретают гипотетическую реальность: это была компактная территория на правом берегу Остра, с севера и юга ограниченная двумя преградами линейных укреплений, с запада – Десной, а с востока – болотом Смолянка.

Следует также остановиться на остатках другого загадочного сооружения, валы которого упомянуты в летописях под 1095 и 1149 г. (см. с. 57 настоящего издания), а с середины XIX в. их стали относить к змиевым. Это расположенные напротив летописного Переяславля две концентрические дугообразные насыпи, связывающие низовье Трубежа с левым коренным берегом Днепра и охватывающие овальную в плане территорию размером 17 × 25 км (рис. 93).

В свое время после обследования большого переяславского вала Б.А. Рыбаков предположительно отнес его к укреплениям скифского времени (Рыбаков, 1949а. С. 22). В 1966 г. это мнение было подтверждено исследованиями Б.А. Шрамко, который обнаружил там раннескифские материалы VI в. до н. э. и снял план сооружения, названного им Каратувльским городищем (Шрамко. 1967. С. 200, 201). В целом это истолкование было поддержано исследо-

Рис 93. Остатки кольцевидного укрепления напротив Переяслава

Условные обозначения: а – валы Каратульского городища; б – край коренного левого берега Днепра

ваниями М.П. Кучеры. Он уточнил, что каратульские насыпи слагались из прямолинейных отрезков, не характерных для змиевых валов (Кучера. 1987. С. 11, 58, 60). В контексте изучения больших городищ лесостепной Скифии памятник интерпретировался также В.Ю. Мурзиным и Р. Ролле (см.: Кучера. 1998. С. 36).

Новые материалы были введены в научный оборот после сплошного изучения прилегающей к валам территории и уточнения их планировки экспедицией Переяслав-Хмельницкого историко-культурного заповедника. Так, оказалось, что остатки укреплений не составляли замкнутой дугообразной системы, характерной для городищ. Тем не менее исследователи подтвердили наличие среди остатков оборонительных сооружений прямолинейных отрезков, а под валом близ с. Малая Каратуль был обнаружен культурный слой с материалами черняховской культуры III–V вв. Это позволило авторам в соответствии с относительной хронологией вновь отнести остатки этих обширных укреплений к змиевым валам древнерусского времени (Роздобудько, Тетеря, 1996; 1997).

И все же такая атрибуция при всем ее интересе меня не вполне убедила. В первую очередь ей противоречит наличие прямолинейных отрезков валов, не характерных для доогнестрельной эпохи. Кроме того, благодаря скрупулезным полевым исследованиям М.П. Кучеры, к настоящему времени тщательно изучен буквально каждый километр как сохранившихся, так и стертых временем змиевых валов. Эти наработки показывают, что дуги переяславских сооружений никак не соответствуют типу линейных укреплений, остатки которых именуют змиевыми валами; для такой интерпретации нет аналогий. Поэтому, сознавая значительный вклад новейших исследователей этой проблематики, я вслед за М.П. Кучерой все же не могу поддержать подобную интерпретацию переяславских валов.

Летописные сведения о змиевых валах показывают, что в конце XI в. они служили современникам лишь приметными топографическими ориентирами, т.е. полностью утратили оборонительное значение (Pannonopt, 1956. С. 168). На археологическом материале это было показано полевыми исследованиями М.П. Кучеры (1987а. С. 130).

Более подробные сведения содержатся в письме архиепископа Бруно Кверфуртского к германскому императору Генриху II (1008 г.), где повествуется о

посещении миссионером двора Владимира Святославича и начале его пути и печенежские степи. В письме упомянуто об окончании возведения на берегу реки снабженных воротами "завалов" (варианты перевода: "засек" или "крепчайшей и длиннейшей ограды"), которыми Владимир на большом пространстве обвел пределы своих владений "для безопасности государства" (*Оглоблин*, 1936. С. 76; *Свердлов*, 1989. С. 50, 55). Еще В.Б. Антонович показал, что следами этой пограничной линии являются змиевы валы (1884. С. 368, 369). А поскольку средневековые путешественники, купеческие караваны и войска ежедневно преодолевали не более 30–35 км (*Рыбаков*, 1969. С. 190, 192; 1971. С. 335; *Дулов*, 1983. С. 119) сообщение Бруно позволяет гипотетически определить и местоположение южной границы Руси, отделенной от Киева двумя днями пути.

Из Киева в печенежские степи вели две основные дороги, пересекавшие змиевы валы. Юго-восточная следовала через Переяславль и Сулу, а южная пролегла через среднее течение Стугны и Роси: этих направлений придерживались печенеги, нападая на Киев, Переяславль, Василев и Белгород. Поэтому вопрос о направлении пути архиепископа в свое время вызвал оживленную дискуссию в литературе. В движении Бруно к Переяславлю был уверен В.Г. Ляскоронский (1916. С. 278), но этому противоречит слишком большое расстояние до него (около 90 км). Там отсутствует и описанный архиепископом рельеф местности окрестностей переправы. Гипотеза О.В. Сухобокова допускала, что Бруно мог за два дня достичь низовьев Сулы, преодолев со своим караваном около 220 км (*Сухобоков*, 1992. С. 198, 199). Последовательным сторонником южного пути был В.Б. Антонович, с которым согласился и М.П. Кучера. Но их путевые подсчеты оказались неожиданными: переправа Бруно совпала с линией змиевого вала, находящегося в северной части водораздела Стугны и Роси, т.е. на маловодном Перепетовом поле (*Антонович*, 1884. С. 368; *Кучера*, 1987а. С. 131).

Действительно, для миссионера второй путь был предпочтительным, поскольку печенеги чаще появлялись с юга. Расстоянию от Киева до границы более соответствует дорога, ведущая к среднему течению Роси, протяженностью около 76 км. Этот путь сначала следовал через летописный Василев (Васильков), откуда до Киева не более 35 км. К исходу второго дня путешественник попадал в летописный Юрьев (Белую Церковь) на Роси. Обе крепости укладывались в классическую подорожную цепочку: после дневного перехода путники или войско ожидал ночлег под защитой крепостных стен (*Малеев*, 1987. С. 10).

В Белой Церкви пойма Роси аномально сужена и коренные берега поднимаются почти от самого русла реки. Это соответствует описанию Бруно: за переправой миссионер поднялся на "холм", где дождался вестника с последними напутствиями Владимира. В Юрьеве встречено и небольшое количество переложенной гончарной керамики, синхронной путешествию Бруно (*Кучера Иванченко*, 1987. С. 70). Этот материал фиксирует существование здесь поселения, необходимого для обслуживания технических нужд брода, а также ремонта и защиты деревянных укреплений (*Моргунов*, 1999. С. 74, 75; 2005. С. 255)

Все это позволяет предположить, что строительство самого позднего, русского вала, связано с деятельностью Владимира Святославича и было за

кончено около 1008 г., незадолго до приезда на Русь католического миссионера (Толочко, 1999. С. 67, 70; Моргунов, 2005. С. 255).

Одной из ключевых проблем является определение древнего облика этих протяженных насыпей. Совсем недавно никто не сомневался, что "завалами", "засеками" или "весьма длинной и крепкой оградой" следует считать валообразные насыпи, которые дошли до нас в прежнем, хотя и оплывшем виде. Согласно новейшим представлениям, их основу составляли валы скифо-сарматского времени, которые обновили и, укрепив высоким частоколом, приспособили для борьбы с печенегами (Михайлова, 2006. С. 66, 67). Отсюда следовало, что "для преграждения пути кочевникам... достаточно было глубокого рва и высокой насыпи. На проделывание проходов в подобном укреплении или же на его объезд гребовалось время, за которое князья успевали подготовиться к отражению неприятеля" (Толочко, 1999. С. 66, 67).

Эта картина, видимо, навеяна впечатлениями о поздних линейных сооружениях, которые возводили из прочных строительных материалов, поэтому для их разрушения требовались саперные подразделения. На практике змиевы валы редко превышают высоту 3–4 м: их размеры принципиально не сопоставимы с указанными Ф. Ласковским оборонительно эффективными валами. Кроме того, змиевыми валами ограждались против кочевников, а для легкой кавалерии существенной преградой не являются даже значительные перепады рельефа. Исходя из преувеличенных представлений о мощности этих насыпей в древности, им гипотетически придавалось и особое предназначение: "Главной задачей так называемых змиевых валов было предотвратить длительный захват русских земель, не дать возможности включить их в систему кочевнических выпасных угодий" (Толочко, 1999. С. 66–67). Думается, что истолкование первоначального вида змиевых валов как земляных насыпей, которые не могла преодолеть легкая конница, обосновано недостаточно убедительно.

В свою очередь многолетние полевые исследования М.П. Кучеры показали, что змиевы валы являются руинами древо-земляных стен высотой 3–4 м (Кучера, 1987. С. 155, 156). Отсюда происходит "ориентирное" истолкование их назначения летописными источниками. Эта гипотеза основана на изучении интравальных бревенчатых "каркасов", представленных двумя типами. В составе одновременно создававшихся линейных преград на соседних участках прослежено более или менее равномерное чередование обоих типов сооружений. Исследованиями М.П. Кучеры было установлено, что для строительства кривоковых стен использовался лес различной толщины, включая ветви и вершины, а срубы собирали только из качественных бревен (Кучера, 1987. С. 157, 161, 162).

Кривоковые сооружения однорядного и двухрядного строя. Уничтоженное огнем однорядное защитное устройство у с. Лепляво прослеживалось на пять ярусов бревенчатой кладки, а ее поперечное сечение имело подпрямоугольные очертания, схожие с нижней частью вертикальной стены (рис. 94, 1). Таким же

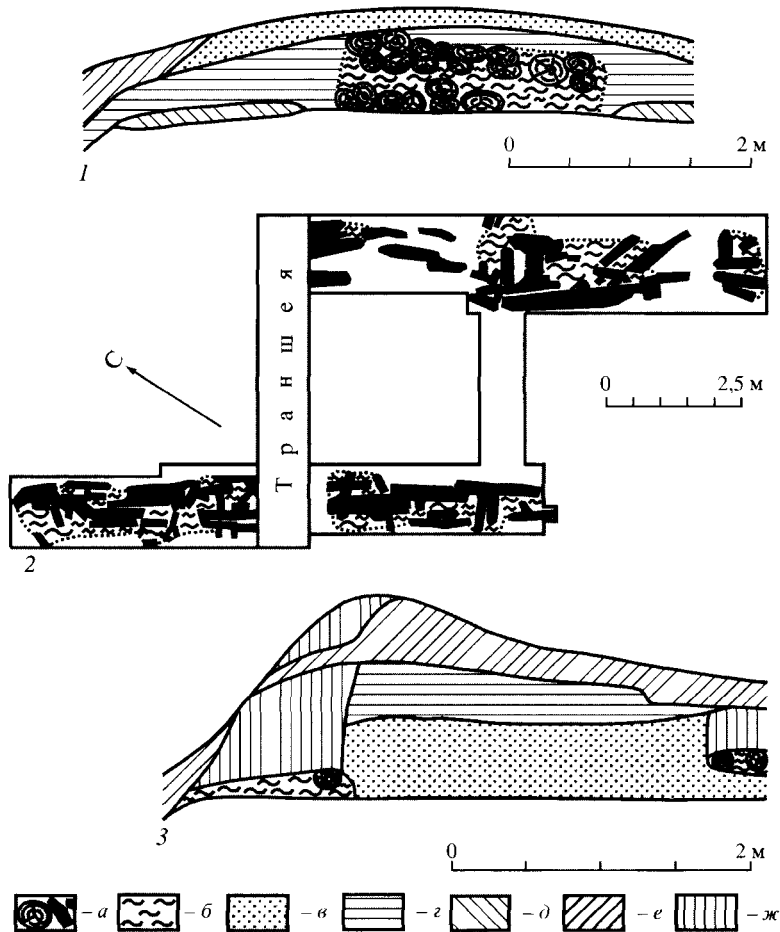

Рис. 94. Крюковые конструкции змиевых валов

1 – однорядное сооружение (приднепровский вал у с. Лепляво; 2 – двухрядное устройство у хут. Хлебча на р. Стугна; 3 – двухрядная конструкция близ сел Хлебча–Скребки (по М.П. Кучере)

Условные обозначения: а – обгоревшие бревна, угли; б – песок с золой и углями; в – серый суглинистый забутки; г – суглинистые забутки; д – светло-коричневый песок; е – темно-серый песок; ж – желтый песок

образом устроен томиловский вал на Роси (Кучера, 1987. С. 131, 136) рядом с Белой Церковью, вероятной точкой переправы архиепископа Бруно.

Первоначальный облик крюковых преград не всегда понятен из-за их деформации, тем не менее однорядные образцы лучшей сохранности дерева во многом сходны с "галльскими стенами", конструкция которых описана Цезарем. "На землю кладутся во всю длину прямые и цельные бревна параллельно друг другу с промежутком в 2 фута; они связываются внутри [поперечными

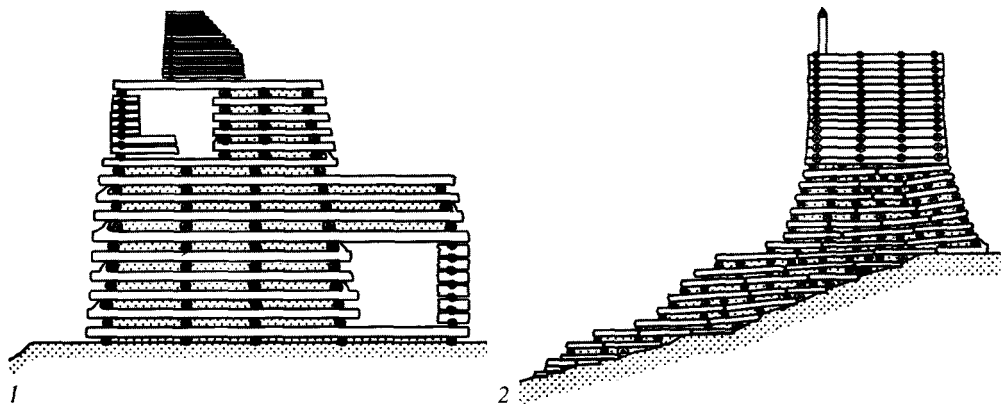

Рис. 95. Реконструкции первоначального вида крюковых сооружений

1 – крепостная стена г. Торнов (по И. Германну); 2 – однорядная защитная стена древнего г. Гнезно (по В. Гензелю)

балками] и густо покрываются землей; а спереди указанные промежутки плотно заполняются большими камнями. Положив и связав их, на них сверху кладут другой ряд с соблюдением того же расстояния между бревнами; однако бревна (верхнее и нижнее) не приходятся одно на другое, но каждое из них в пределах того же расстояния крепко сдерживается каменной кладкой. Так, рядами, возводится вся постройка, пока стена не достигнет надлежащей высоты. Это сооружение имеет, в общем, довольно приятный и разнообразный вид вследствие правильного чередования бревен и камней, лежащих рядами по прямым линиям; но, кроме того, оно вполне целесообразно в смысле успешной обороны городов, так как от огня защищает камень, а от тарана деревянная балка, которую нельзя ни пробить, ни вытянуть, ибо она состоит из цельных бревен – обыкновенно в 40 футов длиной – и внутри надлежащим образом связана" (*Цезарь*, 1948. С. 153).

В поднепровских и западнославянских образцах нет только лицевых каменных облицовок, поэтому неудивительно, что крюковые сооружения интерпретируются современными зарубежными исследователями как руины крепостных стен. Это построенные в VIII в. крепостные преграды Торнова (*Herrmann*, 1966. S. 15). По мнению В. Гензеля, укрепления польского Гнезно (X–XI вв.) также имели сечение, близкое к вертикали, но к основанию они несколько расширились (*Hensel*, 1971. S. 214). Рис. 95.

Любопытно, что на территориях массового распространения этого вида строительной техники он не был единственным. Как и в змиевых валах, в иданьских стенах X в. срубные конструкции чередовались с крюковыми. Укрепления Познани в IX – начале X в. строили из срубов, а во второй половине X в. реконструировали в крюковую систему. Обратная картина наблюдалась при возведении стен Колобжега: в середине X в. они были построены

по крюковой схеме, а во время реконструкции в середине следующего столетия на том же месте были возведены стены из забутованных срубов (Кухаренко, 1969. С. 139, 134). Сходная ситуация прослежена в Алчедаре, где поверх крюковых укреплений обнаружены остатки срубных стен (Федоров, 1968. С. 85, 86).

Хорошие примеры использования двухрядных крюковых сооружений исследованы в змиевых валах побережья р. Стугны: они красноречиво представлены и в плане, и в профиле (рис. 94, 2, 3). Эти конструкции – воплощенная в дереве аналогия римских и византийских трехслойных каменных стен. Такой стеной в XII в. был защищен Киево-Печерский монастырь, где забутовка из кирпичного боя заполняла пространство между двумя кирпичными панцирями (Асеев, Богусевич, 1951. С. 40–42).

В экстремальных условиях античные мастера строили и трехслойные древо-земляные укрепления. Применительно к событиям I в. н.э. подобный казус описан Иосифом Флавием: после разрушения римлянами внешней каменной стены Иерусалима иудеи восстановили ее в двухрядно-крюковом виде из дерева и земли. "Положив огромные бревна одно к другому, они скрепили их концы. Два таких параллельных ряда отстояли друг от друга ровно на ширину стены, а промежуток между ними они заполнили землей. Чтобы при этом земля не высыпалась, они связали лежащие в длину бревна с другими, поперечными...". Прочностная оценка такой преграды буквально совпадала с оценкой Цезарем галльских укреплений: такая стена "была упруга и ослабляла силу ударов осадных машин" (Флавий, 1996. 7, VIII, 408; Мещерский, 1958).

Конструктивная близость обоих вариантов встреченных в змиевых валах крюковых устройств подчеркивает реальность их гипотетической реконструкции в качестве более или менее вертикальных стен. Как и защитные сооружения с лицевыми кладками из сырца, участки среднеднепровских укреплений крюкового строя являются материальными остатками привнесенной на Русь иноземной фортификации (Моргунов, 2005. С. 257).

Внешность крюковых стен в определенной мере сближает варианты перевода названия поросских укреплений на русский язык, среди которых встречаются "завал" или "укрепленная засекой линия" (Гильфердинг, 1856. С. 6; Оглоблин, 1936. С. 76). Бруно долго гостил в Киеве, защищенном "русскими" срубными стенами с ритмично выступающими бревенчатыми выпусками. Поэтому несведущему в фортификации миссионеру поросская стена действительно могла показаться "завалом" (наваленными друг на друга рядами разнокалиберных бревен) или "засекой" (оградой из "засеченных", срубленных стволов).

Срубные стеновые городни – обычные для древнерусской фортификации цепочки заградительных сооружений. На Правобережье они были аналогичны крепостным, а в левобережном Вязивке сохранившаяся на полуметровую высоту пойменная стена содержала срубы размерами всего 1,2 × 2,0 м (Моргунов, 19886. С. 287). Рис. 13.

Кроме того, в недрах краевых валов многоярусных эскарпов встречены остатки незабутованных срубов. По размерам они уступают "городищенским", сильно деформированы и зачастую сдвинуты водной эрозией к самым краям "ступеней". Возвышающиеся над ними невысокие валы состояли из чернозема ленточно-слоистой структуры: это естественное и постепенное наслоение образовавшихся под воздействием дождей и таяния снега грунтовых смылов поверх обугленных бревен. Изначально это были цепочки пустотелых клетей. С низкого левого берега Сулы крутые правобережные склоны, видимо, представляли собой грандиозное зрелище, напоминавшее колоссальный крепостной вал, горизонтально рассеченный лентами бревенчатых стен. Остатки подобных сооружений обнаружены в Мацковой Лучке, Онишках и Лящовке; схожие конструкции наблюдались и М.П. Кучерой (*Кучера*, 1988. С. 39; *Кучера*. Отчет 1986 г. С. 7, 8; Отчет 1987 г. С. 14–17).

Линейные стеновые преграды – это несъемлемая часть общемировой фортификационной традиции. Валообразные руины протяженных пограничных сооружений, устроенных с применением камня и дерева с различными наполнителями, известны в Великобритании, строились датчанами-викингами, встречаются в землях древних германцев, западных славян и жителей Волжской Болгарии. По технической сути и "антиварварской" защитной направленности аналогичным сооружением является и Великая Китайская стена, а "длинные стены" из камня, "соединявшие оба берега моря", возводились римлянами и греками (*Антонович*, 1884. С. 364, 365; *Прокопий*, 1939. С. 250, 263; *Той*, 1955. Р. 56; *Феофилакт Симокатта*, 1957. С. 32, 35, 61, 63, 167; *Chadwick*, 1963. Р. 23–25; *Овчаров*, 1982. С. 86–88; *Гальфрид Монмутский*, 1984. С. 49, 60, 61, 133; *Лебедев*, 1985. С. 89; *Кучера*, 1987. С. 172, 173; *Буйских*, 1991. С. 115).

По внешним признакам первоначальный облик древних сооружений не всегда очевиден. Для удаленных объектов известные недоразумения обусловлены традициями перевода исторической терминологии. Так, восходящее к малознакомому языку название Великой Китайской стены (Great Wall of China) не вызывает сомнений в ее устройстве, а "стена Адриана" (Hadrian's Wall) в отечественной литературе за редким исключением (*Штокман*, 1973. С. 9) до сих пор именуется "оборонительным валом" (СИЭ, 1961. Т. 1. С. 218; РЭС, 2001. Кн. 1. С. 24).

На самом деле во II в. император Адриан отгородил заселенную варварскими племенами пиктов Северную Англию от римских владений каменной стеной высотой от 4,5 до 6 м и толщиной от 2,5 до 3 м. Она была трехслойной: в промежуток между двух панцирей из бутового камня укладывалась щебеночная забутовка на глинистом растворе, а снаружи устраивалась облицовка из тесаных каменных блоков. Отступя на расстояние 6-метровой бермы перед стеной размещался ров глубиной около 8 м. Укрепление протянулось на 128 км от одного побережья до другого, было дополнено фортами и сторожевыми башнями, а с его внутренней стороны размещались лагеря легионеров. (*Черчилль*, 2005. С. 43–45; *Chadwick*, 1963. Р. 23–29; *Голицынский*, 2005. С. 51, 52). Рис. 96, 97.

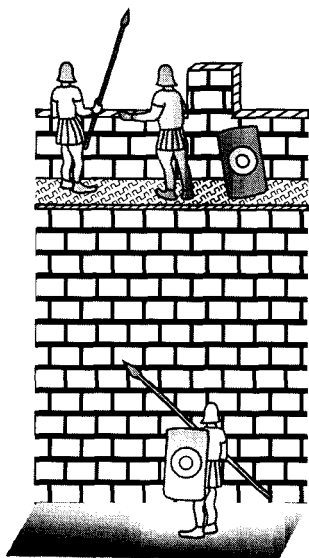

Рис. 96. Реконструкция древнего облика фрагмента "стены Адриана" (реконструкция музея Хаустида по фотографии С. Бонвалле)

Рис. 97. Современный внешний вид одного из отрезков "стены Адриана" (по С. Бонвалле)

Иное дело, если речь идет о расположенных неподалеку и визуальнo различимых руинах. В таких случаях прочность строительного материала позволяет легко угадывать в каменных развалинах следы крепостных стен. Но земляные насыпи с истлевшими бревенчатыми каркасами настолько непохожи на древо-земляные стены, что их продолжают именовать защитными валами.

Расселение защитников протяженных укреплений

Как и другие пассивные искусственные преграды, древо-земляные укрепления нуждались в людских ресурсах для их возведения, ремонта и обороны. Кроме того, внешние государственные рубежи для того и устраивались, чтобы уберечь внутреннее и приграничное расселение от военного вмешательства извне. Следовательно, "длинные стены" должны были синхронно сопровождаться поселениями. Для современной литературы характерны неподтвержденные фактами представления о том, что вдоль линий змиевых валов "на некотором расстоянии друг от друга" были построены сторожевые крепости, в которых несли службу периодически менявшиеся заставы. Каждая крепость имела сиг-

нальную башню. Такие же башни возвышались вдоль дорог, ведущих в Киев" (Михайлова, 2006. С. 67).

На первый взгляд средоточием людских ресурсов могли являться и "города" Владимира Святославича. Их возведение на пяти пограничных водных потоках обозначено в Повести временных лет под 988 г. (ПСРЛ. Т. 1. С. 121). Из этого "списка рек" змиевы валы известны на четырех – Стугне, Трубеже, Суле и Остре. Такое соответствие в литературе кристаллизовалось в аксиому об одновременном строительстве змиевых валов и "владимировых" крепостей (Толочко, 1999. С. 66). Согласно этой аксиоме, привлечение к анализу сведений о соседствующих городищах могло бы существенно уточнить хронологию применения линейных преград. Подобные изыскания проводил М.П. Кучера. Их результаты, казалось, были подкреплены множеством наблюдений, ссылками на литературу, иллюстрированы специальной картой. Так, на правом берегу Днепра исследователь пытался показать взаимосвязь валов с городищами витянско-бобрицкой, ирпеньско-тетеревской, постугненской и поросской защитных систем (Кучера, 1987. С. 19–65, 79. Рис. 44).

На самом деле около витянско-бобрицкой линии змиевых валов находится городище Будаевка (Боярка), где П.А. Раппопортом была обнаружена неопределимая домонгольская керамика, а М.П. Кучерой – несколько венчиков XI в. (Раппопорт, 1952. С. 22; Кучера, 1999. С. 198, № 181). Материала явно недостаточно, чтобы считать поселение спутником "длинных стен". Более того, вплоть до вскрытия вала этот искаженный поздним строительством памятник, похоже, рано относят к домонгольским укреплениям – видимо, поэтому городище не зафиксировано в легенде к археологической карте древнерусских поселений (ДПСР, 1984). Никак не связаны с витянско-бобрицкой ниткой змиевых валов и такие "племенные центры восточных славян", как летописный Белгород и Китаевское городище (Михайлова, 2006. С. 67, 68).

Иную оценку можно дать городищу Вита Почтовая, напластования которого содержат два горизонта, разделенные слоем пожарища. Ранний слой хронологически близок эпохе Владимира Святославича, а верхний, с округлыми очертаниями укреплений, датируется XII–XIII вв. (Раппопорт, 1952. С. 142–145). Вероятно, на этом месте существовало открытое поселение рубежа X–XI вв., на пепелище которого через столетие возникла небольшая крепость. Следует отметить удачное размещение соответствующего отрезка змиевого вала: с боевой стороны он был защищен настолько широкой полосой заболоченной поймы, что в безморозную пору древо-земляная стена была практически недостижима для зажигательных стрел противника.

В междуречье Ирпеня и Тетерева к более поздним укреплениям относятся Бышев, Мотыжин, Макаров и Черногородка. Их городища практически не затронуты шурфовкой, а обломки сосудов XI–XIII вв. единичны на фоне обилия остатков керамики XVIII–XVIII вв. Вероятно, эти укрепления имеют позднее происхождение. А пока там можно констатировать только существование малонаселенных селищ, датировка которых не совпадает с эпохой массового возведения линейных укреплений (рис. 98).

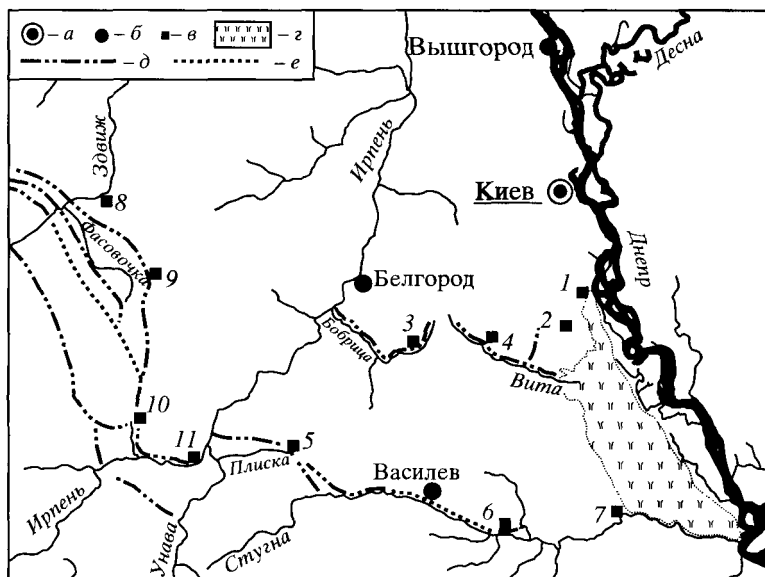

Рис. 98. Соотношение ближайших к Киеву змиевых валов с городищами

1 – Китаево; 2 – Пирогово; 3 – Будаевка; 4 – Вита Почтовая; 5 – Плесецкое; 6 – Заречье; 7 – Старые Безрадичи; 8 – Макаров; 9 – Мотыжин; 10 – Бышев; 11 – Черногородка

Условные обозначения: а – столица Руси; б – летописные города; в – городища; з – правобережная пойма Днепра; д – сохранившиеся линии укреплений; е – реконструируемые участки змиевых валов

Городище Плесецкое, находящееся в линии постугненских змиевых валов, характеризуется обилием позднесредневекового материала и имеет признаки фортификации этого же времени (*Раппопорт*, 1952. С. 146; *Кучера*, 1976а. С. 183; ДПСР, 1984. С. 51). В его окрестностях известно множество других укреплений XVII–XVIII вв. (*Добровольский*, 1909. С. 8; 1910. С. 34, 51). Поэтому предположение М.П. Кучеры о постройке поздней крепости поверх руин древнерусской пока недостаточно обосновано. Тем не менее на вероятность существования на этом месте раннего открытого поселения указывает керамика VIII–X и XI–XII вв.

Согласно общепринятому мнению, при Владимире Святославиче левый берег Стугны являлся южной границей правобережной Руси (*Рыбаков*, 1971. С. 166). Это соответствует списку укреплявшихся им рек, где отсутствует упоминание расположенной южнее Роси (под 988 г.: ПСРЛ. Т. 1. С. 121). Правда, возникает вопрос, почему Владимир вынес новую границу на Сулу, на расстояние 220–230 км от Киева, а более значимая для защиты столицы Стугна протекает всего в 35 км южнее столицы. При этом за скобками осталось существование при устье Роси летописного Родня, а также археологически зафиксированной связи поросской нитки змиевых валов с поселениями конца X – начала XI в. (*Толочко*, 1999. С. 70). Керамические материалы этого времени в переотложенном виде или в подсти-

Рис. 99. Николаевка. Топографическая взаимосвязь городища, селища и змиевого вала (по М.П. Кучере)

Условные обозначения: а – городище; б – селище; в – линия змиевого вала; г – заболоченная пойма Росн

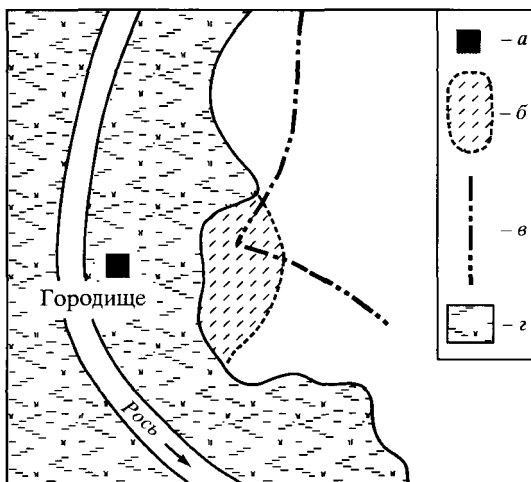
лающих слоях городищ встречены на поросских городищах на Замковой Горе (Белая Церковь), при раскопках летописного Корсуня, в Богуславе, Саварке, Сухолесах и на селище Николаевка (Толочко, 1975. С. 46; Кучера, 1976. С. 196; Кучера, Иванченко, 1987. С. 70; Иванченко, 1988. С. 102; Моргунов, 1999. С. 74).

Так, в Николаевке остатки несколько более поздней крепости обнаружены на надпойменном всхолмлении (Звіздецький, Серов, 1988. С. 68, 74), а материалы эпохи Владимира Святославича – на левобережном открытом поселении, пересеченном изгибом змиевого вала, перекрывшем напластования рубежа X–XI вв., XI и частично XII в., откуда был сделан вывод о более позднем времени создания линейных укреплений Поросья (Кучера, 1987. С. 75–77). К сожалению, автор гипотезы не обратил внимания на остроугольную планировку этого вала (Кучера, Иванченко, 1987. С. 70, 71. Рис. 9), которая нетипична для древнерусской фортификации, а более схожа с реданом эпохи огнестрельного оружия (рис. 99).

Этноопределимые находки и детали погребального обряда, характерные для летописных древлян и населения северных областей Руси, происходят и из курганного могильника Яблуновка. Ранние погребения, возможно восходящие к X в., наделяют этот памятник чертами близкого сходства с дружинным лагерем в Шестовицах (Орлов и др., 1985. С. 55, 56; Моця, Покас, 1998. С. 67). Такая картина в литературе связывается с присутствием на ближайшем поселении владимировых "мужей лучших".

В этом ряду закономерно и появление в соседнем каневском Поднепровье неукрепленных поселений рубежа X–XI вв. Григоровки-Бучак, урочища Чернечий Лес и др. (Петрашенко, 1998. С. 216; 2005. С. 16). Похоже, что не позже конца X в. возникли и поселения в Триполье (Петрашенко, Козюба, 1999. С. 16), Ходорове (Кучера, 1999. С. 200; Петрашенко, Козюба, 1999. С. 70) и Пекарях (Толочко, 1999. С. 70). Несомненно, заселение эпохи Владимира Святославича было значительно более плотным, например только в междуречье Днепра – Ирпеня – Стугны О.В. Серовым было обнаружено 26 селищ этого времени (Серов, 1997. С. 101).

В эту часть исследования М.П. Кучеры, видимо, вкралось недоразумение. За редким исключением, в указанных им работах плотная взаимосвязь городищ

со змиевыми валами не фиксировалась (*Раппопорт*, 1952а. С. 107–108; 1952б. С. 142, 144, 146; 1954. С. 23; *Рыбаков*, 1965. С. 127; *Кучера*, 1976а. С. 184). О подобном казусе в свое время предупреждал еще П.А. Раппопорт: "уточнение датировки городищ этого района позволяет прийти к выводу, что связь древнерусских укрепленных поселений со змиевыми валами в действительности не такая тесная, как кажется с первого взгляда" (*Раппопорт*, 1954. С. 26). М.П. Кучера счел это наблюдение предубеждением, вызванным недостаточно полным обследованием линейных укреплений (*Кучера*, 1987. С. 12), но это представляется недостаточно обоснованным.

Для левобережья Днепра М.П. Кучера указывал на связь со змиевыми валами укреплений Лепляво, Веремеевка, Городище под Переяславом-Хмельницким и ряда нижнесульских форпостов (*Кучера*, 1987. С. 78–80, 179). Если же обратиться к указанной автором литературе (см. *Макаренко*, 1970. С. 49, 87; *Ляпушкин*, 1961. С. 331, *Кучера*, 1962. С. 89; 1970. С. 217), его вывод также выглядит не вполне убедительно. Упоминание о змиевых валах содержится лишь в одной из цитированных работ, где сказано, что их линия размещалась "в 600–700 м к югу от городища" Цибли (*Кучера*, 1970. С. 217). Известно также, что приднепровский вал не связан с городищем летописного Желни (*Юра*, 1956. С. 3). Нельзя признать удачной и попытку исследователя связать со змиевыми валами другие посульские укрепления, возникновение которых он на основании подъемного материала их селищ датировал эпохой Владимира Святославича (*Кучера*, 1987. С. 80, 179; ср.: *Моргунов*, 1966. С. 94–134). Очевидно, гипотеза о синхронности и топографическом взаимодействии остатков линейных укреплений с соседствующими городищами нуждается в уточнении. Подходящим средством для этого может служить объективно выбранный временной репер, позволяющий заново оценить вероятность этой взаимосвязи. Таким хронологическим индикатором может служить наличие в валах городищ лицевых сырцовых кладок, применение которых связано с деятельностью Владимира Святославича.

В Среднем Поднепровье сырец обнаружен в Киеве, Белгороде, Василеве, Заречье, Переяславле и Воине. Между тем близ Киева, Белгорода и Воиня змиевых валов не было. Не встречен сырец и на Роси, где пролегла самая протяженная линия змиевых валов. Линейные и крепостные сооружения взаимосвязаны только на Стугне: Василев и Заречье содержат и сырцовые кладки и напластования рубежа X–XI вв. Змиев вал здесь сильно поврежден, но его осевая доминанта придает такому представлению высокую степень достоверности (*Рыбаков*, 1966. С. 91; *Кучера*, 1987. С. 22, 23. Рис. 6. С. 72, 73, 79). Рис. 98. Не исключена такая взаимосвязь и вблизи Переяславля. В этой связи возникает вопрос, какими поселениями линейные укрепления сопровождалась в наиболее массовом порядке?

После того как остатки напластований рубежа X–XI вв. обнаружили в подслое правобережных крепостей Виты Почтовой, Плесецкого, на Роси и Днепре, эта проблематика изучалась мной на посульских материалах, где памятники двух типов также соседствуют, но способ применения их защитных возможностей вызывает сомнения в одновременном сооружении форпостов и змиевых ва-

лов. Поэтому с целью стратифицирования культурных напластований пришлось обратиться к разрезам городищенских валов. Они показали, что между существованием открытых поселений и закладкой крепостных стен обнаруживается длительная хронологическая лагуна: напластования рубежа X–XI вв. были перекрыты развалами крепостных сооружений, которые начали возводить в конце XI в. Впервые это было показано на опубликованных М.П. Кучерой материалах Клешинцов и Веремеевки (*Моргунов, 1996. С. 117–118; 129*). Позже аналогичные наблюдения были получены на других нижнесульских городищах.

Эти наблюдения нуждались в планиграфическом уточнении распространения разновременных напластований. Для этого на соседствующих со змиевыми валами памятниках производился сбор больших серий инструментально фиксированного подъемного материала, который накладывался на планы поселений. Методически этот способ обоснован тем, что распашка переотлаживает керамику, но не разносит ее на значительное расстояние. В итоге сложилась единообразная картина, отразившая территориальную и хронологическую связь посульских эскарпов не с городищами, а с цепочкой открытых поселений значительной площади.

Обобщенная схема такой взаимосвязи, полученная на материалах поселения у с. Чутовка, уже публиковалась (*Моргунов, 1996. С. 135. Рис. 46*), но в сжатом виде она выглядела недостаточно убедительной. Поэтому имеет смысл вернуться к ней с более подробными комментариями.

Первоначальное открытое поселение площадью около 5 га размещалось на высоком выступе берегового плато, ограниченном двумя неглубокими оврагами и вплотную примыкало к змиевому валу. Подъемный материал распространялся почти по всей площади мыса, нависавшего над старой дорогой, ведущей к броду через заболоченную пойму (рис. 100, 1). Контуры застройки поселения сложились на основании выборки, составляющей более двухсот определенных венчиков, относящихся к концу X – началу XI в. Подобная тонкостенная керамика горнового обжига изготавливалась из хорошо отмученного теста. Типологически эту посуду отличает наличие типичного "манжета" с заостренным, притупленным или расширяющимся верхним краем сосуда. Венчики этой серии сопоставлялись с синхронной среднеднепровской керамикой (*Петрашенко, 1992. С. 18*), материалами построек поселения Григоровка (*Виноградська, Петрашенко, 1993. С. 56, 57*) и с качественно стратифицированными обломками посуды из разреза вала летописного Снепорода (*Моргунов, 1996. С. 25*). Рис. 101.

В середине XI в. площадь отложения керамики сильно сократилась и население сконцентрировалось узкой полосой вдоль края мыса (рис. 100, 2). Очевидно, в этот относительно безопасный период приток "лучших" прекратился, а оставшиеся колонисты осваивали более удобные для проживания урочища: синхронные поселки появились у подножия мыса, несколько "хуторков" образовалось и на пойменных всхолмлениях.

Следующий всплеск жизни на поселении связывается с возникновением оловцевской опасности. На рубеже XI–XII вв. на северном краю мыса была по-

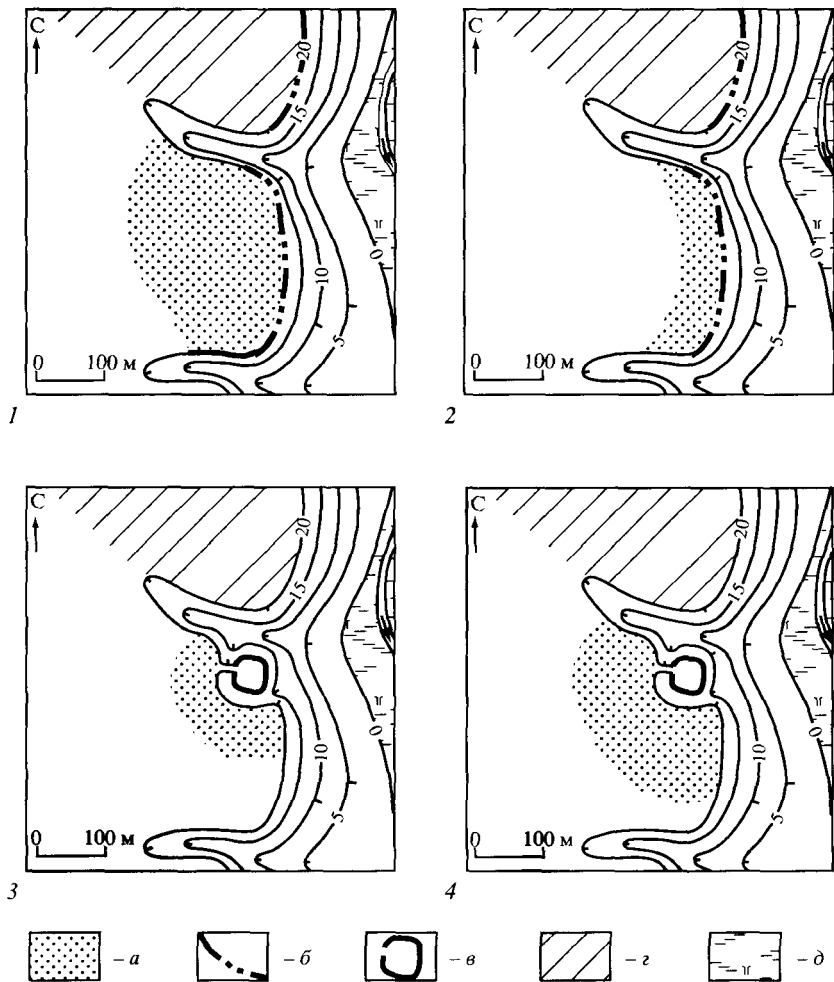

Рис. 100. Изменение планиграфии культурных напластований открытого поселения в Чутовке

1 – рубеж X–XI вв.; 2 – середина XI в.; 3 – рубеж XI–XII вв.; 4 – середина XII в.

Условные обозначения: а – пределы поселения; б – змиев вал; в – городище; з – огороды села Чутовка; д – пойма Сулы

строена небольшая крепость, стены которой перекрыли раннее поселение, а его напластования попали в забутовку городней. Изменилось и окрестное заселение: крепость была охвачена полукольцом селища площадью всего 2 га, которое утратило взаимосвязь с руинами более ранней стены. Позже этот способ расселения сохранился, а площадь селища стала постепенно увеличиваться (рис. 100, 3, 4). К середине XII в. оно достигло размеров раннего открытого поселения, а к концу XII – началу XIII в. расширилось до ныне распаханного

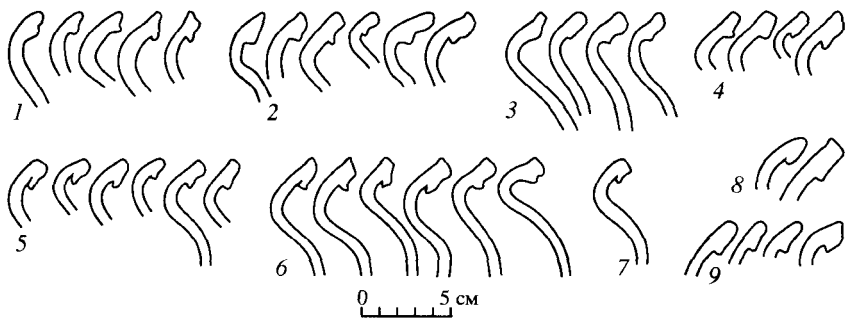

Рис. 101. Керамические формы, которые принято датировать рубежом X–XI вв.

1 – керамика X – первой половины XI в. (М.П. Кучера); 2 – материалы конца X–XI вв. (В.А. Петрашенко); 3 – основные типы сосудов рубежа X–XI вв. (Л.И. Виноградская, В.А. Петрашенко); 4 – типобразующие формы гончарной посуды рубежа X–XI вв. (Ю.Ю. Моргунов: разрез вала летописного Снепорода); 5 – Чутовка (Ю.Ю. Моргунов); 6 – Пристромы (М.П. Кучера); 7 – Цибли (А.П. Савчук); 8 – из построек поселения Григоровка (Л.И. Виноградская, В.А. Петрашенко); 9 – Русанов (М.П. Кучера)

вала окольного города. Кроме Чутовки, аналогичные ранние поселения были обнаружены в Лящевке, Клещинцах, Мацковцах, Тарасовке и Великой Буримке 1–3. Многочисленные материалы указывают на вероятность существования таких поселений и на ныне разрушенных памятниках Жовнино и Веремеевка (Моргунов, 1996. С. 99, 107, 110–114). Рис. 102.

Следы аналогичных поселений сохранились и в подслое других городищ Левобережья, находящихся вблизи от исчезнувших линий змиевых валов, протянувшихся по течению рек Трубеж, Альта и Остер (Моргунов, 1999. С. 72), благодаря чему единство защитной системы обоих берегов Днепра становится более очевидным (рис. 103). Отдельные категории находок поселений и погребальный инвентарь синхронных могильников соответствуют летописной оценке способа заселения южного пограничья "мужами лучшими" из более северных и центральных регионов Руси (Моргунов, 1988б. С. 285, 287; 1996. С. 134–138).

Таким образом, на обоих берегах Днепра линейные укрепления сопровождались открытыми поселениями – своеобразным прообразом густонаселенных казачьих станиц более позднего времени. Впрочем, представление об их односторонней защищенности весьма условно, поскольку от фланговых и тыловых ударов они могли быть ограждены такими легкими преградами, как частоколы, каркасно-столбовые или плетневые стены. На Суле их археологические следы могли не сохраниться в связи с плотной современной застройкой дневной поверхности, а также по причине глубокого залегания материка (мощность черноземов здесь колеблется в пределах 1,2–1,5 м).

Во второй половине – конце XI в. практически на этих же местах начали массово возводить пограничные крепости. Насыпи змиевых валов и поселения связывала с форпостами лишь одинаковая оборонительная нагрузка, приложен-

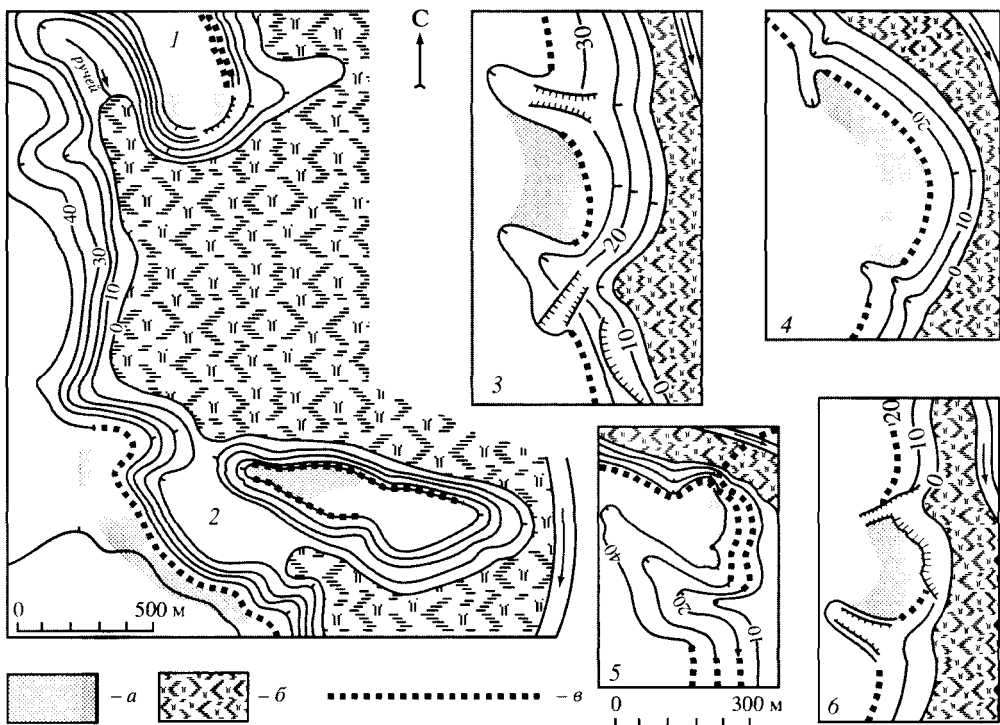

Рис. 102. Посульские большие открытые поселения

1 – Великая Буримка (Мисто); 2 – Великая Буримка (Городок); 3 – Клещинцы; 4 – Ляшовка; 5 – Мацковцы; 6 – Тарасовка

Условные обозначения: а – территория поселений; б – заболоченная пойма Сулы; в – змиевы валы

ная к берегам одних и тех же рек. Отсюда происходит тяготение обоих типов памятников к доминирующим береговым высотам, создававшим удобство обзора засульской степи и контроля над удобными подъемами от бродов на высокие плато.

Причина оригинальности линейного посульского укрепления, видимо, кроется во взаимоотношениях Руси с населением окраины северянского расселения. Известно, что один из древнейших кочевнических путей на Русь пролегал левым берегом Днепра и на беслесных низовьях Сулы упирался в эскарпированный заслон Владимира Святославича, где не было коренного населения. Северная оконечность защитной линии на 25 км внедрилась в пределы древнего лесного массива и ареал археологической роменской культуры, взяв под контроль не менее трех значительных северянских поселений (рис. 104). К этому времени относят строительство значительной северянской крепости в Хитцах возможно, это была реакция на вторжение с юга и разрушение лубенской крепости (Григорьев, 2000. С. 204).

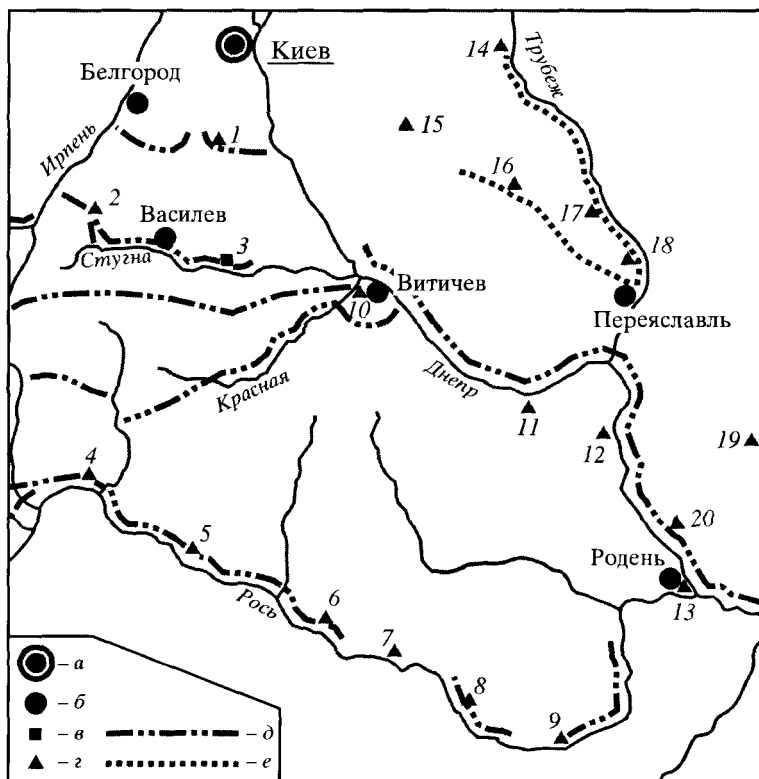

Рис. 103. Открытые поселения рубежа X–XI вв., связанные со змиевыми валами

1 – Вита Почтовая; 2 – Плесецкое; 3 – Заречье; 4 – Белая Церковь; 5 – Сухолесы; 6 – Саварка; 7 – Богуслав; 8 – Николаевка (левобережное селище); 9 – Корсунь-Шевченковский; 10 – Триполье; 11 – Ходоров; 12 – Григоровка; 13 – Пекари; 14 – Русанов; 15 – Борисполь; 16 – Любарцы; 17 – Пристромы; 18 – Гайшин; 19 – Каленики; 20 – Лепляво

Условные обозначения: а – столица Руси; б – летописные города; в – городища; з – открытые поселения; д – археологически изученные линии змиевых валов; е – утраченные линии змиевых валов, известные по литературе

Существенно, что в продвижении защитных сооружений на северянскую территорию не было необходимости: печенежские пути не достигали этой широты. Дороги через среднее течение Сулы были освоены половцами только в 80-е годы XI в. после укрепления нижнесульской границы. Думается, что это внедрение фиксирует эпизод "окняжения" Владимиром северянской окраины для переселения части северян южнее, в безлесную зону общерусского пограничья. Археологически это выразилось в появлении этноопределимых северянских находок на посаде Воиня (Юра, Кучера, 1986. С. 333, 334; Приймак, 1999. С. 14, 15), на могильнике Жовнина (Моця, 1983. С. 84) и открытых нижнесульских поселениях.

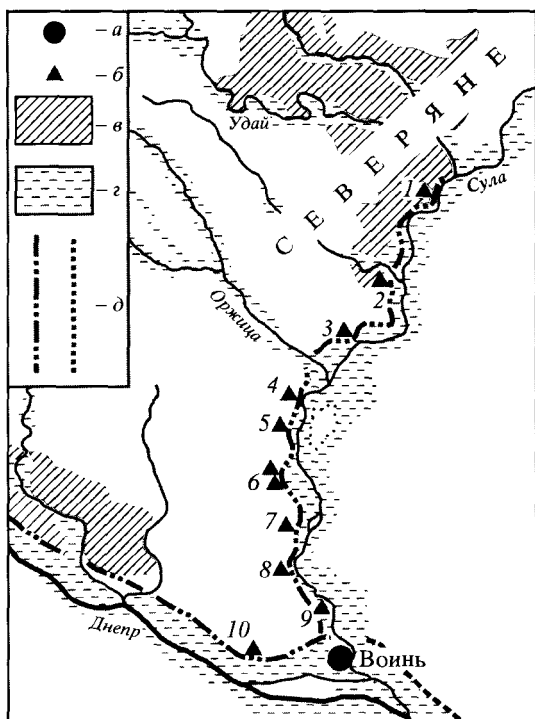

Рис. 104. Сочетание эскарпированных змиевых валов нижней Сулы с окраиной северянского расселения

1 – Лубны; 2 – Мацковцы; 3 – Лукомье; 4 – Тарасовка; 5 – Чутовка; 6 – Великая Буримка; 7 – Лящовка; 8 – Клещницы; 9 – Жовнино; 10 – Веремеевка

Условные обозначения: а – летописный город; б – большие открытые поселения; в – распространение древних лесов; г – заболоченные поймы рек; д – змиевы валы различной степени изученности

К этому времени эскарпы уже выходили из общерусского фортификационного оборота, но переселенные северянские "градодельцы" по традиции применяли дедовскую и пассивную по оборонительной сути технику подрезки береговых склонов. А обустройство их более прогрессивными срубными клетями неизмеримо увеличивало оборонительную значимость эскарпов. Попутно нужды строительства в степной зоне обеспечивались добытым на северянской окраине лесом (Моргунов, 2005. С. 263, 264).

Датировка и оборонительная значимость линейных укреплений

Обзор проблематики изучения змиевых валов показал, что строительство сети линейных укреплений среднего Днепра было завершено около 1008 г. Это обосновано документальным свидетельством – посланием католического миссионера с описанием размещения и внешнего вида защитной линии. Живая повествовательная нить этого источника буквально наполнена той гордостью, с которой Владимир Святославич показывал архиепископу итоги недавно окончанных трудов. Дальнейшие изыскания раскрыли суть современных представлений о русских "длинных стенах", взаимосвязанных с открытыми поселениями рубежа X–XI вв.

Теперь подробно остановимся на вопросах датировки не только всего периода строительства "длинных стен", но и, по возможности, отдельных этапов их возведения. К этому побуждает общепринятая в литературе аксиома, что столь

колоссальный объем заградительных мероприятий не мог быть единовременным актом, – для этого Русь не располагала необходимыми ресурсами. Более того, концентричность размещения линий и дуг этих протяженных сооружений, ограждавших постоянно расширявшиеся пределы государственной территории, свидетельствует о поэтапной последовательности подобного строительства, очевидно, растянувшегося на многие десятилетия.

Археологические методы датировки основаны на двух принципах. Первый опирался на анализ взаимосвязи змиевых валов с поселениями и городищами – качественная сторона этого метода уже разбиралась. Другой предполагает производство разрезов насыпей, позволяющее изучить их конструкцию и датирующие артефакты, которые имели отношение к периоду строительства оборонительных стен. Наиболее плодотворными оказались раскопки валов в местах соприкосновения с соседствующими поселениями. В этом случае искомые результаты дает шкала взаимовстречаемости в насыпях и под ними остатков культурных отложений разных эпох, т.е. относительная хронология (*Кучера*, 1987. С. 68–82). Этот метод оказался наиболее пригоден для больших серий параллельных наблюдений, приносящих значительное количество тех групп гончарной керамики, которые являются носителями максимально узких датировочных возможностей.

К несомненному успеху полевых исследований М.П. Кучеры в частности можно отнести подтверждение информационного подтекста летописных известий о постугненских валах. Так, разрезы сооружений, размещенных между Заречьем и Великой Бугаевкой, показали, что уже в XI в. укрепления не использовались, а их рвы засыпались мусором (*Кучера*, 1987. С. 73). Таким образом, к концу этого столетия руины укреплений современниками действительно могли расцениваться в качестве топографических ориентиров.

Археологически выявлены и отрезки схожих со змиевыми валами сооружений, построенных в позднее средневековье (*Кучера*, 1987. С. 64, 65). Хорошим примером этого служит упоминавшийся выше поросский редан у с. Николаевки. Но создание основной массы преград датировано М.П. Кучерой промежутком между концом X и первой половиной XI в. По его мнению, это соответствует двум ранним этапам сложения южных рубежей, а именно – времени княжения Владимира Святославича и его сына Ярослава.

Такая датировка представляется несколько расширенной. Полученные раскопками археологические материалы не позволяют с высокой степенью достоверности распределить отдельные отрезки изученных валов между вышеназванными этапами. Возможно, этому мешает и недостаточное количество найденной керамики – основной категории находок, датировочные возможности которой полностью еще не раскрыты.

Кроме того, к отождествлению этого строительства с эпохой Владимира Святославича склоняет историческая обстановка резкой активизации печенегов, требовавшая незамедлительного укрепления границ, свидетельство очевидца об окончании возведения пограничных "длинных стен" и появление вдоль змиевых валов множества синхронных открытых поселений. Не исключено, что в

прекращении "огораживания" внешних пределов государства сыграли роль заключенный при посредничестве Бруно Кверфуртского мир с печенегами и передача степнякам в качестве заложника одного из сыновей великого князя (Свердлов, 1989. С. 51), что способствовало угасанию русско-печенежской конфронтации. В этом плане, несмотря на лауну в раннем летописании, реакция источников на эти меры симптоматична: вплоть до 1015 г. об одиночных стычках с печенегами можно судить лишь по кратким сведениям под 1000, 1001 и 1004 гг., отмеченным у В.Н. Татищева и в Никоновской летописи. В этом видится свидетельство отката кочевников от русских границ (Моргунов, 1998. С. 30, 31).

Мнение М.П. Кучеры о создании "длинных стен" на Руси Ярославом Владимировичем (Кучера, 1987. С. 176–178; 1987а. С. 131) выглядит не вполне убедительным, поскольку противоречит географической части авторитетного письменного источника. Напомню, что исследователя к такой датировке косвенно склонил неверный подсчет пути архиепископа. Вероятно, не последнюю роль оказало и влияние исторической традиции, толковавшей градостроительную роль Ярослава Мудрого в качестве единственного создателя поросской оборонительной линии (Довженок, 1968. С. 37; Головки, 1988. С. 39; Толочко, 1996. С. 165).

Это мнение основано на летописном свидетельстве о некотором усилении южной границы после отвоевания Червенских городов: в 1031 г. Ярослав расселил пленных "ляхов" по Руси и "за Днепром", а годом позже начал строить для них "города" (ПСРЛ. Т. 1. С. 150; Татищев, 1963. С. 77; 1964. С. 147). В Повести временных лет это сообщение не конкретизировано, хотя имена построенных Ярославом городов известны из Тверской летописи XVI в. Показания этого источника весьма важны, т.к. в нем использован не дошедший до нас список Новгородской летописи, близкий к Синодальной (Лихачев, 1950. С. 373). Судя по этому свидетельству, Ярослав построил для поляков Корсунь на Руси и Треполь на Днепре. В литературе количество и имена построенных Ярославом городов трактуются по-разному: Б.А. Рыбаков причислял к ним Юрьев, Богуслав, Корсунь и Канев (1971. С. 167), а М.П. Кучера и Л.И. Иванченко – Юрьев, Богуславль и Корсунь (1987. С. 70, 71). П.П. Толочко в ранней работе ограничил этот список Юрьевом (1975. С. 49), но позже дополнил его Корсунем и Торческом (1996. С. 165).

Позже П.П. Толочко писал, что созданная Ярославом линия охватывала 13 городов и крепостей (1996. С. 165), а А.П. Моця связал с деятельностью князя возникновение полутора десятков безымянных форпостов (1979. С. 28) – это больше половины известных городищ Руси и ее притоков. О большинстве построенных там Ярославом безымянных крепостей писал и М.П. Кучера (Кучера, Иванченко, 1987. С. 71; Кучера, 1999. С. 156). К сожалению, большинство этих наблюдений обосновано сборами подъемного материала, а разрезы валов, позволяющие выделить момент возведения крепости из всего массива культурных напластований, мне не известны.

Единственный поросский город, со временем возникновения которого согласны все исследователи, – Юрьев, названный крестильным именем Ярослава Владимировича и отождествленный с Замковой горой г. Белой Церкви. Горо-

дше соответствует искомым посылкам: поселение здесь возникло на рубеже X–XI вв., наиболее раннее летописное упоминание – 1072 г. (юрьевский епископ Михаил участвовал в перенесении мощей святых Бориса и Глеба). Как город Юрьев был впервые упомянут в Повести временных лет под 1095 г., а в Поучении Мономаха – среди событий 1086–1087 гг. (ПСРЛ. Т. 1. С. 229, 249). Позже он стал административным, политическим и культурным центром западной половины Поросья. Раскопками там были обнаружены постройки и получены находки XI в.; среди керамики встречены образцы с вертикальными рифлеными шейками (*Орлов и др.*, 1985. С. 38. Рис. 6, 7), характерные для продукции западнославянского населения.

Безусловно, Ярослав имел возможность осуществлять какое-то защитное строительство, сведения о котором не отразились на страницах летописей. Поэтому рассмотрим итоги его градостроительной деятельности. Так, Ярослав значительно расширил Киев, заложив "городъ великий, оу негоже града суть Златыя врата", вероятно, Ярославль на Волге, а после победы над чудью построил на их землях Юрьев (Тарту) (ПСРЛ. Т. 1. С. 149, 151). О времени возникновения других укрепленных поселений можно предположительно судить по датам их первых летописных упоминаний (*Тихомиров*, 1956. С. 33–35). Ярослав "ходил" к уже существовавшему в 1022 г. Берестью, в 1026 г. делил русскую землю "по Днепр" у построенного Владимиром Святославичем Остерского Городца (*Моргунов*, 2005а. С. 224, 225), а в 1030 г. завоевал Белз, уже сложившийся как значительный центр. Судя по археологическим и летописным материалам, при Ярославе уже существовали Воишь, Курск и Сновск.

В итоге, кроме расширения Киева и постройки Юрьева (Тарту), из обширного списка М.Н. Тихомирова Ярославом могли быть созданы археологически засвидетельствованные Юрьев на Роси и Сутейск. Вероятно, этот список следует дополнить Корсунем и Треполем Тверской летописи. Этот краткий анализ показывает, что неконкретность летописного сюжета 1032 г. о постройке поросских крепостей для "ляхов" соответствует относительно скромному вкладу Ярослава в создание новых городов и незначительному объему его защитных мер на Роси. Думается, что отзвуки грандиозной строительной эпопеи по единовременному возведению мощной поросской линии протяженных стен неизбежно должны были попасть на страницы летописей, столь внимательных к деятельности князя.

Полезно рассмотреть этот вопрос и с точки зрения оборонительной необходимости, т.е. существования военной угрозы со стороны степей.

Печенеги, разбитые в 1017 г. в Киеве "идеже стоить ныне святая София", в 1021–1022 гг. переправились через Дунай и напали на Византию. После двукратного поражения их остатки были занесены в греческие воинские списки и начали защищать границы империи (*Бибиков*, 1997. С. 39, 60). Следующая волна степняков появилась в византийских пределах в 1026 г. (*Тыткова-Заимова*, 1978. С. 67), а в 1036 г. было зафиксировано еще три аналогичных нападения (*Бибиков*, 1981. С. 104). Это показывает, что после разгрома 1017 г. печенеги откочевали из южнорусских степей.

Обозначенная этими событиями переориентация печенежской экспансии на Балканы косвенно подтверждает противоречивость летописного известия о появлении степняков под стенами Киева в 1036 г., т.е. после поросского расселения "ляхов". Это известие многими исследователями расценивается как вставка церковного предания, приуроченного к 60-летию Ярослава, и поэтому нуждается в дальнейшем всестороннем изучении (ПСРЛ. Т. 1. С. 150, 151; *Толочко*, 1996. С. 146–148; *Моргунов*, 1998. С. 43, 44).

В полном соответствии с этим, после раздела Ярослава с Мстиславом (1026 г.), братья "начаста жити мирно и в братолюбстве, и оуста (вар.: преста) оусобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли" (ПСРЛ. Т.1. С. 149). А после смерти брата внешнеполитические интересы Ярослава вновь обратились к северо-западным и западным соседям: к чуди, ятвягам, ями, мазовшанам и Литве (ПСРЛ. Т. 1. С. 149, 153).

Следовательно, южное оборонительное направление его не тревожило. Около 1046 г. воинство хана Кегена откочевало в Византию и было расселено в Парестрионе. Император хотел использовать печенегов во внутренней борьбе, но они вовлекли империю в конфликт с задунайскими кочевыми поселенцами. В том же году прикочевавшая на Дунай 800-тысячная орда Тираха была расселена в районе Сердики, Ниша и Овчеполя, а ханы получили почетные титулы. Но, когда греки послали их против сельджуков, печенеги взбунтовались и вернулись к своим родичам в Парестрион, а часть их удалось расселить на территории Болгарии и Сербии. Разгоревшиеся далее войны с печенегами, в которых Византия потерпела несколько поражений, продолжались на протяжении 1049–1051 гг., и только согласно 30-летнему мирному договору 1051–1052 гг., степняки получили право жить в пределах империи (*Литаврин*, 1967. С. 274; *Мургулия, Шушарин*, 1998. С. 35).

Похоже, что подвижка ослабленных разгромом 1017 г. печенегов на Балканы инициировалась давлением половецкой волны выходцев из Азии, что закончилось зимой 1054 г. почти одновременным появлением торков и половцев вблизи русских границ. Таким образом, освоение половцами новых территорий и внутрестепные кочевнические перемещения на длительное время нейтрализовали внешнюю угрозу пределам Руси, и необходимости в пограничном защитном строительстве при Ярославе не было.

Возведение поросских валов Ярославом не согласуется и со структурой южнорусского пограничья, основы которой были заложены Владимиром Святославичем.

Как известно, с юга и юго-востока Киев был изначально защищен по единой схеме: на ближайших подступах змиевы валы опирались на опушки древних лесов. На правом берегу Днепра они размещались на северных берегах Виты – Бобрицы и Стугны, а на левом – Трубежа (последние два водотока упомянуты в "списке рек"). Археологически известны и остатки "владимировых" крепостей, защищавших "русские" берега этих водных артерий: Василев и Заречье на Стугне вместе с Переяславлем на Трубеже были одинаково снабжены оборонительными стенами с лицевыми сырцовыми кладками. Это наиболее

ранняя и устойчивая из зафиксированных письменными источниками границ киевского территориального ядра.

Владимир заложил и основу внешнего оборонительного пояса, также опиравшегося на реки с заболоченными поймами и лентами дубрав на их высоких берегах. На левобережье Днепра такой естественной преградой являлась Сула, а ее структурным аналогом в системе новых рубежей стала правобережная Рось.

Киев и Сулу разделяли две сотни километров. Рось протекала значительно ближе к столице – расстояние до ее среднего течения в районе Юрьева (или Томиловки с ее змиевым валом крюковой конструкции) всего 76 км, а до устья более 120 км. При Владимире Святославиче низовья Сулы были обустроены эскарповидным змиевым валом, соединенным с переяславско-трубежским укрепленным районом приднепровской стеной другого вала. К 1008 г. была закончена постройка и Поросской протяженной преграды. Подчеркну, что в литературе не отрицается единство поросской и левобережной системы змиевых валов (*Толочко*, 1987. С. 51). При устьях обеих рек одинаково размещались ранние русские города Родень и Воишь. Еще до 988 г. они были вынесены за пределы первоначального территориального ядра, и, подобно так же расположенному Витичеву, первоначально, видимо, обслуживали нужды внешней торговли (*Моргунов*, 2005. С. 263).

Столь же одинаково между первоначальными и новыми рубежами расстилались и обширные степные "поляны". На правом берегу это Перепетово поле, его левобережным аналогом являлось супойско-золотоношское плато между речья Трубежа и Сулы (*Моргунов*, 1998. С.111). В эпоху Владимира эти степные массивы не заселялись, а столетием позже в обоих регионах практически одновременно появилось расселение выходцев из степей. На Перепетовом поле были закреплены черные клобуки, на Супое – переяславские торки (*Моргунов*, 1998. С. 111).

Заложенная Владимиром защитная структура оказалась настолько стройной и продуманной, что в неизменном виде она развивалась на протяжении последующих столетий. Поэтому кажущееся отсутствие защитных мер Владимира на Руси, пересекавшей печенегами в 968, 996 и 997 гг., фортификационность которой зафиксирована письмом Бруно, представляется лишенным оборонительной логики. Очевидно, в данном случае ошибочные представления навеяны слишком буквальным восприятием "списка рек" 988 г., в котором речь шла только о постройке "городов".

Таким образом, анализ сложения оборонительной структуры киевского территориального узла склоняет в пользу создания русских "длинных стен" на Руси при Владимире Святославиче. В пределах наших знаний этому не противоречит и археологический материал большинства разрезов этих сооружений. В то же время отсутствие внешней степной опасности между 1017 и 1054 гг. и обезличенность летописной информации не дают веских оснований для суждения о сколько-нибудь значительном оборонительном строительстве Ярослава Владимировича на южных границах государства.

Протяженные и крепостные укрепления имели существенные конструктивные и оборонительные различия.

Оригинальность протяженных стен, руинированных в змиевы валы, воплощена в их нетипичности для русского оборонительного строительства. На рубеже X–XI вв. западнославянские крюковые конструкции массово применялись только в протяженных преградах; в трех случаях они известны на городищах, расположенных к западу от Поднепровья, но позже примеры их применения на Руси стали единичными.

Нередко на соседствующих участках "длинных стен" крюковые и срубные конструкции применялись попеременно. Чаще это прослеживается на правом берегу Днепра, а в Посулье в постройке линейных укреплений участвовали северяне. Это показывает, что для ускорения работы в строительство одновременно вовлекались разноэтничные производственные группы, владевшие разными техническими навыками. Подобным образом в 399 г. греки возводили херсонесские "длинные стены" из камня. Они заранее поделили укреплявшийся перешеек на участки, которые закрепили за разными отрядами строивших стены воинов (*Маринович, Кошеленко, 2000. С. 132*).

В противовес этому крепостные стены "городов" Владимира единообразно строились из "русских" срубов. Судя же по сырцовым облицовкам и другим элементам балканских градостроительных традиций, их укрепления возводились владеющим срубной техникой местным населением под непосредственным руководством южных мастеров. Впрочем, как и в примере с протяженными укреплениями, привнесенные новации на местной почве не прижились, и прочность крепостных стен впредь обеспечивалась наращиванием линий срубов. На Руси эта техника сохранилась на многие века.

Размещение обоих типов укреплений указывает и на их неодинаковую оборонительную нагрузку.

Строительство, защита и ремонт протяженных стен возлагались на местное население (где оно было) и переселенных колонистов, проживавших в окрестных открытых поселениях. Линейные преграды могли остановить большинство конных нападений (в массе они были численно небольшими), но приближение значительных сил требовало системы оповещения тыловых воинских соединений (вспомним помощь дружины Претича осажденному Киеву).

Вместе с тем размещение змиевых валов не вполне точно соответствовало решению оборонительных задач. Плохо организованная защита внешних пределов свойственна ранним стадиям сложения государственной территории. Для этого периода характерна неточная оценка уязвимых точек собственных границ и слабое знакомство с тактикой и путями движения противника. Таким образом, линейные преграды представляются ранним, более дорогостоящим, но недостаточно действенным оборонительным явлением. Естественно, оно было менее эффективным, чем строившиеся веками более прочные "длинные стены" из камня. Поэтому, выполнив задачу сдерживания первоначального печенежского натиска, древо-земляные укрепления быстро вышли из русского фортификационного оборота.

Защита границ при помощи крепостей как точечных узлов обороны уязвимых проходов является более развитой. Размещение крепостей подразумевает хорошее знание тактики и путей передвижения противника, а также слабых звеньев собственных рубежей. Размещение пограничных русских крепостей точно соответствовало наработкам греческих военных трактатов. К положительным отличиям пограничных форпостов можно отнести размещение в них гарнизонов, включавших и профессиональных воинов. Так, в XVII–XVIII вв. обитатели крепостей централизованно обеспечивались оружием и продовольствием, поэтому могли с большей эффективностью отдаваться военному делу. В этом сказывается стратегическая ценность закрывающих ключевые кочевнические дороги военных оплотов, способных противостоять значительным силам противника.

Таким образом два типа пограничных преград воплощали идеи различной защитной тактики. В каменной фортификации Балкан эти идеи воплощались одновременно и взаимно дополняли друг друга, поскольку кочевники издавна устремлялись в Средиземноморье сходными путями, столь же длительно наработывался и опыт защиты от номадов. Но Русь только вступала в это противостояние, поэтому решала свои оборонительные задачи по мере нарастания печенежской активности: на первых порах там стали возводиться протяженные укрепления. Применение менее пригодного для создания пассивных укреплений из дерева и кратковременность бытования таких преград подсказывают вероятность привлечения к строительству иноземных мастеров – это являлось обычной практикой средневековья.

Ранее мной рассматривалась возможность исполнения этой работы византийскими фортификаторами, издавна возводившими "длинные стены" из камня (Моргунов, 2005. С. 265). Но отсутствие южных строительных приемов, несколько позже применявшихся при возведении "городов Владимира" (сваи, фундаментные подкладки, скрепление срубов гвоздями и многогранное кантование бревен), склоняет к западному происхождению протяженных преград. А в качестве исполнительной силы одновременно использовалось разнотипное население: "нарубанные" восточнославянские выходцы свою часть укреплений возводили из срубов, северяне привычно устраивали стены поверх эскарпов, а выведенные на Русь после отвоевания Червенских городов западные славяне предпочитали крюковые конструкции.

Время начала строительства змиевых валов не известно, но в допустимых пределах гипотетически выделяется историческая ситуация, вызвавшая необходимость и предоставившая условия для их возведения.

В аналогичном случае крепостные стены с сырцом появились при совпадении трех факторов. Один из них был связан с резкой активизацией печенежской экспансии – реакцией на нее стало приглашение балканских фортификаторов. А внутренний фактор – нехватка населения, необходимого для строительства и заселения новых "городов", – был решен путем переселения на пограничье "мужей лучших". Сходные исторические условия вызвали строительство греками хазарского Саркела.

Было бы заманчиво связать закладку первых "валов" с именем Святослава. После нападения печенегов в 968 г., когда Ольга с внуками оставались в городе практически беззащитными, укрепление границ пришлось бы весьма кстати. Таким объектом могла быть витянско-бобринская линия, размещенная в 18–20 км южнее Киева. С этим временем в допустимых пределах сопоставима и реконструкция расположенной близ змиевых валов Китаевской крепости (Мовчан, 1989. С. 145). Существенно, что успешные южные войны принесли Святославу средства и пленных, а с оборонительными качествами "длинных стен" он имел возможность лично ознакомиться в Византии и Болгарии. В дунайских аналогах среднеднепровских "валов" нередко встречаются керамика и предметы IX–X вв. (Рашиев, 1979. С. 11–16; 1981. С. 101). Среди плененных Святославом могли быть и мастера по возведению фортификационных сооружений. Но князя более привлекали внешнеполитические проблемы. Кроме того, нападение печенегов оказалось единичным, а крюковые устройства не имеют южных прототипов.

О более длительной конфронтации с печенегами известно из статьи Повести временных лет под 980 г., когда с утверждением Владимира на киевском столе воевода Ярополк Святославича Варяжко "много воева Володимера с печенеги"* . Видимо, эти схватки имели напряженный характер, коль к 988 г. Владимир Святославич сожалел о недостатке городов около Киева.

Годом позже после захвата Киева Владимир неожиданно устремлялся то на запад, то на восток: "Иде Володимеръ к ляхомъ и зая грады их Перемышль, Червень и ины грады, сже суть и до сего дне подь Русью. В сем же лѣтъ и вятичи побѣди и възложи на нь дань от плуга, якоже отець его имаше" (ПСРЛ. Т. 1. С. 81, 82; Т. 2. С. 69). Эти броски напоминают спешный сбор сил и средств для ведения длительной войны. Хотя о пленных не упоминалось, подобная практика была обычным явлением: о расселении "ляхов" в Поросье сказано выше, а в 1116 г. для жителей разоренного Друцка на пограничной Суле был возведен город Желни.

Таким образом, привлечение пленных к возведению протяженных стен могло помочь князю в реализации оборонительной программы. К этому склоняют археологические следы деятельности носителей крюковой строительной традиции. Переселенцам был понятен и общий оборонительный замысел: возведение известных на юго-западе Польши "длинных валов" связывают с именем Болеслава Храброго и образованием Польского государства (Антонович, 1884. С. 365, 369; Кучера, 1987. С. 172).

А мастеров – строителей крепостей – Владимир Святославич мог привлечь вскоре после объявления программы 988 г.: осада Корсуня показала преимущества этого вида укреплений. После крещения и женитьбы князя на греческой принцессе в 989 г. в столице появились специалисты по церковному строительству, а уже под 991 г. источники, видимо, не случайно отмечают закладку Бел-

* Согласно источнику XI в. "Памяти и похвале князю Владимиру" Иакова Мниха, эти события относились к лету 978 г. (ПСРЛ. Т. 1. С. 78; Шахматов, 2001. С. 26, 27; Літопис руський, 1989. С. 46; Карнов, 1997. С. 87, 88).

города, а затем и Переяславля (ПСРЛ. Т. 1. С. 121–123). Характерно, что, кроме прочности, привнесенные южанами лицевые сырцовые кладки придавали крепостным стенам и внешний вид привычной для греков каменной фортификации. Попутно сырец восполнял недостатки подверженных воздействию огня линейных укреплений.

Если поужиться на эту версию, то следующие 20 лет (до 1008 г.) представители обеих строительных традиций реализовывали свои фортификационные предпочтения параллельно. Следы их одновременной деятельности фиксируются только на берегах Стугны, где в "длинных стенах" срубы скрепляли шипами, а в Василеве под руководством южан использовались гвозди и сырцовые облицовки.

В этой связи любопытно, что появление печенегов в 996 г. у Василева стало для Владимира неожиданностью и он укрылся от них под мостом (ПСРЛ. Т. 1. С. 124, 125). Наличие моста вызывает недоумение – пограничные крепости ставили для затруднения переправы, а стационарная коммуникационная связь берегов водной артерии типична для тыловых территорий. Это можно объяснить тем, что к 996 г. расширение государственной территории оставило Василев в тылу. В таком случае перед нами косвенное свидетельство существования в 996 г. промежуточных циклов подвижки рубежей, маркированных змиевыми валами степного междуречья Стугны и Роси. И, соответственно свидетельству Бруно, к 1008 г. укреплением берегов Роси был закончен последний этап защитного строительства. После этого линейные преграды не возводились, а крепостное строительство стало доминирующим (Моргунов, 2005. С. 262, 266).

Летописные и археологические сведения о применении вспомогательных и временных укреплений

Судя по кратким упоминаниям в письменных источниках, в фортификации домонгольского периода применялся обширный арсенал менее значимых или временных защитных преград. К сожалению, устройство некоторых из них археологически не интерпретируется. В большинстве случаев это объясняется неконкретностью летописных упоминаний, отражавших второстепенную оборонительную роль этих преград. Тем не менее такие сооружения были хорошо известны современникам событий, поэтому их нельзя оставить без внимания.

Чаще упоминаются в источниках периферийные городские сооружения – *остроги*. Они строились из дерева, подвергались воздействию огня (ПСРЛ. Т. 1. С. 249; Т. 2. С. 619, 649, 669, 811; *Поннэ*, 1962. С. 47) и снабжались "острожными" воротами (ПСРЛ. Т. 2. С. 331, 460, 725). Это обособленная часть укреплений, примыкавшая к детинцу или кремлю: "и тако идяхоу на колихъ и на санехъ к городу и пожгоша около его от острогъ в первый день" (под 1146 г.: ПСРЛ. Т. 2. С. 319, 320). В другом случае "Володимеръ же Глѣбовичъ, видѣ острогъ взимаем, выѣха из города к ним в малѣ дружинѣ" (ПСРЛ. Т. 1. С. 399; Т. 2. С. 460, 508; НПЛ. С. 33, 221; 64, 268; 89, 320). Наиболее точно суть летописного термина раскрывается при описании осады Чернигова 1151 г.: "тогда же все множество половець ѣхаша к городу битися, и отъемше острогъ, зажгоша передьгородье все. И пришедше всею силою, сташи около города" (ПСРЛ. Т. 1. С. 338; Т. 2. С. 457). Такое понимание термина близко к "окольному городу", т.е. к защищенному стенами предградному посадскому поселению.

В критический для осажденных момент князь "велѣша людем всѣмъ бѣжати изъ острога в дѣтинець" (ПСРЛ. Т. 1. С. 338; Т. 2. С. 456; см. также: Т. 2. С. 599, 600). А в случаях преимущества нападавших, защитники сами выжидали собственный острог и концентрировались за стенами кремля (ПСРЛ. Т. 2. С. 516, 548). Это указывает на определенную степень оборонительного соподчинения размещенных рядом укреплений: острог был обширнее, хуже укреплен и менее важен для защитников населенного пункта. После его сожжения силы скопившихся в детинце защитников концентрировались, а пепелище не укрывало нападающих от дождя стрел.

Первоначальное значение термина "острог" этимологически раскрывается как "острое, острый", а его греческим эквивалентом служат понятия "вершина, край, конец" (*Фасмер*, 1971. Т. 3. С. 810). В соответствии с этим лингвистически слово "острог" известно как один из вариантов именования частокола (*Ласковский*, 1858. С. 99; *Фриде*, 1924. С. 122, 123). В недавнем прошлом частоколы

принимали за основной тип крепостных преград: к такому пониманию их защитной роли привела общеславянская трактовка термина "вал". Но преимущества столбовых стен ограничивались только скоростью их возведения. Как защитные устройства они уступали срубным в прочности, были менее долговечными и не позволяли создавать стен значительной высоты. Поэтому в отдельных случаях они служили лишь второстепенными преградами (как посадские укрепления Звенигорода), другие археологические примеры их использования в домонгольских крепостных сооружениях стратиграфически не безупречны.

Археологические исследования показали, что стены древнерусских посадов в подавляющем большинстве были срубными, т.е. термин "острог" не отражает фортификационных реалий оборонительной практики X–XIII вв. Поиски истоков этой терминологии приводят нас к защитным древностям догосударственного периода развития Руси, среди которых хорошо известны различные варианты частокольных преград. Отсюда противоречие между лингвистическим штампом и реальными конструкциями X–XIII вв. объясняется исторической реминисценцией, отражением архаичной для этого времени традиции возведения столбовых преград.

Позже наименование "острог" обособилось от его древних корней, и в известии 1335 г. острогом названы новгородские каменные стены (НПЛ. С. 346). А под 1386 г. в Новгородской Четвертой летописи острог идентифицируется уже как срубные крепостные стены, созданные поверх вала: "...поставища новгородци острог по въспу хоромы" (ПСРЛ. Т. 4. С. 93). Еще позже острогами стали называться небольшие и временные укрепления, принципиально отличные от городов и крепостей (Фриде, 1924. С. 121–123).

В источниках встречается и другое толкование столбовых преград: в декабре 1237 г. монгольские войска Рязань "острогом оградиша" (ПСРЛ. Т. 1. С. 515; НПЛ. С. 75, 286). Считается, что это был частокол, препятствовавший побегу осажденных и ограждавший завоевателей от вероятных вылазок. Схожая преграда обозначалась и термином "**тын**": монголы "почаша наряжати лѣсы и пороки ставиша до вечера, а на ночь огородиша тыном около всего города Володимеря" (ПСРЛ. Т. 1. С. 462, 517; НПЛ. С. 75, 287). Так же названо и сооружение, построенное ими вокруг Торжка (НПЛ. С. 76, 288). Этимологически слово "тын" означает "забор" (отынить – огородить), и "осадное укрепление" (Фасмер, 1973. Т. 4. С. 132). В литературе последнее значение тына принято понимать как частокол – именно так рисунок этой ограды был подписан в лицевом букваре конца XVII в. Кариона Истомина (Тарабрин, 1916. Табл. XLV; Фриде, 1924. С. 126; Раппопорт, 1956. С. 119; Крадин, 1988. С. 12). Отсюда произошла и собирательная оценка такого элемента защитных укреплений, как "острог тын дубовой" (ПСРЛ. Т. X. С. 83).

Не исключено, что при одинаковом техническом смысле этих защитных конструкций разница их лексического выражения могла быть связанной с особыми местными традициями именования оборонительных сооружений. В этом плане любопытно, что аналогичная ограда вокруг польского города в Ипатьевской летописи описана по-иному – "**город**": "потом же [монголы. – Ю.М.] при-

доша к Соудомирию и обстоупиша и со всѣ сторонѣ, и огородиша и около своим городомъ, и порокъ поставиша" (ПСРЛ. Т. 2. С. 852).

Известны примеры иного понимания "острожной" терминологии. В статье Ипатьевской летописи под 1251 г. речь шла о совместном походе на ятвягов: в отличие от русских, польские войска "острожились" на ночь; ятвяги, собрав войска, вступили в битву за острог (ПСРЛ. Т. 2. С. 810, 811). Под острогом здесь следует понимать полевой лагерь поляков, защищенный частоколом. Практика подобного ежедневного обустройства стоянки войск в военное время или на чужой территории известна издревле, ей уделено много внимания в римской и византийской военной теории. К примеру, под Доростолом греческая армия поверх земляной стены временного лагеря вбивала копыя и навешивала на них соединенные между собой щиты (*Лев Диакон*, 1988. С. 75).

В письменных источниках встречаются упоминания еще одного устройства – "столпия". Этот термин имел несколько значений: 1 – в единственном числе "столп" – это столб и колонна, он встречается в текстах церковно-христианской тематики; 2 – столпом именовали крепостные башни, тюрьму и даже языческий идол; 3 – собирательно "столпиие" могло означать защитную ограду или стену (*Срезневский*, 1903. С. 579–581).

В Повести временных лет под 1051 г. столпьем поименована конструкция монашеских келий: "игумен же и братья заложиха церковь велику и монастырь огородиша, а съ столпьемъ кельѣ поставиша многы" (ПСРЛ. Т. 1. С. 159). В русском домостроительстве было два способа постройки жилья, и в приведенном отрывке речь шла о хорошо известном археологически каркасно-столбовом жилье (*Раннопорт*, 1975. С. 127). Столпьем называлась и ограда монастырского двора или усадьбы: "и разумѣ старецъ, и рече кълеинику: "Иди, вопрошаи, естъ ли Михайль в кельи. И реша ему, яко давѣ скочилъ рече со столпя по заоутрени" (под 1074 г.: ПСРЛ. Т. 1. С. 191). Так же этот термин использован в "Пчеле" (XIII в.): "не великим столпием двора ограждаи, ни стены высокы создаи, но живоущая оу тебе примилоуи" (*Срезневский*, 1903. Т. 3. С. 579). Ограждение дворов частоколами хорошо известно по раскопкам летописных городов и открытых поселений.

И, наконец, дважды столпием названы посадские укрепления киевского Подола. В статье 1161 г. Ипатьевской летописи сначала читаем: "Ростиславъ стояше съ Андрѣевичем подлѣ столпье: загорожено бо бяше тогда столпиемъ от горы оли и до Днѣпра". Далее, в разгаре битвы "оуже бо половци, въздяху в городъ, просѣкающе столпиие и зажгоша дворъ" (ПСРЛ. Т. 2. С. 515). Не исключено, что под 1151 г. это же сооружение было названо "оградой", и тогда, 10 лет назад, половцы ее также изрубили (ПСРЛ. Т. 2. С. 428).

По контексту последних сообщений ясно, что перед нами оборонительное сооружение, которое половцы, тем не менее, успешно подрубали. Поскольку столь скорое уничтожение срубных стен в пылу битвы невозможно, значит, столпье, видимо, имело несравненно меньшую прочность, присущую второстепенным укреплениям. Обычно под киевским "столпием" понимается частокол (*Ласковский*, 1858. С. 103, 104; *Фриде*, 1924. С. 127; *Раннопорт*, 1956. С. 119).

Новое толкование термина было предложено М.П. Кучерой. Он отверг старый вариант в силу убежденности, что частоколами именовался исключительно тын, и остановился на единственном его значении – столп-сруб (*Кучера*, 1972. С. 60–62).

Однако срубный вариант не вписывается в летописную канву – подрубить венцы в пылу битвы слишком трудоемко. Поэтому исследователь отыскал аналогию срубного элемента среди материалов этнографических изысканий М. Красовского о памятниках позднего гражданского зодчества на Русском Севере. Здесь каждое прясло стены он увидел каркасно-столбовым с закреплением выложенных в высоту горизонтальных рядов бревен при помощи небольших срубов. Таким образом, срубы одновременно играли роль и стояков, и укреплявших стены контрфорсов (рис. 105). Позже автор гипотезы отыскал археологические аналогии своей реконструкции среди буковинских древностей IX–X вв. (*Кучера*, 1999. С. 80, 81). Они не вполне точны: вместо небольших наземных срубов М. Красовского за опорные стояки были приняты обычные углубленные жилые и хозяйственные постройки, соединенными между собой стенами из горизонтально уложенных бревен. Не соответствует прототипу и слишком большая протяженность прясел-пролетов между такими "опорами", достигавшая 10 и 21 м (*Тимошук*, 1982. С. 44–45; 1995. С. 32).

Думается, в гипотетических построениях М.П. Кучеры имеется рациональное зерно, способное примирить на первый взгляд разноречивые летописные оценки рассматриваемой конструкции. Таким сооружением действительно могла служить стена каркасно-столбового строя. Подобные устройства широко применялись в жилищном строительстве, известно их использование в ранней фортификации, но на острог или тын это не похоже. Такая преграда действительно менее прочна, чем частокол, и для ее уничтожения было достаточно подрубить два соседних устоя.

Сомнение вызывает лишь археологически не зафиксированное закрепление горизонтальных рядов бревен между срубами. Не исключено, что на влажных почвах северных областей Руси наземные срубные крепи являлись единственно правильным решением: строительные навыки позволяли заменять подгнившие венцы срубов из хвойных пород значительно большего размера. Но почвенные условия Киевщины позволяли не опасаться быстрого гниения венцов. Здесь в достатке был и водостойкий дубовый лес, поэтому широко применялось закрепление лежащих бревен с помощью вертикально вкопанных столбов. Это истолкование "столпя" удовлетворяет всем вариантам летописных упоминаний, а преимущество этой интерпретации заключается в хорошей изученности данного строительного явления, в том числе применительно и к территории Киева.

В источниках имеются сведения о "*твердях*". Иногда под ними понималось легкое передвижное осадное сооружение, "заплот = оплот": "пѣши вышли из города, твердь оучинивше плотомь. Он же [Изяслав Глебович. – Ю.М.] въгнавъ заплоть к воротомъ городнымъ" (ПСРЛ. Т. 1. С. 390). В других случаях под твердями подразумевались полевые укрепления. Большой частью они упо-

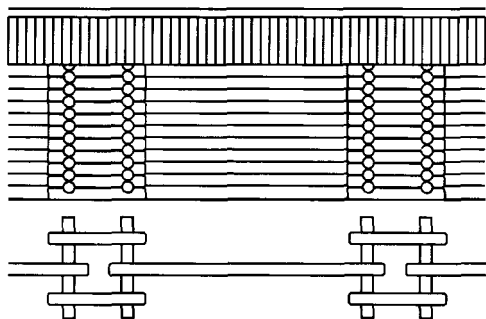

Рис. 105. Реконструкция киевского "стол-
пья" (по М.П. Кучере)

минались без технических подробностей, известно только, что создавались тверди при подготовке или в процессе значительных сражений. В битве на р. Влене одна из сторон "учиниша около себе твердь" (НПЛ. С. 36, 226). В ином случае "Володимерко же выступяся назад, за твердь ста" (ПСРЛ. Т. 1. С. 337; Т. 2. С. 448; см. также: ПСРЛ. Т. 2. С. 620–621; Т. 1. С. 330). Твердью именовались и лесные убежища не имевших городов малых народов, ятвягов и мордвы: "и тако Романъ вниде в землю ихъ, они же не могоучи стати противоу силъ его, и бежаша во свои тверди" (ПСРЛ. Т. 2. С. 702; Т. 1. С. 451).

В Новгородской земле тверди являлись форпостами в составе эшелонированной пограничной системы. После битвы на Калке новгородцы сначала "около города острог dospеша", потом "путем сторожи поставиша, а тверди издела-ша" (НПЛ. С. 64, 268). В другом случае "Ярославу же бысть вестъ на Торжък, и изгошоша твѣрдъ, а пути от Новагорода все засекоша и реку Тъхверцю" (под 1215 г.: НПЛ. С. 54, 254; ПСРЛ. Т. 1. С. 492).

В описании Липецкой битвы 1216 г. возведенное суздальцами укрепление описано более подробно. В нем уточнялось, что Юрий Всеволодович "надѣяше бо ся на твердь, бяше бо плетнемъ оплетено то мѣсто и насовано коляя; ту бо стояху глядяще, егда оударятъ на нас в ноцъ" (ПСРЛ. Т. 1. С. 496). В этом описании угадывается несложная для быстрого воплощения преграда из плетня, усиленная заостренными кольями. Археологические следы отклоненных наружу кольев нередко встречаются на внутренних склонах городищенских рвов.

Усложненной аналогией тверди Юрия Всеволодовича представляются укрепления осажденного войсками Святослава Всеволодовича Ошеля, города волжско-камских болгар*. Из вариантов ее описания складывается следующая картина: "около же града острог тын дубовой (вариант: "острог утвержен около града крепок тын дубов"), а за ним дво оплота, а mezi ними вал сыпан, а [болгары. – Ю.М.] по тому валу рыщуще из затынья бяхуся". Русский авангард "подсекоша тын и разрекоша оплоты и зажгоша их". Очевидно, здесь шла речь об осаде укрепленного посада, поскольку болгары отступили в "город", который также был вскоре сожжен.

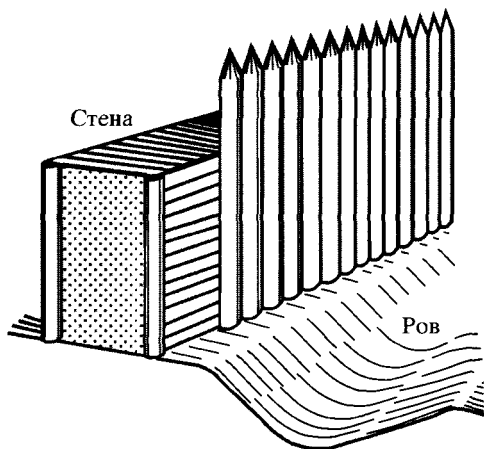
Это укрепление может быть реконструировано следующим образом.

Фронтальной преградой Ошеля служил "острог тын дубовой" – высокий частокол, игравший роль вертикальной внешней облицовки стены. К ее тыльной стороне были пристроены "два оплота и mezi има вал сыпан". Под "пло-

*Краткая версия этих событий изложена в Лаврентьевской летописи под 1220 г. (ПСРЛ. Т. 1. С. 445), а более подробно о них известно из статьи 1220 г. Воскресенской летописи и статьи 1219 г. Никоновской летописи (ПСРЛ. Т. 7. С. 174; Т. 10. С. 83).

Рис. 106. Реконструкция посадских укреплений летописного Ошеля

том" (вариант: оплот, заплот) понимают ограду из плетня (*Фасмер*, 1971. Т. 3. С. 145, 285) или забор, сплошную деревянную стену (*СЛРЯ*, 1978. Вып. 5. С. 269). Таким образом, сооружение могло состоять из двух параллельных деревянных панцирей, пространство между которыми было забутовано грунтом ("валом", т.е. землей, наваленной между стенок). Рис. 106. В частотном исполнении двойные стены с забутовкой известны среди древностей скифского культурного круга, а каркасно-столбовые стены подобного устройства известны на южнорусских городищах IX–X вв.

В процессе битвы болгары "по тому валу рыщуще, из затыния бияхуся". Эта часть описания показывает двухуровневое устройство преграды: защитники перемещались по нижнему уровню стены, по настилу, положенному поверх земляной забутовки (боевому ходу). А более высокий выступ частокола-"тына" играл роль парапета русских заборол, предохранявших болгар от града стрел и копий.

Таким образом, перед нами классический пример комбинированной защитной стены городского посада, состоящей из двухпанцирного засыпного устройства. Лицевая сторона стены была усилена частоколом, верхняя часть которого служила бруствером. Очевидно, это облегченное защитное устройство близко к твердым: Святослав в первую линию нападения отрядил бойцов "со огнем и с секирами, и за ними стрелци и копейники".

Таким образом, перед нами классический пример комбинированной защитной стены городского посада, состоящей из двухпанцирного засыпного устройства. Лицевая сторона стены была усилена частоколом, верхняя часть которого служила бруствером. Очевидно, это облегченное защитное устройство близко к твердым: Святослав в первую линию нападения отрядил бойцов "со огнем и с секирами, и за ними стрелци и копейники".

Выше приводились примеры летописных упоминаний об "**обровах**" и "**обрытиях**", вероятно относившихся к временным полевым укреплениям. Именно в таком войсковом базовом лагере нуждался Владимир Святославич для подготовки осады Киева и изгнания оттуда Ярополка: "и стояше Володимерь, обрывся на Дорогожичи; межю Дорогожичемъ и Капичемъ и есть ровъ и до сего дне" (под 980 г.: ПСРЛ. Т. 1. С. 76). Впоследствии это временное поселение стало ядром летописного Дорогожича, после 1139 г. еще трижды упоминавшегося в летописных источниках (*Мовчан*, 1990. С. 121). Через столетие после Владимира Святославича схожим по назначению промежуточным лагерем воспользовался Владимир Мономах: "и паки идохом Переславлю, и стахом во обровъ" (ПСРЛ. Т. 1. С. 248; *Добродомов*, *Кучкин*, 1979. С. 157). А еще почти через 200 лет в "станах и обрытьях" останавливались выступившие на Русь шведы (ПСРЛ. Т. 1. С. 479).

Специфика облегченных временных или полевых оборонительных сооружений, вероятно, соответствовала степени их определенного несовершенства.

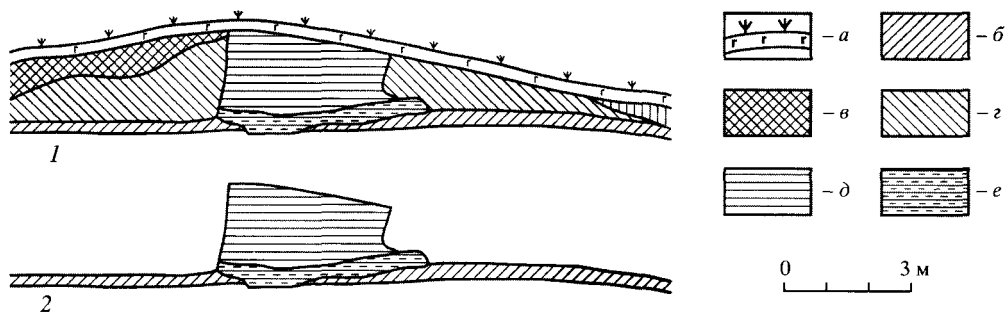

Рис. 107. Вал городища Калето

1 – профиль разреза (по Ж. Выжаровой); 2 – дерновое ядро укреплений

Условные обозначения: а – современный дерн; б – подстилающий культурный слой; в – напластования, перекрывшие руины укреплений; з – желтый слой (осыпь позднейших укреплений); д – ядро вала, сложенное из пластов дерна; е – фундаментная подкладка из дерна

А это могло отразиться на их современной сохранности: может, именно поэтому они остались археологически не изученными.

В завершении обзора этой группы сооружений вспомним свидетельства древних авторов о защите временных лагерей стенами из дерна на каркасах из плетней (*Витрувий*, 1936. С. 30, 34; *Веgeций*, 1940. С. 281). Очевидно, схожую конструкцию имели "валы=стены", упомянутые Бедой Достопочтенным (*Беда Достопочтенный*, 1970. С. 211). В VIII–XI вв. подобными преградами обустривались укрепления Болгарии. Графическая "очистка" разреза вала городища Калето от поздних и перемешанных наслоений выявила древнее ядро преграды стенового строя, выложенной из пластов дерна (*Выжарова*, 1987. С. 110). Рис. 107. Примеры использования такой техники в домонгольской Руси не известны, но в XVII в. она применялась при создании Засечной черты. В "валу" на Каширской засеке с русской стороны "стена выкладавана дерном, а с польской – плетень". В середину этого каркаса была "сыпана земля, да хворостом проложена", а сверху земляная забутовка была перекрыта пластами дерна (*Яковлев*, 1916. С. 92).

В письменных источниках встречаются и сведения о недолго существовавших укреплениях, устройство которых не поддается археологической идентификации. Среди них наиболее употребимыми были "станы". Летописные упоминания напрямую не раскрывают значения этого термина, но нередка сюжетная канва позволяет косвенно оценить смысл. Станы размещались вне городов (под 1216 г.: ПСРЛ. Т. 1. С. 501), туда на время военных действий сводили пленных (под 1208 г.: ПСРЛ. Т. 2. С. 726). На р. Сить русские войска стояли станом, ожидая подхода всех князей (под 1237 г.: ПСРЛ. Т. 1. С. 461, 516), а в 1232 г. князь Юрий подошел к Серенску и "стояв станом на Уполозех", а затем возвратился во Владимир (ПСРЛ. Т. 1. С. 459).

Из подобных упоминаний складывается представление о станах как о войсковых ставках или лагерях, о местах концентрации войск на плацдармах или

на территории противника (*Фасмер*, 1971. Т. 3. С. 745). Вероятно, они были определенным образом укреплены: после битвы туда возвращались войска с намерением позже продолжить военные действия (под 1229 г.: ПСРЛ. Т. 2. С. 755). Из станов же рати выходили для разгрома литовского ополчения (под 1247 г.: ПСРЛ. Т. 2. С. 798).

Схожим образом идентифицируются станы половецкие (под 1249 г.: ПСРЛ. Т. 2. С. 802), венгерские (под 1226 г.: ПСРЛ. Т. 2. С. 749) и шведские (под 1263 г.: ПСРЛ. Т. 1. С. 479). Монголы в 1237 г. стояли станом перед владимирскими Золотыми воротами, а также на р. Сить и в Рязанской земле (ПСРЛ. Т. 1. С. 461, 517, 465, 519; НПЛ. С. 74, 286). Владимирский стан, вероятно, был одной из важнейших временных татарских ставок, отсюда кочевники отходили для взятия Суздаль, в такие же станы татары свозили пленных (ПСРЛ. Т. 1. С. 462, 517; 465, 519). Известны и далекие степные татарские станы (ПСРЛ. Т. 1. С. 469, 471).

Из вариантов описания битвы на Калке можно извлечь любопытное сравнение защитных свойств станов с более прочными защитными устройствами. Интересующая нас часть событий наиболее полно изложена в Лаврентьевской и Новгородской Первой летописях (ПСРЛ. Т. 1. С. 507, 508; НПЛ. С. 63, 266). Судя по этим известиям, русские войска разделились на две части и передовые полки выдвинулись навстречу татарам и устроили свои станы. В свою очередь основное ядро русских войск во главе с киевским князем Мстиславом осталось на каменистых берегах Калки и поставило здесь "*город в кольех*", под которым, очевидно, подразумевается полевой лагерь, защищенный стеной из частокола.

В процессе битвы передовые русские полки были смяты татарами, а их станы были растоптаны разбежавшимися союзными половцами. "*Город в кольех*" оказался значительно прочнее: под его защитой Мстислав отбивался три дня и был взят только в результате предательства бродников. Впрочем, в лаврентьевской (ПСРЛ. Т. 1. С. 507) и ипатьевской (ПСРЛ. Т. 2. С. 743) версиях это частокольное укрепление также названо "станом".

Вероятно, этот термин имел собирательное значение, а качество его укреплений диктовалось конкретными военными нуждами или особенностями оборонительной ситуации. В этом плане кажется неслучайным, что в статье Лаврентьевской летописи под 1263 г. раздельно упомянуты "*станы*" и "*обрытья*" шведских войск, вторгшихся на русскую территорию (ПСРЛ. Т. 1. С. 479). Не исключено, в этом кратком известии мы сталкиваемся с бытовым представлением ижорского старейшины, дозорного Пелгуя, об оборонительной иерархии полевых укреплений шведских войск: в одних случаях завоеватели считали достаточно безопасными слабо защищенные стоянки, а в более опасных землях они укрепляли их и более монументально ("*обрывали*").

К военным станам, вероятно, близок и один из вариантов термина "*товары*": "и стаща у Мажева селца товары, оттуда приезжают к городу биться" (под 1151 г.: ПСРЛ. Т. 1. С. 335). В применении этого термина хорошо различается его значение как имущества или места складирования товаров. Труднее различить вариантные обозначения "*обоза*" и "*походного лагеря, укрепленного*"

стана", вероятно, это связано с одной из функциональных сторон использования военного лагеря как места сбора пленных и трофеев – со временем эти понятия настолько переплелись, что исчезло такое понимание "стана". Но этимологическая связь раннего термина "товары" со станом или походным лагерем несомненна: на это указывает использование его в летописных текстах и близость к хорошо известным понятиям "табор", "шатры", "палатки" (*Фасмер*, 1973. Т. 4. С. 8, 68; *Даль*, 2000. Т. 4. С. 409).

В летописных источниках часто встречается термин, по значению близкий к "станам" и "товарам", – "*колымаги*". Контекстно в одних случаях он применялся для обозначения группы шатров, палаток, кочевых кибиток, а в других – служил эквивалентом стана, укрепленного места (СлРЯ, 1980. Т. 7. С. 255). В хронологическом плане создается впечатление, что первый вариант понимания этого термина, преимущественно связанный с событиями XIII в., заменил ранее широко применявшееся для обозначения кибиток слово "вежи". А вежи, в свою очередь, позже стали использоваться для обозначения башен, особенно каменных.

Для идентификации второго варианта в источниках имеются прямые указания. Так, среди значительного массива обезличенных по смыслу упоминаний в источниках порой обозначалась его стандартизированная расшифровка: "и возвратишася во колымаги свои, рекше во станы". Данная выдержка связана с размещением половецкого воинства (под 1208 г.: ПСРЛ. Т. 2. С. 726), но известны аналогичным образом оцененные русские (под 1254 г.: ПСРЛ. Т. 2. С. 824) и ятвяжские (под 1251 г.: ПСРЛ. Т. 2. С. 811) сооружения.

Многообразие приведенной выше терминологии может быть объяснено ее происхождением из различных языковых источников, но не исключено, что каждый термин мог быть связанным с полевыми лагерями различной степени защищенности. К примеру, известно о "таборной" защите войсковой стоянки при помощи составленных вкруговую телег-"веж" (*Голубовский*, 1902; *Плетнева*, 1964. С. 133–139). Такой вид могли иметь передовые русские станы на р. Калке, снесенные панически отступавшей половецкой конницей. Другой тип полевой ставки представляет построенный там "город в кольях": он выдержал трехдневную татарскую осаду. Не менее хорошо защищенными могли быть и татарские станы, создаваемые во время завоевания Руси, куда сгонялись пленные и хранилось награбленное имущество.

Сейчас можно констатировать лишь вероятность существования в домонгольский период временных войсковых лагерей. Это не исключает вероятности, что со временем их следы удастся идентифицировать среди обширного массива значительных по площади городищ, снабженных недостаточно мощной системой укреплений и отличающихся отсутствием выраженного культурного слоя. Подобными признаками нередко характеризуются памятники, которые ныне принимаются за остатки сельских убежищ (*Моргунов*, 1990. С. 99, 100).

Основные вехи сложения южнорусской фортификации X–XIII веков

В основе формирования принципов местного военно-оборонительного зодчества обычно лежали традиционные строительные навыки населения, а развитие фортификации было тесно связано с тактикой осады укреплений. Применение новых штурмовых приемов, порой связанное с появлением ранее неизвестного противника, неизбежно влекло за собой поиски способов совершенствования организации обороны, а также улучшения конструкции и плановой структуры крепостных сооружений. Испытанным приемом при модернизации укреплений служило освоение привнесенных извне достижений путем их творческой переработки местными мастерами, использовавшими привычные строительные материалы.

Развитие русского защитного градостроительства лучше прослеживается на материалах южной приграничной зоны. Эта широкая поселенческая полоса соседствовала с насыщенным давними оборонительными традициями византийским и западноевропейским культурно-историческим кругом и первой испытывала агрессивное давление азиатских кочевых волн. В этом плане Южная Русь являлась исторически сложившимся "полигоном", на котором воспринимались и творчески перерабатывались новейшие способы возведения оборонительных преград.

Условно совокупность наших знаний о стационарном защитном комплексе можно разделить на два обширных массива. Первый включает сохранившиеся на дневной поверхности материальные следы древних укреплений: эскарпы, рвы, древо-земляные валы с их планировочной структурой, положенные на рельеф окружающей местности. Второй, во многом гипотетический, объединяет порой неоднозначные представления о первоначальном облике и защитной нагрузке искусственных преград. Его суть может быть с большой степенью достоверности установлена археологическими методами изучения объектов первого массива. А для проверки адекватности полученных выводов для множества примеров служит обширное информационное поле, содержащееся в древнейших летописных сводах.

Так было установлено, что, в соответствии с древнейшей наступательной тактикой внезапных и кратковременных нападений на поселения, первоначально для их размещения подыскивали естественные останцы и островки посреди рек или заболоченных пойм. Использование удобного природного рельефа не требовало особых затрат на создание из бревен легко возобновляемых частокольных или каркасно-столбовых однорядных стен, но, к сожалению, подобные рельефные аномалии не слишком распространены.

Значительно чаще встречаются высокие береговые мысы, соединенные с плато узкими перешейками, которые перегораживали искусственными "напольными" препятствиями. Со временем их основой стали более прочные преграды из двух параллельных (также частокольных или каркасно-столбовых) панцирей, между которыми плотно укладывали вынутую из рва землю. Давление утрамбованного грунта на бревенчатые стенки уравнивалось скреплявшими панцири дубовыми стяжками. Такими стенами окружали позднеантичные военные лагеря; их остатки встречаются в недрах валов городищ позднескифского культурного круга, их широко применяли алано-болгары лесостепного Дона и население летописных славянских племен.

Преграды из забутованных частокольных или каркасно-столбовых стен не могли быть очень высокими, поэтому особую роль в защите племенных укреплений-убежищ отводили созданию глубоких рвов. А недостаточно крутые склоны мысов подрезали эскарпами, вертикаль которых закрепляли бревенчатыми обкладками. Мысовые укрепления надолго стали ведущим фортификационным типом, опиравшимся на использование удобного рельефа местности. На исходе "догосударственного" периода славянское население лесостепи освоило срубное жилищное строительство и практически одновременно конструктивной основой крепостных стен стали цепочки из срубов-городней, забутованных грунтом. Отсюда появление более прочных укреплений объясняют применением домостроительных навыков, позволяющих многократно увеличивать высоту стен (*Раннопорт*, 1975. С. 119–121; *Кучера*, 1999. С. 83; *Григорьев*, 2000. С. 65, 88).

К началу массивированных печенежских набегов Русь значительно упрочилась: окрепла власть великих князей, шаг за шагом включавших племенные территории в государственную орбиту, а дружина сформировалась как закаленное в дальних походах профессиональное войско. Для сохранения целостности страны требовалось усиление ее обороноспособности, в связи с чем повышалась роль искусственных защитных сооружений. В Повести временных лет 988 год принят за начало строительства Владимиром Святославичем крепостей на пограничных реках. Между тем в канве кратких летописных сообщений прослеживаются отголоски сведений о существовании более ранних рубежей. На обоих берегах Днепра их расширяющиеся пределы ограждали дугообразным каскадом линейных стеновых преград, которые достраивали по мере расширения киевского территориального ядра.

Каждая из линий древо-земляных стен состояла из соседствующих отрезков русских срубных преград, западнославянских крюковых укреплений и типичных для летописных северян эскарповидных подрезок со срубными надстройками. Таким образом, в целях ускорения строительства разноэтничные артели возводили закрепленные за ними участки строительства одновременно, исходя из свойственных им традиционных навыков. Этот аналог каменных "длинных стен" создавался, защищался и обслуживался местным населением, перемещенными в приграничные регионы "мужами лучшими" и военнопленными. Для их проживания и несения пограничной службы создавались обширные открытые

поселения, устроенные на оборонительно значимых точках берегового рельефа и у важнейших бродов.

Существенно, что размещение линейных преград не всегда точно отвечало решению тактических задач, – порой их строили на кручах и вели через болота. Такой защитный способ типичен для ранних стадий сложения внешних рубежей, когда знание путей наступления противника было столь же поверхностным, как и оценка уязвимых точек собственных границ. Тем не менее создание протяженных стен соответствовало стратегии раннего периода – закреплению (огораживанию) внешних пределов государства с целью их последующего плотного заселения. Это соответствовало и общемировой практике возведения линейных укреплений, действенной на границах с кочевниками, одновременно проходившими этап развития, связанный с освоением вновь завоеванных степей и их крайних пределов – рубежей оседлых государств. Таким же образом "от моря и до моря" создавались функционально аналогичные каменные сооружения – Великая Китайская стена, ограждение императора Адриана в Великобритании, византийские "длинные стены" и др.

Таким образом, печенежский натиск инициировал применение на Руси ранее неизвестного оборонительного способа путем освоения и переработки европейского фортификационного опыта. А относительно недолгий период строительства змиевых валов показывает, что первый опыт в поисках методики отражения нападений оказался недостаточно эффективным. Тем не менее возведение протяженных укреплений, руины которых называют змиевыми валами, длилось несколько десятилетий и закончилось около 1008 г. на левом берегу р. Рось. Параллельно около 988 г. Владимир приступил к строительству пограничных крепостей, с напольных сторон защищенных древо-земляными стенами с лицевыми сырцовыми кладками, – их прочность позволяла выдержать длительную осаду. И вновь нехватка местных жителей заставила включить в защитный процесс население более северных областей Руси, т.е. оборона южных пределов стала общегосударственным явлением.

В свое время в литературе бытовало мнение об одновременном сооружении "городов Владимира" и змиевых валов, где крепости играли роль составного элемента пограничного комплекса. Со временем, по аналогии с римскими *limes*, южнорусские пограничья вне зависимости от наличия линейных сооружений и времени появления множества независимых от них пограничных крепостей, стали обобщенно называть оборонительными линиями: из них известны поднепровская, поросская, поднепровская и посульская. Думается, это не совсем точно. Латинскому термину более соответствует сеть протяженных стен, сопровождаемых открытыми поселениями.

Защита рубежей "городами" как точечными узлами обороны являлась более развитым защитным методом. Он пригоден для сохранения сложившегося заселения, поскольку подразумевал хорошее знание слабых звеньев собственных пределов, тактики противника и устоявшихся путей его передвижения. К положительным отличиям пограничных форпостов можно отнести размещение в

них гарнизонов, включавших и профессиональных воинов. Не последнюю роль играет экономичность такого способа обороны.

За исключением русской срубной основы, множество конструктивных деталей линейных и крепостных укреплений этого времени ранее на Руси были неизвестны и вскоре были утрачены. Поэтому разнотипные укрепления эпохи Владимира представляются итогом деятельности мастеров двух различных строительных школ, на протяжении 989–1008 гг. параллельно осуществлявших на Руси свои фортификационные предпочтения. Время появления специалистов по линейному огораживанию в источниках не отражено. Тем не менее гипотетически реконструируется ситуация, вызвавшая необходимость в подобном строительстве. Было бы заманчиво связать начало строительства валов с деятельностью Святослава, однако осада печенегами Киева в 968 г. оказалась единичной, князь вскоре погиб, а крюковая техника не имеет южных корней.

О начале длительной конфронтации с кочевниками известно из статьи Повести временных лет под 980 г., а уже в следующем году Владимир Святославич устремился походами на запад и восток, собирая силы и средства для ведения длительной войны. В источнике нет сведений о перемещении в пограничье военнопленных, но итоги отвоевания Червенских городов это единственный известный нам путь заимствования крюковых защитных устройств вместе с носителями этой техники. Другими причинами кратковременное применение чужеродных сооружений и их внезапное исчезновение пока объяснить трудно.

На деятельность представителей второй школы указывает появление греческих мастеров после женитьбы Владимира на греческой принцессе. Строительство Белгорода, а затем и Переяславля началось через год после закладки киевской Десятинной церкви. И вновь побудительной причиной постройки крепостей послужила активизация печенежского давления, вызвавшая необходимость в более действенных методах защиты. Программа деятельности этой школы в Повести временных лет отражена списком укреплявшихся водных рубежей. А ее археологическим индикатором являются крепостные стены с сырцовыми обкладками, которые скрепляли невзаимосвязанные между собой городни, предохраняли срубную сердцевину от зажигательных стрел и не применявшихся на Руси таранов. Византийские мастера были мало сведущи в срубной технике и шиповом креплении венцов, поэтому применяли кованые гвозди, кантованные бревна, невлагостойкие породы дерева и т.д. Порой срубные преграды в сечении имели небольшую ступенчатость или сверху равномерно сужались. Схожий абрис часто имели и византийские стены. Общими были также последствия их разрушения – руины приобретали каменный или древо-земляной валообразный облик.

Периоды интенсификации приграничного защитного строительства всегда были непосредственно связаны с внешним давлением на рубежи государства. Эпоха Владимира Святославича наилучшим образом иллюстрирует эту известную аксиому: неожиданно накотившая многолетняя череда печенежских нападений на русские земли в Среднем Поднепровье вызвала поиски ранее неизвестных методов защиты, реализовавшиеся всплеском возведения разнород-

ных оборонительных преград. Поэтому эту эпоху можно считать первым этапом сложения общерусской фортификации.

Вторая половина княжения Владимира скупо освещена ранними летописями, но более поздние источники и татищевские материалы применительно к началу XI в. отразили резкое снижение количества и качества печенежских вторжений. А в 1015 – начале 1017 г. их военное участие во внутренних усобицах уже инициировалось князьями и осуществлялось под их патронажем. Это очень важный показатель ослабления внешнеполитической активности кочевников; похоже, что защитные меры Владимира погасили их агрессивность (Моргунов, 1998. С. 60–62, 79).

Значительным своеобразием отличались крепостные сооружения Западной и Юго-Западной Руси, имевшей тесные культурные связи с западнославянским миром. Во второй половине X – первой половине XI в. там наряду с мысовыми преградами широко распространились расположенные на равнине округлые в плане укрепления, а также крепости "волынского" типа, планировка которых была промежуточной между кругом и квадратом (Pannonopt, 1967. С. 51, 195, 196).

Следующий всплеск защитного строительства начался почти через столетие после появления "владимировых городов": он был вызван половецкой угрозой последних десятилетий XI в. Значительную часть хронологического промежутка, разделившего эти два этапа, занимает княжение Ярослава Мудрого, отличавшееся некоторым застоєм в оборонительном строительстве. Тем не менее крепостные преграды совершенствовались, а эскарпы и линейные укрепления ушли в прошлое. Для оценки особенностей применявшихся в этот период защитных конструкций характерны укрепления созданного в 30-е годы XI в. киевского "города Ярослава". Они сохранили остатки угасавшего применения балканской технологии; это указывает на увеличение роли русских строителей, которые использовали более экономичные и менее трудоемкие приемы традиционных технических наработок (Pannonopt, 1994. С. 141).

Прослежено также новое конструктивное явление – намеренное возведение сложного вала в качестве основания невысокой бревенчатой стены. Появление этой новации может быть истолковано лишь предположительно: к этому времени "владимировы города" существовали около полувека и их ветшавшие и горевшие стены неоднократно обновлялись. Но пределы мысов не позволяли расширять крепостные площадки, поэтому стены возобновляли поверх руин-валов предшествующих укреплений, как это происходило в 1114 г. в Ладоге. Поэтому не исключено, что в процессе смены как минимум двух поколений строителей могла сложиться новая градостроительная традиция, учтенная мастерами или примененная по требованию заказчика. В ней воплотились преимущества создания крепостных стен поверх земляных возвышений.

Начало второго этапа развития оборонительного строительства можно связать с последствиями дробления Руси по "завещанию Ярослава". В 1054 г. в землях-княжествах появилась необходимость в закреплении внешних пределов, освоении внутренних пространств и контроле над военными и торговыми путями. Применительно к северным регионам, по летописным и археологиче-

ским источникам, едва ли наберется с десятков городов и крепостей, достоверно возникших в этот период. Очевидно, на первых порах градостроительный процесс там протекал медленно; возможно, в этом сказалось и отсутствие на местах необходимой практики.

В южных регионах Руси два последних десятилетия XI в. также характеризуются появлением в письменных источниках ряда упоминаний о ранее неизвестных городах. Но они связаны с формированием мощной волны половецких вторжений. В 1061–1079 гг. степняки нанесли ряд поражений русским дружинам и начали принимать активное участие в междукняжеских распрях. В 1079 г. Всеволод Ярославич замирился с половцами, и до 1091 г. они воевали за Дунаем (Боняку и Тугоркану удалось спасти Византию от печенегов), а с 1092 г. половецкая агрессия приобрела постоянный и трагически выраженный характер.

На этот момент приграничье оказалось более подготовленным к обороне: между 1092 г. и концом столетия в источниках было упомянуто еще 30 существовавших на тот момент городов (*Тихомиров*, 1956. С. 33, 34); эта цифра значительно дополняется на основании археологических источников (*Моргунов*, 1998. С. 65–68). Столь резкий и массовый всплеск приграничного крепостного строительства объясняется естественной и актуальной реакцией на возникновение внешней опасности. И в результате совпадения итогов внутреннего развития государства с внешнеполитическими факторами конец XI в. можно принять за различимую веху начала массового возникновения городов на всей русской территории. Судя по материалам посольского региона, разветвляющуюся и обрастающую укрепленными пригородами цепочку его пограничных крепостей вряд ли правомерно считать оборонительной линией. Это, скорее, начало сложения череды взаимосвязанных между собой, но самодостаточных микрорайонов (укрепрайонов).

К концу XI в. следы применения византийской строительной техники были окончательно утрачены. Преграды теперь включают до трех параллельных и взаимосвязанных между собой цепочек городней, а по периметру жилых площадок появились более легкие укрепления из пустотелых клеток. Для забутовки городней стали использовать культурный слой жилых площадок, углублению старых рвов и очистке их от естественных затеков уделяется все меньше внимания. Наиболее значимые поселения постепенно обрастают укрепленными посадами, защищенными индивидуальной линией стен, что вело к усложнению их планировочной структуры. Но, как и прежде, пригодные для фортификации береговые мысы, в том числе и занятые городищами предшествующих эпох, укрепляют одной линией напольных стен. Постепенно нарабатывается множество технических приемов, позволявших строить новые стены не только поверх более древних валов, но и быстро обновлять укрепления на месте недавних пожарищ.

Строительство мысовых крепостей не решало проблемы защищенности территорий, т.к. требовавшие фортификации обширные равнинные и болотистые пространства не имели подходящих урочищ. В конце XI в. это вызвало появление в Среднем Поднепровье крепостей округлых в плане очер-

таний, не связанных с особенностями окружающего рельефа либо использовавших эту связь в незначительной мере. Они были особо востребованы в период массового освоения государственной территории и сложения внутренних и внешних границ, они позволяли защитить практически любую точку в соответствии с требованиями безопасности или военно-тактических обстоятельств. Вариантом подобных сооружений являлись так называемые "круглые болотные" укрепления, в безморозную пору года практически недостижимые для нападающих.

"Круглые" крепости воплотили целый комплекс фортификационных новаций. Они отражали новую оборонительную схему, позволявшую вести фронтальный обстрел во всех направлениях и оптимально распределять силы защитников (*Раннопорт*, 1956. С. 158). Такие укрепления имели минимальный периметр, поэтому были более экономичными при возведении, а их равнинное размещение лишало врага внезапности нападения. Вместе с ними широко распространились двухрубные стены из прочных внешних городней и полых внутренних клеток, служивших резервом жилой и хозяйственной застройки. Надежность таких стен позволяла пренебрегать как глубиной рвов, так и поисками удобных мысов, чем окончательно закрепилось преобладание искусственных преград над естественными. Однако мы не располагаем достоверными примерами намеренного создания валов округлых крепостей для возведения на их гребнях защитных стен.

Кроме того, археологическое изучение разнотипных городищ показывает, что для домонгольской эпохи раскопками не получено ни одного образца оборонительных стен, через равные промежутки разделенных стеновыми башнями. Тем не менее одиночные башни периодически все же возводились на линии стен, на их угловых переломах, а также непосредственно на крепостных площадках, где могли играть роль донжонов или дополнительной околорезной преграды. Все перечисленные защитные устройства, скорее всего, были универсальными сооружениями: с их верхних ярусов было удобно вести наблюдение за приближением противника или подавать соседям соответствующие сигналы. Но на Руси они так и не стали распространенным фортификационным явлением.

Сравнение площадей городищ левобережья Днепра показало существование одноразмерных групп укреплений, разделенных ощутимыми лакунами. В совокупности же формальных признаков, общих для каждой группы, угадывается сходство или, по крайней мере, близость их функциональной нагрузки. Таким образом, с распространением укреплений округлых в плане очертаний связывается появление признаков стандартизации крепостного строительства, ставшей возможной при создании укреплений, размеры которых не зависели от величины мысов или останцов, а стены возводились из однотипных элементов. Эта прогрессивная новация позволяла создавать оборонительные сооружения заранее оговоренной функциональной нагрузки и сметной стоимости, обеспечивающие защитные нужды феодалов различного уровня (*Моргунов*, 1986. С. 118. Рис. 6; 1990. С. 99–108).

Как и прежде, защита приграничья в условиях резкой половецкой активизации требовала притока населения на окраины государства, но распад государства на земли-княжения затруднил практику массовых миграций оседлых земледельцев. Поэтому с 60-х годов XI в. в южнорусской лесостепи началось формирование поясов расселения кочевых сообществ, вытесненных половцами из степей. Они переходили на русскую службу и, оказавшись в недостаточных для кочевания регионах, были вынуждены осесть на землю и переходить к пастушескому скотоводству. В летописных источниках места средоточия степных федератов отождествлялись с этнонимами их носителей: это "черниговские ковуи" Задесенья, "перяславские торки" и обобщенно названные "черные клобуки" Поросья, среди которых различаются берендеи, печенеги и потомки хазар. Территориальная ограниченность расселения требовала создания надежных убежищ и замков для безопасности семей и имущества федератов Руси, значительное время уделявших пограничной службе и дальним походам в степи.

Изучение традиционно сложившейся однорядной планировочной нормы общерусской фортификации позволяет выделить из совокупности известных укреплений обширный пласт крепостных древностей, построенных для оборонительных нужд недавних степняков. Они отличались применением позабытых на Руси эскарпов, устройством многорядных линий напольных стен и многорядно-концентрической планировочной укреплений. Истоки этих особенностей можно отыскать на раннесредневековом востоке, позже они проявились на северных окраинах Хазарии, а сооружения, синхронные южнорусским, известны на Северном Кавказе и в Волжской Болгарии. Это конечные пункты перемещения выходцев из Азии, которых оседание на землю заставляло ограждать стационарные поселения. При этом поздние кочевники сохранили многие строительные традиции азиатских предков и принесли на новую родину устойчивый дедовский ассортимент "степных" защитных элементов.

"Степные" укрепления подчас поражают своей сложностью, но порой их не вполне уместное применение указывает, что это, скорее, дань сложившимся традициям, а не проверенная на практике необходимость. Так, для XII в. эскарпы, простейшая и пассивная форма защиты, выглядят глубокой архаикой; столь же неоправданным было дополнение городней звеньями частоколов с плетнями. Вместе с тем для каждого ареала характерно преимущественное применение одной или двух из выявленных строительных особенностей. Возможно, это соответствовало этническим особенностям и давним фортификационным предпочтениям представителей различных кочевых племен. В массе эти укрепления тяготели к береговым мысам, но со временем (возможно, под русским влиянием) приобретали и округлые в плане абрисы защитных преград.

В ареалах расселения недавних степняков, выделенных по признаку применения нетипичных защитных элементов, до настоящего времени сохранилась необычно высокая концентрация степной этнонимической номенклатуры. А на лучше изученных памятниках известны скопления этноопределимых находок, следы кочевнического домостроительства, предметы быта и оригинальные украшения. Многие из таких укреплений, в том числе и небольших

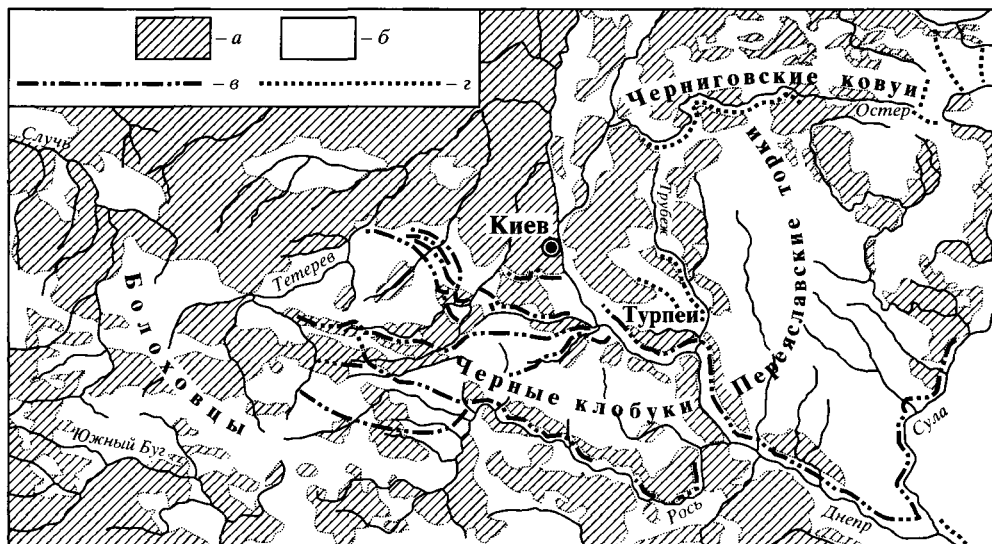

Рис. 108. Защитная структура киевского территориального ядра в XII–XIII вв.

Условные обозначения: а – древние лесные массивы; б – степные участки; в – археологически изученные линии валов; г – утраченные линии змиевых валов, известные по литературе

размеров, содержат множество драгоценных кладов, а в их окрестностях встречаются погребения и могильники выходцев из степей.

Картографирование "степных" оборонительных сооружений показывает, что в конце XI – первой половине XII в. ареалы концентрации их убежищ или замков сформировали широкое приграничное полукольцо, оградившее Южную Русь от степных вторжений (рис. 85, 108). Восточная часть полукольца препятствовала вторжениям левобережных половцев: турпеи с торками заселяли маловодную приднепровско-супойскую равнину и пунктирно разместились на посульской границе. Южную часть полукольца составляли многочисленные крепости летописного Перепетова поля, охранявшие днепровские броды и отбивавшие устремления правобережных половцев. Поднепровское расселение степняков обеспечивало безопасность Юго-Западной Руси.

В середине XII в. началось обособление Юго-Западной Руси, тяготевшей к западноевропейскому культурно-историческому кругу. Это указывает на начало третьего этапа развития фортификации, который характеризовался формированием местных строительных традиций. Так, во второй половине XII – первой половине XIII в. на гребне длительной демаркационной войны киевских и галицко-волинских князей в бассейне верхнего течения Случи и Тетерева сформировалась пограничная между ними Болоховская земля. Она отличалась оригинальными крепостными сооружениями многоядро-концентрической планировки, схожими с укреплениями Волжской Болгарии. Поэтому не исключено, что восточно-волинский ареал основан на преимущественном расселении "диких" половцев, испытавших культурное воздействие этой страны. Болохов-

ское средоточие нетипичных крепостей – это западный участок относительно поздней внутренней границы Киевской земли.

С точки зрения активной оборонительной тактики болоховские защитные сооружения представляются несколько хаотичными. Их грамотное использование требует хорошо обученных и профессионально действующих контингентов пехоты, приученных как к синхронным контратакам, так и к одновременному отходу на внутренние позиции. Но разноязычные письменные источники согласны в положительной оценке кочевников только в качестве отменных кавалеристов и верховых лучников, но никак не защитников крепостей. Поэтому многоярдные защитные линии представляются выражением пассивного способа обороны. А для его реализации как нельзя лучше подходили "русские" древо-земляные стены из городней. Несмотря на их кажущуюся непрочность, при осаде Колодыжина они устояли против натиска монгольских камнеметов, а через столетия противостояли и ударам пушечных ядер (*Поссевино*, 1983. С. 44, 45).

Приложение 1

Основные сведения об упомянутых в тексте древнерусских памятниках

№ пп	Памятник	Хронология культурных напластований, век	Обследованность			Источник
			подъемный материал	шурфовка	раскопки	
Бассейны Днестра, Тисы и Сана						
1	Билки	X–XI			+	<i>Дзембас</i> , 1993. С. 26
2	Олешков	XII–XIII	+			<i>Раппопорт</i> , 1967. С. 20–21
3	Ревное 1	IX–X			+	<i>Тимощук</i> , 1975. С. 71
4	Ленковцы	XII–XIII			+	<i>Тимощук</i> , 1967. С. 99; 1982. С. 71
5	Черновка	XII–XIII			+	<i>Тимощук</i> , 1982. С. 105; <i>Возний</i> , 1997. С. 133–136
6	Червона Диброва	IX–X			+	<i>Тимощук</i> , 1982. С. 187
7	Екимауцы	IX–XI			+	<i>Федоров</i> , 1968
8	Алчедар	IX–XIII			+	<i>Федоров</i> , <i>Чеботаренко</i> , 1974. С. 79
9	Матеуцы-Кордон	X–XIII			+	<i>Федоров</i> , <i>Чеботаренко</i> , 1974. С. 88
10	Ломачинцы	IX–XIII			+	<i>Тимощук</i> , 1982. С. 178
11	Калиус* (с. Калюс)	XII–XIII			+	<i>Раппопорт</i> , 1967. С. 18
12	Галица	IX–XIII			+	<i>Тимощук</i> , 1955. С. 111
13	Хребтиев	X–XI			+	<i>Раппопорт</i> , 1967. С. 18
14	Ушица* (с. Старая Ушица)	XII–XIII			+	<i>Кучера</i> , <i>Горишиний</i> , 1983
15	Малиновцы	XII–XIII		+		<i>Кучера</i> , 1983. С. 100
16	Большой Карабчев	XI–XIII		+		<i>Раппопорт</i> , 1967. С. 18; <i>Куза</i> , 1996. С. 204

№ пп	Памятник	Хронология культурных напластований, век	Обследованность			Источник
			подземный материал	шурфовка	раскопки	
17	Дарабаны-Шовб	XII–XIII			+	<i>Тимошук</i> , 1982. С. 116–117
18	Великая Слободка	XII–XIII		+		<i>Кучера</i> , 1983. С. 100
19	Звенигород на р. Збруч (святилище)	X–XIII			+	<i>Русанова, Тимошук</i> , 1993. С. 37–65
20	Мушкатовка	XII–XIII		+		<i>Кучера</i> , 1979. С. 70
21	Василев*	XII–XIII			+	<i>Тимошук</i> , 1990. С. 114, 115
22	Теребовль*	XI–XIII			+	<i>Свешников</i> , 1990в. С. 105–107
23	Устье на р. Серет	XII–XIII	+			<i>Кучера</i> , 1983. С. 97
24	Городница	XII–XIII			+	<i>Петегурич</i> , 1990а. С. 142, 143
25	Галич* (с. Крылос)	X–XIII			+	<i>Тимошук</i> , 1975. С. 71; <i>Свешников</i> , 1990. С. 97–102
26	Тустань	IX–XIII			+	<i>Рожко</i> , 1996
27	Городиско	X–XI	+			<i>Рожко</i> , 1997. С. 151
28	Перемышль*	X–XIII			+	<i>Свешников</i> 1990 б. С. 103–105
29	Судова Вишня	X–XI			+	<i>Ратич</i> , 1962. С. 106–119; 1964. С. 115–129
30	Звенигород*	XI–XIII			+	<i>Свешников</i> , 1990а. С. 110
31	Львов*	XI–XIII			+	<i>Багрий</i> , 1990. С. 116–119
32	Плеснеск*	IX–XIII			+	<i>Багрий</i> , 1990а. С. 111–114
Поречье Сана – бассейн Стыри						
33	Белз*	XII–XIII			+	<i>Петегурич</i> , 1987; <i>Петегурич</i> , 1990. С. 127–129
34	Сутейск*	XI–XIII			+	<i>Wartolowska</i> , 1958; <i>Pannonopt</i> , 1967. С. 62
35	Холм*	XIII			+	<i>Pannonopt</i> , 1967. С. 63

№ пп	Памятник	Хронология культурных напластований, век	Обследованность			Источник
			подземный материал	шурфовка	раскопки	
36	Затурцы	X–XI			+	<i>Кучера</i> , 1968. С. 194–197; АППВ, 1982. С. 197
37	Черторыйск*	XII–XIII			+	<i>Раппопорт</i> , 1967. С. 37, 36
38	Луцк*	X–XIII			+	<i>Терський</i> , 2002. С. 22–26
39	Белев	XI–XIII			+	<i>Раппопорт</i> , 1967. С. 39, 40; АППВ, 1982. С. 225
40	Листвин	X–XI			+	АППВ, 1982. С. 212
Поречье Горыни						
41	Посников	XI–XIII			+	<i>Раппопорт</i> , 1967. С. 51, 53; АППВ, 1982. С. 222
42	Пересопница*	XII–XIII			+	<i>Терский-Шеломенцев</i> , 1990а. С. 125
43	Дорогобуж*	X–XIII			+	<i>Петегурич</i> , 1990б. С. 131
44	Кураж	XI–XIII			+	<i>Зварич</i> . и др., 1977. С. 297, 298
45	Глубочок	XII–XIII			+	<i>Куза</i> , 1996. С. 163
46	Изяславль*	XII–XIII			+	<i>Пескова</i> , 1980
Бассейн Случи						
47	Возвягль* (Новоград-Волинский)	XII–XIII			+	<i>Звиздецкий</i> , 1990. С. 36–38
48	Гольск*	XI–XIII			+	<i>Кучера</i> , 1982. С. 72–77
49	Колодажин*	XII–XIII			+	<i>Гончаров</i> , 1951; <i>Юра</i> , 1962
50	Деревич*	XII–XIII			+	<i>Раппопорт</i> , 1955а. С. 54
51	Станция Разино	XII–XIII			+	<i>Раппопорт</i> , 1967. С. 72–74
52	Губин*	XII–XIII			+	<i>Раппопорт</i> , 1955а. С. 55

№ пп	Памятник	Хронология культурных напластований, век	Обследованность			Источник
			подъемный материал	шурфовка	раскопки	
Верховья Южного Буга						
53	Тележинцы	XII–XIII			+	<i>Кучера, 1979. С. 67</i>
54	Кудин*	XII–XIII			+	<i>Раппопорт, 1956. С. 45</i>
55	Бужск* (?) Городище на р.Згар	XII–XIII			+	<i>Якубовський, 1972. С. 307</i>
56	Червоне	X–XI			+	<i>Хавлюк, 1969. С. 163, 165</i>
Бассейн Тетерева						
57	Довбыши	XII–XIII	+			<i>Кучера, 1979. С. 67</i>
58	Жежелев	XII–XIII	+			<i>ДПСР, 1984. С. 39</i>
59	Райки	XII–XIII			+	<i>Гончаров, 1950</i>
60	Великие Коровинцы 1	XII–XIII	+			<i>Кучера, 1979. С. 66</i>
61	Великие Коровинцы 2	XII–XIII	+			<i>ДПСР, 1984. С. 39</i>
62	Котельнич* (с. Старая Котельня)	XI–XIII		+		<i>ДПСР, 1984. С. 41</i>
63	Городище на р. Кодежке	XII–XIII	+			<i>Кучера, 1979. С. 67</i>
64	Заречаны	XII–XIII		+		<i>ДПСР, 1984. С. 40</i>
65	Житомир (Соколова Гора)	XII–XIII		+		<i>ДПСР, 1984. С. 34, 35</i>
66	Городище на р. Свинолуке	XII–XIII		+		<i>Кучера, 1982. С. 72</i>
67	Бельковцы	XII–XIII	+			<i>ДПСР, 1984. С. 36</i>
68	Корчевка	XII–XIII		+		<i>Раппопорт, 1956. С. 39; Куза, 1996. С. 169</i>
Междуречье Здвижа, Днепра и Роси						
69	Здвижень* (Макаров)	XI–XIII	+			<i>Кучера, 1976а. С. 179–180; ДПСР, 1984. С. 44</i>
70	Мутижир* (Мотыжин)	XI–XIII	+			<i>Кучера, 1976а. С. 181; ДПСР, 1984. С. 44</i>
71	Бышев	XI	+			<i>Кучера, 1976а. С. 183; ДПСР, 1984. С. 44, 45</i>

(продолжение)

№ пп	Памятник	Хронология культурных напластований, век	Обследованность			Источник
			подъемный материал	шурфовка	раскопки	
72	Черногородка	XII–XIII	+			<i>Кучера</i> , 1976а. С. 183; ДПСР, 1984. С. 45, 46
73	Великая Снетинка	XII–XIII	+			ДПСР, 1984. С. 54
74	Потеевка	XII–XIII	+			<i>Кучера</i> , 1999. С. 198
75	Белгород*	X–XIII			+	ДПСР, 1984. С. 47, 48; <i>Мезенцева</i> , 1986
76	Вышгород*	X–XIII			+	ДПСР, 1984. С. 49
77	Дорогожич*	X–XIII		+		<i>Мовчан</i> , 1993. С. 131–133
78	Китаево	IX–XIII			+	<i>Мовчан</i> , 1993. С. 137–157
79	Пирогово	X–XII			+	ДПСР, 1984. С. 53
80	Будаевка	XI–XIII	+			<i>Раппопорт</i> , 1954. С. 22
81	Вита Почтовая	XII–XIII		+		<i>Раппопорт</i> , 1952а. С. 142–145
82	Плесецкое	IX–XIII		+		<i>Раппопорт</i> , 1952а. С. 146; <i>Кучера</i> , 1976а. С. 183
83	Василев*	X–XIII			+	<i>Малеев</i> , 1987. С. 5–10
84	Заречье	X–XI			+	<i>Раппопорт</i> , 1952б. С. 107, 108
85	Старые Безрадици	XI–XIII			+	ДПСР, 1984. С. 57, 58; <i>Куза</i> , 1996. С. 172
Правый берег Днепра						
86	Треполь* (Триполье)	X–XIII			+	<i>Петрашенко, Козюба</i> , 1999. С. 15, 16
87	Витичев* (Витачев 1)	X–XI			+	<i>Петрашенко, Козюба</i> , 1999. С. 27
88	Святополч* (Витачев 2)	XII–XIII			+	<i>Плетнева, Макарова</i> , 1965
89	Иван* (Ржищев)	XII–XIII			+	ДПСР, 1984. С. 65, 66
90	Чучин* (Балыко-Щучинка)	XI–XIII			+	<i>Петрашенко, Козюба</i> , 1999. С. 64
91	Ульяники	XII–XIII		+		<i>Кучера</i> , 1976а. С. 194
92	Холоров	XI–XIII			+	<i>Петрашенко, Козюба</i> , 1999. С. 70

№ пп	Памятник	Хронология культурных напластований, век	Обследованность			Источник
			подземный материал	шурфовка	раскопки	
93	Малый Букрин	XII–XIII		+		<i>Раппопорт, 1952а. С. 111; Куза, 1996. С. 174</i>
94	Григоровка I (ур. Городок, Миска)	XII–XIII			+	<i>Петрашенко, Козюба, 1999. С. 128–131</i>
95	Бучак I (гора Туз)	XII–XIII		+		<i>Петрашенко, Козюба, 1999. С. 147</i>
96	Бучак 2 (ур. Городок)	XII–XIII		+		<i>Петрашенко, Козюба, 1999. С. 152–157</i>
97	Тростянец (Грищенцы)	XII–XIII	+			<i>Кучера, Иванченко, 1998. С. 102</i>
98	Канев 2 (гора Московка)	XI–XIII			+	<i>Петрашенко, Козюба, 1999. С. 188</i>
99	Пекари I (Княжая Гора)	XII–XIII			+	<i>Мезенцева, 1968. С. 25</i>
100	Родень* (Пекари 2)	X–XIII		+		<i>Толочко, 1999. С. 70</i>
Поросье						
101	Малая Сквирка	XII–XIII	+			<i>Кучера, 1976а. С. 189</i>
102	Буки	XI–XIII		+		<i>Иевлев, Минаева, 1999. С. 25</i>
103	Городище Белоцерковское	XII–XIII		+		<i>Кучера, 1999. С. 201</i>
104	Трилесы	XII–XIII	+			<i>Кучера, 1976а. С. 187</i>
105	Мазепинцы	XII–XIII	+			<i>Кучера, 1976а. С. 187</i>
106	Великополовецкое	XII–XIII		+		<i>Стародуб, 1991. С. 84</i>
107	Белая Церковь I (Палиева Гора)	XII–XIII			+	<i>Кучера, 1976а. С. 189</i>
108	Юрьев* (Белая Церковь 2, Замок)	XI–XIII			+	<i>Орлов и др., 1985</i>
109	Песчаное	XI–XIII	+			<i>Кучера, Иванченко, 1987. С. 74, 75</i>
110	Чепилиевка I	XII–XIII	+			<i>Кучера, 1976а. С. 189</i>
111	Чепилиевка 2	XII–XIII	+			<i>Кучера, Иванченко, 1987. С. 75</i>
112	Сухолесы	XI–XIII	+			<i>Кучера, 1976а. С. 191</i>

№ пп	Памятник	Хронология культурных напластований, век	Обследованность			Источник
			подземный материал	шурфовка	раскопки	
113	Торчеськ* (Шарки)	XI–XIII			+	<i>Кучера, 1976а. С. 191</i>
114	Бушево	XI–XIII			+	<i>ДПСР, 1984. С. 82</i>
115	Саварка	XI–XIII	+			<i>Кучера, Иванченко, 1987. С. 69–76</i>
116	Богуславль*	XI–XIII		+		<i>Иванченко, 1988</i>
117	Половецкое	XI–XIII			+	<i>ДПСР, 1984. С. 85</i>
118	Пешки	XI–XIII	+			<i>Кучера, Иванченко, 1987. С. 76</i>
119	Николаевка	XI–XIII		+		<i>Звіздецький, Серов, 1988. С. 68</i>
120	Корсунь*	XI–XIII		+		<i>ДПСР, 1984. С. 86</i>
121	Набутов	XII–XIII			+	<i>Куза, 1996. С. 184</i>
122	Сахновка (Девич-Гора)	XII–XIII			+	<i>Иванченко, 1990</i>
123	Межирич	XII–XIII		+		<i>ДПСР, 1984. С. 90; Кучера, Иванченко, 1987. С. 74–76</i>
124	Масловка	XI–XIII	+			<i>Кучера, Иванченко, 1987. С. 76</i>
125	Емчиха	XI–XIII		+		<i>ДПСР, 1984. С. 90; Кучера, Иванченко, 1987. С. 69–70</i>
126	Пилява	XI–XIII	+			<i>Кучера, Иванченко, 1987. С. 69</i>
127	Полствин	XII–XIII	+			<i>ДПСР, 1984. С. 91, 92; Куза, 1996. С. 185</i>
128	Кононча	XII–XIII	+			<i>ДПСР, 1984. С. 92; Кучера, Иванченко, 1987. С. 75, 76</i>
Бассейн Десны						
129	Верь* Белополье	XI–XIII			+	<i>Приймак, 1994. С. 38–42</i>
130	Путивль*	X–XIII			+	<i>Сухобоков, 1992. С. 134–137; Григорьев, 2000. С. 65</i>

№ пп	Памятник	Хронология культурных напластований, век	Обследованность			Источник
			подземный материал	шурфовка	раскопки	
131	Кросна	XII–XIII		+		<i>Моргунов, 1996. С. 38</i>
132	Чернигов*	X–XIII			+	<i>Блифельд, Коваленко, 1986. С. 272–281</i>
133	Белавежа*	XI–XIII		+		<i>Лерберг, 1819. С. 386; Куза, 1996. С. 112</i>
134	Городец Остерский*	X–XIII			+	<i>Козаков, 1996. С. 92</i>
Левый берег Днепра, поречье Трубежа и Суоя						
135	Любеч*	X–XIII			+	<i>Юра, Коваленко, 1986. С. 299–303</i>
136	Иванков	XII–XIII	+			<i>Кучера, 1978. С. 22–30</i>
137	Саков*	XII–XIII	+			<i>Кучера, 1978. С. 22–30</i>
138	Переяславль*	X–XIII			+	<i>Раппопорт, 1956. С. 82, 92</i>
139	Бронь Княж*	XII–XIII?	+			<i>Моргунов, 2000. С. 25–28</i>
140	Баруч*	XII–XIII	+			<i>Моргунов, 2000. С. 25–28</i>
141	Виненцы	XII–XIII	+			<i>Кучера, 1978. С. 22–26</i>
142	Ташань	XI–XIII	+			<i>Моргунов, 2000. С. 30</i>
143	Цибли	XII–XIII		+		<i>Петрашенко, Козюба, 1999. С. 264–267</i>
144	Городище	XI–XIII			+	<i>Ляпушкин, 1961. С. 328; Кучера, 1970</i>
145	Каленики	XI–XIII	+			<i>Кучера, 1978. С. 23–29</i>
146	Лепляво	XI–XIII		+		<i>Макаренко, 1907. С. 87; Петрашенко, Козюба, 1999. С. 273–275</i>
147	Бубновская Слободка	XI–XIII	+			<i>Ляпушкин, 1961. С. 324–325</i>
148	Золотоноша	XI–XIII	+			<i>Ляпушкин, 1961. С. 330</i>
149	Веремесвка (бывш. Миклашевский)	XII–XIII			+	<i>Кучера, 1962</i>

№ пп	Памятник	Хронология культурных напластований, век	Обследованность			Источник
			подземный материал	шурфовка	раскопки	
Бассейн Сулы						
150	Зарытый* (Николаевка)	XI–XIII		+		<i>Моргунов</i> , 1996. С. 28–30
151	Бабаково	XII–XIII		+		<i>Моргунов</i> , 1982. С. 241
152	Вьяхань* (с. Городище)	XI–XIII		+		<i>Моргунов</i> , 1996. С. 34–36
153	Попаш* (с. Засулье, Гульбище)	XII–XIII		+		<i>Моргунов</i> , 1996. С.36–38
154	Засулье, ур. Мазепина Гора	XVII–XVIII		+		<i>Моргунов</i> , 1996. С.37, 38
155	Глебль* (Шевченково)	XI–XIII		+		<i>Моргунов</i> , 1996. С. 38–42
156	Великий Самбор	XI–XIII		+		<i>Моргунов</i> , 1996. С. 42, 43
157	Гайворон	XII–XIII		+		<i>Моргунов</i> , 1996. С. 43, 44
158	Красн* (Красный Колядин)	XI–XIII		+		<i>Моргунов</i> , 1996. С. 44–48; <i>Приймак, Поряднева</i> , 2002. С.109, 113
159	Грицевка	XII–XIII		+		<i>Моргунов</i> , 1996. С. 48–49
160	Медвежье	XII–XIII		+		<i>Моргунов</i> , 1996. С. 51–53
161	Ромен*, ур. Пригородок	XI–XIII			+	<i>Моргунов</i> , 1996. С. 53, 54; <i>Комар, Сухобоков</i> , 2004
162	Свиридовка	XII–XIII		+		<i>Моргунов</i> , 1996. С. 57–61; <i>Білозор, Гейко</i> , 2002
163	Бербеницы	XII–XIII		+		<i>Моргунов</i> , 1996. С. 61–63
164	Безсалы	XII–XIII		+		<i>Моргунов</i> , 1996. С. 63–65
165	Лохвица 2 (Высокие Лазирки)	XII–XIII		+		<i>Моргунов</i> , 1996. С. 65–69
166	Гаевщина (бывш. Скоробогатки)	XII–XIII		+		<i>Моргунов</i> , 1996. С. 69, 70
167	Сенча 2 (Сампсониев Остров)	XII–XIII			+	<i>Моргунов</i> , 2003
168	Кснятин*	XI–XIII		+		<i>Моргунов</i> , 1996. С. 77–79
169	Полкостень*	XI–XIII		+		<i>Моргунов</i> , 1996. С. 85–87
170	Хитцы	XII–XIII		+		<i>Моргунов</i> , 1996. С.90–93
171	Лубны	XI–XIII			+	<i>Моргунов</i> , 1996. С. 94–98
172	Снепород* (Мацковцы)	XI–XIII			+	<i>Моргунов</i> , 1996. С. 98–101

№ пп	Памятник	Хронология культурных напластований, век	Обследованность			Источник
			подземный материал	шурфовка	раскопки	
173	Лукомль*	XI–XIII				<i>Моргунов</i> , 1996. С. 102, 103
174	Горошин* (Тарасовка)	XI–XIII		+		<i>Моргунов</i> , 1996. С. 105–107
175	Чутовка	XI–XIII		+		<i>Моргунов</i> , 1996. С. 106–108
176	Великая Буримка 1 (Мисто)	XII–XIII		+		<i>Моргунов</i> , 1989; <i>Моргунов</i> , 1996. С. 110–114
177	Великая Буримка 2 (Каминци, Городок)	XI–XIII		+		
178	Римов* Великая Буримка 3	XI–XIII		+		
179	Лящовка	XII–XIII	+			<i>Моргунов</i> , 1996. С. 114–116
180	Клещинцы (бывш. Кизивер)	XII–XIII			+	<i>Кучера</i> , 1964; <i>Моргунов</i> , 1996. С. 116–120
181	Желни* (Жовнино 2)	XI–XIII	+			<i>Моргунов</i> , 1996. С. 122–125
182	Жовнино 3 (Палянивщина)	XII–XIII			+	<i>Моргунов</i> , 1996. С. 125–127
183	Воинь*	X–XIII			+	<i>Довженок и др.</i> , 1966; <i>Моргунов</i> , 1996.
Верховья Сейма						
184	Рать (Беседино)	XI–XIII			+	<i>Енуков, Енукова</i> , 1993. С. 48; <i>Кашкин</i> , 1998. С. 91–93
185	Курск*	X–XIII			+	<i>Енуков</i> , 1998. С. 86, 89; <i>Кашкин</i> , 1998. С. 79
186	Липино	X–XIII			+	<i>Енуков, Енукова</i> , 1999. С. 181; <i>Кашкин</i> , 2000. С. 66
187	Капыстичи	X–XIII			+	<i>Зорин</i> , 2003

№ пп	Памятник	Хронология культурных напластований, век	Обследованность			Источник
			подземный материал	шурфовка	раскопки	
Поречье Псла						
188	Гочево 1 (Крутой Курган)	XI–XIII			+	<i>Кашкин</i> , 1998. С. 136–138
189	Куриловка	XII–XIII			+	<i>Кашкин</i> , 2000. С. 141
190	Горналь (Большое городище)	IX–X			+	<i>Куза</i> , 1981. С. 37; <i>Григорьев</i> , 2000. С. 72
191	Горналь (Малое городище)	XII–XIII			+	<i>Кашкин</i> , 2000. С. 131–132
192	Зеленый Гай	XII–XIII			+	<i>Моця, Халиков</i> , 1997. С. 113
193	Шпилевка	XII–XIII			+	<i>Куза</i> , 1996. С. 192–193; <i>Берест, Осадчий</i> , 2001. С. 102
194	Каменное	XII–XIII			+	<i>Сухобоков</i> , 1992. С. 163–166
Бассейн Ворсклы						
195	Хотомышль* (Хотмыжск)	XII–XIII			+	<i>Дьяченко</i> , 1990; 1993
196	Ницаха	XII–XIII			+	<i>Сухобоков</i> , 1992. С. 152–163
197	Заречное 2	XII–XIII			+	<i>Берест, Осадчий</i> , 2001. С. 104
198	Журавное 2	XII–XIII			+	<i>Моця</i> , 1998. С. 183
199	Опошня	VIII–X			+	<i>Россинский</i> , 1981. С. 105; <i>Смиленко, Юренко</i> , 1990. С. 264–265
Бассейн Дона и Северского Донца						
200	Донец* (Карачевка)	XII–XIII			+	<i>Шрамко</i> , 1962. С. 300, 334; <i>Дьяченко</i> , 1983. С. 15, 18; <i>Григорьев</i> , 2000. С. 69
201	Холки	XII–XIII			+	<i>Плетнева</i> , 1964. С. 28, 29; <i>Винников</i> , 1990. С. 24, 25

*Летописный город.

Киевский "вал Ярослава"

Свидетельство закладки Ярославом Мудрым "великого" города с его Золотыми воротами содержится в Повести временных лет под 1037 г. Оно помещено между вставкой церковного предания о битве с печенегами в 1017 г., приуроченной к 60-летию великого князя, и обширным панегириком Ярославу (ПСРЛ. Т. 1. С. 151–153). На протяжении его длительного княжения возведение мощных оборонительных сооружений было актуальным только в период войн со Святополком, Болеславом I и печенегами, или оно произошло сразу по прошествии этих бурных событий, после окончательного утверждения Ярослава на Киевском столе (Толочко, 1996. С. 146–148).

Внешние очертания "города Ярослава" маркированы трассой частично сохранившихся среди городской застройки отрезков высоких древо-земляных валов. В 1952 г. П.А. Раппопортом и В.А. Богусевичем был разрезан вал близ телецентра. Эта насыпь создавалась поверх полого понижающегося "к полю" культурного слоя, широко датированного XI в. (Раппопорт, 1956. С. 91–98). Ее бревенчатый каркас был рублен "в обло с выпуском" из кантованных на шесть граней и круглых дубовых бревен. В лицевой части вала он был прослежен на высоту 7 м, в иных местах от сгнивших стволов остались лишь полосы тлена.

Каркас слагался из базовых городней размером $19,2 \times 6,7$ м, плотно забутованных глиной и установленных поперек оси вала. Городни не были связаны между собой, но каждая из них врубленными перегородками делилась на 12 внутренних срубов, размер которых в среднем составлял $2,2 \times 3,2$ м (рис. 109). Перед лицевой стенкой основного каркаса было обнаружено три "дополнительных" зысыпных сруба высотой в 4–5 венцов. Считают, что они предупреждали подвижку сооружения по склону (Раппопорт, 1956. С. 95, 141; Висоцький, 1979. С. 24; Висоцький, 1981. С. 144), хотя масса основного сооружения могла обеспечить его прочное сцепление с древней дневной поверхностью. Поперечное сечение насыпи ныне имеет форму сглаженной трапеции (рис. 110). Для наглядности я графически "очистил" ее от зафиксированных П.А. Раппопортом более поздних оплывов и наслоений. Это существенно: именно на такой модели исследователь гипотетически вычислял первоначальную высоту насыпи, определенную им как несколько превышавшую 12 м (Раппопорт. 1956. С. 96).

Другой отрезок "вала Ярослава" изучался в 1971–1972 гг. близ Золотых ворот, на восточном фасе которых сохранились отпечатки торцов бревен

Рис. 109. Реконструкция плана внутренней конструкции "вала Ярослава" близ телецентра (по П.А. Раппопорту)

Условные обозначения: *a* – сохранившиеся бревна; *б* – срубы, реконструируемые по их остаткам

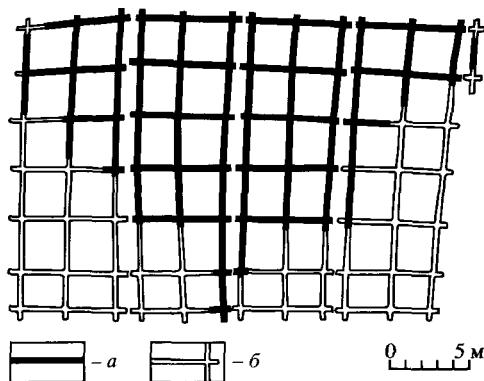
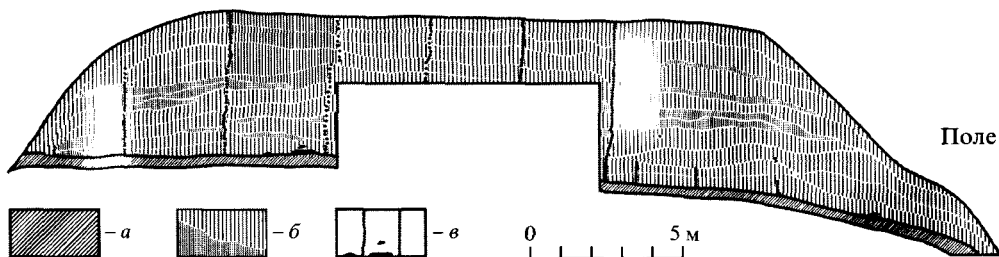

Рис. 110. Профиль разреза вала близ телецентра (по П.А. Раппопорту)

Условные обозначения: *a* – культурный слой XI в.; *б* – напластования различной плотности; *в* – торцы бревен и скопления обгоревшего дерева

внутривалных каркасов, местами прослеженных до 8-метровой высоты (Висоцкий, 1979. С. 24, 37). Под насыпью были обнаружены глубокие фундаментные рвы, их дно уплотняли деревянные колья высотой 55–60 см и толщиной 5–8 см, поверх которых укладывали бревенчатые лежни.

На основании архитектурных обмеров Золотых ворот и соответствующих математических расчетов С.А. Высоцким были получены сведения о реальной высоте арок надвратного сооружения первого строительного периода, непосредственно связанных с параметрами соседствующего с ним вала. Высоте средних арок соответствовал уровень боевой площадки ворот, обращенных в сторону поля, и высота гребня вала, равная 11–12 м. А уровню пола надвратной церкви и площадкам перед ее фасадами соответствовала высота двух других арок, размещенных на уровне боевой галереи заборол; эта цифра равна 13,36 м. Отсюда высота возвышавшейся над валом наземной стены составляла 2,24 м (Висоцкий, 1981. С. 154, 155). В этих построениях единственное возражение вызывает устаревшее представление исследователя о пустотелости наземной стены (Висоцкий, 1979. С. 34, 37).

Наложение профиля вала у телецентра на реконструированный С.А. Высоцким контур дневной поверхности насыпи у Золотых ворот показывает их идентичность: совпали даже вертикальные оси стенок каркасов. На предлагаемом рисунке мной в реальном масштабе даны и параметры наземной стены с заборолами. Не соответствует реальности лишь количество отпечатков бревен в стенах Золотых ворот и, соответственно, венцов реконструированной стены с заборолами, т.к. для наглядности мне пришлось увеличить их размеры (рис. 111).

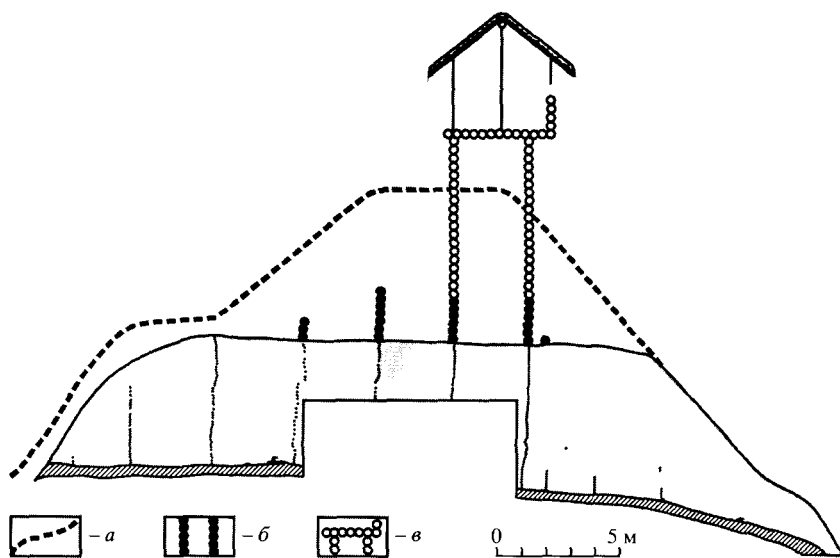

Рис. 111. Реконструкция укреплений "города Ярослава" (по П.А. Раппопрту, С.А. Высоцкому)

Условные обозначения: а – древний контур вала у Золотых ворот; б – отпечатки бревен на внешних стенках Золотых ворот; в – бревенчатые элементы наземной стены

Таким образом, насыпи "города Ярослава" на текущий момент являются единственным достоверным археологическим примером намеренного создания древо-земляной платформы или фундамента для возведения наземной крепостной стены. От других древо-земляных валов, которые принято считать основаниями наземных укреплений, "вал Ярослава" отличает широкая многосрубная решетка бревенчатого каркаса, которая действительно была способна закрепить обширный массив грунтовой забутовки на необходимую высоту.

Сооружение при этом не выпадает из общей линии сложения общерусской фортификации, занимая промежуточное положение между стенами из невязаных городней и взаимно скрепленными. Продолжая сравнение каркаса "вала Ярослава" с остатками стен эпохи Владимира Святославича, можно заметить исчезновение столбов-свай, скрепление венцов гвоздями и применение невлагодстойких пород дерева; реже стали использоваться и кантованные бревна. Все это указывает на активное участие в строительстве местных мастеров. Но полностью от услуг византийских специалистов, видимо, еще не отказались; на это указывает характерное для их практики создание фундаментных рвов, дно которых уплотнялось рядами тонких кольев и бревенчатыми лежнями. Эта техника применялась при возведении ранних каменных храмов Руси (Десятинная церковь, Софийский собор и др.) и синхронных построек Византии (Высоцкий, 1981. С. 151; Асеев, 1987. С. 12).

И все же создается впечатление некоторого несовершенства предложенной С.А. Высоцким реконструкции древнего облика укреплений.

Известно, что валы сглаженного подтреугольного или приближающегося к уплощенной полусфере сечения – это руинированные остатки крепостных стен. В процессе возобновления укреплений эти осыпи подрезали и выравнивали для создания приемлемой строительной площадки. По П.А. Раппопорту, валы "города Ярослав" были подрезаны в XIX в. Сбросы от этой подрезки хорошо прослеживаются на склонах вала, но их поперечное сечение незначительно по сравнению с объемом гипотетически реконструированного гребня вала. Следовательно, если в XIX в. срезанный почти до горизонтали грунт намеренно не вывозили за пределы вала, остается предположить, что в древности верхний абрис намеренно созданной насыпи был плоским. Именно такой должна быть строительная площадка, а после возведения наземной стены в ее тылу оставалась укрытая полоса для перегруппировки защитников, подвоза снаряжения, боеприпасов и т.д.

Обратимся к "боевому" склону насыпи. К внешней стенке внутривального каркаса примыкало три дополнительных сруба, вынесенных на пологий склон рва. В составе стен крепостей Владимира Святославича они служили фундаментом лицевых сырцовых кладок, которые примыкали к вертикальному внешнему фасу бревенчатой стены. Масштабно сопоставимой аналогией ярославову валу является укрепление сырцом обрыва городищенского мыса в летописном Василеве, где кладка достигала высоты 9–10 м (Малеев, 1987. С. 7). Учитывая в киевском сооружении обилие южных строительных приемов, нельзя исключить, что внешняя сторона всего древо-земляного сооружения от дополнительных срубов снизу доверху, до заборол, имела облик вертикальной бревенчатой стены.

В пользу этого предположения свидетельствует развенчанный миф о намеренно присыпавшихся вальных склонах, которые на самом деле помогали противнику добраться до подножия крепостных стен. Кроме того, свободная от "присыпки" срубная вертикаль была доступна для замены пришедших в негодность венцов: недаром лицевая сторона внутривального каркаса отличается наилучшей сохранностью. Косвенно предположение подтверждается и горизонтальным расположением прилегающих к вертикали слоев грунта. Они напоминают картину единовременного обрушения вышележащих конструкций со сбросом земли сверху, к примеру в процессе намеренного "срывания" укреплений, которое практиковали монголы после удачных штурмов городов.

О применении "косых острогов" в X веке

В публикации материалов северянского городища Рать на Сейме появилась новая гипотеза о применении северянами X в. однорядных укреплений – наклонных частоколов из расколотых вдоль бревен, опиравшихся на специально насыпанные земляные валы. По мнению авторов, прочность конструкции обеспечивалась настилом боевого хода, устроенным на гребне вала и жестко скрепленным с частоколом (Енуков, Енукова, 1993. С. 47–50). Рис. 112, 1. В общих чертах это сооружение напоминает косые остроги позднего Средневековья и Нового времени, снабженные амбразурами для ведения ружейного обстрела. Усложненный вариант такого защитного устройства, дополненный помостом для двухуровневой стрельбы, в свое время был реконструирован М. Красовским (1916. С. 95. Рис. 100а). Рис. 112, 2.

Вследствие краткости публикации и отсутствия иллюстраций в литературе это толкование не вызвало возражений, и со временем наклонные частоколы обнаружили среди древнейших укреплений летописного Курска (Енуков, 1998. С. 86, 89) и на городище X–XIII вв. у с. Капыстичи (Зорин, 2003. С. 374, 375). Постепенно эти сооружения стали восприниматься в качестве фортификационной новации древних обитателей курского Посеймья (Енуков, 1995. С. 31). Ратское толкование косых острогов было подхвачено А.М. Губайдуллинным (2002. С. 81). А в итоге мысль о северянском приоритете в изобретении косых острогов вылилась в заключение о том, что их массовое применение в XVII–XVIII вв. являлось своеобразным фортификационным "ренессансом" укреплений X в. (Енуков, 2005. С. 81, 82).

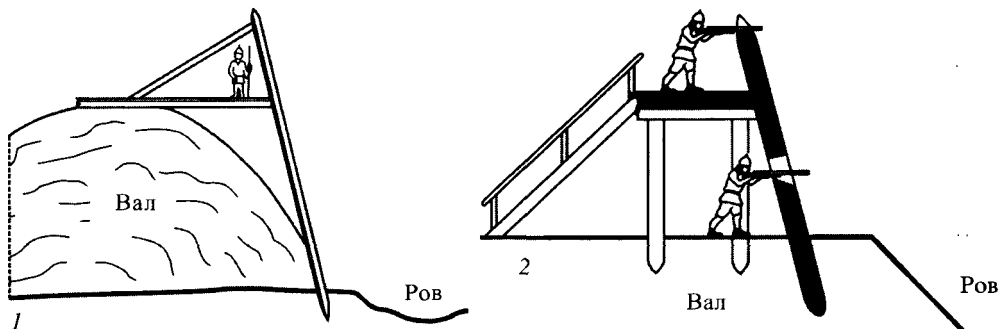

Рис. 112. Конструкция "косых острогов" (1 – по В.В. Енукову; 2 – по М. Красовскому)

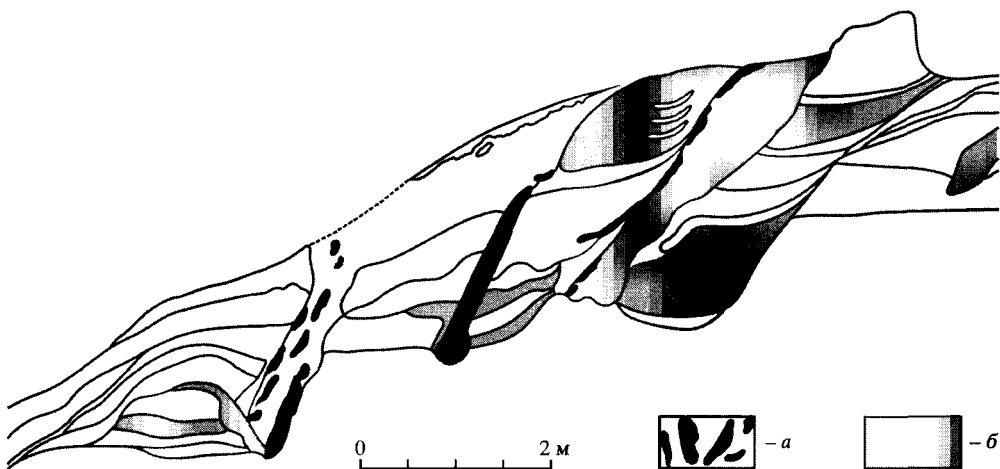

Рис. 113. Горналь. Профиль вала, графически "очищенный" от современного дерна и поздних слоев разрушения древних укреплений

Условные обозначения: *a* – реальные остатки обгоревших или истлевших бревенчатых конструкций; *b* – осыпи, содержащие переотложенные следы древних пожарниц

Оригинальность идеи побудила вновь изучить известные материалы. Для этого вернемся к ее истокам, к разрезу напольного вала Большого городища у с. Горналь. Именно он подвинул В.В. Енукова на новое истолкование защитной роли наклонных оборонительных устройств. Впервые анализ строительных периодов этого вала был сделан А.В. Кузой (*Куза*. Отчет 1974 г.; 1981. С. 31, 37). Выкладки не вызвали сомнений, и Горналь предстал в качестве эталона крепостной защиты летописных северян. Но с появлением новой модели прежние выводы, видимо, нуждаются в некотором уточнении.

Для наглядности неоднократно публиковавшийся профиль был графически "очищен" мной от дернового слоя, перекопов и более поздних осыпей (рис. 113). Черной заливкой помечены остатки сохранившихся *in situ* горевших и истлевших бревен и плах – это реальные остатки бревенчатых конструкций. Серой заливкой выделены прослойки с древесным тленом, углем и золой – это руинированные остатки древо-земляных укреплений (рис. 113). А затем, для наглядности и в соответствии с заключением автора исследований, монолит чертежа был графически разделен на строительные периоды.

Известно, что первоначальная преграда строилась поверх скифского культурного слоя, а ее руины сложились в невысокий краевой вал (рис. 114, 1). По первому описанию, в валу были прослежены "продольные деревянные конструкции в два венца" (*Вознесенская и др.*, 1972. С. 96): в полевом отчете они зафиксированы как бревна, уложенные параллельно и перпендикулярно продольной оси вала (*Куза*. Отчет 1974 г. С. 37). Несомненно, это остатки крепостной стены из забутованных грунтом срубных городней, но никак не увиденный В.В. Енуковым настил боевого хода (2005. С. 79, 80).

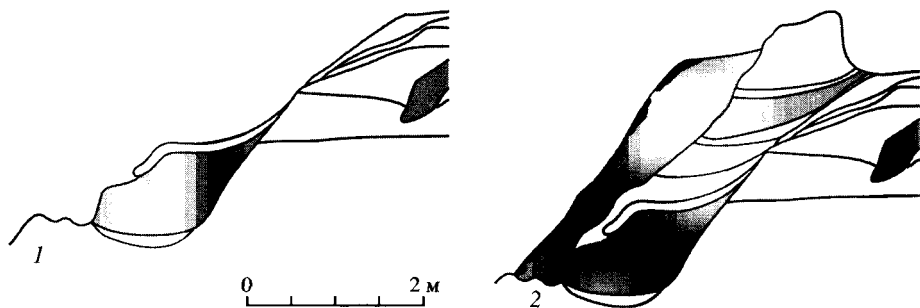

Рис. 114. Следы разрушений ранних оборонительных сооружений Горналя

1 – осыпи первоначальных укреплений; 2 – руины первой реконструкции защитной преграды (условные обозначения см. на рис. 13)

Существенно, что в 70-е годы XX в. доминировало мнение о примитивных частокольных укреплениях северян, поэтому в публикации А.В. Кузы 1981 г. этот спорный момент был опущен. Но в том же году им были подведены итоги массового изучения городищ всей территории Руси, опубликованные только после его безвременной кончины (Куза, 1996), которые подтвердили существование срубных укреплений в X в. Поэтому в следующей работе исследователь смог уверенно заявить, что северяне строили "не только частоколы, но и деревянные стены (как в Титчихе и Горнале)" (Куза, 1985. С. 168). Ныне срубные укрепления носителей роменской культуры летописных северян изучены значительно шире, и вывод А.В. Кузы сомнений не вызывает (Григорьев, 2000. С. 65).

Горнальский городищенский останец был отрезан от плато оврагом. При устройстве здесь укрепления склон снаружи стен круто подрезали эскарпом и в основании вырыли неглубокий ров (Куза, 1974. С. 38). При разрушении первоначальных укреплений часть обгоревших стен осыпалась на ступеньку эскарпа, и склон вновь стал пологим (рис. 114, 2). Как известно, площадь внутренней крепостной застройки ограничена пределами останца, поэтому создание укреплений второго строительного периода требовало расширения основания в сторону оврага. Этому соответствуют ленты подсыпок как из обгоревших, так и нетронутых огнем руин, хорошо прослеживающиеся на профиле разреза.

Но рыхлые осыпи могли не выдержать тяжести новых стен, поэтому с полуметровым отступом-бермой была изготовлена наклонная крепь из разреженного частокола. Бревна в нем устанавливались на расстоянии 20 см друг от друга, а промежуток между ним и осыпью плотно забивался материковым мелом, глиной и остатками пожарища (Куза. Отчет 1974 г. С. 38). Снаружи от этой облицовки в склоне оврага была вырезана новая ступенька. И в итоге верхний край забутовки принял очертания крепостной бермы. Отступая от нее вверх осыпей была построена забитая материковым мелом более высокая стена (она разрушена позднейшими перекопами). В современном виде остатки

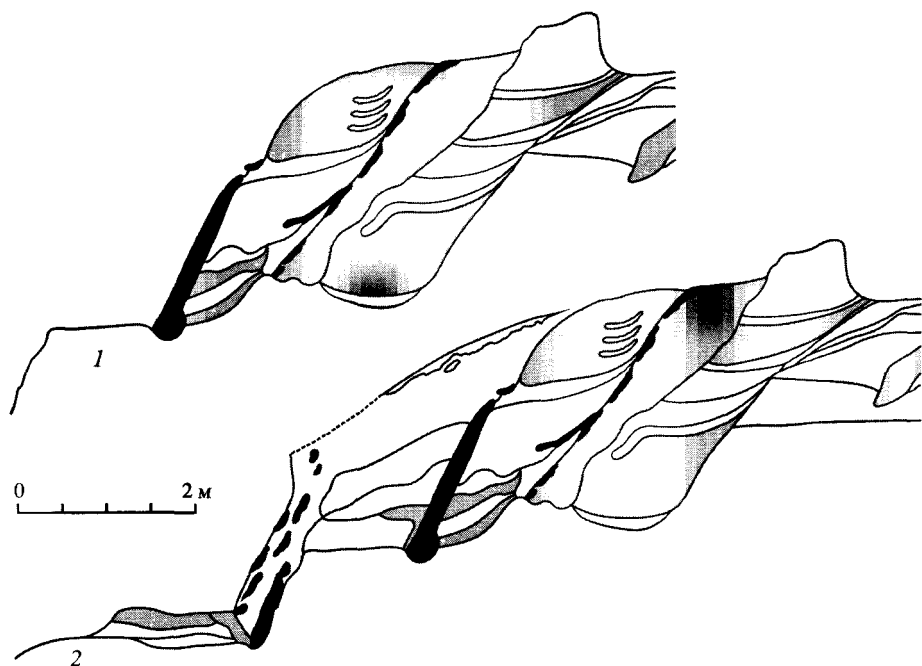

Рис. 115. Горналь. Закрепление осыпей наклонными частоколами при создании укреплений третьего (1) и четвертого (2) циклов создания укреплений (условные обозначения см. на рис. 13)

частокола второго строительного периода, естественно, возвышались над основанием первоначального сруба, и в предварительной публикации он был ошибочно увязан с наиболее ранней стеной (*Вознесенская и др., 1972. С. 96*).

Сходные реконструктивные мероприятия применялись после пожара в процессе третьего строительного периода создания укреплений. Склон нового эскарпа теперь закрепили сплошной облицовкой из дубовых плах шириной до 60 см, перед которой вновь была оставлена широкая берма (рис. 115, 1). Основание новой крепостной преграды, для создания которой использовались остатки предшествующего пожарища и культурный слой городища, вновь расширилось в сторону оврага и стало более мощным, но следы самой стены не сохранились.

И, наконец, в процессе четвертого строительного периода осыпи разрушенной преграды и склон останца были вновь подрезаны эскарпом и закрепины новым частоколом из бревен, скрепленных продольными жердями толщиной 10 см (*Куза. Отчет 1974 г. С. 38, 39*). Рис. 115, 2.

Схожее толкование облицовки вышеописанных эскарпов публиковалось А.В. Григорьевым. Он не обнаружил в Горнале специально насыпанного вала или остатков настила боевой площадки. Однако каскад частоколов им был почему-то изображен одновременным сооружением (*Григорьев, 2000. С. 71, 72*), что вызвало справедливые возражения (*Енуков, 2005. С. 78, 79*).

Рис. 116. Профиль вала Рать, графически "очищенный" от поздних осыпей и снабженный заливками по образцу Горналя (условные обозначения см. на рис. 13)

Таким образом, из ключевых посылок сторонников новейшей гипотезы на этом памятнике мы располагаем лишь разнотипными наклонными частоколами, закреплявшими осыпи предшествующих укреплений.

Сверим полученные наблюдения с разрезом вала городища Рать. Его публикация, наконец, позволяет сравнить вербальное описание сооружения с конкретикой реального авторского чертежа (Енуков, 2005. С. 70–78).

Для наглядности по горнальскому образцу графически "очистим" профиль от дернового слоя, перекопов и позднейших осыпей. Плотная и разреженная заливки далее позволят отличить сгоревшие конструкции *in situ* от содержащих дерево руинированных осыпей древних сооружений (рис. 116). Менее интересующие нас остатки сооружений скифского времени оставим за пределами рисунка, но для соответствия приведенных наблюдений сохраним авторскую нумерацию слоев.

За осыпь укреплений первого строительного периода я принимаю суглинистую насыпь высотой 2 м* с внутренними следами продуктов горения (слой 40), перекрытую узким глинистым языком слоя 29 (рис. 117, 1). Это руины сгоревшей преграды неясной (но не столбовой) конструкции, установленной поверх погребенного дерна. Внешний край осыпи, вероятно, сначала был более пологим и был подрезан в процессе последующей реконструкции. На это указывают абрисы внутреннего края эскарпа и неглубокого ровика, вырытого на его горизонтальной плоскости.

В процессе эксплуатации первоначальных укреплений ровик неизбежно заполнялся затеками, возможно, до уровня прослоек 50 и 55а (рис. 117, 2). При возобновлении укреплений (это второй строительный период) в затеки ровика была врыта соответствующая горнальскому аналогу наклонная облицовка насыпи вала. Это частокол 1 из расколотых бревен, высотой около 2,3 м, возвышавшийся над откосом вала приблизительно на 70–80 см.

* Размеры даны по авторским масштабам профилей валов.

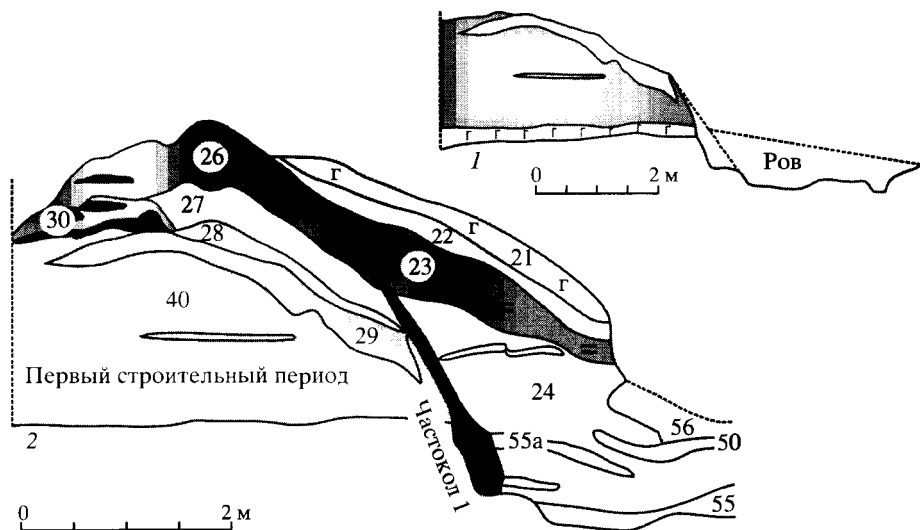

Рис. 117. Руины первого (1) и второго (2) строительных периодов реконструкции оборонительных сооружений Рати

Затем гребень вала (слои 40 и 29) выравнивался и пополнялся подсыпкой 28, чтобы создать рабочую площадку для установки новой стены. Ее сгоревшие бревенчатые остатки прослеживаются как стопка из трех углистых линз в слоях 30 и 26. По В.В. Енукову, это остатки настила боевой площадки, опиравшегося на уложенную вдоль гребня вала массивную лагу с двумя параллельными пазами (?). Внешний край настила должен был закрепляться на внутренней плоской стороне частокола, якобы достигавшего высоты 4,5 м (Енуков, Енукова, 1993. С. 48, 49; Енуков, 2005. С. 70, 75, 76).

Теоретически настил должен был выдерживать вес заготовленных на случай осады камней, обрезков бревен, котлов для согревания воды; по нему, наконец, перемещались защитники крепости. И после сгорания этого весьма прочного сооружения должно сохраниться значительное скопление углей, но на профиле разреза их немного, а описание остатков этого ключевого для гипотезы устройства кратко и неубедительно. И поскольку следов столбовых ям здесь нет, "стопку" из трех углистых линз в слоях 30 и 26 остается принять за развал срубной городни второго строительного периода.

В процессе пожара менее затронутая огнем забутовка этой стены рассыпалась вниз по склону и уложилась в слои 27, 24 и 56. Верхняя, сильнее обгоревшая часть забутовки и каркаса, уложились в слои 26 и 23. Таким образом, руины этих укреплений (вал) достигли высоты около 3 м. Очевидно, после гибели укреплений второго строительного периода прошел большой промежуток времени, т.к. слой 21 наделен признаками дерна.

При подготовке строительной площадки для возобновления укреплений (третий строительный период) осыпи внешнего склона вала (21, 22, 23, 24)

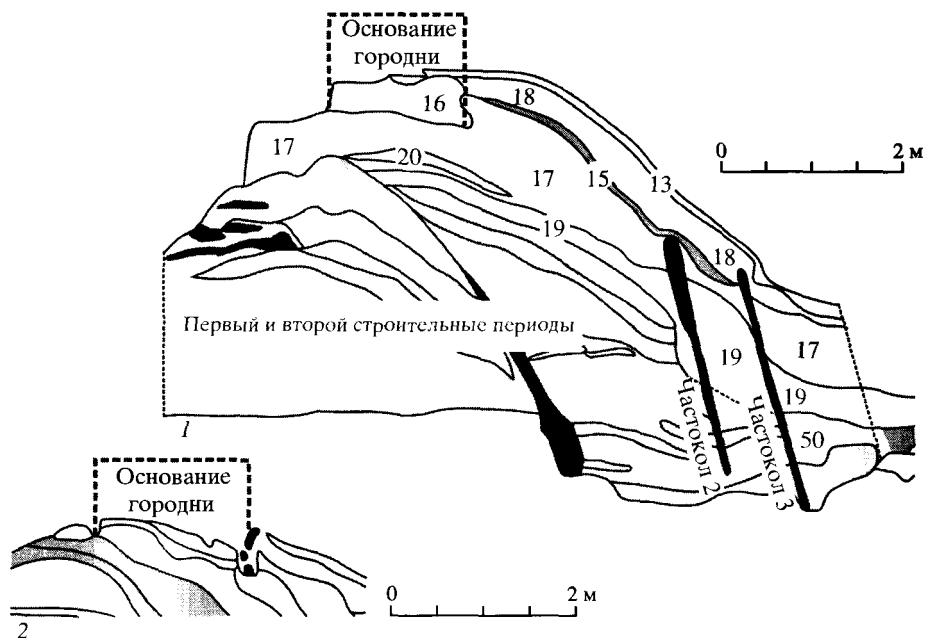

Рис. 118. Осыпи укреплений третьего (1) и заключительного (2) строительных периодов создания крепостных стен Рати

были подрезаны и в слои 24, 50 и 56 на глубину 1 м была вбита наклонная частокольная обкладка 2 высотой 2,7 м (рис. 118, 1). Затем подсыпками 19 и 20 был расширен гребень вала.

Здесь возникают некоторые неясности.

Во-первых, непонятна конструктивная роль возвышающейся над выровненным гребнем насыпи мощной подушки из светло-бурого суглинка (17). Ее почти горизонтальный верхний абрис и близкий к вертикали внутренний край живо напоминают очертания часто встречающейся в валах осыпи забутовки негоревшей стеновой городни. В таком случае ее руины (слои 15 и 17) пересыпались через частокол 2, а это вызвало необходимость создать еще одну обкладку – частокол 3 (высотой 2,7 м), врезанный в слои 19, 50 и 55. В обоих случаях следов "настила" боевого хода я не обнаружил, а стратиграфическая высота частоколов, сверху ограниченных осыпями 15 и 18, не позволяет связывать их с гипотетической горизонталью настила. В зафиксированном на разрезе виде они могли служить только обкладками грунтовых осыпей.

Во-вторых, непонятно, откуда добывались использованные для строительства виды грунтов при явном отсутствии рва. На практике известны многочисленные примеры, когда при возобновлении укреплений использовался грунт, счищенный с площадки. И тогда в валу обнаруживается множество находок, ранее выпавших в культурный слой. Но о них в тексте почти не упоминается. Возможно, отсюда происходит и некоторая обобщенность хронологических выкладок автора.

Возвращаясь к анализу разреза, подчеркну, что не менее очевидными следами стены третьего строительного периода является полуметровой высоты подушка из бурого суглинка (16), имеющая подпрямоугольное сечение*. Ее очертания обычны для забутовки срубной городни шириной 1,5 м, установленной на укрепленные глинистыми подсыпками и бревенчатыми обкладками руины предшествующих укреплений (вал) высотой 3,5 м. Разрушение этой стены зафиксировано осыпями 13, 15 и 18.

Поскольку автор только однажды упомянул о следах настила боевой площадки, на этом изучение профиля можно было бы и завершить. Тем не менее трудно пропустить представляющие большой интерес для нашей темы следы последнего по времени оборонительного сооружения, датированного XII в. По первоначальной версии это был установленный на гребне вала частокол: авторы следовали мнению О.В. Сухобокова, считавшего, что северяне строили только примитивные укрепления (*Енуков, Енукова, 1993. С. 48*). Но позже остатки этого сооружения были охарактеризованы как "неопределенные" (*Енуков, 2005. С. 71*). На самом деле вырезанные в плотном суглинке выемки, одна из которых содержит обгоревшие торцы четырех нижних бревен, на других памятниках уверенно интерпретируются как следы сгоревших оснований стеновых городней шириной 1,7 м (рис. 118, 2).

Об остатках северянского "косога острога" на городище Капыстичи можно узнать из полевого отчета и публикации А.В. Зорина (*Зорин. Отчет 2002 г. С. 90–95; Зорин, 2003. С. 374–376*), продублированных в Интернете (*Зорин, 2002*). Графическая "расчистка" профиля этого вала от позднейших следов хозяйственной деятельности и осыпей указывает на значительное разрушение центральной части насыпи (рис. 119), поэтому имеет смысл рассматривать конструкцию лишь первоначальной защитной преграды.

По мнению автора, укрепление первого строительного периода погибло в огне, уничтожившем и "подпрямоугольную постройку", со стороны площадки врезанную в незатронутый пожаром вал. Снаружи за следы пожарища принята тонкая углистая линза, найденная среди затеков ровика эскарпа. Но наклонный частокол из расколотых бревен высотой 1,7 м не горел: его остатки сохранились в виде древесного тлена (*Зорин, 2003. С. 373–375*).

Таким образом, эти полустолбы не возвышались над насыпью вала, иначе огонь добрался бы и до них. Напомню, что значительная высота частокола была принята авторами гипотезы за один из важнейших признаков "косых острогов". Столь же туманны сведения и о сопряженном с частоколом "настиле". В текстах указано лишь о досыпке на гребень вала суглинистых слоев, которые "могли составлять опору для боевого настила" (*Зорин. Отчет 2002. С. 90–91, 93; 2003. С. 374–376*).

Логичнее принять частокол за наклонную облицовку стенки эскарпа – этим Капыстичи сближаются с горнальским эталоном. А "врезанная" в ядро вала подпрямоугольная постройка является хрестоматийным примером археологи-

* Не исключено, что суглинистые подушки 16 и 17 являются следами близких по времени реконструкций обветшавших укреплений.

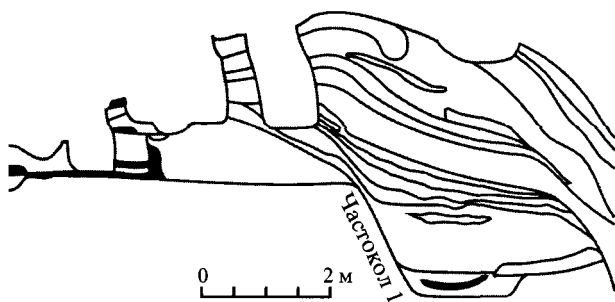

Рис. 119. Разрез вала Капыстичей, графически "очищенный" от поздних напластований и перекопов

ческих следов двухсрубной крепостной стены из городской, к которым изнутри одновременно пристраивали пустотелые клетки. В таком случае древний облик укреп-

плений реконструируется следующим образом: клетка могла иметь высоту до 2 м, чего достаточно для хозяйственного или временно жилого использования подобного помещения.

Для вычисления размеров городни сопоставим поперечное сечение осыпей ее заполнения с внутренней шириной сруба. Руины забутовки городни на профиле представлены суглинистым "ядром вала" и осыпью, которая перекрыла берму и сползла на облицовку эскарпа и его углубленное ложе. Бревенчатый каркас городни не сохранился, поэтому на ее первоначальную ширину (от стенки клетки в сторону эскарпа) я произвольно отложил 2 м; здесь осталось место и для метровой бермы. В итоге суммарная площадь поперечного сечения осыпей, поделенная на ширину основания городни, дает высоту городни, приближающуюся к 2,2–2,5 м (рис. 120). Конечно, это приблизительный результат, поскольку часть рассыпавшейся забутовки позже выравнивалась или подсыпалась при возобновлении укреплений. Тем не менее если добавить к полученному срубу парапет заборол метровой высоты, то перед нами предстанет крепостная стена солидной мощности.

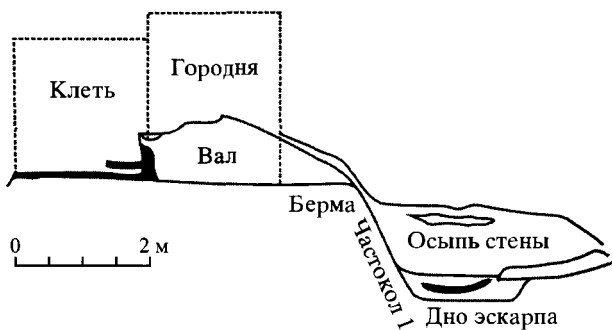
Отдельное замечание касается хронологии древнерусского строительного периода этого городища. Автором он датирован по найденной в насыпи гончарной керамике (Зорин, 2003. С. 376). Столь прямая датировка некорректна, поскольку вал не использовался для постоянного проживания. Нельзя забывать и то, что керамика сначала выпадала в культурный слой площадки, который позже укладывался в забутовку городней.

Приведенный анализ вальных разрезов не убедил меня в применении по-сеймскими северянами "косых острогов".

Согласно наиболее ранним сведениям, вышедшим из-под пера военного инженера, поздние "косые остроги" устанавливали на горизонтальной поверхности или специально насыпанном валу, а не прислоняли к насыпям (Ласковский, 1858. С. 101). Защитный смысл этих весьма прочных преград заключался в том, что угол наклона бревен способствовал рикошетированию пушечных ядер.

Поэтому вероятность насыпки северянами мощного вала для опоры на него непрочной однорядной преграды из расколотых бревен представляется неубедительной. В отчетах и публикациях нет сведений, откуда на Рати брался грунт для создания мощного вала. Из обозначенной в чертеже выемки мож-

Рис. 120. Реконструкция древнего облика первоначальных укреплений Капыстичей

но добыть едва ли сотую часть необходимого грунта. Следовательно, этот вал – результат разновременного каскада последовательных строительных работ. Да и сама практика намеренного

возведения, по крайней мере, ранних домонгольских валов не подтверждается летописными сведениями. Археологический пример этого, киевский "вал Ярослава", единичен и относится к XI в. Полевые чертежи не соответствуют и заключению авторов раскопок, что высота частоколов могла достигать высоты 8,7 м (Енуков, Енукова, 1993. С. 49; Енуков, 2005. С. 76). Еще хуже обстоит дело с обоснованием существования в Горнале, Рати и в Капыстичах остатков настилов боевого хода, которые были непременным атрибутом поздних "косых острогов".

Но, пожалуй, наибольшие сомнения в стройности новой гипотезы вызывает ее общеисторический аспект. Так, если допустить существование анализируемых укреплений как прообразов "косых острогов", то можно заметить, что они распространялись на незначительной площади обширного северянского расселения. Еще меньшую долю эта зона занимает в составе простирающейся от Дона до Днестра и Сана лесостепной полосы, где с IX в. прослеживается непрерывное и практически синхронное развитие приемов оборонительного строительства. В курской зоне прообразы "косых острогов" после рубежа X–XI вв. не встречаются, а традиции общерусской фортификации были утрачены в середине XIII в. Поэтому авторам гипотезы еще предстоит показать, из какой каким-то образом сохранившейся нити древней строительной практики в XVII в. было "реанимировано" северянское изобретение. Более того, оно оказалось настолько удачно приспособленным к тактике обороны эпохи огнестрельного оружия, что широко распространилось на громадной территории Московского государства вплоть до ее сибирских окраин.

Своеобразным противовесом основного элемента гипотетических северянских преград могут служить хорошо известные в археологической литературе закрепляющие однорядные обкладки. Если не учитывать сооружения из камня, то применительно к эскарпам, пожалуй, наиболее красноречив пример Горналя. Здесь во всех случаях наклонными облицовками закреплялись исключительно осыпи разрушенных укреплений. Известно и множество других примеров, среди которых есть плотно установленные или разреженные частоколы из бревен разной толщины из вертикально установленных плах, а также из горизонтально уложенных бревен. Такими облицовками снабжали склоны рвов и валов (см. с. 26, 27, 29, 30, 91, 92 настоящего издания). В большинстве приведенных

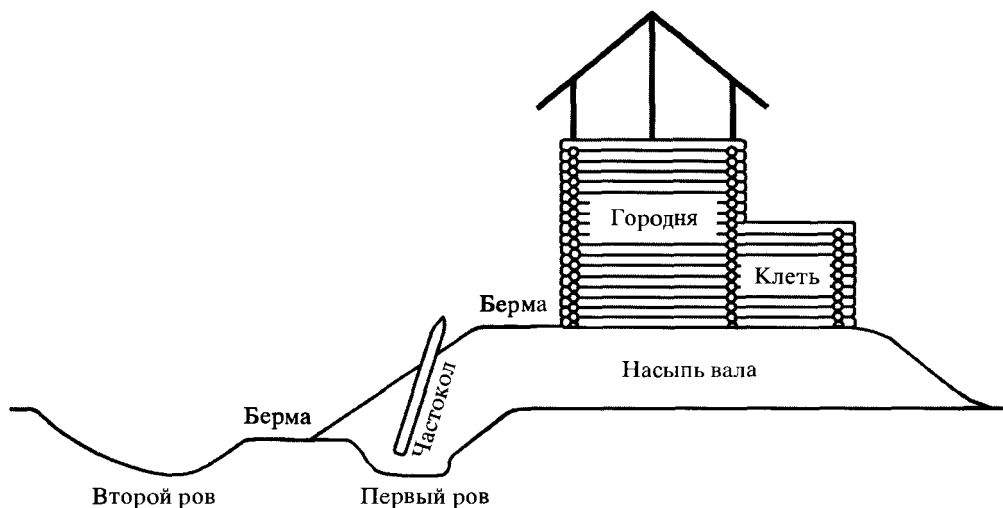

Рис. 121. Реконструкция двухсрубных укреплений второго строительного периода Титчихи

случаев для обкладок применялись нетолстые бревна, в публикациях и отчетах именуемые "плахами", "колодами" и "расколотыми вдоль бревнами". По высоте они близки к обозначенным на чертежах частоколам Рати и Капыстичей.

На этом фоне резко выделяются содержащиеся в городищенских валах остатки вертикальных преград. Это однорядные частоколы и хорошо известные по жилому домостроительству каркасно-столбовые стены, строившиеся только из цельных бревен, поскольку от прочности преград зависела жизнь защитников и их семей. Для раннесеверянской фортификации более типичны двухрядные столбовые преграды, сопровождавшиеся рвами, откуда добывался грунт для забутовки межпанцирного пространства. Такие преграды возводили и на противоположной окраине восточнославянского юга – в Буковине они изучены на большинстве городищ IX–X вв. С развитием строительной культуры однорядные столбовые преграды вышли из фортификационного оборота: их остатки более часты на многослойных и недостаточно четко стратифицированных памятниках, в иных случаях они являются составной частью конструктивно более сложных укреплений.

В X в. земледельцы широкой полосы южного предместья от хазарской окраины Подонья до Сана практически синхронно начали осваивать защитные сооружения из цепочек забутованных бревенчатых срубов (Кучера, 1999. С. 83). На Днепровском Левобережье в X в. срубные крепостные стены известны в Горнале, Рати и Капыстичах, они встречены в Горбове на Десне и посульских Хитцах. Более развитое фортификационное явление представлено единственным образцом усложненной двухсрубной стены второго строительного периода Титчихи (Москаленко, 1965. С. 131–132, 149).

Пользуясь случаем, можно продолжить уточнение известной реконструкции первоначального облика этих укреплений. В первую очередь следует согласиться с поправками А.В. Григорьева. На полевых фотографиях он заметил наклон частокольной облицовки первоначальной насыпи, конструктивно предназначенной для предотвращения деформации вала под тяжестью срубно-засыпной стены. Это наблюдение повлекло за собой появление у подножия стены столь необходимой в крепостном строительстве горизонтальной бермы (*Григорьев, 2000. С. 69, 70*). Рис. 121. На необходимость этой обкладки указывают полевые чертежи и реконструкция А.Н. Москаленко – П.А. Раппопорта, согласно которой последующие осыпи вала перекрыли эту облицовку и отложились на поверхности нижней бермы. Таким образом, второй ров так и не был засыпан грунтовыми оплывами.

Следующее уточнение касается конструкции городней, которые в недавнем прошлом принимали за трехстенные (в плане П-образные) срубы, не содержавшие грунтовой засыпки. Справедливость этого корректива в данном примере подтверждается наличием во внешнем валу Титчихи остатков четырехстенных срубов (*Москаленко, 1965. С. 136*).

Возвращаясь к основной теме, необходимо уточнить, что в предгосударственный период срубные укрепления все же не получили широкого распространения. Множество примеров указывает, что они окончательно возобладали только в процессе "освоения" государством племенных окраин.

Что же касается столбовых укреплений, то они вновь стали популярными в эпоху огнестрельного оружия. Это явление можно связать с изменением тактических принципов: быстро возводимые укрепления стали широко применять в полевом бою (чего не было в домонгольскую эпоху). Таким образом, проблема поисков северянских корней позднесредневековых косых острогов, очевидно, связана с неточной идентификацией разновременных фортификационных реалий.

Приложение 4

Распределение "степных" защитных элементов на южнорусских городищах

В головке таблицы: 1 – порядковый номер памятника в соответствии с картой на рисунке 79; 2 – название городища; 3 – слабоизученные памятники; 4 – городища, подвергавшиеся шурфовке; 5 – городища, на которых проводились раскопки; 6 – мысовые укрепления; 7 – мысовые укрепления с валами округлых очертаний; 8 – равнинные укрепления правильных геометрических очертаний; 9 – городища с эскарпами; 10 – городища с многоярдыми напольными валами; 11 – городища с многоярдыми концентрическими линиями валов.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Бассейн Днестра										
1	Городница	+			+				+	
2	Теребовль			+	+				+	
3	Устье	+			+			+		
4	Мушкатовка		+				+			+
5	Большой Карабчев	+				+			+	
6	Великая Слободка	+			+			+		
7	Малиновцы		+		+				+	
8	Старая Ушица			+	+	+		+		
9	Хребтиев	+			+				+	
10	Калиус	+						+	+	
11	Галица (с. Непоротово)		+			+				+
Памятники верхних притоков Припяти и верховьев Южного Буга										
12	Дорогобуж			+		+				+
13	Кураж		+				+			+
14	Глубочок			+			+			+
15	Изяславль на Горыни			+			+			+
16	Возвягль	+						+	+	
17	Колодажин			+		+			+	
18	Станция Разино		+			+			+	+
19	Большие Деревичи			+		+			+	+
20	Губин	+				+				+
21	Тележинцы			+			+			+
22	Кудин		+			+			+	

(продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
23	Бужск (городище на р. Згар)			+	+			+	+	
Бассейн Тетерева										
24	Довбыши	+				+			+	
25	Жежелев	+				+				+
26	Райки			+	+	+			+	
27	Великие Коровинцы 1	+			+				+	
28	Великие Коровинцы 2	+				+				+
29	Городище на р. Коленке	+					+			+
30	Котельнич			+	+			+		
31	Городище на р. Свинолуже	+					+			+
Стугненско-поросский ареал										
32	Великая Снетинка	+			+			+	+	
33	Старые Безрадичи			+	+				+	
34	Витачев 2 (Святополч)			+	+			+	+	
35	Ржищев (Иван)			+	+	+		+		
36	Балыко-Щучинка (Чучин)			+	+	+		+		
37	Ульяники	+				+		+		+
38	Ходоров		+		+	+		+		
39	Малый Букрин		+			+		+	+	
40	Бучак 1 (Гора Туз)									
41	Бучак 2 (Григоровка)		+		+			+	+	
42	Тростянец	+				+		+		
43	Пекари 1 (Княжая Гора)			+	+				+	
44	Малая Сквирка	+			+			+		
45	Буки			+			+			+
46	Трилесы	+			+			+		
47	Великополовецкое		+			+		+		
48	Белая Церковь 1			+			+	+		+
49	Песчаное	+			+			+		
50	Чепилиевка 1	+				+		+	+	
51	Шарки (Торческ)			+			+	+		+
52	Саварка	+				+			+	
53	Половецкое			+		+				+
54	Николаевка			+						+
55	Корсунь-Шевченковский	+			+				+	
56	Набутов		+			+				+
57	Сахновка (Девичь Гора)			+	+			+	+	
58	Пилява	+				+			+	
Левобережье Днепра										
59	Иванков	+					+			+
60	Виненцы	+					+			+
61	Ташань	+			+			+		
62	Каленики	+					+			+

(окончание)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
63	Бубновская Слободка	+			+			+	+	
64	Золотоноша	+			+			+		
65	Бабаково		+			+		+	+	
66	Бербеницы		+		+	+		+		+
67	Лохвица 2		+		+	+		+	+	
68	Снепород			+	+	+		+		
69	Великая Буримка 2		+			+		+		
70	Клещинцы			+		+			+	
71	Воинь			+			+			+
72	Холки			+	+			+	+	

Литература

Исследования и публикации

- Алексеев Л.В.*, 1993. – Проблема становления культово-оборонного зодчества Руси в свете раскопок в Мстиславле // РА. № 4.
- Алексеев Л.В.*, 1995. – Мстиславльский детинец в XII–XIV вв. // РА. № 3.
- Алетский П.*, 1897. – Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. М. Вып. 2.
- Антонович В.*, 1884. – Змиевы валы в пределах Киевской земли // КС. № 3.
- Антонович В.Б.*, 1885. – Очерк по истории великого княжества Литовского до смерти в. кн. Ольгерда // Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев. Т. 1.
- Антонович В.Б.*, 1901. – Археологическая карта Волынской губернии // Труды XI Археологического съезда. М. Т. 1.
- АПВЗ, 1990. – Археология Прикарпатья, Волини и Закарпатья: раннеславянский и древнерусский периоды. Киев.
- АППВ, 1982. – Археологічні пам'ятки Прикарпаття і Волині ранньослов'янського і давньоруського періодів. Київ.
- Армарчук Е.А.*, 2006. – "Половецкие серьги" // Средневековая археология евразийских степей: Сб. статей к юбилею проф. А.А. Плетневой: материалы и исслед. по археологии Поволжья. М.; Йошкар-Ола. Вып. 2.
- Артамонов М.И.*, 1962. – История хазар. Л.
- Археология УССР, 1986. – Археология Украинской ССР. Киев. Т. 3: Раннеславянский и древнерусский периоды.
- Арциховский А.В.*, 1944. – Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.
- Асеев Ю.С., Богусевич В.А.*, 1951. – Военно-оборонні стіни XII ст. в Києво-Печерській Лаврі // Вісник Академії будівництва і архітектури. № 4.
- Асеев Ю.С.*, 1987. – Древнерусское зодчество в контексте мирового архитектурного процесса // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М. Т. III, вып. 2а. Секция VI.
- Аулих В.В.*, 1990. – Владимир-Волынский // АПВЗ. Киев.
- Аулих В.В.*, 1990а. – Луцк // АПВЗ. Киев.
- Аулих и др.*, 1982. – *Аулих В.В., Герета І.П., Пеняк С.І., Петегирич В.М., Ратич О.О., Терський В.С., Цигилик В.М.* АППВ. Київ.
- Аулих и др.*, 1990. – *Аулих В.В., Багрий Р.С., Баран В.Д., Козак Д.Н., Котигорошко В.Г., Рожко М.Ф., Пеняк С.И., Петегирич В.М., Терский-Шеломенцев В.С., Тимощук Б.А., Цыгылык В.Н.* АПВЗ. Киев.
- Афанасьев Г.Е.*, 1987. – Население лесостепной полосы бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. // Археологические открытия на новостройках. М. Вып. 2.
- Багрий Р.С.*, 1990. – Львов // АПВЗ. Киев.

- Багрий Р.С.*, 1990а. – Плеснеск // АПВЗ. Киев.
- Баранов В.С.*, 2001. – Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое значение // Город Болгар: монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М.
- Барсов Н.П.*, 1885. – Очерки русской исторической географии. Варшава.
- Беда Достопочтенный*, 1970. – Церковная история народа англов // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. М.
- Беленицкий и др.*, 1973. – *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* – Средневековый город Средней Азии. Л.
- Белецкий-Носенко А.*, 1898. – "Змиевый вал" в Черниговской губ. // КС. № 3.
- Белорыбкин Г.Н.*, 1985. – Оборонительные сооружения городищ болгарского времени в Пензенском крае // ВОД. Казань.
- Берест Ю.М., Осадчий Є.М.*, 2001. – Нові дані про дослідження Шпилівського та Заріченського археологічних комплексів // АЛЛУ. Полтава. № 1.
- Бибииков М.В.*, 1981. – Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // ДГ. 1980.
- Бибииков М.В.*, 1997. – Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М.
- Білозор В.П., Гейко А.В.*, 2002. – Нові дослідження на Свиридівському городищі // АЛЛУ. Полтава. № 1.
- Блажевич Н.В.*, 1976. – Древнерусское городище у с. Сахновки // Открытия молодых археологов Украины: тез. докл. Киев.
- Блажевич Н.В.*, 1983. – Житла давньоруського Чучина // Археологія. № 44.
- Блажевич Н.В.*, 1989. – Дніпровські броди XI–XIII ст. // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Київ.
- Блажевич Н.В.*, 1991. – Дослідження південного витачівського городища // Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини: тези доповідей. Київ.
- Блифельд Д.И., Коваленко В.П.*, 1986. – Чернигов // Археология Украинской ССР. Киев. Т. 3: Раннеславянский и древнерусский периоды.
- Бломквист Е.Э.*, 1956. – Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М.
- Борисевич Г.В.*, 1987. – Сооружения городища Слободка // Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. М.
- Боровський Я.С., Мовчан І.І.*, 1998. – Південні (Софіївські) ворота в оборонній системі київського дитинця // ІРУ. Київ.
- Брахнов В.М.*, 1957. – Про місцеві назви Переяслав-Хмельницького району на Київщині // Мовознавство. Київ. Т. XIV.
- Буйский С.Б.*, 1991. – Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев.
- Бурдон И.Ф., Михельсон А.А.*, 1917. – Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке, с означением их корней. Изд. 12-е. М.; Пг.
- Васильевский В.Г.*, 1908. – Византия и печенеги // Труды. СПб. Т. 1.
- Вегеций*, 1940. – *Флавий Вегеций Ренат.* Краткое изложение военного дела // ВДИ. № 1.
- Великая хроника..., 1987. – "Великая хроника" о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М.
- Веремейчик О.М.*, 1993. – Нові дослідження поселення Шумлай // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Чернігів.

- Веремейчик О.М.*, 1993а. – Охоронні розкопки поселення Шумлай біля Чернігова // АДУ. 1991. Луцк.
- Веремейчик О.М., Готун І.А.*, 1995. – Колодязі на давньоруських сільських поселеннях // Археологія. Вип. 4.
- Винников А.З.*, 1990. – Городище Холки – крепость на юго-востоке Древней Руси // ТИАС. Чернигов, 1990.
- Винников А.З., Кудряцева У.Ю.*, 1998. – Городище Холки на юго-восточной окраине Древнерусского государства // Вопросы истории славян: Археология. Этнография: сб. науч. трудов. Воронеж. Вип. 12.
- Винников А.З., Плетнева С.А.*, 1998. – На северных рубежах Хазарского каганата: маяцкое поселение. Воронеж.
- Виноградова В.Л.* Словарь-справочник "Слова о полку Игореве". М.; Л., 1965. Вип. 1; 1984. Вип. 6.
- Виногородська Л.І., Петрашенко В.О.*, 1993. – Нові дослідження давньо-руського поселення неподалік с. Григоровка на Дніпрі // Старожитності Південної Русі. Чернігів.
- Винокур і др.*, 2003. – *Винокур І.С., Журко О.І., Мегей В.П., Якубовський В.І.* Дослідження літописного Губина у 2001–2002 рр. // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. Київ.
- Винокур і др.*, 2004. – *Винокур І.С., Журко О.І., Мегей В.П., Якубовський В.І.* Дослідження літописного Губина у 2003 р. // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. Київ.
- Виолле-ле-Дюк Э.Э.*, 2007. – Крепости и осадные орудия: средства ведения войны в Средние века / пер. с англ. Е.В. Ламановой. М.
- Висоцький С.О.*, 1979. – Вал Ярослава Мудрого в Києві // Археологія Києва: дослідження і матеріали: збірник наукових праць. Київ.
- Витрувий*, 1936. – *Марк Витрувий Поллион*. Об архитектуре. М.
- Вознесенская и др.*, 1972. – *Вознесенская Г.А., Куза А.В., Соловьева Г.Ф.* Раскопки славянских памятников на р. Псел // АО 1971 г. М.
- Возний І.П.*, 1996. – Чорнівське городище XII–XIII ст. у контексті вивчення давньоруських сільських феодальних садиб // Тези доповідей української делегації на VI Міжнародному Конгресі слов'янської археології. Київ.
- Возний І.П.*, 1997. – Чорнівське городище – феодальна садиба XII–XIII ст. // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі. Чернігів.
- Воронин Н.Н.*, 1949. – Оборонительные сооружения Владимира // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. М.; Л. Т. 1. – (МИА. № 11).
- Воронин Н.Н.*, 1951. – Крепостные сооружения // ИКДР. М.; Л. Т. 1.
- Воронин Н.Н.*, 1951а. – Поселение // ИКДР. М.; Л. Т. 1.
- Воронин Н.Н.*, 1961. – Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М. Т. 1.
- Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.*, 1963. – Археологическое изучение древнерусского города // КСИА. Вип. 96.
- Воронина В.Л.*, 1959. – Раннесредневековый город Средней Азии // СА. № 1.
- Воронина В.Л.*, 1964. – Из истории среднеазиатской фортификации // СА. № 2.
- Воскресенская летопись // ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7.
- Выжарова Ж.Н.*, 1987. – Древнеславянские поселения (селища, городища и городища-крепости) на территории Болгарии // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М. Т. I, вып. 1.
- Высоцкий С.А.*, 1981. – Фортификационные сооружения древнего Киева: Золотые ворота, вал Ярослава Мудрого // Новое в археологии Киева. Киев.

- Гальффрид Монмутский, 1984. – История бриттов. М.
- Гельмольд, 1963. – Славянская хроника. М.
- Гензель В., 1958. – Познань в раннепясковское время // СА. № 1.
- Гензель В., 1959. – Археологические исследования и проблема возникновения польского государства // СА. № 2.
- Галл Аноним, 1961. – Хроника, или деяния князей или правителей польских. М.
- Гильфердинг А., 1856. – Неизданное свидетельство современника о Владимире Святом и Болеславе Храбром // Русская беседа. М. Т. 1.
- Глазырина и др., 2003. – Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н., Мельникова Е.А. – Скандинавские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М.
- Голыцкий Ю.Б., 2005. – Великобритания. СПб.
- Головки А.Б., 1988. – Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII в. Киев.
- Голубовский П.В., 1902. – С какого времени можно проследить на юге Руси способ защиты табором // Труды XI Археологического съезда. М. Т. 2.
- Гончаров В.К., 1950. – Райковецкое городище. Киев.
- Гончаров В.К., 1951. – Древний Колодяжин // КСИИМК. Вып. 41.
- Государственная почвенная карта СССР. М 1:500 000 / под ред. Л.И. Прасолова, И.П. Герасимова. М., 1954.
- Готун І.А., 2003. – Типи будівель // Село Київської Русі: (за матеріалами південноруських земель). Київ.
- Готун І.А. и др., 2002. – Готун І.А., Сорокін С.О., Дудко О.С. Роботи Північної експедиції 2001 р. // АБУ 2000–2001 рр. Київ.
- Григорий Турский, 1970. – История франков // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв. М.
- Григорьев А.В., 2000. – Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула.
- Грушевський М.С., 1992. – Історія України–Руси. Київ. Т. 2.
- Губайдуллин А.М., 2002. – Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань.
- Губайдуллин А.М., 2006. – Фортификационный словарь. Казань.
- Даль В.И., 2000. – Толковый словарь живого великорусского языка. М. Т. I–IV.
- Даркевич В.П., 1966. – Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.) // САИ. Е1-57. М.
- Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. – Древняя столица Рязанской земли. М.
- Дашкевич Н.П., 1878. – Болоховская земля и ее значение в русской истории // Труды III Археологического съезда. Киев. Т. 2.
- Дашкевич Н., 1889. – Еще разыскания и вопросы о Болохове и болоховцах: отпечаток статьи. Киев.
- Дворецкий И.Х., Корольков Д.Н., 1949. – Латинско-русский словарь. М.
- Демкин В.А., 1997. – Палеопочвоведение и археология: интеграция и изучение истории природы и общества. Пушино.
- Джаксон Т.Н., 1994. – Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М.
- Дзембас А.В., 1993. – Работы отряда археологической экспедиции Ужгородского университета // АДУ 1991 року.
- Димитрова Д., 1987. – Средневековая крепость в г. Ямболе // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М. Т. 3, вып. 2а. Секция VI.
- Добровольский Л., 1909. – Змиевы валы вблизи Киева // ЧОНЛ. Киев. Кн. 21, вып. I–II.

- Добровольский Л.*, 1910. – Водораздел Ирпеня и Стугны // ЧОНЛ. Киев. Кн. 21, вып. III.
- Добродомов И.Г., Кучкин В.А.*, 1979. – Этимология и старые географические объекты // ВГ. Сб. 110: Топонимика на службе географии. М.
- Довженко В.Й.*, 1947. – Будова міських укріплень в Київській Русі // ВАН УРСР. № 7.
- Довженко В.Й.*, 1949. – Древний Вишгород // ВАН УРСР. № 8.
- Довженко В.Й.*, 1950. – Військова справа в Київській Русі. Київ.
- Довженко В.Й.*, 1964. – Літописний Чучин // Археологія. Т. XVI.
- Довженко В.И.*, 1968. – Сторожевые города на юге Киевской Руси // Славяне и Русь. М.
- Довженко В.Й. и др.*, 1966. – *Довженко В.Й., Гончаров В.К., Юра Р.О.* Древньоруське місто Воїнь. Київ.
- Дочева-Тодорова В.*, 1987. – Феодальное укрепленное жилище в болгарском городе XII–XIV вв. // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М. Т. III, вып. 2а. Секция VI.
- Древнерусские патерики*, 1999. – Древнерусские патерики: Киево-Печорский патерик. Волоколамский патерик. М.
- Древнерусские поселения...*, 1984. – Древнерусские поселения Среднего Поднепровья: (археологическая карта) / сост.: М.П. Кучера, О.В. Сухобовов, С.А. Беляева, Н.В. Блажевич, П.А. Горишний, А.Т. Смиленко, Р.С. Орлов, О.В. Иченская. Киев.
- Дулов А.В.*, 1983. – Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX в.). М.
- Дьяченко А. Г.*, 1983. – Славянские памятники VIII – середины XIII вв. в бассейне Северского Донца: автореф. дис. ...канд. ист. наук. М.
- Дьяченко А.Г.*, 1990. – Хотмыжское городище // Археологические исследования в Центральном Черноземье в XII пятилетке: тез. докл. Белгород.
- Дьяченко О.Г.*, 1993. – Давньоруське місто Хотмыськ (деякі підсумки розкопок 1883 та 1990–1993 рр.) // Роль ранніх міських центрів Київської Русі: матеріали семінару. Суми.
- Дьяченко В.Д.*, 1962. – Про назви населених пунктів України етнімічного походження // Питання топоніміки та ономастики. Київ.
- Енуков В.В.*, 1995. – "Курск и с Посемьем" // Слов'яно-руські старожитності Північного Лівобережжя: матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 60-річчю від дня народження О.В. Шекуна. Чернігів.
- Енуков В.В.*, 1998. – О топографии Курска в древнерусское время // Историческая археология: традиции и перспективы. М.
- Енуков В.В.*, 2005. – Славяне до Рюриковичей. Курск.
- Енуков В.В., Енукова О.Н.*, 1993. – Оборонительные сооружения славян Посемья // Археология и история юго-востока Древней Руси: (материалы науч. конф). Воронеж.
- Енуков В.В., Енукова О.Н.*, 1999. – "Города посемские": древнее Липино // 60 лет кафедры археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. М.
- Железняк І.М. и др.*, 1981. – *Железняк І.М., Корепанова А.П., Масенко Л.Т., Неподкупний А.П., Стрижак О.С., Франко З.Т.* Гідронімія України в її міжмовних і міждіалектних зв'язках. Київ.
- Железняк І.М. и др.*, 1985. – *Железняк І.М., Корепанова А.П., Масенко Л.Т., Стрижак О.С.* Етімологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ.
- Загоруйский Э.М.*, 1982. – Возникновение Минска. Минск.

- Зайцев А.К.*, 1975. – Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.
- Засурцев П.И., Лисицына Н.К.*, 1968. – Липинское городище // Славяне и Русь. М.
- Зварич В.В. и др.*, 1977. – *Зварич В.В., Пелешишин Н.А., Чайка Р.М.* Разведки на Волыни // АО 1976 г. М.
- Звиздецкий Б.А.*, 1990. – Исследования летописного Возвягля // ТИАС. Чернигов.
- Звіздецький Б.А., Серов О.В.*, 1988. – Пам'ятки давньоруського часу поблизу с. Миколаївка на Росі // Археологія. № 61.
- Зорин А.В.*, 2003. – Укрепления северян и осадная тактика киевских дружин в X – начале XI в.: (по материалам городища Капыстичи) // Куликово поле: исторический ландшафт. Природа. Археология. Том 1: Природа. Археология. Музейное дело. Тула.
- Зрелов В.А.*, 1914. – Очерк приемов колодезных работ: инструкция для гидротехников и десятников. М.
- Зубрицкий Д.*, 1855. – История древнего Галицко-руского княжества. Львов. Т. III.
- Іванченко Л.І.*, 1988. – Охоронні роботи в літописному Богуславлі // Археологія. № 61.
- Іванченко Л.І.*, 1990. – Давньоруське городище поблизу с. Сахнівка на Росі // Археологія. № 3.
- Іванченко Л.І.*, 1993. – Торчеськ у світлі нових досліджень // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова: матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 150-річчю від дня народження Д.Я. Самоквасова. Чернігів.
- Ігнатенко І.М.*, 1995. – Оборонні споруди XI ст. на "Верхньому Замку" в Чернігові: (спроба реконструкції) // Археологічні старожитності Подесення: матеріали семінару. Чернігів.
- Иевлев М., Минаева Н.*, 1999. – Из истории исследования городища у с. Буки на р. Ростава // Християнські старожитності Лівобережної України: Збірник наукових праць. Полтава.
- Измайлов И.Л.*, 1985. – История изучения военно-оборонительного дела волжских булгар // ВОД. Казань.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.*, 1983. – Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев. Ипатьевская летопись. – ПСРЛ. М., 2001. Т. 2.
- Каргалов В.В.*, 1998. – На границах стоят крепко! М.
- Каргер М.К.* 1940. – К вопросу о Киеве в VIII–IX вв. // КСИИМК. Вып. 6.
- Каргер М.К.*, 1958. – Древний Киев. М.; Л. Т. 1.
- Карпов А.Ю.*, 1997. – Владимир Святой. М.
- Кашкин А.В.*, 1993. – Брянская область // АКР. М.
- Кашкин А.В.*, 1998. – Курская область. Ч. 1 // АКР. М.
- Кашкин А.В.*, 2000. – Курская область. Ч. 2 // АКР. М.
- Квитницький и др.*, 2004. – *Квитницький М.В., Лысенко С.Д., Лысенко С.С.* Погребения кочевой знати в могильнике Малополовецкое 3 // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. Київ.
- Кекавмен*, 1972. – Советы и рассказы Кекавмена. М.
- Київський літопис*, 1984. – Перевод Ипатьевской летописи на современный украинский язык Л. Махновца // Київ. № 6–8.
- Кілієвич С.Р.*, 1965. – Археологічні розкопки біля с. Жовнин // Археологія. Т. XIX.
- Килиевич С.Р.*, 1982. – Детинец Киева IX – первой половины XIII в. Киев.
- Кирпичников А.Н.*, 1966. – Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени // САИ. Е1–36. М.; Л.
- Кирпичников А.Н.*, 1978. – Массовое оружие ближнего боя из раскопок древнего Изяславля // КСИА. Вып. 155.

- Кирпичников А.Н.*, 1984. – Каменные крепости Новгородской земли. Л.
- Клепатский П.Г.*, 1912. – Очерки по истории Киевской земли // Записки Новороссийского университета. Одесса. Т. 1.
- Ковалевская В.Б.*, 1981. – Северный Кавказ в X–XIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. – (Археология СССР).
- Коваленко В.П.*, 1988. – До типології літописних міст Чернігово-Сіверської землі (VIII–XIII ст.) // Археологія. № 61.
- Коваленко В.П.*, 1999. – Нові дослідження шестовицького археологічного комплексу // АЛЛУ. Ч. 1.
- Коваленко В.П., Шинаков Є.О.*, 1997. – Літописний Стародуб: (до питання про локалізацію) // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі: матеріали міжнародної конференції. Чернігів.
- Коваленко В.П. и др.*, 2004. – *Коваленко В.П., Моця О.П., Ситий Ю.М.* Дослідження в Шестовиці в 2001–2002 рр. // АБУ 2002–2003 рр. Київ.
- Козаков А.Л.*, 1996. – Остерський Городець: (етапи формування міста) // Святий князь Михайло Чернігівський та його доба: матеріали церковно-історичної конференції. Чернігів.
- Козлов В.И.*, 1995. – Фортификация в социально-политическом пространстве Первого болгарского царства // Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК). СПб.
- Козьма Пражский*, 1962. – Чешская хроника. М.
- Козюба В.К.*, 2004. – Городище на Старокиївській горі // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст.: збірка наукових праць. Київ.
- Колибенко О., Колибенко О.*, 2004. – До питання про час виникнення Переяславля Руського // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст.: збірка наукових праць. Київ.
- Комар А.В., Сухобоков О.В.*, 2004. – Городище "Монастырище" и древнерусский Ромен: проблема преемственности // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст.: збірка наукових праць. Київ.
- Комнина*, 1965. – *Анна Комнина*. Алексиада. М.
- Конецкий В.Я.*, 2005. – Укрепления Мальшевского городища в контексте культурных связей Юга и Севера Руси // Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга. М.
- Константин Багрянородный*, 1989. – Об управлении империей. М.
- Корзухина Г.Ф.*, 1954. – Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.
- Коринный Н.Н.*, 1992. – Переяславская земля, X – первая половина XIII века. Киев.
- Корчинский О.М.*, 1987. – Городище-гигант в предгорьях украинских Карпат // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М. Т. III, вып. 1а.
- Косточкин В.В.*, 1962. – Русское оборонное зодчество конца XIII – начала XVI века. М.
- Кочин Г.Е.*, 1937. – Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л.
- Крадин Н.П.*, 1988. – Русское деревянное оборонное зодчество. М.
- Краснов Ю.А.*, 1992. – Калужская область // АКР. М.
- Краснов Ю.А. и др.*, 1997. – *Краснов Ю.А., Михальченко С.Е., Патрик Г.К.* Смоленская область. Ч. 1 // АКР. М.
- Краснов Ю.А. и др.*, 1997а. – *Краснов Ю.А., Михальченко С.Е., Нефедов В.С., Патрик Г.К.* Смоленская область. Ч. 2 // АКР. М.
- Красовский М.*, 1916. – Курс истории русской архитектуры. Пг. Ч. 1.

- Куза А.В., 1978. – Археологическое изучение древнерусских городов в 1962–1976 гг. // КСИА. Вып. 155.
- Куза А.В., 1981. – Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М.
- Куза А.В., 1985. – Древнерусские города // Древняя Русь: Город. Замок. Село. М. – (Археология СССР).
- Куза А.В., 1985а. – Фортификация // Древняя Русь: Город. Замок. Село. М. – (Археология СССР).
- Куза А.В., 1989. – Малые города Древней Руси. М.
- Куза А.В., 1996. – Древнерусские городища X–XIII вв.: (свод археологических памятников). М.
- Куза А.В. и др., 1996. – Куза А.В., Коваленко В.П., Моця А.П. Новгород–Северский: итоги и перспективы исследований // На Юго-Востоке Древней Руси. Воронеж.
- Кухаренко Ю.В., 1969. – Археология Польши. М.
- Кучера М.П., 1962. – Древньоруське городище в х. Миклашевському // Археологія. Т. XIV.
- Кучера М.П., 1962а. – Древній Плісеськ // АП УРСР. Київ. Т. 12.
- Кучера М.П., 1964. – Древньоруські городища біля хутора Кизивер // Археологія. Т. XVI.
- Кучера М.П., 1966. – Ходорівське давньоруське городище // Археологія. Т. XX.
- Кучера М.П., 1968. – Раскопки у с. Затурцы на Волыни // АИУ в 1967 г. Киев.
- Кучера М.П., 1969. – Про один конструктивний тип давньоруських укріплень в Середньому Подніпров'ї // Археологія. Т. XXII.
- Кучера М.П., 1970. – Давньоруське городище біля с. Городище під Переяславом-Хмельницьким // Археологія. Т. XXIV.
- Кучера М.П., 1972. – До питання про конструкцію стіни-столпіє давньоруського літопису // Київська старовина. Київ.
- Кучера М.П., 1976а. – Давньоруські городища на Правобережжі Київщини // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ.
- Кучера М.П., 1976б. – Дослідження змійових валів у Середньому Подніпров'ї // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ.
- Кучера М.П., 1976в. – Городища милоградської культури в київському Поліссі // Археологія. № 20.
- Кучера М.П., 1978. – Давньоруські городища в західній частині Переяславщини // Археологія. № 25.
- Кучера М.П., 1979. – Дослідження городищ на Волині і Поділлі // Археологія. № 29.
- Кучера М.П., 1982. – Нові дані про городища Житомирщини // Археологія. № 41.
- Кучера М.П., 1983. – Обследование городищ в зоне водохранилища Могилев-Подольской ГЭС на Днестре // Археологические памятники Среднего Поднепровья. Киев.
- Кучера М.П., 1986. – Городища // Археология Украинской ССР. Киев. Т. 3.
- Кучера М.П., 1987. – Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев.
- Кучера М.П., 1987а. – Змиевы валы Среднего Поднепровья // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М. Т. III, вып. 1а.
- Кучера М.П., 1988. – Посульский змиев вал // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. Полтава.
- Кучера М.П., 1989. – Бушевское городище // Древние славяне и Киевская Русь. Киев.
- Кучера М.П., 1999. – Слов'яно-руські городища VIII–XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем. Київ.

- Кучера М.П., 2000. – Залишки водозбірних споруд на слов'яно-руських городищах X–XIII ст. // Археологія. № 2.
- Кучера М.П., Горшиний П.А., 1983. – Раскопки городища XII–XIII вв. у с. Старая Ушица // Археологические памятники Среднего Поднестровья. Киев.
- Кучера М.П., Іванченко Л.І., 1987. – Давньоруська оборонна лінія в Поросці // Археологія. № 59.
- Кучера М.П., Іванченко Л.І., 1998. – Особливості городищ Чорних Клобуків Поросся // Археологія. № 2.
- Кучкин В.А., 1995. – "Русская земля" по летописным данным XI – первой трети XIII в. // ДГ. 1992–1993 гг. М.
- Лаврентьевская летопись. – ПСРЛ. М., 2001. Т. 1.
- Лазаревский А.М., 1893. – Описание старой Малороссии. Киев. Т. 2.
- Ласковский Ф., 1858. – Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 1: Опыт исследования инженерного дела в России до XVIII в. СПб.
- Лебедев Г.С., 1985. – Эпоха викингов в Северной Европе: историко-археологические очерки. Л.
- Лебедев Г.С., 1995. – "Градки" на пути из варяг в греки: (к проблеме фортификации как фактора древнерусской урбанизации IX–XI вв.) // Фортификация в древности и средневековье: (материалы методологического семинара ИИМК). СПб., 1995.
- Лев Диакон, 1988. – История. М.
- Леонтьев А.Е., 1974. – "Город Александра Поповича" в окрестностях Ростова Велико-го // Вестник Московского университета. № 3.
- Лерберг А.Х., 1819. – Исследования, служащие к объяснению русской истории. СПб.
- Летописец..., 1879. – Летописец новгородский церквам божиим // Новгородские летописи. СПб.
- Летописный сборник..., 1889. – Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16.
- Линева Е.А., 1884. – Вопросы развития и типологии Белгорода Киевского // Древнерусский город: (материалы Всесоюз. археологич. конф., посвящ. 1500-летию г. Киева. Киев.
- Литаврин Г.Г., 1967. – Внутренняя и внешняя политика Византии в 1025–1045 гг. // История Византии. М. Т. 2.
- Літопис руський, 1989. – За Іпатським списком переклав Леонід Махновець. Київ.
- Лихачев Д.С., 1950. – Комментарии // Повесть временных лет. М.; Л. Ч. 2. Приложения.
- Логвин Г.Н., 1987. – О внешнем облике древнерусских городов // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М. Т. III, вып. 2а. Секция VI.
- Лысенко С.Д., Лысенко С.С., 2003. – Исследования на могильнике Малополовецкое-3 в 2002 г. // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. Київ.
- Ляпушкин И.И., 1961. – Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. М.; Л. – (МИА. № 104).
- Ляскоронский В.Г., 1916. – К вопросу о местоположении, в пределах Южной России района, в котором проповедовал епископ Брунон в начале XI века // Журнал министерства народного просвещения. № 9.
- Мавродин В.В., 1939. – Некоторые моменты из истории разложения родового строя на территории Древней Руси // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Л. Т. 19.
- Макаренко Н.Е., 1907. – Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. // ИАК. Вып. 22.

- Макаренко Н.Е., 1911. – Археологические исследования 1907–1909 гг. // ИАК. Вып. 43.
- Макарова Т.И., 1962. – Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X–XI вв. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 4: Славянские древности. Л.
- Малеєв Ю.Н., 1984. – Охоронні розкопки м. Василева: (до 1000-річчя пам'ятки) // Археологія. № 48.
- Малеєв Ю.Н., 1987. – Летописный Василев и его роль в защите древнерусской столицы // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М. Т. III, вып. 26. Секция VI.
- Малеєв Ю.Н., 1990. – Применение сырцовых кладок в древнерусском военном зодчестве // ТИАС. Чернигов.
- Маринич и др., 1982. – Маринич О.М., Ланько А.І., Щербань М.І., Шищенко П.Г. Фізична географія Української РСР. Киев.
- Маринович Л.П., Кошеленко Г.А., 2000. – О боспорских валах // Древности Боспора: сб. науч. тр. М. № 3.
- Мезенцева Г.Г., 1968. – Древньоруське місто Родень: Князя Гора. Київ.
- Мезенцева Г.Г., 1986. – Белгород // Археологія Української ССР. Киев. Т. 3.
- Мезенцева Г.Г., 1986а. – Родень // Археологія Української ССР. Киев. Т. 3.
- Мещерский Н.А., 1958. – История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.
- Милеев Д.В., 1909. – ИАК. Прибавление к выпуску 32. СПб.
- Милорадович В., 1904. – Степная Лубенщина // КС. № 2.
- Милорадович В., 1904а. – Степная Лубенщина // КС. № 3.
- Мироненко К.М., 1998. – Давньоруські поселення Нижнього Поворскля // АЛЛУ. Полтава. Ч. 1–2.
- Михайлова И.Б., 2006. – Древняя Русь и Степь // Россия и степной мир Евразии. СПб.
- Мовчан І.І., 1989. – Китаєвський археологічний комплекс у Києві // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР: тези доповідей. Київ.
- Мовчан І.І., 1990. – Оборонительная функция древне-киевской околицы // ТИАС. Чернигов.
- Мовчан І.І., 1993. – Давньокиївська околиця. Київ.
- Мовчан І.І. и др., 2002. – Мовчан І.І., Боровський Я.Є., Гончар В.М., Сиром'ятников О.К. Археологічні дослідження у Києві по вул. Десятинній, 1/3 // АБУ 2000–2001 рр. Київ.
- Мовчан І.І. и др., 2005. – Мовчан І.І., Козловський А.О., Ієвлев М.М. Локальні оборонні споруди Верхнього Києва X–XI ст. // Переяслав-Хмельницький Державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди: наукові записки з української історії. Вип. 16: Збірник наукових статей, присвячений пам'яті В.В. Седова. Переяслав-Хмельницький.
- Молчановский Н.В., 1886. – Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. Киев.
- Монгайт А.Л., 1947. – Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в Старой Рязани // КСИИМК. Вып. XVII.
- Монгайт А.Л., 1955. – Старая Рязань // МИА. № 49.
- Моргунов Ю.Ю., 1979. – Разведки в Посулье // АО 1978 г. М.
- Моргунов Ю.Ю., 1980. – Разведки на Суле // АО 1979 г. М.
- Моргунов Ю.Ю., 1982. – Летописный город Выхань // СА. № 2.
- Моргунов Ю.Ю., 1983. – Древнерусские городища течения р. Ромен // КСИА. Вып. 175.

- Моргунов Ю.Ю.*, 1986. – Круглые городища Левобережья Днепра // СА. № 2.
- Моргунов Ю.Ю.*, 1988. – Древнерусские городища в окрестностях летописного города Лохвицы // СА. № 2.
- Моргунов Ю.Ю.*, 1988а. – Раскопки городища летописного г. Снепорода // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: тез. докл. Полтава.
- Моргунов Ю.Ю.*, 1988б. – О формировании степной границы на Переяславском Посулье // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев. Т. 2.
- Моргунов Ю.Ю.*, 1989. – К изучению летописного города Римова // СА. № 1.
- Моргунов Ю.Ю.*, 1990. – Функциональное назначение пограничных городищ Юго-Восточной Руси // Археологические исследования на Полтавщине. Полтава.
- Моргунов Ю.Ю.*, 1990а. – Новые исследования летописного г. Снепорода // Охорона і дослідження пам'ятників археології Полтавщини: тези доповідей. Полтава.
- Моргунов Ю.Ю.*, 1996. – Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск.
- Моргунов Ю.Ю.*, 1998. – Оборонительная структура Переяславской земли // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4: Этногенез и этнокультурные контакты славян. Київ.
- Моргунов Ю.Ю.*, 1998а. – Посульская граница: этапы формирования и развития. Курск.
- Моргунов Ю.Ю.*, 1999. – О пограничном строительстве Владимира Святославича на переяславском Левобережье // РА. № 3.
- Моргунов Ю.Ю.*, 2000. – Еще раз о "переяславских торках" // РА. № 1.
- Моргунов Ю.Ю.*, 2001. – Применение эскарпов в южнорусской фортификации X–XIII вв. // Сумська Старовина. Суми. № VIII–IX.
- Моргунов Ю.Ю.*, 2001а. – О сырцовых стеновых кладках эпохи Владимира Святославича // КСИА. Вып. 211.
- Моргунов Ю.Ю.*, 2002. – Земляные рвы в южнорусской фортификации X–XIII вв. // Сумська Старовина. Суми. № X.
- Моргунов Ю.Ю.*, 2003. – Сампсониев Остров: пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII вв. М.
- Моргунов Ю.Ю.*, 2005. – К проблематике изучения южнорусских змиевых валов // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. М.
- Моргунов Ю.Ю.*, 2005а. – К вопросу о разделе южнорусских земель в 1026 г. "по Днепр" // Наукові записки з української історії: Переяслав-Хмельницький Державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди. Вип. 16. Збірник наукових статей, присвячений пам'яті В.В. Седова. Переяслав-Хмельницький.
- Моргунов Ю.Ю.*, 2005б. – К изучению южнорусских колодцев X–XIII вв. // РА. № 3.
- Моргунов Ю.Ю.*, 2006. – Городища кочевников приграничья Южной Руси // Археология Юго-Восточной Руси: материалы IV науч. конф. Елец.
- Морева Р.*, 1987. – Оборонительная система Пловдива в XII–XIV вв. // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М. Т. 3, вып. 26. Секция VI.
- Моруженко А.А.*, 1975. – Оборонительные сооружения городищ Поворскля в скифскую эпоху // Скифский мир. Киев.
- Моруженко А.А.*, 1985. – Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII–III вв. до н.э. // СА. № 1.
- Москаленко А.Н.*, 1965. – Городище Тигчиха: из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж.
- Моця О.П.*, 1979. – Населення Поросся давньоруського часу за даними некрополів // Археологія. № 30.

- Моця А.П.*, 1983. – Сведения об этническом составе летописного Желни по данным могильника // Древнерусское государство и славяне: материалы симпозиума, посвящ. 1500-летию Киева. Минск.
- Моця А.П.*, 1983. – Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв.: (по материалам погребальных памятников). Киев.
- Моця А.П.*, 1998. – Матеріали Журавнінського комплексу в контексті дослідження проблеми давньоруського міста // Історія Русі-України: (історико-археологічний збірник). Київ.
- Моця А.П., Покас П.М.*, 1998. – Яблуновські кургани: хронологія та етнічна приналежність населення // Археологія. № 2.
- Моця А.П., Халиков А.Х.*, 1997. – Булгар – Киев: пути – связи – судьбы. Киев.
- Мургуля М.П., Шушарин В.П.*, 1998. – Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках. М.
- Мурзин В.Ю., Ролле Р.*, 1998. – Большие городища лесостепной Скифии // Історія Русі – України: (історико-археологічний збірник). Київ.
- Насонов А.Н.*, 1951. – "Русская земля" и образование территории древнерусского государства. М.
- Нерознак В.П.*, 1983. – Названия древнерусских городов. М.
- Никитин А.В.*, 1955. – Оборонительные сооружения Засечной черты XVI–XVII вв. // МИА. № 44.
- Никольская Т.Н.*, 1981. – Земля вятичей: к истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.
- Никольская Т.Н.*, 1987. – Городище Слободка XII–XIII вв. М.
- Никоновская летопись // ПСРЛ. М. 1963. Т. 10.
- Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. М., 2000. Т. 3.
- Новгородская Четвертая летопись // ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4.
- Новгородский М.П.*, б.г. – Колодцы. СПб.
- Новое в археологии Киева, 1981. Киев.
- Новосельцев А.П.*, 1989. – Термин "вежа" в древнерусских источниках // ДГ 1987 г. М.
- Овсянников О.В.*, 1971. – О замках "болгарского типа" // СА. № 1.
- Овчаров Д.*, 1975. – Нови данни за укрепителна система на Преслав // Архитектура на Первата и Втората Българска Държава. София.
- Овчаров Д.*, 1982. – Византийски и Български крепости V–X век. София.
- Оглоблин Н.*, 1936. – Письмо архиепископа Бруно к германскому императору Генриху II // Памятники истории Киевского государства IX–XII вв. Л.
- Орлов А.С.*, 1946. – Владимир Мономах. М.; Л.
- Орлов Р.С. и др.*, 1985. – *Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М.* Исследования летописного Юрьева и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Киев.
- Орлов Р.С., Погорілий В.І.*, 1977. – Поховання кочівника поблизу с. Поділля на Київщині // Археологія. № 24.
- Оустерхаут Р.*, 2005. – Византийские строители / пер. Л.А. Беляева. Киев; М.
- Палійчук М.*, 2005. – Прикраси з кольорових металів і ювелірна справа в Київській Русі XII–XIII ст. на прикладі городища Дорогобуж // Середньовічні старожитності Південної Русі-України. Матеріали IV Міжнародної студентської наукової археологічної конференції. Чернігів.
- Пассек В.*, 1840. – Окрестности Переяславля // Очерки России. М. Кн. 4.
- Патрик Г.К.*, 1992. – Орловская область // АКР. М.
- Паицто В.Т.*, 1950. – Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.

- Пацуто В.Т.*, 1968. – Внешняя политика Древней Руси. М.
- Пескова А.А.*, 1980. – Древний Изяславль // КСИА. Вып. 164.
- Пескова А.А.*, 1988. – Древнерусский Изяславль в истории юго-западной Руси: (по материалам городища у с. Городище близ Шепетовки) // Историко-археологический семинар "Чернигов и его округа в XI–XIII вв." Чернигов.
- Петегирич В.М.*, 1987. – Древний Белз // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М. Т. 3, вып. 16. Секция V.
- Петегирич В.М.*, 1990. – Белз // АПВЗ. Киев.
- Петегирич В.М.*, 1990а. – Городница // АПВЗ. Киев.
- Петегирич В.М.*, 1990б. – Дорогобуж // АПВЗ. Киев.
- Петрашенко В.А.*, 1992. – Керамика IX–XIII вв. Среднего Поднепровья // Древнерусская керамика. М.
- Петрашенко В.О.*, 1993. – Археологічні дослідження південноруського села // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Чернігів.
- Петрашенко В.О.*, 1998. – Канівський мікрорегіон і проблема заселення Подніпров'я в давньоруський час // Історія Руси–України: (історико-археологічний збірник). Київ.
- Петрашенко В.А.*, 2005. – Древнерусское село по материалам поселений у с. Григоровка. Киев.
- Петрашенко В.О., Козюба В.К.*, 1999. – Узбережжя Канівського водосховища: (каталог археологічних пам'яток). Київ.
- Плетнева С.А.*, 1964. – О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время // КСИА. Вып. 99.
- Плетнева С.А.*, 1967. – От кочевий к городам. М.
- Плетнева С.А.*, 1973. – Древности черных клобуков // САИ. Е1-19. М.
- Плетнева С.А.*, 1975. – Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.
- Плетнева С.А.*, 1990. – Половцы. М.
- Плетнева С.А.*, 2003. – Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века). Воронеж.
- Плетнева С.А., Макарова Т.И.*, 1965. – Южное городище у с. Витачева // КСИА. Вып. 104.
- Повесть временных лет // ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 2001.
- Полонская Н.Д.*, 1911. – Археологические раскопки В.В. Хвойко 1909–1910 гг. в м. Белгородке // Труды Московского Предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. М.
- Попов А.*, 1982. – Крепости и укрепительни съоружения в Крънсковата средновековна област. София.
- Поппэ А.*, 1962. – Материалы для терминологического словаря древнерусского строительного дела X–XV вв. Вроцлав.
- Поссевино А.*, 1983. – Исторические сочинения о России XVI в. М.
- Почвы Украинской ССР. М 1:750 000. М., 1972.
- Преображенский А.Г.*, 1959. – Этимологический словарь русского языка. М. Т. I.
- Приймак В.В.*, 1994. – Деякі підсумки вивчення давньоруського міста Вир і Вирівської волості // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я: матеріали наукової конференції. Білопілля.
- Приймак В.В.*, 1999. – Регіональні особливості роменської культури // АЛЛУ. Ч. 1.
- Приймак В.В., Поряднева В.О.*, 2002. – Населені пункти на шляху з Чернігова до Білої Вежі й Тмутарокані // Археологія. № 3.

- Прокопий*, 1939. – О постройках // ВДИ. № 4.
- Псковские летописи / под ред. А.Н. Насонова. М. 1955. Вып. 2.
- Путешествие... Ал-Гарнати..., 1971. – Путешествие Абу Хамида Ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М.
- Рабинович М.Г.*, 1976. – Деревянные сооружения городского хозяйства в Древней Руси // Средневековая Русь. М.
- Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. Т. 1. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. М., 1902.
- Раннопорт П.А.*, 1951. – Оборонительные сооружения на городище в с. Ст. Безрадици // КСИИМК. Вып. XLI.
- Раннопорт П.А.*, 1952. – Волынские башни // Крепостные сооружения Древней Руси. – (МИА. № 31).
- Раннопорт П.А.*, 1952а. – Заметки о датировке некоторых городищ Поднепровья // КСИИМК. Вып. XLVIII.
- Раннопорт П.А.*, 1952б. – Обстеження городищ в районі Києва // Археологія. Т. VII.
- Раннопорт П.А.*, 1953. – Древнерусские оборонительные конструкции с применением сырцової кладки // КСИИМК. Вып. 52.
- Раннопорт П.А.*, 1954. – Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII века // КСИИМК. Вып. 54.
- Раннопорт П.А.*, 1954а. – К вопросу о системе обороны Киевской земли // КСИА АН УССР. Вып. 3.
- Раннопорт П.А.*, 1955. – Конструкции древнерусских оборонительных сооружений X–XIII вв. // КСИА АН УССР. Вып. 4.
- Раннопорт П.А.*, 1955а. – Города Болоховской земли // КСИИМК. Вып. 57.
- Раннопорт П.А.*, 1956. – Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. // МИА. № 52.
- Раннопорт П.А.*, 1961. – Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА. № 105.
- Раннопорт П.А.*, 1967. – Военное зодчество западнорусских земель // МИА. № 140.
- Раннопорт П.А.*, 1975. – Древнерусское жилище // САИ. Е1-32. Л.
- Раннопорт П.А.*, 1994. – Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.). СПб.
- Расовский Д.А.*, 1933. – Печенеги, торки, берендеи на Руси и в Угрии // *Seminarium Kondakovianum*. Praga. Т. VI.
- Ратич О.О.*, 1962. – Результати досліджень древньоруського городища Замчиська в м. Судова Вишня Львівської області в 1957–1959 рр. // МДАВП. Київ. Вип. 4.
- Ратич О.О.*, 1964. – До питання про розташування і оборонні споруди древньоруських городів Південно-Західної Русі // МДАВП. Київ. Вип. 5.
- Рашиев Р.*, 1979. – Валовете в Добруджа (към въпроса за хронологията и предназначението им) // Археология. София. Кн. 1.
- Рашиев Р.*, 1981. – Землената укрепительна система на Първото Българско царство. Плиска–Преслав. Прабългарската култура: материали от бълг.-съв. среща. Юунен, 1976. София. 1981. Т. 2.
- Рашиев Р.*, 1995. – Фортификация первого болгарского царства (681–1018 гг.) // Фортификация в древности и средневековье: (материалы методологического семинара ИИМК). СПб.
- Рогожский летописец // ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1.

- Рожко М.Ф., 1990. – Особенности дерев'яних укріплень слов'янських "градів" Південно-Західної Русі // VI Международный конгресс славянской археологии: тез. совет. делегации. М.
- Рожко М.Ф., 1993. – Конструктивні особливості оборонних споруд XII–XIII ст. Південно-Західної Русі // Старожитності Південної Русі: (матеріали 3-го історико-археологічного семінару). Чернігів.
- Рожко М.Ф., 1996. – Тустань – давньоруська наскельна фортеця. Київ.
- Рожко М.Ф., 1997. – Оборонно-житлові вежі в системі укріплень Галицько-Волинського князівства // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі. Чернігів.
- Роздобудько М.В., Тетеря Д.А., 1996. – До питання про так зване Каратувльське городище // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи: збірник наукових праць. Полтава.
- Роздобудько М.В., Тетеря Д.А., 1997. – Матеріали до датування переяславських "змійових" валів // Археологія. № 3.
- Розен В., 1878. – Известия Ал-Бекри о славянах и их соседях // Куник А., Розен В. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб. Т. 1.
- Роспнд С., 1972. – Структура и стратиграфия древнерусских топонимов, 1 // Восточнославянская ономастика. М.
- РЭС. – Российский энциклопедический словарь. М., 2001. Кн. 1.
- Россинский С.С., 1981. – Об оборонительных сооружениях на городищах днепровского Левобережья (VIII–X вв.) // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: тез. докл. Киев.
- Россия начала XVII в., 1982. – Россия начала XVII в.: записки капитана Маржерета. М.
- Русанова И.П., 1993. – Хлебные печи у славян // Археология и история юго-востока Древней Руси: (материалы науч. конф.). Воронеж.
- Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1981. – Древнерусское Поднестровье. Ужгород.
- Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1993. – Языческие святилища древних славян. М.
- Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1998. – Религиозное "двоеверие" на Руси в XI–XIII вв.: (по материалам городищ-святилищ) // Культура славян и Руси. М.
- Рыбаков Б.А., 1949. – Раскопки в Звенигороде (1943–1945 гг.) // Материалы и исследования по археологии Москвы. М.; Л. – (МИА. № 12).
- Рыбаков Б.А., 1951. – Вщиж – удельный город XII века // КСИИМК. Вып. ХLI.
- Рыбаков Б.А., 1953. – Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур: Киевская Русь. М.
- Рыбаков Б.А., 1960. – Раскопки в Любече в 1957 г. // КСИИМК. Вып. 79.
- Рыбаков Б.А., 1964. – Любеч – феодальный двор Мономаха и Ольговичей // КСИА. Вып. 99.
- Рыбаков Б.А., 1965. – Владимировы крепости на Стугне // КСИА. Вып. 100.
- Рыбаков Б.А., 1966. – "Застава богатырская" на Стугне // Города Феодальной России: Сборник статей памяти Н.В. Устюгова. М.
- Рыбаков Б.А., 1967. – Торческ – город черных клобуков // АО 1966 г. М.
- Рыбаков Б.А., 1969. – Путь из Булгара в Киев // Древности Восточной Европы. М.
- Рыбаков Б.А., 1971. – "Слово о полку Игореве" и его современники. М.
- Рыбаков Б.А., 1982. – Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.
- Рыбаков Б.А., 1985. – Замок // Древняя Русь: Город. Замок. Село. М. – (Археология СССР).

- Рычка В.*, 2005. – Чью славу переял Переяслав ? // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький Державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди. Вип. 16: Збірник наукових статей, присвячений пам'яті В.В. Седова. Переяславль-Хмельницький.
- Сага об Эймунде // Рьдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978.
- Сагайдак М.А.*, 1984. – К вопросу о Лядских воротах древнего Киева // Древнерусский город: (материалы Всесоюз. археологич. конф., посвящ. 1500-летию г. Киева). Киев.
- Сагайдак М.А.*, 1991. – Давньокиївський Поділ. Проблеми топографії, стратиграфії, хронології. Київ.
- Самойловський І.М.*, 1971. – Переяславські змійові вали // Український історичний журнал. № 3.
- Самоковасов Д.Я.*, 1873. – Древние города России. СПб.
- Саркисиан Г.А.*, 1966. – Фортификационное строительство (замки) // всеобщая история архитектуры: В 12 т. Л.; М. Т. 4.
- Саркисиан Г.А.*, 1966а. – Фортификационное строительство крестоносцев // Всеобщая история архитектуры: В 12 т. Т. 4.
- Свердлов М.Б.*, 1989. – Письмо Бруно Кверфуртского к королю Генриху II // Латиноязычные источники по истории Древней Руси. М.; Л.
- Свешников И.К.*, 1990. – Галич // АПВЗ. Киев.
- Свешников И.К.*, 1990а. – Звенигород // АПВЗ. Киев.
- Свешников И.К.*, 1990б. – Перемышль // АПВЗ. Киев.
- Свешников И.К.*, 1990в. – Тербоволь // АПВЗ. Киев.
- Свод древнейших..., 1995. – Свод древнейших письменных известий о славянах. М. Т. 2: VII–IX вв.
- Седов В.В.*, 1960. – Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) // МИА. № 92.
- Седов В.В.*, 2002. – Некоторые результаты археологического изучения Изборска // Археологические статьи и материалы: сборник участников Великой Отечественной войны. Тула.
- Седов В.В.*, 2002а. – Изборск – протогород. М.
- Седова М.В.*, 1978. – Ярополч Залесский. М.
- Седова М.В.*, 1997. – Суздаль в X–XV веках. М.
- Семенова-Тян-Шанская А.М.*, 1957. – Изменение растительного покрова лесостепи русской равнины в XVI–XVIII вв. под влиянием деятельности человека // Ботанический журнал. Т. XLII, № 3.
- Серов О.В.*, 1997. – Давньоруські селища X – середини XIII ст. Київського Подніпров'я // Південноруське село IX–XIII ст.: (нові пам'ятки матеріальної культури). Київ.
- Синельников Н.П.*, 1926. – Сельское водоснабжение. М.
- СлРЯ, – Словарь русского языка XI–XVII вв. М. 1975. Вып. 2; 1977. Вып. 4; 1978. Вып. 5; 1980. Вып. 7; 1983. Вып. 10; 1987. Вып. 12; 1987. Вып. 13.
- СРЯ, – Словарь русского языка, составленный вторым Отделением Императорской Академии Наук. СПб. 1891. Т. 1.
- Слово..., 1950. – Слово о полку Игореве / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.
- Смиленко А.Т., Юренко С.П.*, 1990. – Территория распространения, категории памятников, топография, планировка // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев.
- Смиленко А.Т., Юренко С.П.*, 1990а. – Типы жилищ и хозяйственных построек // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев.

- Смирнов А.П.*, 1981. – Волжская Болгария // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. – (Археология СССР).
- Советская историческая энциклопедия. 1961. Т. 1. М.
- Спарро Р.П.*, 1908. – Атлас чертежей водосливов и водоспусков при плотинах и колодцах для водоснабжения деревни. М.
- Спутник по Днепру..., 1909. – Спутник по Днепру и его притокам. Киев.
- Срезневский В.И.*, 1897. – Память и похвала князю Владимиру и его Житие по списку 1494 г. // Записки Императорской Академии Наук по историко-филологическому отделу. СПб. Т. 1, № 6.
- Срезневский И.И.* – Материалы для словаря древнерусского языка. СПб. 1983. Т. I; 1895. Т. II; 1903. Т. III.
- Стародуб О.В.*, 1991. – Нові давньоруські пам'ятники Середнього Поросся // Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини: тези доповідей. Київ.
- Старчук І.Д.*, 1955. – Розкопки на городищі Плісесько в 1949 р. // АП УРСР. Київ. Т. V.
- Стефанович В.*, 1935. – З археологічних розвідкових розкопок 1913 р. в Києві // Наукові записки Інститута історії матеріальної культури. Київ. Кн. 5–6.
- Стороженко А.В.*, 1900. – Очерки Переяславской старины. Киев.
- Стратегика императора Никифора, 1908. – Записки Императорской Академии Наук по историко-филологическому отделению. СПб. Т. VII.
- Стрижак О.С.*, 1963. – Назви річок Полтавщини. Київ.
- Сухобоков О.В.*, 1975. – Славяне днепровского Левобережья. Киев.
- Сухобоков О.В.*, 1980. – Исследование и опыт реконструкции оборонительных сооружений роменско-древнерусских городищ днепровского Левобережья // Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг.: тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР. Днепропетровск.
- Сухобоков О.В.*, 1984. – К возникновению и ранней истории Путивля // Древнерусский город: (материалы Всесоюзной археологич. конф., посвящ. 1500-летию г. Киева). Киев.
- Сухобоков О.В.*, 1990. – Древнерусский Путивль и его округа. Путивль.
- Сухобоков О.В.*, 1992. – Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст.: (за матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр.). Київ.
- Таннер Б.*, 1891. – Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. М.
- Тарабрин И.М.*, 1916. – Лицевой букварь Кариона Истомина // Древности. М. – (Труды МАО. Т. 25).
- Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л. 1963. Т. 2; 1964. Т. 4.
- Тверская летопись. – ПСРЛ. М., 1963. Т. 11.
- Тельнов Н.П.*, 1995. – О славянских городищах в Молдавии // Фортификация в древности и средневековье: (материалы методологического семинара ИИМК). СПб., 1995.
- Терещук К.І.*, 1976. – До питання про локалізацію Болоховської землі // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ.
- Терский-Шеломенцев В.С.*, 1990. – Перемышль // АПВЗ. Киев.
- Терский-Шеломенцев В.С.*, 1990а. – Пересопница // АПВЗ. Киев.
- Терський С.*, 2002. – Археологія доби Галицько-Волинської держави. Львів.
- Тимошук Б.А.*, 1955. – Древнерусские поселения Северной Буковины // КСИИМК. Вып. 57.
- Тимошук Б.А.*, 1967. – Оборонительный вал XII–XIII вв. Ленковецкого городища // КСИА. Вып. 110.

- Тимощук Б.О.*, 1971. – Дослідження давньоруського городища Дарабани-Щовб // Середні віки на Україні. Київ. Вип. 1.
- Тимощук Б.О.*, 1975. – Слов'янські гради Північної Буковини. Ужгород.
- Тимощук Б.О.*, 1982. – Давньоруська Буковина: (X – перша половина XIV ст.). Київ.
- Тимощук Б.А.*, 1988. – Исследования в Тереховле // АО 1986 г. М.
- Тимощук Б.А.*, 1989. – Археологические признаки восточнославянских городищ-убежищ // КСИА. Вып. 195.
- Тимощук Б.А.*, 1990. – Василев // АПВЗ. Киев.
- Тимощук Б.А.*, 1990а. – Восточные хорваты // VI Международный конгресс славянской археологии: тез. докл. М.
- Тимощук Б.А.*, 1990б. – Черновцы // АПВЗ. Киев.
- Тимощук Б.А.*, 1995. – Восточные славяне: от общины к городам. М.
- Тихомиров М.Н.*, 1956. – Древнерусские города. М.
- Ткачев М.А.* и др., 1987. – *Ткачев М.А., Колединский Л.В., Бубулько Т.С.* Средневековый Витебск // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М. Т. 3, вып. 16. Секция V.
- Токарский Ю.Н.*, 1984. – К вопросу об инженерной реконструкции механизма подъема моста древнерусского города // Древнерусский город: (материалы Всесоюз. археологич. конф., посвящ. 1500-летию г. Киева). Киев.
- Токарский Ю.Н.*, 1996. – Інженерна реконструкція механізму підйому мосту давньоруської фортеці Тустань // Рожко М.Ф. Тустань – давньоруська наскельна фортеця. Київ.
- Толочко П.П.*, 1975. – Киевская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.
- Толочко П.П.*, 1987. – Древняя Русь. Киев.
- Толочко П.П.*, 1996. – Володимир Святий. Ярослав Мудрий. Київ.
- Толочко П.П.*, 1999. – Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев.
- Топальський В.Л.*, 2004. – В'їзди й ворота на давньоруських дерев'яно-земляних городищах // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст.: Збірка наукових праць. Київ.
- Трубочев О.Н.*, 1968. – Названия рек Правобережной Украины. М.
- Тугай А.М., Прокопчук И.Т.*, 1990. – Водоснабжение из подземных источников. Киев.
- Тыниссон Э.Ю.*, 1988. – Городища Эстонии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Тыпкова-Заимова В.*, 1978. – Тюркские кочевники, византийская администрация и местное население на Нижнем Дунае (XI–XII вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М.
- УССР, 1979. – Украинская ССР: административно-территориальное деление на 1 января 1979 г. Киев.
- Устюжская летопись. – Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950.
- Фальковский Н.И.*, 1947. – История водоснабжения в России. М.; Л.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М. 1964. Т. 1; 1967. Т. 2; 1971. Т. 3; 1973. Т. 4.
- Фахрутдинов Р.Г.*, 1969. – Новые археологические памятники Волжской Булгарии в Закамской Татарии // СА. № 1.
- Федоров Г.Б.*, 1953. – Городище Екимауцы: (работа Славяно-Днепровской экспедиции в 1951 г.) // КСИИМК. Вып. 50.
- Федоров Г.Б.*, 1964. – Работа Прутско-Днепровской археолого-этнографической экспедиции в 1962 году // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея в 1962 г. Одесса.

- Федоров Г.Б.*, 1968. – Работа Прутско-Днестровской экспедиции в 1963 г. // КСИА. Вып. 113.
- Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф.*, 1974. – Памятники древних славян. Кишинев.
- Федоров-Давыдов Г.А.*, 1966. – Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Феофан*, 1980. – Хронография // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: "Хронография" Феофана, "Бревиарий" Никифора. М.
- Феофилакт Симокатта*, 1957. – История. М.
- Филарет*, 1874. – Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Чернигов. Кн. 6.
- Флавий И.*, 1996. – Иудейская война. М.; Иерусалим.
- Фриде М.А.*, 1924. – Русские деревянные укрепления по древним литературным источникам // ИРАИМК. Л. Т. III.
- Хавлюк П.І.*, 1969. – Древньоруські городища на Південному Бузі // Слов'яно-руські старожитності. Київ.
- Харбова М.А.*, 1981. – Отбранителни съоружения в болгарското средновековие. София.
- Харламов В.А.*, 1991. – Исследование оборонительного вала Чучинского городища // Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини: тези доповідей. Київ.
- Хвойка В.В.*, 1913. – Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена. Киев.
- Хвольсон Д.А.*, 1869. – Известия о хазарах, бургасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах... Ибн-Дада. СПб.
- Холостенко М.В.*, 1965. – З історії зодчества Древньої Русі X ст. // Археологія. Т. XIX.
- Цезарь*, 1948. – Гальская война // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о гальской войне, о гражданской войне, об африканской войне. М.
- Черненко О.Є., Казаков А.Л.*, 2004. – Охоронні археологічні дослідження на Чернігівському посаді // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. Київ.
- Черных П.Я.*, 1994. – Историко-этимологический словарь современного русского языка. М. Т. I.
- Черчилль У.*, 2005. – Рождение Британии. Смоленск.
- Чеченов И.М.*, 1969. – Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик.
- Шалковский П.*, 1987. – Великоморавские городища Словакии // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М. Т. 1, вып. 26. Секция II.
- Шарифуллин Р.Ф.*, 1979. – Колодцы центра Билярского городища // Новое в археологии Поволжья. Казань.
- Шахматов А.А.*, 2001. – Разыскания о русских летописях. М.
- Шараневич И.*, 1863. – История галицко-володимерской Руси от найдавніших времен до року 1453. Львов.
- Шелгунов Н.*, 1857. – История русского лесного законодательства. СПб.
- Шенников А.А.*, 1974. – О значениях термина "вежа" // Культура средневековой Руси. Л.
- Шинаков Е.А.*, 1995. – От пращи до скрамасака: на пути к державе Рюриковичей. Брянск; СПб.
- Шперк В.Ф.*, 1940. – Фортификация: очерки истории и развития. М.
- Шрамко Б.А.*, 1962. – Древности Северского Донца. Харьков.
- Шрамко Б.А.*, 1967. – Исследование лесостепной полосы УССР // АО 1966 г. М.
- Штаден Г.*, 1925. – О Москве Ивана Грозного: записки немца опричника. Л.
- Штокман В.В.*, 1973. – История Англии в средние века. Л.

- Штыхов Г.В.*, 1986. – Ворота XII в. в Минске // *Метрострой*. № 6.
- Шуази О.*, 1937. – Военная архитектура в средние века // *История архитектуры*. М. Т. 2.
- Щеглов А.Н.*, 1982. – Об определении высоты построек по развалам сырцовых стен // *КСИА*. Вып. 172.
- ЭСРЯ*. – Этимологический словарь русского языка / под ред. Н.М. Шанского. М. 1968. Т. 1, вып. 3.
- Юра Р.О.*, 1962. – Древний Колодажин // *АП УРСР*. Т. XII.
- Юра Р.А., Коваленко В.П.*, 1986. – Любеч // *Археология Украинской ССР*. Киев. Т. 3.
- Юра Р.А., Кучера М.П.*, 1986. – Воишь // *Археология Украинской ССР*. Киев. Т. 3.
- Юра Р.А., Кучера М.П.*, 1986а. – Переяславль // *Археология Украинской ССР*. Киев. Т. 3.
- Яворницький Д.І.*, 1990. – Історія запорізьких козаків. Київ. Т. 1.
- Яковлев А.*, 1916. – Засечная черта Московского государства в XVII в. // *Записки Отделения русской и славянской археологии*. Т. XIII. М.
- Яковлев В.*, 1939. – Эволюция долговременной фортификации. М.
- Якубовський В.І.*, 1972. – Розкопки на північному Поділлі // *АДУ* 1969 р. Київ. Вип. IV.
- Якубовський В.І.*, 2003. – Скарби Болохівської землі. Кам'янець-Подільський.
- Bonvallet S.*, 2000. – Hadrian's Wall Photographs // www.hadrians.com/rome/romans/emperors/hadrians_wall_photographs.html
- Chadwick N.K.*, 1963. – Celtic Britain. L.
- Hensel W.*, 1971. – Archeologia i prahistoria: Studia i szkice. Wroclaw.
- Herrmann J.*, 1966. – Tornow und Vorberg. B.
- Rizzi Zannoni*, 1772. – Carte de la Pologne. Центральная научная библиотека НАН Украины. Рукописный отдел. № С-3707.
- Słownik*, 1974. – *Bogdanowski J., Holcer Z., Kornecki M., Swaryczewski A.* Mały słownik terminologiczny dawnej architektury obronnej w Polsce // *Teka Komisji Urbanistyki i Architektury Oddziału Polskiej Akademii Nauk w Krakowie*. Kraków, 1974. Т. VIII.
- Toy S.*, 1955. – A history of fortification from 3000 B.C. to A.D. 1700. L.
- Wartołowska Z.*, 1958. – Gród czerwieński Sutiejsk na pograniczu polsko – ruskim // *Światowit: (Rocznik katedry archeologii pierwotnej i wczesnośrednio-wiecznej uniwersytetu Warszawskiego)*. Т. XXII. Warszawa, 1958. – (Uniwersytet Warszawski).

Архивные и фондовые материалы

- Белозерский Н.М.*, 1884. – О змиевых и других валах. ЦНБ. Рукописный отдел. № I. 7854-а.
- Гончаров В.К.*, 1956. – Коллекция находок с городища Палянивщина (с. Жовнино) // *Фонды ИА НАНУ. Коллекция № 338*.
- Довженок В.И.*, 1957. – Коллекция находок с городища Палянивщина (с. Жовнино) // *Фонды ИА НАНУ. Коллекция № 375*.
- Зорин А.В.* Отчет 2002 г. – *Зорин А.В.* Отчет об охранных раскопках городища у с. Капыстичи Рильского района Курской области в 2001 г. // *Архив ИА РАН. Р-1. № 24421*.
- Куза А.В.* Отчет 1974 г. – *Куза А.В.* Отчет о работах суджанского отряда на Большом Горнальском городище летом 1972–1973 гг. // *Научный архив ИА РАН. Р-1. № 7362, 7362а*.

- Кучера М.П.* Отчет 1986 г. – Отчет об исследованиях змиевых валов на Суле в 1986 г. // Научный архив ИА НАНУ. Фонд экспедиций. 1986/10. № 2186.
- Кучера М.П.* Отчет 1987 г. – Отчет о работе экспедиции по исследованию змиевых валов в 1987 г. // Научный архив ИА НАНУ. Фонд экспедиций. 1987/12. № 22425.
- Лисий И.А.* Звіт 1975. – Звіт про обстеження курганів, городищ і оборонних валів Конопщини // Научный архив ИА НАНУ. Фонд экспедиций. 1975/61. № 7666.
- Моргунов Ю.Ю.* Отчет 1995. – Отчет о работе Старорязанской экспедиции ИА РАН на Северном городище в с. Старая Рязань (Спасский р-н Рязанской обл.) в 1994 г. // Архив ИА РАН. Фонд 1. Р-1. № 23120.
- Моргунов Ю.Ю., Неприна В.И., Супруненко А.Б.* Отчет 1984 г. – Отчет Посульской комплексной экспедиции институтов археологии АН СССР, АН УССР и Полтавского областного краеведческого музея о раскопках и разведках в Лубенском р-оне Полтавской области в 1984 г. // Научный архив ИА НАНУ. Фонд экспедиций. 1984/51. № 2436.
- Моргунов Ю.Ю., Неприна В.И.,* 1985. – Отчет Посульской комплексной экспедиции ИА АН СССР и ИА АН УССР о раскопках в Лубенском районе Полтавской обл. в 1985 г. // Научный архив ИА НАНУ. Фонд экспедиций. 1985/22. № 2732.
- Юра Р.А.* Отчет 1956. – Отчет разведотряда Кременчугской древнерусской экспедиции ИА АН УССР за 1956 г. // Научный архив ИА НАНУ. Фонд экспедиций. 1956/3. № 2775.

Список сокращений

- АВУ – Археологічні відкриття в Україні
АДУ – Археологічні дослідження на Україні
АИУ – Археологические исследования на Украине
АКР – Археологическая карта России
АЛЛУ – Археологічний літопис Лівобережної України
АН – Академия Наук
АО – Археологические открытия
АП УРСР – Археологічні пам'ятки УРСР
АПВЗ – Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья
АППВ – Археологічні пам'ятки Прикарпаття і Волині ранньослов'янського і давньоруського періодів
ВАН УРСР – Вісник Академії Наук УРСР
ВГ – Вопросы географии
ВДИ – Вестник древней истории
ВОД – Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии
ДГ – Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования
ДПСР – Древнерусские поселения Среднего Поднепровья
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной Академии наук Украины
ИАК – Известия археологической комиссии
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИКДР – История культуры Древней Руси
ИРАИМК – Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИРУ – История Руси-Украины (историко-археологічний збірник)
КС – Киевская Старина
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИА АН УССР – Краткие сообщения Академии наук УССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института историчн материальной культуры
МДАВП – Матеріали і дослідження по археології Волині і Поділля
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НА – Научный архив
НАНУ – Национальная Академия наук
НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
ПВЛ – Повесть временных лет
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
РЭС – Российский энциклопедический словарь
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв.
СРЯ – Словарь русского языка, составленный вторым Отделением Императорской Академии Наук
ТИАС – Тезисы историко-археологического семинара “Чернигов и его округа в IX–XIII вв.”
ЧОНЛ – Чтения в Историческом обществе Нестора летописца
ЭСРЯ – Этимологический словарь русского языка

Содержание

Введение	3
История изучения древних укреплений и оценка источников	7
Типы укреплений и их защитных элементов	17
Устройство важнейших защитных атрибутов	25
Оборонительные свойства валов и крепостных стен	52
Валы как руины крепостных стен по археологическим данным	72
Другие крепостные атрибуты	111
Нетипичные формы крепостной защиты.....	163
Линейные укрепления	199
Летописные и археологические сведения о применении вспомогательных и временных укреплений	232
Основные вехи сложения южнорусской фортификации X–XIII веков.....	241
Приложение 1. Основные сведения об упомянутых в тексте древнерусских памят- никах	251
Приложение 2. Киевский "вал Ярослава".....	262
Приложение 3. О применении "косых острогов" в X веке.....	266
Приложение 4. Распределение "степных" защитных элементов на южнорусских городищах	278
Литература	281
Список сокращений	302

Научное издание

Моргунов Юрий Юрьевич

**Древо-земляные
укрепления
Южной Руси
X–XIII веков**

*Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук*

*Заведующая редакцией Н.Л. Петрова
Редактор Г.В. Шевцова
Художник В.Ю. Яковлев
Художественный редактор Т.В. Болотина
Технический редактор Т.В. Жмелькова
Корректоры З.Д. Алексеева, Т.А. Печко*

Подписано к печати 23.09.2009. Формат 70 × 90 ¹/₁₆
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 22,2. Усл.кр.-отг. 22,8. Уч.-изд.л. 25,0
Тираж 800 экз. (РНФ – 300 экз.). Тип. зак. 1838

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва, Шубинский пер., 6